

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории Средних веков

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XXXVI Всероссийской межвузовской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(12–14 декабря 2016 г.)

Часть II

Санкт-Петербург
2016

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
П 78

Редакционная коллегия

д.и.н., проф. *Г. Е. Лебедева* (отв. редактор); д.и.н., проф. *А. Ю. Прокопьев*;
к.и.н., доц. *М. И. Дмитриева*; к.и.н., доц. *В. В. Шишкин*;
к.и.н., ст. пр. *Е. А. Мехмадиев* (отв. секретарь), *А. В. Мигунова*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ, проект № 16-01-14005 «Организация и проведение
Всероссийской конференции студентов, аспирантов
и молодых ученых “Курбатовские чтения-XXXVI”»*

П 78 Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVI Всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 декабря 2016 г.). / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Часть II. СПб.: ООО «ИД «ПРАВО», 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-904836-16-0
ISBN 978-5-904836-14-6 (ч. II)

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

*В оформлении обложки использован автопортрет Рафаэля Санти.
1506 год. Галерея Уфици. Флоренция*

ISBN 978-5-904836-14-6 (ч. II)
ISBN 978-5-904836-16-0

© Авторы статей, 2016
© Г. Е. Лебедева, отв. редактор, 2016
© Институт истории С.-Петербург. гос. ун-та, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ — ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

<i>Александрова М. А.</i> Т. Грэшем на страже финансовой репутации английских монархов в середине XVI века.....	6
<i>Астахов М. А.</i> Мирные договоры в истории дипломатических отношений Арагонской Короны и Гранадского эмирата во второй половине XIV — первой половине XV века.....	13
<i>Беленький С. Б.</i> Борьба Альфонсо X Мудрого за престол Священной Римской империи. Историографический аспект.....	34
<i>Белоруссова Т. Е.</i> Внешняя политика сеньоров Монпелье в первой половине XII века.....	69
<i>Волкова Ю. А.</i> Забытый вклад в развитие гуманизма: наследие Джона Фишера.	81
<i>Головченко Н. В.</i> Заморское путешествие Фридриха III Мудрого в Иерусалим.....	90
<i>Данилов И. А.</i> Практика имянаречения у саксонской рыцарской знати в Конфессиональную эпоху (на примере родов Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг).....	102
<i>Долженков А. А.</i> Норвежская знать и королевская власть в правление Олава Святого (1015–1029 гг.).....	116
<i>Каунов Д. А.</i> Условия и механизмы конструирования и распространения протестантской религиозной идентичности в Европе в периоды позднего Средневековья и раннего Нового времени.....	131
<i>Кубья Е. В.</i> Болонский университет в конце XII — середине XIII века по данным «CHARTULARIUM STUDI BONONENSIS».....	141
<i>Лурье З. А.</i> Теренций в гуманистической традиции.....	165
<i>Медведь А. О.</i> Фабиан фон Дона: французские религиозные войны в представлении немецкого дворянина.....	172
<i>Мигунова А. В.</i> Обретение «нового дома»: дворянская эмиграция и Тридцатилетняя война.....	182

<i>Силина О. С.</i> Конфликты между братьями ордена миноритов и духовенством Англии в XIII века	193
<i>Терешкова Л. В.</i> «Право на восстание»: дворянский мятеж как форма оппозиции королевской власти (во Франции XVII в.).....	204

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ИДЕИ, ЦЕННОСТИ**

<i>Бурина О. А.</i> Преподавание хирургии в университете Монпелье XVI века по воспоминаниям Феликса Платтера	214
<i>Крылова Д. Д.</i> Социальное значение феномена одержимости в Англии XVI–XVII веков	222
<i>Латшаков Г. С.</i> Политическая философия византийских гуманистов	237
<i>Тян Е. К.</i> «Демонология» в контексте религиозных воззрений короля Якова I Стюарта	246
<i>Хазова М. П.</i> Космология и антропология в текстах Шартрской школы	356
<i>Шмелева О. Е.</i> Законодательство английского парламента эпохи Реставрации по отношению к религиозным меньшинствам	266
АННОТАЦИИ/SUMMARIES	274
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ/AUTHORS.....	284

**ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ —
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА**

Александрова М. А.

МГУ им. М. В. Ломоносова/НИУ «Высшая школа экономики»

Т. ГРЭШЕМ НА СТРАЖЕ ФИНАНСОВОЙ РЕПУТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ МОНАРХОВ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Средневековые изобилуют историями о банкротствах финансистов [1]. Эти случаи были обусловлены, в частности, тем, что экономические права купцов никак не гарантировались и относились к сфере, которая осуждалась каноническим правом. К XVI в. статус торговой и финансовой деятельности изменился, в Европе иначе теперь относились и к купцам. Например, банкротства испанского короля Филиппа II уже не приводили к казни, изгнанию или полному разорению финансистов, как раньше, а означали реструктуризацию долга [2]. В этот период у некоторых монархов были свои агенты, которые вели переговоры с кредиторами и управляли королевским долгом на биржах, ставших в XVI в. центрами финансовой жизни в Европе. Например, во Франции королям служил купец Альбицци дель Бене [3], английским монархам — купец Томас Грэшем [4; 5]. Финансовые практики монархов менялись в сторону усвоения купеческих приемов, однако этот процесс шел довольно медленно. К таким усваиваемым практикам относится, в частности, забота о финансовой репутации монарха, поскольку от нее все больше зависел доступ к финансовым ресурсам, который становился важной категорией в политической жизни европейских королевств. В XVI в. в этом особенно преуспели английские правители. Немаловажную роль здесь сыграл английский королевский финансовый агент в Нидерландах Т. Грэшем (1519?–1579). В архивах сохранилась довольно обширная переписка [6; 7; 8; 9] его с английскими государственными деятелями и правителями, перед которыми он отчитывался. Из этих писем мы можем узнать, как столкнулись две парадигмы мышления, монаршая, где есть абсолютный монарх, выше которого только закон и Бог, и купеческая, где появляется еще одно измерение — экономическое, и его законы не подчиняются ни монарху, ни даже Богу.

В переписке Т. Грэшем много раз касался темы репутации монарха. Для ее обозначения использовался практически исключительно термин «credit». Кредит — это всегда был кредит доверия, или репутация, при-

чем именно в финансовой сфере. Лишь изредка «credit» употреблялся и в значении собственно займа [4, Р. 118].

В 1550–1560-е гг. Т. Грэшем искал возможности займов для английской короны, главным образом, на антверпенской бирже [9], так как именно здесь сосредотачивались все местные купцы и представители финансистов из других регионов, включая общеизвестных Фуггеров и Шетцей. Также здесь концентрировалась информация обо всех «игроках рынка».

В статье рассматривается, на каких видах информации строилась финансовая репутация английских монархов на антверпенской бирже и какими способами Т. Грэшем мог ею управлять.

Первый тип информации, который мог помешать нахождению кредита, — сообщения о нестабильности и волнениях внутри королевства. В феврале 1553(4) года Т. Грэшем должен был получить от купца М. Деодати первую часть займа, о котором они договорились накануне. Однако платеж не состоялся из-за вестей о том, что 20 000 пехотинцев во главе с Т. Уайеттом находились в Блэкхите на подступах к Лондону. Восстание Т. Уайетта угрожало королеве, так как в случае его успеха судьба короны могла решиться не в ее пользу. Для финансистов это имело большое значение не только потому, что свидетельствовало о нестабильности внутри королевства и ставило под угрозу его доходы, из которых возвращались долги, но и потому, что смена монарха, причем нелегитимным способом, могла привести к тому, что финансовые документы за подписью королевы, гарантировавшие возврат долга, стали бы недействительными, и был велик риск того, что кредиторы не получили бы уже одолженных денег обратно. Т. Грэшем сетовал в письмах на то, что королева, и город Лондон, и вся нация [т. е. английские купцы], напрочь лишены доверия здесь [are clean out of credit here], т. е. на антверпенской бирже, и невозможно получить никаких денег, пока страна находится в таком положении [6, N 146, P. 55–56].

Известно, что, когда новости о подавлении восстания достигли Антверпена, английские купцы от радости разливали вино и устроили фейерверки и стрельбу из ружей на улицах города, а также раздали бедным 100 крон. Т. Грэшем молил Бога о том, чтобы больше не было восстаний, поскольку новости о них приводили к лишению королевы доверия [6, N 150, P. 57].

Источники сообщают, что нежелание кредиторов одалживать деньги английской королеве было также вызвано, например, известиями об отлучении Англии и Шотландии от церкви и о большой победе Франции над Шотландией [8, N 617, P. 308–310].

Зависимость от распространения сведений о ситуации в королевстве была удручающей для Т. Грэшема и как для купца, и как для королевского финансового агента. Как купец, он ничего не мог с этим поделать, но как агент, — рассчитывал повлиять на это, о чем мы узнаем из его советов государственному секретарю У. Сесилу. В частности, в январе 1560 г. Т. Грэшем писал У. Сесилу, чтобы тот убедил королеву немедленно отлить 30 или 40 пушек, продемонстрировав готовность Англии к войне и защите своих интересов. С той же целью он предлагал тренировать ополченцев по всему королевству в праздничные дни, причем обучать их владеть легким огнестрельным оружием по последнему слову военного дела. Важно, что забота Т. Грэшема была не о безопасности королевства, а о том, чтобы соответствующая информация, «разнесясь по всему христианскому миру, всех ужаснула бы» [8, N 617, P. 308–310]. Предложения Т. Грэшема не были приняты к реализации, однако они показывают, как купец в XVI в. представлял заслуживающий доверия на бирже образ королевства.

Второй тип информации, которая могла оказаться неблагоприятной для заемщика, — это его «кредитная история». В XVI в. этот параметр стал релевантным и для правителей, что очевидно было новым явлением, так как Т. Грэшему довольно часто приходилось повторять в своих письмах, что не стоит забывать возвращать долги [6, N 429, P. 193; N 430, P. 193; 9, N 51, P. 28–29], причем делать это нужно своевременно.

В биржевой практике XVI в. существовала опция продления займов. Если заемщик не успевал осуществить платеж в срок, он мог его пролонгировать, т. е. отсрочить выплату с учетом дополнительного процента. Английские правители рассчитывали на то, что Т. Грэшем всегда сможет договориться о продлении займа. Т. Грэшем, напротив, стремился всячески избежать пролонгации, поскольку был уверен, что это вредит финансовой репутации.

В письме к герцогу Нортумберленду от 21 августа 1553 г. Т. Грэшем писал: «И если говорить начистоту Вашей милости в этом деле, я был вынужден высказать свое собственное [мнение], что эти деньги должны возвращаться в оговоренный день, иначе его величество [король Эдуард VI (1547–1553)] никогда бы их не получил» («And to be playne with your Grace in this matter, I was fayne to give forth my owne [word] that this monny.shuld be paid at the just daye, or else the King's Majesty could never have hadd yt» — Cott. MS. Galba. B. xii. f. 209, 12, 10, and 11, цит. по [4, P. 91]). Здесь Т. Грэшем пытался объяснить принцип: нам дают в долг, если видят, что мы заботимся о том, чтобы возвращать долги. Он также прямо высказывался о пролонгации долгов: «...если не будут приняты какие-нибудь другие меры для выплаты долгов короля, кроме как заставлять людей

время от времени продлевать их, говорю Вам, конец этому будет бесчестный и разорительный для его Величества» («...if there be not some other ways takynne for the payment of his Majesty's detts, but to force men from tyme to tyme to prolong yt, I say to you, the end thereof shall neyther be honnorable nor profitable to his Highness» — Cott. MS. Galba. B. xii. f. 209, 12, 10, and 11, цит. по [4, Р. 91]). Разорительный — так как любое продление влекло за собой выплату дополнительных процентов.

19 августа 1555 г. Т. Грэшем отправил королеве Марии Тюдор (1553–1558) перечень дней платежей и имена кредиторов, напоминая о приближающихся платежах. Он не преминул добавить, что следить за своевременностью выплат — одна из его важнейших забот для сохранения кредита доверия королевы, и если она сохранит его сейчас, то превзойдет в нем всех государей. Он писал, что ни один правитель из ныне здравствующих не может получить столько кредита за пределами своих владений, сколько она, и столько же она и будет получать, если следить за этим.... Т. Грэшем просил королеву призвать членов Тайного совета принять меры, чтобы ее платеж в октябре этого года был бы осуществлен [6, N 403, Р. 181].

Иногда из-за отсутствия платежей по займам ситуация на бирже обострялась. Сообщая государственному секретарю Боксоллу о том, что он договорился об отсрочке платежей, причитавшихся на ярмарке в мае (1558 г.) до 15 августа (на 3 месяца), Т. Грэшем добавлял, что это станет большим препятствием к дальнейшим займам королевы, поскольку платежей не было здесь вот уже 8 месяцев, сколько-нибудь крупные купцы вывели свои деньги из Антверпена [6, N 771, Р. 376]. В другом письме он добавлял, что, если допустить пролонгацию на ярмарке, то найти деньги под процент будет нельзя [6, N 779, Р. 377–378].

Если обстоятельства были действительно сложными и в Англии не находилось источника, из которого можно было бы осуществить очередной платеж в срок, Т. Грэшем на свой страх и риск стремился найти альтернативный источник хотя бы для части суммы, которую его правители требовали от него пролонгировать [4, Р. 90]. В феврале 1555(6) г. Т. Грэшему пришлось отсрочить выплату существенной части займа. Сначала он пролонгировал выплату суммы в 40 000 фунтов, и совет требовал от него пролонгировать еще 30 000 фунтов. Однако Т. Грэшем решил идти иным путем. Он использовал личные связи, и ему удалось взять у своего друга купца Арта ван Далле 15 000 фунтов под 7% на полгода. Этими 15 000 фунтов он хотел удовлетворить часть кредиторов, и писал королеве, что больше ничего продлить не получится, поэтому настаивал на сиюминутной выплате оставшихся 15 000 фунтов к удовольствию кредиторов ее

величества, что повысит ее репутацию [6, N 474, P. 211–212]. О дальнейшей судьбе запрошенных Т. Грэшемом 15 000 фунтов нет сведений, но это письмо только подтверждает отношение купца Т. Грэшема к несвоевременным платежам и его опасения, что при несоблюдении сроков деньги на бирже невозможно будет найти в дальнейшем.

Когда в королевстве не было средств для выплат по долгам, Т. Грэшем часто предлагал свой излюбленный способ: воспользоваться ресурсами английских купцов, зачастую без их согласия, чтобы не допускать ухудшения репутации королевы на «международном рынке» [11]. Так, на данном этапе можно зафиксировать, что «международный рынок» выходил из-под контроля верховных правителей, тогда как внутренний рынок еще не признавался работающим по своим законам и не зависящим от воли определенных людей.

В елизаветинское время Т. Грэшему реже приходилось напоминать о необходимости соблюдения сроков платежей. Напротив, он получал инструкции по займам с учетом требований к поддержанию репутации на достойном уровне.

Когда в правление Елизаветы I (1558–1603) Т. Грэшему было поручено продлить по половине причитающихся к погашению займов на полгода [7, N 383, P. 161–162], в последующей инструкции было оговорено, что, если он не сможет сделать этого с сохранением ее кредита доверия, тогда он должен найти необходимую сумму. И приписка: он уже отсрочил выплаты достаточных сумм долга почившей королевы Марии [7, N 513, P. 207].

31 августа 1559 г. Т. Грэшем получил инструкцию тайно изучить настроения кредиторов, с кем можно договориться о продлении займа, а с кем нет, и вернуть из имеющихся на данный момент денег часть займов, но только тем кредиторам, погашение долгов которым послужит для сохранения ее кредита доверия. Предполагалось этим показать, что Т. Грэшем намеревался выплатить все в оговоренные дни, и если он увидит, что не может пролонгировать заем, он должен был занять у других и выплатить тем, кто не захочет продлевать. Далее в инструкции было обещано обеспечить Т. Грэшему еще 30 000 или 40 000 ф. до 21 октября, чтобы заплатить по займам, срок которых выходит до 20 ноября, и тем самым открыть Т. Грэшему возможность пролонгировать займы, сроки которых начинают подходить 20 ноября [7, N 1295, P. 517–518].

Т. Грэшем стремился поддерживать положительную репутацию королевы, чтобы финансисты сами несли к нему деньги. Есть большая разница в том, ищет ли человек деньги или их ему предлагают [6, N 111, P. 42]. Обеспечить функционирование этого принципа было для него желанной целью.

Когда Тайный совет просил не брать денег в долг, если только это не предложение на год, предполагалось, что Англии пойдет на пользу, «когда станет известно, что Т. Грэшем не жаден до денег, и из этого сделают вывод, что королеве не так уж и нужны деньги». Тем не менее Т. Грэшем должен был изловчиться так, чтобы купцы с деньгами клюнули на его приманку и предложили денег, если в Англии возникнет потребность в них (за этим следует комментарий, что Тайный совет не сомневался в превосходстве Т. Грэшема в этом деле) [6, N 785, P. 379–380]. Королевский агент заслужил такое доверие высших сановников королевства в том числе и потому, что заботился об этом с самого начала своей карьеры. О своем влиянии на репутацию среди банкиров короля Эдуарда VI Т. Грэшем писал в августе 1553 г.: «...доподлинно известно, что когда я вступил в должность, репутация его величества на той стороне [канала; на континенте] была плохой; и все же перед его смертью он пользовался таким доверием как у иностранцев, так и у его собственных купцов, что он мог получить любую сумму денег, которую пожелал бы» («...it is assuredly known, that when I toke this sarvis in hande, the Kinge's Majestie's credit on the other syde was small; and yet, afore his deathe, he was in such credit both with strangers and his own merchaunts, that he myght have had for what some of monny he had desyred» — Cott. MS. Otho. E. x. fol. 43, цит. по [4, P. 117]).

В письме от 21 августа 1553 г. к герцогу Нортгумберленду Т. Грэшем был вынужден высказать угрозы, что если король не примет мер по возвращению долга немецким финансистам Фуггерам и Шетцам, то ему придется уйти с должности королевского агента, потому что он опасается брать на себя позор ухудшения репутации короля, «тогда как в настоящее время его репутация лучше, чем у императора, что, молю Бога, продлится долго. Поскольку сейчас император предлагает 16 за сотню [процентов на заем], и все же не может найти денег» («In consideracyone whereof, if there be none other ways takynne forthewith, this ys to most humbly beseche your Grace, that I maye be dischargyd of this offyce of Agentshippe. For otherwise I see in the end I shall resseve shame and discredit therebye, to my utter undoing for ever: wyche ys the smallest matter of all, so that the King'd Majesty's [honour] and credit be not spotted therebye, and specially in a strange country; where as at this present his credit is better than the Emperor's, whyche I praye to the livinge God, long to contynew. For the Emperor geveth xvi per cento, and yet no monny to be gotten» — Cott. MS. Galba. B. xii. f. 209, 12, 10, and 11, цит. по [4, P. 92]).

Итак, насколько можно заключить из переписки Т. Грэшема, его главной заслугой было не то, что он находил надежные источники

средств для короны, а то, что он «научил» правителей и их советников внимательно относиться к финансовой репутации монарха и королевства и, кажется, убедил их в том, что от репутации зависел доступ к кредитным ресурсам. Если Эдуарду VI и Марии Тюдор еще приходилось регулярно напоминать о том, что это важно, то для елизаветинского времени можно констатировать, что связь между своевременными выплатами по долгам, финансовой репутацией королевы и ее королевства и доступом к финансовым ресурсам была усвоена на высочайшем уровне.

Описанная практика также косвенно свидетельствует о консолидации так называемого «международного рынка», который в данном случае охватывал Северо-Западный регион Европы с финансовым центром в Антверпене (до середины 1560-х гг.), поскольку, исходя из вышесказанного, мы можем констатировать, что с середины XVI в. этот рынок начинал диктовать свои условия, в том числе и правителям.

Список источников и использованной литературы

1. *Hunt E.S.* A New Look at the Dealings of the Bardi and Peruzzi with Edward III // *Journal of Economic History*. 1990. Vol. 50. N 1. P. 149–162.
2. *Drelichman M., Voth H.-J.* Lending to the Borrower from Hell: Debt, Taxes, and Default in the Age of Philip II. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2014.
3. *Baudouin-Matuszek M.-N., Ouyarov P.* Banque et pouvoir au XVIe siècle: La surintendance des finances d'Albisse Del Bene // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1991. Vol. 149. P. 253–256.
4. *Burgon J. W.* The life and times of Sir Thomas Gresham. London, 1839. Vol. 1.
5. *Burgon J. W.* The life and times of Sir Thomas Gresham. London, 1839. Vol. 2.
6. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Mary, 1553–1558 / Ed. by W. B. Turnbull. London, 1861.
7. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth I, 1558–1559 / Ed. by J. Stevenson. London, 1863. Vol. 1.
8. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth I, 1559–1560 / Ed. by J. Stevenson. London, 1865. Vol. 2.
9. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth I, 1560–1561 / Ed. by J. Stevenson. London, 1865. Vol. 3.
10. Van der Wee H. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy (Fourteenth-Sixteenth Centuries). 3 vols. Louvain, 1963.
11. Александрова М. А. Купцы и королевские займы в Англии середины XVI века в проектах Томаса Грэшема // *Средние века*. 2013. Т. 74. № 3–4. С. 172–203.

Астахов М. А.

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ В ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ АРАГОНСКОЙ КОРОНЫ И ГРАНАДСКОГО ЭМИРАТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

История Гранадского эмирата, последнего мусульманского государства, существовавшего на Пиренейском полуострове в 1238–1492 гг., долгое время не привлекала значительного внимания испанских и других западных историков. Гранада вписывалась в общий ход развития событий Реконкисты как финальная цель, «перезрелый фрукт», который должен был достаться победителю, как «мертворожденное дитя», курьез истории. Поэтому вплоть до 1970–1980-х гг. история взаимоотношений эмирата с христианскими соседями описывалась практически исключительно с позиций постоянных военных конфликтов, которые, согласно такой логике, в итоге привели к Гранадской войне (1482–1492) и окончанию мусульманского господства в Испании [1, Р. 315–317].

Ситуация стала изменяться с появлением первых крупных работ, по истории либо непосредственно Гранадского эмирата, либо уделяющих ему значительное внимание [2; 3]; публикацией дипломатических источников, позволяющих изучать взаимоотношения Гранады и Кастилии [3; 4; 5; 6; 7; 8], Арагонской Короны [9; 10; 11] и других государств; многочисленных работ, посвященных истории различных местностей и семейств, пограничному устройству христианских королевств, в которых так или иначе затрагивается проблема взаимоотношения с гранадцами [12; 13; 14; 15; 16]. Наблюдается постепенный отход от представлений о последних веках Реконкисты как исключительно времени непрерывных войн и конфликтов, вырабатывается более взвешенный подход. Однако, несмотря на большой интерес к Гранадскому эмирату по всему миру (Испании, Франции, Великобритании и США, а также в Португалии, Германии, Чехии и даже Японии), в его истории все еще остается множество лакун и недостаточно исследованных проблем, одной из которых являются внешние связи эмирата.

Важность изучения именно дипломатических отношений Гранады хорошо показана современной каталонской исследовательницей Р. Саликру-и-Льюк: «...не только его [Гранадского эмирата. — М. А.] конец... но также его рождение в качестве независимого государства... и, кроме того, само его продолжительное существование определяются, по большей части, через его взаимоотношения с христианскими миром» [17, Р. 63]. Действительно, активные внешние связи последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове в настоящее время считаются одной из важнейших, если не главной причиной его существования на протяжении более чем 250 лет после значительных успехов Реконксты в первой половине XIII в.

При постоянном давлении со стороны Кастилии, Гранада, как бы удачно в географическом плане она ни была расположена, не могла бы выстоять на протяжении столь долгого времени, учитывая к тому же частые внутренние междоусобные конфликты и не прекращавшуюся борьбу за трон. Сводить феномен длительного существования государства исключительно к внутренним раздорам в стане его врагов было бы непростительным упрощением, к которому часто прибегали историки первой половины XX в. Кроме того, это означало бы признание наличия во внешней политике Кастилии, Арагона и Португалии (основных участников Реконксты) единой определяющей цели — объединения усилий ради покорения Гранады, что легко опровергается даже при беглом взгляде на историю взаимоотношений этих трех христианских королевств.

Восприятие Гранадского эмирата как пассивного участника международных отношений на Пиренейском полуострове, как безропотного вассала Кастилии, которым он номинально стал после заключения Хаэнского трактата 1246 г., как некоего стороннего наблюдателя, спокойно ждущего своей участи, в корне неверно.

Мирный договор 1246 года действительно предполагал вассальную зависимость Гранады по отношению к Кастилии и периодическую выплату дани, но был заключен в условиях истощения сил обеих стран на беспрецедентный срок 20 лет [18, С. 486].

И Кастилии, и Гранаде тогда нужна была передышка для решения иных, внешних и внутренних проблем. В дальнейшем Гранада неоднократно отказывалась от выплат дани и обязанностей военной помощи Кастилии, вассальные обязательства мусульманского государства приходилось постоянно подтверждать в многочисленных мирных договорах с Кастилией на протяжении второй половины XIII — конца XV в. Это хорошо показано в статье испанского историка

Х. Л. де Кока Кастаньера: самое большое, на что могли рассчитывать кастильцы — это получение денежных выплат от Гранады, которое к тому же было не периодичным и не обходилось без конфликтных ситуаций. Ни о каком физическом присутствии мусульманского правителя при дворе кастильского короля и тем более обряде целования руки не могло быть и речи. Сам статус эмира, как духовного лидера правоверных мусульман, не позволял подобных путешествий и обрядов, а все выплаты оформлялись как «акт милости», своеобразной помощи соседу, со стороны мусульманского правителя [19, Р. 346]. Спорной представляется и какая-либо существенная военная помощь Гранады Кастилии.

О нелегком для Кастилии гранадском вассалитете ярко сказал дореволюционный российский, затем советский арабист А. Е. Крымский: *«Если в Кастилии все обстояло благополучно, гранадский эмир... оказывался покорнейшим вассалом неверного кастильского короля... Но как только где-нибудь к северу от Гвадалquivира, в христианской земле, происходило возмущение недовольной знати, или ссора из-за королевского престола, или иные волнения, то при этом нечего было сомневаться, что в карманах у смутьянов звенели полновесные золотые монеты с арабской пометкой: “Чеканено в аль-Хамре, в Гранадe” и с благочестивым обычным девизом: “Нет победителя кроме Аллаха”»* [20, С. 51].

Гранадские эмиры, таким образом, будучи лишь номинальными вассалами кастильских королей, активно участвовали в многосторонних дипломатических играх, в которых участниками, помимо Кастилии, были Арагонская Корона, Португалия, Генуэзская республика, государства Северной Африки и др. Даруя привилегии и заключая те или иные договоры то с одними, то с другими государствами Гранада гарантировала себе возможность существования.

Подробнее на взаимоотношениях Гранады с другим крупным христианским государством на Пиренейском полуострове (кроме Кастилии) — Арагонской Короной — мы остановимся в настоящей статье. Наиболее репрезентативными, компактными и сравнительно мало исследованными (по сравнению с аналогичным кастильским материалом) источниками по данной теме представляются так называемые мирные договоры (исп. «*treguas*», катал. «*treves*») между Арагонской Короной и Гранадой, заключавшиеся в XIV — первой половине XV в.

В отличие от более изученных договоров Кастилии и Гранадского эмирата, соглашения последнего с Арагонской Короной имеют ряд особенностей. Из наиболее заметных можно назвать то, что гранадско-арагонские *treguas* обычно подписывались не по окончании открытого

военного конфликта; заключались не периодически, а от случая к случаю и, наконец, по содержанию были менее конкретизированными, чем договоры Гранады с Кастилией. Остановимся подробнее на этих вопросах.

Следует сразу оговориться, что сам термин «мирный договор», предлагаемый большинством словарей, представляется не совсем удачным, поскольку в отличие от Кастилии Арагонская Корона в XIV–XV вв. не вела продолжительных войн против Гранадского эмирата. Более того, ни один из тех документов, которые мы собираемся исследовать в данной статье, не являлся результатом окончанных незадолго до его заключения боевых действий арагонцев против эмирата, в них нельзя найти пунктов о передаче определенных территорий, разрушении приграничных крепостей, выплате дани и т. п. Договоры скорее декларировали приверженность обеих сторон добрососедским отношениям.

Не следует, впрочем, полагать, что элемент конфликта полностью отсутствовал в этих документах, поскольку ряд пунктов касался таких важных проблем, как сухопутные и морские набеги, агрессия в отношении подданных обеих сторон, однако сами договоры не предназначались для послевоенного урегулирования, как в кастильском варианте. Впрочем, поскольку их оригинальное название (*treguas*, *treves*) полностью совпадает с тем, что употреблялось в кастильских и вообще всех документах пиренейского дипломатического пространства, мы будем использовать устоявшийся термин «мирный договор».

Второй важной особенностью арагонско-гранадских мирных договоров была непериодичность их заключения. Соглашения с Кастилией Гранада ввиду большого количества открытых боевых действий и приграничных конфликтов заключала довольно часто: испанская исследовательница Д. М. Перес Кастаньера в своей книге показывает, что средним промежутком между *treguas* было 2–3 года, а иногда один год [21]. Договоры между Арагоном и Гранадой [9; 11; 22] заключались в 1296, 1301 (1302), 1321, 1326, 1333, 1367 (трехсторонний, также с Марокко), 1369, 1377, 1405, 1418 (не подписан) гг. и, вероятно, около 1448 г. (текст не сохранился). Несколько договоров были заключены также в годы правления в Арагоне короля кастильского происхождения Фернандо Антекерского (1412–1416), однако составлены преимущественно кастильским лекалам, и их нельзя отнести к арагонской традиции структуры документов подобного рода [23, Р. 994–1000]. Со второй половины 1440-х гг. и вплоть до 1492 г. вообще нет сведений о каких-либо мирных договорах между Арагонской Коронай и Гранадским эмиратом.

Третьей важной чертой договоров Арагонской Короны и Гранады является относительная обобщенность их содержания. Соглашения Кастилии и эмирата скрупулезно оговаривают конкретные детали: размер дани, торговых налогов, свобода передвижения определенных конкретных групп людей, использование приграничных пастбищ и т. д. [24; 25; 26]. Гранадско-арагонские *treguas*, напротив, предоставляют их участникам гораздо большее пространство для маневра, число людей, потенциально имевших право пользоваться привилегиями этих договоров, несравнимо больше. Следует тем не менее признать, что тексты на романсе и арабском могли отличаться, хотя и не значительно, друг от друга, что могло свидетельствовать о том, что в отношении отдельных вопросов, например, некоторых привилегий, у сторон имелись различные подходы. Данную проблему мы изучим ниже.

Обратимся теперь к содержанию документов. В настоящей статье мы рассматриваем три наиболее показательных и подробно прописанных договора: 1377, 1405 гг. и неподписанный 1418 г. От договоров 1377 и 1405 гг. сохранились параллельные тексты на романсе и арабском, от 1418-го — только на романсе. Более ранние соглашения довольно краткие, их положения так или иначе встречаются в трех интересующих нас пространственных договорах. Текст соглашения 1448 г. не сохранился, а *treguas* в более позднее время, по всей видимости, не заключались.

Все эти договоры составлены по единой схеме с некоторыми вариациями. Помимо непосредственного анализа их содержания, об этом говорят и сопутствующие документы. Так, например, в годы правления короля Альфонсо V Великодушного (1416–1458) главный байл Валенсийского королевства Жоан Меркадер в 1418 г., накануне посольства в Гранаду, приказал нотарию составить для себя копии всех «мирных договоров» (*paus, treves*)¹ между Арагонской Коронай и Гранадским эмиратом [11, Р. 50 (doc. 27)], а также отдельно договоров времени короля Пере IV Церемонного (1336–1387) [11, Р. 50–51 (doc. 28)].

Во всех трех договорах первым пунктом устанавливается возможность свободного перемещения подданных обоих государств по территориям друг друга. Так, договор 1377 года декларирует свободу передвижения для общей совокупности людей: *«nustъ едут и прибы-*

¹ Термины «*paus*» (катал.), «*paз*» (исп.) — «мирный договор», от латинского «*paх*» — иногда встречаются параллельно с более распространенными «*treva*», «*trequa*» и по своей сути являются их синонимом. Кроме того, в документах, обозначенных как «*treva*» (катал.), «*trequa*» (исп.) слова «*paus*» и «*paз*» употребляются также в своем прямом значении — «мир, отсутствие войны». Например, «желают и хотят иметь добрый и прочный мир» («*deseades e queredes haver buena e firme paz*»).

вают наши люди (*gentes*) в ваши города и земли, и ваши люди в наши города и земли, по суше и по морю, в безопасности со своим имуществом (*algnos*) и товарами (*mercaderias*) и всем состоянием (*faziendas*) таким образом, чтобы им не было в этом учинено какого-либо препятствия с какой-либо из двух сторон» [22, Т. 4. Р. 342]. Договор 1405 года отдельно оговаривает, что среди этих людей могут находиться купцы, а также объявляет о праве свободной торговли: «*пусть все — и каждый купец (mercaderos), и другие подданные (sotsmesos) наши... смогут в течение всего времени названного мира, и пока он длится, въезжать и прибывать, покупая, продавая и совершать сделки, иными словами, пусть будут свободны, в безопасности и невредимы... и из них выезжать и вывозить золото и все и каждый товар (mercaderias), вещи (cosas) и свое имущество (bienes), и возвращаться во владения каждого из нас*» [27, Р. 327].

Проект договора 1418 года сообщает о том, как должно поступать в случае смерти подданных одной страны на территории другой: «*И если, по воле судьбы, тот, кому принадлежит имущество (bienes), и его посредник (factor) умрут во время действия договора, пусть это имущество возможно будет вернуть человеку, который придет с письмом короля, и которому умерший приходился вассалом, без какого-либо запрета*» [11, Р. 66 (doc. 42)].

Положение о свободном перемещении встречаются и в более ранних (начала и первой трети XIV вв.) мирных договорах между Арагонской Короной и Гранадой. Кроме того, право торговать с Гранадой существовало, по крайней мере у купцов из Валенсии, еще со второй половины XIII в., т. е. со времени составления Валенсийских фуэро и различных дополнений к ним [28, Р. 7–86]. Подтверждением этому служит и тот факт, что когда во время очередной войны Кастилии с Гранадой в начале 1430-х гг. главный байл Валенсийского королевства Жоан Меркадер попытался запретить поездки валенсийских купцов в Гранаду, боясь, что это может повлечь недовольство со стороны Кастилии, с которой Арагонская Корона имела действующий мирный договор, Альфонсо V потребовал снять запрет, поскольку «*на основании изданного фуэро (fir exprés)... дозволено и разрешено купцам данного города иметь и получать от христиан и сарацин гарантии безопасности (seguretad) и их использовать в отношении торговли, несмотря на то, что с этими христианами и сарацинами ведут или должны вести войну, однако если только не везут запрещенные вещи (coses vedades) в их земли*» [11, Р. 291 (doc. 246)].

Тем не менее факт того, что именно в договорах со второй половины XIV и особенно с начала XV вв. эти вопросы получают детальное освещение, свидетельствует о развитии торговли между Арагонской Коронай и Гранадским эмиратом. Например, имеются сведения о том, что в 1426 г. у валенсийского купца Франсеска д'Арьеса была монополия на торговлю солью в Гранаде, полученная от эмира (в письме короля Альфонсо V к этому купцу говорится следующее: *«вы владеете солью короля Гранады, по соглашению, что никто не может продавать соль, кроме вас»* — *«vós tenits la sal del rey de Granada, ab pactes que negú non puixa vendre sal sinó vós»*) [11, Р. 172 (doc. 136)]. Также шла активная торговля шелком, шерстяными тканями, маслом, сухофруктами и другими товарами. Именно в это время купцы из Валенсии и Барселоны вступают в ожесточенное противостояние с генуэзцами за рынки Гранады и Северной Африки. Особенно обострились отношения Арагона и Генуэзской республики при Альфонсо V [29, Р. 575–596], и не случайно именно в годы его правления купцы получили наибольшие привилегии, а их права и безопасность скрупулезно оговаривались.

При том же короле в 1440 году было окончательно закреплено право свободной торговли для мусульманских иноземных купцов: в 1440 году, была издана грамота, предоставляющая такое право всем подданным из стран Северной Африки, а также Гранады на территории Арагонской Короны, независимо от их происхождения и имущественного положения [11, Р. 391–396 (doc. 326)].

В рамках рассмотрения проблемы свободы передвижения стоит отдельно выделить и те положения, которые касались мусульманских подданных арагонского короля. Данный вопрос представляется особо важным, поскольку именно в отношении этой категории населения формулировки договоров на романсе могли отличаться от их аналога на арабском языке. В договоре 1377 право на выезд мавров и в арагонской, и в гранадской версии оговариваются отдельно и в схожей манере. В варианте на романсе мы читаем: *«пусть ни мы, ни кто-то из наших людей не запрещаем некоторым маврам, жителям наших городов (moros moradores en las nuestras villas), идти в земли мавров со своим имуществом и со своим сопровождением (compañyas), каждому кто хочет, по суше и по морю, без того, чтобы с них взимались иные пошлины, кроме того, что установлено традицией (otros dreytos salvo lo que es acostumbrado)»* [22, Т. 4. Р. 343]. В арабском варианте: *«Да не препятствуете вы, и никто из вашего народа, когда бы то ни было, никакому мусульманину, находящемуся на ваших территориях, в том, чтобы он уехал в земли мусульман в полной безопасности, ни его*

семье, ни в отношении их имущества, когда бы он туда не отправился, по воде или по суше, без того, чтобы кто-либо из них был обложен каким-либо налогом, кроме установленного традицией» [9, Р. 414]. Обе стороны соглашались с правом арагонских мусульман на свободное передвижение без дополнительного, кроме установленного традицией, налогообложения. Для короля предоставление сарацинам такой привилегии было обусловлено, на наш взгляд, не только политической необходимостью поддерживать добрососедские отношения с Гранадой, но экономическими причинами: среди его подданных купцов, торговавших с эмиратом, мы часто можем встретить представителей мусульманских семей преимущественно из Валенсии (например, Али [11, Р. 233 (doc. 192)] и Сулейман [11, Р. 404 (doc. 336)] Шупио, Мухаммад Алмурси [11, Р. 357 (doc. 298)] и др.), которые вносили свой существенный вклад в обогащение Арагонской Короны, а кроме того, были отличными посредниками в связях с мусульманским миром. Для гранадского эмира как главы мусульман было важно поддержать своих единоверцев в христианских землях, которые к тому же могли быть потенциальными проводниками его влияния в своих странах.

Расхождения начинаются в тексте договора 1405 года времен короля Мартина Гуманного. Вышеупомянутый нами отрывок из этого документа о свободе передвижения на романсе ограничивается скупой формулировкой *«все — и каждый купец, и другие подданные»*, не делая никакого акцента на конфессиональной принадлежности тех, кому разрешено выезжать, и никак не оговаривая положение арагонских мусульман. Фактически речь здесь идет преимущественно о купцах, которые единственные были дифференцированы из общей массы королевских подданных. Арабский текст того же договора специально оговаривает религиозную принадлежность выезжающих и приезжающих: *«...наш народ, и население наших стран, купцы и слуги и другие, какой бы то ни было религии, могут отправиться в ваши земли и ваши страны... ваши люди и жители ваших стран, купцы и слуги другие, какой бы то ни было религии...»* [27, Р. 338]. Для проекта договора 1418 г., к сожалению, не сохранилось арабского варианта. Его текст на романсе содержит еще более расплывчатую формулировку: *«все и кто угодно из наших и ваших людей»* (*«todas e qualesquiere de nuestras e vuestras gentes»*) [11, Р. 66 (doc. 42)].

Расхождения, обнаруженные в арагонском и гранадском вариантах договора, представляются неслучайными. На наш взгляд, здесь исследователь сталкивается с той ситуацией, когда в документе, касающемся внешней политики Арагонской Короны, отражены также и сложные

внутриполитические процессы: в частности, действие так называемых ограничительных законов по отношению к мусульманскому населению, находившемуся под властью христианского короля. Не углубляясь в данную тему, исследованную И. И. Варьяш, отметим, тем не менее, что мусульмане Арагона выезжали в страны своих единоверцев не только по торговым делам, но и для того, чтобы, например, совершить паломничество к местам культа или навестить родственников, или чтобы остаться там навсегда. Если король Пере IV хотя и с оговорками, но в целом разрешал подобного рода поездки, в том числе и хаджж в Мекку, то при Мартине Гуманном в начале XV в. позиция королевской власти ужесточается: эмиграция мавров запрещается кортесами и фуэро безоговорочно. Противозаконный выезд из королевства наказывался обращением в рабство и конфискацией имущества [30, С. 116–117].

Мы предполагаем, что канцелярия Мартина Гуманного, сформулировав положение о свободе передвижения в мирном договоре 1405 г. в наиболее общем виде и оговорив специальным образом только привилегии купцов, предоставила как гранадским, так и арагонским официалам большую свободу для толкования, а значит и для исполнения. Для эпохи Средних веков, да и для более позднего времени, вообще характерно, что данные властью привилегии нужно было подтверждать и переподтверждать, а кроме того, они могли вступать в противоречие с другими правовыми актами — в этом проявлялась гетерогенность средневекового права и многообразие его форм.

Вторым важным пунктом во всех трех договорах являлось соглашение о взаимной военной помощи друг другу. Договоры более раннего времени содержат лишь положения о невмешательстве и запрете помощи врагам второй стороны (присутствуют они и в трех рассматриваемых договорах), однако, начиная с 1377 г. (и без особых изменений в 1405 и 1418 гг.), появляется следующий пункт: *«всякий раз, как у нас будет нужда в помощи против кого-либо из врагов наших, пусть вы поможете нам против них столькими всадниками (cavalleros), сколько мы захотим вплоть до 400 или 500 при условии, что мы им заплатим жалование в 7 добл (doblas, разновидность монет. — М. А.) золотом за каждого всадника, а их алькайду (alcayde) или капитану (capitan) — по 40 добл золотом за каждый месяц, что нам прослужат. Однако [это в силе], если наш враг не будет вашим другом, или вы не будете иметь необходимость во всадниках для войны или по другой причине. И всякий раз, как у вас будет нужда в нашей помощи против какого-либо из врагов ваших, пусть мы вам помогаем на суше и на море 4 или 5 галерами (galeras) при условии, что ваш враг не будет нашим другом и что*

у нас не будет нужды в галерах из-за войны или по другой причине. Но на каждой галере должно быть 30 арбалетчиков (ballestreros) и в дополнение к ним 220 человек, и вы должны будете платить жалование и выплаты за каждую галеру — 900 добл золотом за каждый месяц, что вам прослужат» [22, Т. 4. Р. 343–344].

На наш взгляд, подобный пункт фигурирует в договоре не случайно. В 1356–1369 гг. разразилась война между Арагонской Коронай и Кастилией, которая фактически велась за кастильский престол и в которой участвовали также и другие страны, в том числе Гранада. Арагон поддерживал Энрике II против Педро I Жестокого. В Гранадском эмирате также в это время происходила междоусобная война: за престол боролись Мухаммад V и его дядя, также Мухаммад, который в историографии известен под кастильским прозвищем «Красный (Алый) король» («Rey Bermejo», убит в 1362 г.). Первому помогли кастильцы, второму арагонцы. Мы не будем останавливаться на всех перипетиях военных действий, заметим лишь, что Мухаммад V помог кастильцам при осаде Валенсии в 1363 г. и этот поход гранадцев произвел большое впечатление на короля Пере IV, который в том же году вынужден был подписать перемирие с Кастилией [31, С. 290]. В дальнейшем, после окончательного прихода к власти в Кастилии Энрике II, Мухаммаду V вероятно удалось договориться с Кастилией о ненападении [18, С. 488], однако напряженность в отношениях Гранады и Кастилии сохранялась. Переживала кризис, начиная с 1370-х гг., и Арагонская Корона, как во внутренних, так и во внешних делах.

Все это, вероятно, и подтолкнуло Гранаду и Арагонскую Корону на заключение договора 1377 г. Помимо появившегося пункта о военной помощи, в документе довольно ясно ощущаются напряженные отношения с Кастилией. Ее король четко обозначен как враг обеих сторон, как в тексте на романсе от имени арагонского короля Пере IV: *«пусть не помогаете вы, ни ваши люди на суше, и на море против нас какому-либо из врагов наших, даже королю Кастилии, ни кому-либо другому...»* [22, Т. 4. Р. 342], так и в арабском варианте от лица Мухаммада V: *«Также пусть не будет помощи и с вашей стороны... в пользу кого-нибудь из наших врагов, будь то король Кастилии, или кто-нибудь другой...»* [9, Р. 413].

В документах времени Мартина Гуманного (1405) и Альфонсо V (1418), несмотря на наличие положений о военной помощи, об общих врагах говорится абстрактно. В случае короля Мартина это можно объяснить его хорошими отношениями с Энрике III Кастильским, своим племянником. Альфонсо V сам происходил из кастильской династии

Трастамара. Впрочем, вышесказанное не должно вводить в заблуждение, поскольку арагонский король участвовал в 1420–1430-х гг. в борьбе со своим двоюродным братом Хуаном II Кастильским за влияние в Гранадском эмирате. Альфонсо V даже собирался создать вместе с эмиратом военную лигу против Кастилии, узнав, что Хуан II хотел заключить с эмиром союз против него, и дал арагонскому послу в Гранаду следующие указания: *«пусть обсудит с вышеназванным королем [Гранады] возможность создания лиги (que-s tracte de liga) против вышеупомянутого короля Кастилии, так как полагаем, что поскольку он [король Кастилии] первым спровоцировал это, то мы на законных основаниях и без ущерба чести (licitament e honesta) можем создать вышеназванную лигу...»* [11, Р. 235 (doc. 193)].

Таким образом, мирные договоры между Арагонской Короной и Гранадой свидетельствуют о важном изменении в международной обстановке на Пиренейском полуострове во второй половине XIV — первой половине XV в. Кастилия, пусть и не всегда открыто, но оказывалась в оппозиции Арагонской Короне, и одним из главных камней преткновения в отношениях обеих был Гранадский эмират.

Третьим существенным пунктом было урегулирование вопросов пленения и взаимных нападений подданных Гранады и Арагонской Короны друг на друга. Хотя между двумя государствами отсутствовала непосредственная сухопутная граница — в результате Реконкисты с середины XIII в. сложилось так, что между двумя рассматриваемыми государствами лежало королевство Мурсия, которое принадлежало Кастилии — тем не менее, современники от простых людей до монарших особ, по крайней мере, в южной части Арагонской Короны — Валенсийском королевстве — ощущали себя приграничными жителями. Это связано, прежде всего, с набегами альмогаваров — особого рода служилых людей — легко преодолевавших за считанные дни территорию Мурсии, а также рейдами пиратов, как христианских, так и мусульманских.

Кроме того, на территории Арагонской Короны всего проживало несколько десятков тысяч сарацин, а в малозаселенных областях юга Валенсийского королевства (прежде всего, в районе города Ориуэлы), которые были ближе всего в «земле мавров» (т. е. полоса мурсийской земли между ними составляла не более 70–75 км), численность мусульманского населения составляла 5 тысяч [32, Р. 437]. Их воспринимали как своеобразную «пятую колонну», готовую при гранадском набеге или пиратской атаке помочь своим единоверцам, а затем, поучаствовав в грабеже, бежать с ними в Гранаду [33, Р. 433]. Подобная подозри-

тельность вытекала из уверенности в том, что для мусульман, которые были подданными арагонского короля, основополагающим всегда будет критерий веры, а не подданства, то есть мавр всегда предаст интересы своего сюзерена ради единоверцев-гранадцев [30, С. 99].

В отношении альмогаваров и других групп людей, занимавшихся набегами (они могли, к примеру, называться «collerats» — буквально «бандитами», от каталанского слова «colla» — «банда, группа»), согласно мирным договорам, предпринимались жесткие меры. Так в договоре 1405 г. мы читаем поручение управляющим приграничными городами Арагонской Короны (прежде всего Ориуэлы) и Гранадского эмирата: «*чтобы схватили и задержали названных бандитов (collarados) и альмогаваров и немедленно (de continent) предали их телесной смерти (muert corporal)...*» [27, Р. 330]. Схожие пункты есть и в проекте мирного договора 1418 г. Кроме того, предполагалось освобождение пленников и возврат награбленного.

Чтобы понять, почему королевская власть стремилась, по крайней мере на бумаге, как можно жестче наказать альмогаваров в случае набегов и ждала таких же мер от гранадского эмира по отношению к схожим категориям гранадского населения, необходимо внимательнее присмотреться к ситуации в приграничных землях между двумя государствами. Проблема заключалась в том, что альмогавары не были простыми разбойниками, жаждущими наживы — это была совершенно обособленная группа населения, часто получавшая разрешительные санкции от местных властей. Последние часто поручали им защищать приграничные территории от набегов гранадцев, взамен чего «закрывали глаза» на их незаконную деятельность [34, С. 231–239]. Кроме того, во время войны альмогавары могли поступать на службу в королевские войска в качестве проводников, разведчиков, курьеров (благодаря приобретенным в постоянных набегах хорошим знаниям территории врага и кавалерийским навыкам), а также охраняли дороги и перевалы [35, Р. 15–17].

Впрочем, несмотря на вышесказанное, следует иметь в виду, что основной деятельностью альмогаваров, которые, по выражению каталонского хрониста XIV в. Берната Десклота, были «*людьми, которые не живут ничем другим, кроме оружия*» («*gents qui no viuen sinó d'armes*») [35, Р. 14], являлись именно набеги на территории врага — необязательно только мусульман — с целью захвата пленников, скота, лошадей и другого имущества. Альмогавары, часто пользуясь покровительством местной власти, вызывали большое недовольство у приграничного населения, не связанного с войной. Проблема заключалась

в том, что все последствия грабительских походов испытывали на себе мирные горожане и крестьяне, жилища которых подвергались ответным разорениям со стороны мусульман. Альмогавары же, продав пленников и добычу, могли укрыться в лесах и горах, коими богаты земли Южной Испании, т. е. в сущности там, где они и проводили основное время (*«пребывают не в городах и местечках, но в горах и лесах»* — *«no estan en ciutats ne en viles, sinó en muntanyes en boscs»*, по выражению упоминавшегося Б. Десклота)

Недовольство мирного населения можно ярко проиллюстрировать письмом жителей города Ориуэлы (входившего в Валенсийское королевство) к Альфонсо V, направленным королю в январе 1418 г. незадолго до начала переговоров о подписании мирного договора с Гранадой. Ориуэльцы жалуются правителю на то, что губернатор Ориуэлы по имени Антик Альмогавер принуждает их воевать с гранадцами, ссылаясь якобы на волеизъявление Альфонсо V. В своем письме горожане напоминают королю, что раньше, до прихода этого губернатора, поддержавшего устремления альмогаваров, они не воевали с Гранадой: *«раньше эта [земля] находилась в мире с землей Гранады до прихода в данный город вышеназванного губернатора, который выдал лицензию (donà licència) альмогаверам вести войну»* [11, P. 52–53 (doc. 31)]. Среди бед, которые могут обрушиться на их землю, жители Ориуэлы называют разорение полей (*«пахота и выращивание прекратятся»* — *«la lauró e el criar cesa»*), запустение по причине призыва многих людей в городское ополчение и охрану (*«сильно возрастет число призванных и охраны»* — *«munten tant los appellidos e guardes»*), а также вероятную войну с Кастилией, у которой с Гранадой в тот момент был подписан мирный договор. Завершая описание напастей, они прибегают к намеренному преувеличению для лучшего воздействия на короля — *«все зло обрушится на этот город»* (*«tot lo mal ve a questa vila»*).

К сожалению, в нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы подробно проследить за развитием данной ситуации, однако некоторые замечания по поводу письма ориуэльцев высказать все-таки возможно. Искренность их утверждений об исключительно мирной жизни вызывает сомнения: Ориуэла как одно из основных мест активности альмогаваров упоминается и в мирном договоре 1405 г., и более ранних документах. Выдача лицензий альмогаварам также не являлась чем-то из ряда вон выходящим: мы уже упоминали о том, что муниципальные власти охотно прибегали к их услугам в случае необходимости. Имя Антика Альмогавера, казалось, должно было бы указывать на какую-то связь с местными альмогаварами, однако этот

губернатор Ориуэлы вопреки сложившимся традициям был назначен не из числа валенсийцев, но каталонцев, и происходил из Барселоны: по всей видимости, именно он упомянут еще ребенком (*edat menor*) в барселонской переписи (*censal*) 1389 г. [36, Р. 482]. Данный факт вызвал возмущение у валенсийской знати еще в 1415 г., когда король назначил его на пост губернатора [13, Р. 13]. Возможно, именно то, что Антик был чужаком, а не то, что он благоволил альмогаварам, и послужило главной причиной конфликта между губернатором, представляющим короля, и муниципальными властями в лице составивших письмо от имени горожан присяжных (*jurats*) и городского совета (*consell*) Ориуэлы.

Открытая поддержка альмогаваров, т. е. сомнительной категории населения, однако все же являющихся составной частью приграничного пространства, в данном случае конфликта властей, сыграла не на руку губернатору и послужила для ориуэльцев веским поводом для диффамации противника: *«эта война, которая есть не что иное, как выгода (profit) альмогаваров и злодеев (mals hòmens), и вышеозванного губернатора, которому безразлично, что это не послужит Вам во благо, что Ваши подданные на границе будут разбиты, мертвы или пленены»* [11, Р. 53 (doc. 31)], — красноречиво отмечается в письме. В то же время, за год до рассматриваемого случая, в июле 1417 г., те же самые лицензии губернатора Ориуэлы послужили для совета и официалов Аликанте правовой основой для отказа в освобождении двух попавших в их город гранадских пленников, захваченных альмогаварами в кастильском королевстве Мурсия [11, Р. 42–43 (doc.18)]. Факт того, что одни и те же документы вызвали противоположную реакцию у представителей муниципальной властей двух городов, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует о том, что разрешения, выдававшиеся альмогаварам на грабеж и захват пленников, не являлись чем-то экстраординарным или противоестественным, по крайней мере для правового поля приграничного пространства, а отношение к ним местных жителей формировалось исходя из категорий выгоды.

Итак, в 1418 г. королю пришлось решать конфликт между назначенным им же самим губернатором и муниципиями приграничной Ориуэлы. Значимость этого города необходимо подчеркнуть, поскольку через него шли потоки пленников и захваченного имущества из Гранады, пограничные конфликты с которой далеко не всегда могли быть следствием действий альмогаваров, но также происходить в рамках так называемого средневекового права «справедливой войны» (катал. «*bona guerra*») — например, в случае ответа на набеги со стороны гранадцев.

В проекте договора 1418 г. исключительное положение Ориуэлы, о котором упоминалось в договоре 1405 г., сохраняется, что видно из указания, адресованного официалам Гранадского эмирата, о возврате пленников и награбленного альмогаварами имущества именно через губернатора этого города: *«чтобы вернули затем губернатору Ориуэлы... вышеназванных плененных христиан, и все одежды, имущество и вещи, что у них были захвачены во время действия вышеназванного договора»* [11, Р. 68 (doc. 42)]. Со стороны Гранады аналогичными «перевалочными» пунктами были города Вера и Белиз.

Тем не менее, по сравнению с текстом 1405 г., в проект договора 1418 г. было внесено одно существенное добавление. Королевская канцелярия делает оговорку, что губернатор Ориуэлы сам может быть причастен к набегам на гранадскую землю: *«...если альмогавары или другие люди из нашей земли вступят в Гранадку во время действия настоящего договора, совершая названные вещи по указанию названного губернатора Ориуэлы (a carga del dito governador d'Oriola)»* [11, Р. 68 (doc. 42)]. Этот пассаж определенно говорит, что жалоба жителей Ориуэлы возымела определенное действие. В то же время, похоже, что король ограничился лишь предупреждением к гранадцам, которое можно истолковать следующим образом: следует казнить альмогаваров и возвращать захваченных ими пленников, даже если их рейд был санкционирован губернатором. Однако против самого губернатора, видимо, не последовало никаких санкций: в 1418 г. он по-прежнему, как и по договору 1405 г., отвечал за прием пленников и возвращаемого награбленного имущества.

В конечном счете, проблема организованных грабительских рейдов существовала на протяжении всего времени существования приграничного пространства на Пиренейском полуострове. Набеги альмогаваров, несмотря на то, что официально наказывались смертной казнью, как следует из договора 1405 г. и проекта 1418 г., имели место, как до этого, так и после, о чем свидетельствуют не только тексты мирных договоров более раннего времени, но также и обширная документация различного типа из центральных и муниципальных архивов Арагонской Короны, охватывающая весь период существования Гранадского эмирата в XIII–XV вв. Категория населения, схожая с арагонскими и гранадскими альмогаварами, существовала и в Кастилии. Поэтому в отношении жестких мер, зафиксированных применительно к альмогаварам в мирных договорах, в полной мере справедлива крылатая фраза: «Строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения».

Наконец, еще одной важной частью мирных договоров была проблема возврата или выкупа пленников. Мы уже коснулись ее, говоря об альмогаварах, однако захваты людей происходили не только в результате разбойничьих рейдов или пиратских набегов, но, кроме того, могли иметь место вследствие уже упоминавшейся «справедливой войны» или конфликта с третьей стороной, а также действий официалов, как арагонских, так и гранадских, на местах. Все три договора единодушны в отношении правил освобождения пленников: во-первых, их самих и их имущество запрещено было перепродавать; во-вторых, для установления условий, на которых они могли получить свободу, было важно то, в чьей конкретно власти они находились и при каких обстоятельствах были пленены.

Если подданные Арагонской Короны или Гранады в случае конфликтов этих государств с третьей стороной оказывались на захваченных территориях или кораблях, то их предписывалось освободить вместе со всем имуществом без выкупа. Например, в договоре 1377 г. мы читаем: *«всякий раз, как случится у нас или у вас завоевание какого-либо места или мест у наших или ваших врагов, и будут там находиться некоторые наши или ваши люди, пусть будут отпущены и пусть будут неприкосновенны их тела и имущество (los cuerpos e los algos), и пусть они смогут пойти, куда захотят... если фуста [fusta, разновидность судна. — М. А.] из наших фуст или ваших захватит другие фусты, и будут на них некоторый или некоторые из наших или ваших людей, пусть будут отпущены и пусть будут неприкосновенны их тела и имущество, и пусть они смогут пойти, куда захотят»* [22, Т. 4. Р. 343]. Формулировки в арабском тексте по данному пункту идентичны. Фактически, таких людей просто запрещалось брать в плен, и необходимо было просто отпустить с миром.

В то же время если подданные короля или эмира были уже пленены, то порядок их освобождения был дифференцированным. Если они были захвачены королевскими официалами или муниципальными властями, то теоритически могли получить свободу либо за фиксированный выкуп (как в договоре 1405 г.): *«все пленники земли и синьории наших, названных королей Арагона и Сицилии, где угодно и каким угодно образом (en qualsequiera partidas e qualquiera manera), начиная с того времени, как названный мир будет подписан целиком и полностью, окажутся захвачены и пленены кем угодно и в какой угодно части и каким угодно способом, в вашей власти, названного короля Гранады, пусть будут немедленно как только будут истребованы, освобождены и воз-*

вращены близким («a los amigos», в средневековом каталонском делопроизводстве это «родственники», а не «друзья». — М. А.), то есть каждый из названных пленников за 100 добл» [27, Р. 329], либо вообще без выкупа (как в проекте договора 1418 г.): «все пленники, которые в настоящее время находятся или будут в будущем находиться во время действия настоящего договора во власти кого бы то ни было из нас, вышеназванных королей, пусть будут отпущены и освобождены от всякого плена, и пусть смогут открыто и свободно вернуться в свои земли или туда, куда им понравится без уплаты каких-либо денег и без всякого запрета (sines pagar alguna cosa e sines embargo alguno)» [11, Р. 68 (doc. 42)]. Если они были после пленения проданы кому-либо из вассалов короля, то по документу 1405 г. должны были для выкупа уплатить ту цену, за которую были приобретены, а по проекту договора 1418 года — предоставить фиксированную сумму в 100 добл. Таким образом, и арагонский король, и гранадский эмир защищали имущественные права своих подданных, потративших свои деньги на приобретение рабов.

Прочитированные отрывки нуждаются в некоторых разъяснениях. Во-первых, следует дать какой-либо эквивалент фигурирующей сумме в 100 золотых добл (в арабском тексте — динариев). Выше мы приводили пассаж о найме солдат, где месячная выплата всаднику составляла 7 добл — таким образом, стоимость каждого пленника оценивалась приблизительно в полуторогодовое жалование кавалериста. Несмотря на кажущийся большой размер суммы, она была на самом деле довольна умеренной. Установление фиксированной платы шло, по всей видимости, в разрез с интересами рабовладельцев, поскольку за одного пленника, судя по сохранившимся в королевской канцелярии документам, исходя из его происхождения и имущественного положения могли требовать выкуп и в 450 [11, Р. 475 (doc. 394)], и в 1000 добл [11, Р. 125 (doc. 95)].

Вторым важным моментом является противоречие договора 1405 г. и проекта договора 1418 г. самим себе, а точнее, очередные формулировки, оставляющие свободное пространство для толкования. Дело в том, что в разделах, касавшихся альмогаваров, их пленников предписывалось незамедлительно отпускать со всем имуществом и без всякого выкупа. В то же время в общих положениях о пленниках, находящихся под властью короля, эмира, их вассалов или официалов, специально оговаривается, что способ, которым они были захвачены, не важен: «где угодно и каким угодно образом».

* * *

Рассмотренные нами мирные договоры, безусловно, являются очень важными источниками по истории не только дипломатических отношений Арагонской Короны и Гранадского эмирата, но и Пиренейского полуострова, и Западного Средиземноморья в целом. В них содержатся ценные сведения по истории торгово-экономических отношений, политических союзов, феномену приграничного пространства и т. д. Данные документы ярко свидетельствуют и о самостоятельной внешней политике Гранадского эмирата, являвшегося вассалом Кастилии лишь номинально, что было, на наш взгляд, одним из определяющих факторов его длительного (более 250 лет) существования на Пиренейском полуострове.

В то же время исследователю следует быть осторожным при работе с текстами подобных договоров. Необходимо обращать особое внимание на противоречивые формулировки, оставляющие обширное пространство для толкования. Здесь, на наш взгляд, следует задавать себе те же вопросы, что и при изучении средневекового права: осознавалась ли сторонами поливариантность толкования при составлении подобного рода документов, задавались ли власти Арагона и Гранады вопросом о том, как будет понято то или иное установление в договорах и достигнет ли оно цели. Наконец, предусматривались ли какие-либо инструменты сохранения, защиты положений, зафиксированных в этих соглашениях [37, С. 7]. Ответить на данные вопросы каким-либо однозначным образом очень трудно. Положения договоров могли и соблюдаться, и не соблюдаться, в зависимости от конкретной ситуации; к ним могли апеллировать или наоборот о них забывать; им могло соответствовать или наоборот противоречить муниципальное законодательство, которого королевское право не касалось.

Нельзя утверждать, что здесь мы имеем дело лишь с факультативным исполнением предписанных норм на местах. На наш взгляд, мирные договоры являются отражением сложной диалектической системы отношений между странами Пиренейского полуострова позднего Средневековья в целом, и между Арагонской Коронай и Гранадским эмиратом в частности, — эта идея стала особенно популярной в испанской историографии последних лет [38, Р. 135–146].

Составные части взаимоотношений: торговля, политика, граница, дихотомия войны и мира, проблема насилия, межконфессиональные отношения, — находятся друг с другом в сложном, порой противоречивом взаимодействии, но все же формируют довольно прочную систему. Доказательством ее устойчивости, по крайней мере касательно Арагонской Короны и Гранады, служит то, что не смотря на провал

переговоров 1418 г. о заключении мирного договора, на причинах которого мы не будем останавливаться, взаимоотношения обеих стран не претерпели заметных изменений.

Тот факт, что мирные договоры подписывались нерегулярно, и большую часть своей истории Арагонская Корона и Гранада жили вообще без подобного рода соглашений, но тем не менее активно поддерживали друг с другом торговые и политические связи, решая дипломатическими методами на практике возникавшие проблемы, свидетельствует о сложившейся в позднее Средневековье саморегулирующейся системе взаимоотношений между этими двумя странами, которой, по большому счету, не требовалось какое-либо документальное оформление.

Список источников и использованной литературы

1. *Rodríguez Molina J.* Reflexiones sobre el Reino de Granada // Revista d'història medieval. № 10. Valencia, 1999.
2. *Ladero Quesada M. A.* Granada. Historia de un país islámico (1232–1571). Madrid, 1969, 1979 (2 ed.), 1989 (3 ed.).
3. *Arié R.* L'Espagne musulmane au temps des Nasrides (1232–1492). P., 1973.
4. *Torres Fontes J.* Las relaciones castellano-granadinas desde 1475 a 1478 // Hispania: Revista española de historia. № 86. 1962.
5. *Torres Fontes J.* Las treguas con Granada de 1462 y 1463 // Hispania: Revista española de historia. № 90. 1963.
6. *Torres Fontes J.* Enrique IV y la frontera de Granada (las treguas de 1458, 1460 y 1461) // En la frontera de Granada. Homenaje al profesor Carriazo. Sevilla, 1972. Vol. 3.
7. *Torres Fontes J.* Las treguas con Granada de 1469 y 1472 // Cuadernos de estudios medievales, № 4–5. 1976–1977.
8. *Torres Fontes J.* Las relaciones castellano-granadinas desde 1416 a 1432. Las treguas de 1417 y 1426 // Cuadernos de estudios medievales. № 6–7. 1978–1979.
9. *Alarcón y Santón M. A., García de Linares R.* Los documentos árabes diplomáticos del Archivo de la Corona de Aragón. Madrid, 1940.
10. *Ferrer i Mallol M. T.* La frontera amb l'Islam en el segle XIV: cristians i serraïns al País Valencià. Barcelona, 1988.
11. *Salicrú i Lluch R.* Documents per a la història de Granada del regnat d'Alfons el Magnànim (1416–1458). Barcelona, 1999.
12. *Quesada Quesada T.* La Serranía de Mágina en la Baja Edad Media. Granada, 1989.
13. *Ferrer i Mallol M. T.* Organització i defensa d'un territori fronterer. La governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1990.
14. Actas del Congreso la frontera oriental Nazarí como sujeto histórico (s. XIII–XVI): Lorca-Vera, 22–24 noviembre de 1994 bajo coord. por P. Segura Artero. Almería, 1997.

15. *Carriazo Rubio J. L.* Rubio La Casa de Arcos entre Sevilla y la frontera de Granada (1374–1474). Sevilla, 2003.

16. *Abellán Pérez J.* La ciudad de Jerez de la Frontera y el Reino de Granada. Helsinki, 2006.

17. *Salicrú i Lluch R.* El sultanato Nazarí en el occidente cristiano bajomedieval: una aproximación a través de las relaciones político-diplomáticas // Historia de Andalucía: VII Coloquio «¿Qué es Andalucía? Una revisión histórica desde el Medievalismo». Granada, 2010.

18. *Мишин Д. Е.* Гранадский эмират // Очерки истории исламской цивилизации. М., 2008. Т. 2.

19. *López de Coca Castañer J.* El reino de Granada: ¿un vasallo musulmán? // Fundamentos medievales de los particularismos hispánicos. Málaga, 2005.

20. *Крымский А. Е.* История арабов и арабской литературы светской и духовной: в 3 частях. М., 1913. Ч. 3.

21. *Pérez Castañera D. M.* Enemigos seculares: guerra y treguas entre Castilla y Granada (с. 1246 — с. 1481). Madrid, 2013.

22. *Giménez Soler A.* La Corona de Aragón y Granada // Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona. Barcelona, T. 3. 1905–1906; T. 4. 1907–1908.

23. *Salicrú i Lluch R.* La treva de 1418 amb Granada: la recuperació de la tradició catalanoaragonesa // Anuario de estudios medievales. № 27 (2). 1997.

24. *Melo Carrasco D.* Características y proyección de las treguas entre Castilla y Granada durante los siglos XIII, XIV y XV // Revista de estudios histórico-jurídicos. № 30. 2008.

25. *Melo Carrasco.* Las treguas entre Granada y Castilla durante los siglos XIII a XV // Revista de estudios histórico-jurídico. № 34, 2012.

26. *Melo Carrasco D.* Algunas consideraciones en torno a la frontera, la tregua y libre determinación en la frontera castellano-granadina. S. XIII–XV // Estudios de Historia de España. № 14. 2012.

27. *Masala M.* Martino l'Hummano: trattato di pace con Granada (1405) // Sardegna, Mediterraneo e Atlantico tra Medioevo ed Età Moderna. Studi storici in memoria di Alberto Boscolo. Roma, 1993. Vol. 2.

28. *Furs de València.* Barcelona, 1980. Vol. 1.

29. *Salicrú i Lluch R.* Manifestacions i evolució de la rivalitat entre Gènova i la Corona d'Aragó a la Granada del segle XV, un reflex de les transformacions de la penetració mercantil // Acta historica et archaeologica mediaevalia. № 23–24. 2002–2003.

30. *Варьяш И. И.* Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001.

31. *История Испании.* М., 2012. Т. 1.

32. *Barrio Barrio J. A.* La frontera marítima en Orihuela durante el reinado de Alfonso V (1416–1458) // Actas del Congreso la frontera oriental Nazarí como sujeto histórico (s. XIII–XVI): Lorca-Vera, 22–24 noviembre de 1994 bajo coord. por P. Segura Artero. Almería, 1997.

33. *Hinojosa Montalvo J.* El reino de Valencia, frontera marítima entre Aragón y Granada // Actas del Congreso la frontera oriental Nazarí como sujeto histórico (s. XIII–XVI): Lorca-Vera, 22–24 noviembre de 1994 bajo coord. por P. Segura Artero. Almería, 1997.

34. *Варьяш И. И.* Свидетельские показания в арагонском суде XIV в. // Право в средневековом мире. СПб., 2001.

35. *Ferrer i Mallol M. T.* Els almogàvers a la frontera amb els sarraïns en el segle XIV // L' Avenç: revista de història i cultura, № 209. 1996.

36. *Verdés Pijuan P.* «Per ço que la vila no vage a perdició»: la gestió del deute públic en un municipi català (Cervera, 1387–1516). Barcelona, 2004.

37. Закон — что дышло... // Право в средневековом мире / Под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. М., 2008.

38. *Salicrú i Lluch R.* ¿Repensando Granada? Presencia y penetración diferencial cristiana en el sultanato nazarí en la Baja Edad Media // Relazioni economiche tra Europa e mondo islamico, secc. XIII–XVIII. Firenze, 2007. Vol. 1.

Беленький С. Б.

ШАГИ РАНХиГС (Москва)

БОРЬБА АЛЬФОНСО X МУДРОГО ЗА ПРЕСТОЛ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Великое Междуцарствие — название периода в истории Священной Римской империи, охватывающего 1250/1254–1273 гг. В то же время в Германии стереотипы восприятия этих событий во многом отражаются в известных словах великого немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759–1805), в свое время сказавшего об этой эпохе в балладе «Граф Рудольф Габсбургский: «Ужасное время без императора». Это сочинение было написано в 1803 г., под непосредственным влиянием занятий историей Священной Римской империи и Швейцарии, к которым Шиллер обратился после ухода из Йенского университета. Сюжет баллады заимствован из старейшей швейцарской хроники Эгидиуса Чуди, о чем сам поэт говорит и в примечании к своим стихам [1, S. 408].

Баллада начинается с описания пира после коронации Рудольфа Габсбургского королем Германии в 1273 г. В основной части поэт создал привлекательный образ своего героя, рассказывая о том, как Рудольф встретил на охоте священника, спешившего к умирающему, и одолжил ему своего коня, чтобы тот добрался быстрее. На следующий день священник вернул коня хозяину, но последний заявил, что это подарок, и что если тот откажется, то его отдадут церкви, поскольку Рудольф, добавляет автор, должен чтить того, от кого он получил корону и даже жизнь. При этом он произносит фразу, впоследствии (в несколько измененном виде) получившую широчайшее распространение: «Schreckliche, kaiserlose Zeit» («Ужасное время без императора»). Введенный Шиллером образ «Schreckliche, kaiserlose Zeit» имел колоссальное значение: неслучайно в дальнейшем он неизменно избирался эпиграфом всех трудов по истории Междуцарствия, написанных на немецком языке.

Определение Шиллера и сам используемый для названия периода термин предполагают, что основной проблемой в Империи был кризис власти, т. е. это время между удачными правлениями двух славных

императоров. На самом деле, кайзеров с 1250 по 1273 г. было довольно много, и именно это и вызывало наибольшее негодование как современников, так и позднейших историков и даже литераторов и публицистов.

В центре внимания в настоящей работе находится проблема различия подходов к интерпретации событий «общей» истории стран и народов, выработанных соответствующими национальными школами историографии. Проблема истоков таких трактовок является классической для истории исторической науки. Традиционно интересны причины, как узкопрофессионального, так и политического, культурного, социального и иного плана, предопределившие различия в «прочтении» одних и тех же сюжетов как целыми историографическими школами, так и конкретными историками разных поколений и методологических традиций. Важной частью этой проблематики является также изучение причин и направлений наличия/отсутствия взаимных влияний в процессе эволюции такого рода интерпретаций.

В этом контексте особый интерес представляют трактовки событий истории Средних веков, играющие особую роль в системе националистических дискурсов, распространенных в пределах конкретных этнических и национальных сообществ и активно используемых политической пропагандой. Эпоха Средневековья традиционно воспринимается в сознании европейцев как период этногенеза едва ли не всех ныне существующих этносов («народов») современной Европы, а также как пространство «локализации» ключевых «мест памяти» [2, С. 25], критически важных для национального самосознания. Уместно даже сказать, что Средневековье использовалось и используется зачастую, следуя словам Отто Герхарда Эксле, как оружие [3, S. 169].

В качестве объекта настоящего исследования были избраны интерпретации событий, связанных с борьбой короля Кастилии и Леона Альфонсо X (1252–1284) за престол Священной Римской империи (1256–1274), которые современники называли «имперским предприятием» — *fecho del imperio*. В свою очередь, в немецкой историографии эти события традиционно воспринимаются как составляющая Великого Междоусарствия — периода в истории Священной Римской империи, охватывающего 1250/1254–1273 гг. Участие же в тех же событиях Ричарда Корнуольского, брата английского короля Генриха III (1216–1272), объясняет определенное внимание к этому периоду и со стороны британских историков.

* * *

Кратко остановлюсь на характеристике политической составляющей событий, об интерпретации которых пойдет речь ниже и которые

достаточно подробно (хотя и неравномерно) исследованы как в испанской, так и в немецкой и британской историографиях. В истории Империи феномен антикороля существовал и до 1250 г., но именно после смерти Фридриха эта реалья «политической» жизни Священной Римской империи оказалась настолько разрушительной и влиятельной. Еще в правление императора Фридриха II Гогенштауфена, в 1248 г., при активнейшем содействии папы Иннокентия IV был избран антикороль Генрих Распе, причем голосовали за него, прежде всего, духовные князья, т. е. архиепископы Майнца и Кельна. Весь период деятельности Генриха после этих выборов состоял из войн с Конрадом IV и позже с Вильгельмом Голландским, которого он победил при Нидде 5 августа 1246 г. В 1247 г. он осадил Ульм и Ройтлинген, но сопротивление его власти возросло до такой степени, что он был вынужден отойти от дел, и раненный у Ройтлингена, удалиться в Вартбургский замок, где и умер [4; 5].

На место Генриха встал победивший его Вильгельм, на тот момент еще граф Голландии. Поддержку оказали снова духовные власти, и 1 ноября 1248 г. Вильгельм был коронован архиепископом Кельна Конрадом фон Хохштаден во взятом войсками графа Кельне. Для упрочения новой власти Вильгельм собирает во Франкфурте знать, где объявляет род Штауфенов лишенным всех ленов. Таким образом он фактически отдает полную власть знати, а сам в это время занимается войнами с фризами и Фландрией как голландский граф. Его поддерживает, прежде всего, северо-западная Германия, на территории которой появляется такое образование, как Рейнский городской союз (Rheinischer Städtebund), созданный для взаимопомощи и защиты.

Но кульминацией периода можно считать, наверное, события 1257 г., когда произошли выборы с двумя разными победителями. То есть после смерти Вильгельма Голландского пришлось организовать выборы нового кайзера, и в них участвовали два соперника, которые, что принципиально важно, оба не имели практически никакой связи со Священной Римской империи, кроме родства со Штауфенами. Собственно, претендентами являлись Ричард Корнуолльский — брат Генриха III (1216–1272), сын Иоанна Безземельного и Изабеллы Ангулемской (именно поэтому он имел определенные права на императорский престол), и кастильский король Альфонсо X Мудрый (1252–1284), бывший сыном Беатрисы Швабской, дочери Филиппа Швабского (1177–1208) — короля Германии, правившего после смерти Фридриха Барбароссы и оказавшегося участником конфликта за власть после того, как на престол выбрали не только его, но и представителя Вельфов Оттона Брауншвейгского (1175/1176–1218).

В итоге сложилась ситуация, когда де-юре престол оставался вакантным, но де-факто существовали две крупные силы, за него боровшиеся. Основной задачей каждого из них было достигнуть Рима и короноваться там императором, поскольку именно этот акт коронации папой был последней точкой в обретении искомого статуса. Альфонсо никогда не был в Германии, но активно спонсировал своих сторонников там, а также в итальянских частях Священной римской империи. Ричард же, будучи избранным тремя духовными князьями (Кельн, Майнц, Трир), быстро достиг Аахена, где был коронован королем Германии. С этого момента начался почти двадцатилетний период войн, ведшихся сторонниками обоих кандидатов, вплоть до 1273 года.

Говоря о степени изученности проблемы, следует сказать, что ранее данный вопрос вообще не поднимался в мировой историографии. Существует лишь одна работа касательно каких-либо национальных школ исследования Междоцарствия и Альфонсо X, написанная на испанском языке. В качестве методологической основы взят труд Отто Герхарда Эксле «Историческая наука в рамках историзма: исследования проблем истории Модерна» [6]. В то же время источники исследуются в рамках понятия «историографический источник», которое уже описано и определено в российской науке [7].

* * *

Изучение Междоцарствия началось практически случайно, когда в XVIII в. Георг Кристиан Гебауэр (1690–1773) решил написать биографию своего предка Ричарда Корнуольского. Родившийся в Бреслау, Гебауэр в 1710 г. закончил гимназию и поступил в Лейпцигский университет, где изучал *studia humanitatis*, т. е. примерно то, что сейчас называется антиковедением. Проще говоря, речь идет о возникшей в эпоху Ренессанса традиции углубленного изучения древних языков, греческой и римской культур, истории и т. д. Через пару лет он продолжил обучение в университете Альтдорфа — города недалеко от Нюрнберга (в 1809 г. это учебное заведение слилось с Нюрнбергским университетом), а потом попал в Геттинген, где учится праву и истории у Николауса Гундлинга (1671–1729), профессора права, историка, а также члена Тайного совета Герцогства Магдебургского. В 1720–1730-х гг. Гебауэр преподавал в Лейпциге, куда был приглашен в качестве частного учителя сына местного бургомистра, а также в Эрфурте.

В 1723 г. он стал доктором права, а в 1734 г. его позвали в Геттингенский университет, где он стал проректором и профессором права. В списке его работ значатся как общие очерки истории Португалии

и Испании, так и труды по истории римского и средневекового права и даже издание Свода Юстиниана (*Corpus Iuris Civilis*) [8].

Своей биографией Ричарда Корнуолльского автор хотел доказать, что мнение о Междоцарствии как недостойном внимания периоде не является доказанным, т. е. отсутствие к нему интереса у предыдущих поколений — ошибка [9, S. 475]. При этом события, связанные с Междоцарствием, были представлены в позитивном ключе. Это единственное исключение: пройдет несколько десятилетий, и Междоцарствие начало восприниматься как кризисная эпоха, особенно с тех пор, как в формировании этого образа примет участие великий Фридрих Шиллер.

Георг Кристиан Гебауэр доказывал, что негативный образ эпохи идет от итальянских хронистов, близких к Римской курии. Главной целью его работы являлось обоснование легитимности власти Ричарда, и он даже слишком преуспел в ее достижении, написав настоящий панегирик средневековому английскому политику. Гебауэра не интересовала королевская и императорская власть в XIII в. как таковая, а о негативных моментах биографии своего главного героя он не упоминает вообще. Один из основных тезисов в тексте — это то, что Междоцарствие, собственно, междоцарствием не является, но что его следует рассматривать как период славных деяний «императора Ричарда». В своих выводах Гебауэр опирается на широкий круг анналов и хроник различных стран — например, хроники Томаса Уайкса, Мэтью Парижского, анналы Уэйверли, а также документы из английских архивов, которые Гебауэру были доступны. При этом труд изобилует цитатами из первоисточников; примечания же помещены в издании справа от текста; не являясь сносками в собственном смысле слова, они состоят из пояснений к основному тексту, играя роль краткого содержания того, что написано в основном. Кроме того, Гебауэр привлекал и документальные источники, в том числе — из папских архивов. Кастильские памятники не использовались вообще.

Влияние Георга Кристиана Гебауэра и Фридриха Шиллера проявляется в работе историков романтического направления. Немецкие романтики были недовольны современностью, и искали то время, когда мир не был испорчен. Их интересовало Средневековье, т. е. та эпоха, которая, по мнению самих романтиков, олицетворяла мощную духовную культуру, не утраченную связь между людьми, а иногда и пример сильной власти императора, объединявшего всю Германию.

В их числе в настоящей работе выделю историка из Анхальта Фридриха фон Раумера (1781–1873), в 1823–1825 гг. писавшего шеститом-

ный труд о Гогенштауфенах и их времени [10]. Основываясь на большинстве известных тогда (да и сейчас) письменных источников, он создал не только историю династии в ее эпохе, но и (и даже в первую очередь) галерею исторических портретов. Сам труд заканчивается на рассказе о смерти Конрадина, что довольно логично, поскольку он являлся последним представителем династии. Что же касается самой Империи, то она предстает как «das alte Reich», что уже само по себе отражает романтический взгляд на период ее существования как на время германского величия, когда у власти находились немцы, стяжавшие достоинство и славу. Следует подчеркнуть и тот факт, что Раумер был верующим католиком и членом католической партии Центра, а в период революции 1848–1849 гг. избирался членом Франкфуртского парламента.

В книге Ф. Раумера Междуцарствие предстает как печальное время заката лучшей эпохи в истории средневековой Германии. Кроме того, нельзя забывать и о том, что, несмотря на религию, Раумер являлся верным сторонником Пруссии, и тот факт, что в 1273 г. королем стал Рудольф Габсбург, отмечался им с особым воодушевлением. Место труда Раумера в германской историографии определяется его принадлежностью к традиции изображения Междуцарствия как трагического кризиса, в силу чего историк-романтик предпочел не рассуждать о нем вообще. И Альфонсо X, и Ричард Корнуэльский затрагиваются лишь вскользь, ибо оба они воспринимаются как чужаки на немецкой земле.

* * *

В середине — второй половине XIX в. в восприятии Междуцарствия как периода германской истории произошли серьезные изменения. Во-первых, значительно усилилась трагическая составляющая, особенно четко выраженная в трудах историков, писавших историю Священной Римской империи в целом (Reichshistorie), а не отдельных ее регионов. Для историков этого направления характерна постановка вопроса об альтернативах развития Германии в случае, если бы трон прочно занял один из трех могущественных и сильных претендентов (Вильгельм Голландский, Альфонсо X или же Ричард Корнуэльский). Разумеется, при этом кастильский король и английский граф по-прежнему оценивались как чужаки, от которых едва ли можно было ожидать позитивных для немцев нововведений: считалось, что их целью являлось только достижение контроля над Италией. Такой взгляд отражал внешнеполитические реалии времени, когда вновь возникающие национальные государства вели острую борьбу за лидерство в Европе.

В описанной парадигме работали, в первую очередь, два австрийских историка — Оттокар Лоренц (1832–1904) и Арнольд Буссон (1844–1892), которые не только жили в одно и то же время, но и являлись друзьями и единомышленниками (не случайно последний, книга которого вышла в свет несколько позднее, неоднократно ссылался на ее страницах на мнение своего друга и коллеги).

Оттокар Лоренц (1832–1904) родился в г. Иглау в Моравии. Учился в гимназии в региональной столице в Ольмюце, а с 1851 г. — на философском факультете Венского университета. В 1854 г. он сдал государственные экзамены по истории и географии и стал сотрудником только что основанного Института австрийской истории. Параллельно, в 1857 г., он поступил на службу в Государственный архив Австрии, материалы которого в дальнейшем активно использовал для своих исторических штудий. В 1860–1870-х гг. О. Лоренц занимается, в основном, средневековой историей; в тот период были созданы такие работы, как «Немецкая история в XIII и XIV вв.», «Немецкие средневековые источники с середины XIII в.», которую посвятил В. Ваттенбаху и др. В эти же годы он активно контактировал с Леопольдом фон Ранке (1795–1886), который в 1868 г. сам приезжал в Вену. Помимо собственно научной работы, историк активно выступал как публицист. До середины 1860-х гг. он являлся активным сторонником имперской идеи Австрии, но в 1865 г. опубликовал статью, где критически оценил действия австрийских властей, а вопрос о конституции и всю ситуацию, связанную с этим, сравнил с Июльской революцией во Франции, за что был уволен из государственного архива и едва избежал заключения. После этого его политические взгляды изменились: он стал немецким националистом, сторонником малогерманского пути развития и поклонником прусского государства [11, S. 170–172].

Арнольд Буссон (1844–1892) родился в г. Мюнстер в Вестфалии. После окончания гимназии поступил в университет Иннсбрука, где изучает историю. В числе его учителей был один из главных лиц проекта «*Regesta imperii*», историк Юлиус Фиккер (1826–1902). В 1863 году он продолжает учебу уже в университете Геттингена, где изучает политэкономия у медиевиста и автора множества изданий средневековых немецких источников Георга Вайтца (1813–1886). Там же, в Геттингене, Буссон получил титул доктора философии, потом переехал в Берлин, работал в университете Фридриха–Вильгельма (ныне — Гумбольдт-университет) и вступил в Историческое общество Й. Г. Дройзена. Среди научных интересов Буссона: немецкая и итальянская история XIII–XIV вв., а также нумизматика и тирольская геральдика.

И Оттокар Лоренц, и Арнольд Буссон создали в своих трудах практически идентичные образы Междуцарствия, поэтому логично рассматривать их вместе. Их концепция была довольно простой: периоду *Interregnum* противопоставлялось время славной истории немецких императоров, их драматической борьбы с папством, вплоть до Фридриха II включительно. То была эпоха как великих личностей, так и значимых деяний, достойных описания и восхищения, а также важных для построения национальной идентичности. Затем следовало собственно Междуцарствие, которое воспринималось как малозначимое и недостаточно интересное («wenig Spektakuläres») [12, S. 153].

Новации прослеживаются и в датировке периода. Для О. Лоренца и А. Буссона Междуцарствие не ограничивается лишь хронологическими границами 1250–1273 гг., а полностью охватывает XIII–XIV вв.¹ [13, S. VI].

Наконец, значимые нововведения, соответствующие духу эпохи, отмечаются и на уровне методологии. Сформировавшиеся под влиянием идей Л. фон Ранке, оба историка трактовали свою дисциплину как строгую науку, которая вместе с тем, согласно О. Лоренцу, интересна не только узкому кругу ученых, но и политикам [12, S. VII]. При этом, задача любого историка, создающего научное историописание (“wissenschaftliche Geschichtsschreibung”), состоит в том, чтобы «объяснить темные стороны человеческой истории исходя из естественных причин» и используя «критический анализ» [12, S. VIII].

Характеризуя период Междуцарствия, О. Лоренц отмечает, что история XIII и XIV вв. вызывает мало интереса как у историков, так и у широкой публики, в противовес XV–XVI вв., времени, «когда были посажены семена будущего великого национального и духовного подъема» [12, S. 9]. Однако предлагаемое читателю исследование, по словам его автора, все равно полезно, поскольку в Средневековье можно найти многие факты и явления, объясняющие современность. В этом смысле XIII–XIV вв., по мнению Лоренца, хотя и не являлись самыми выдающимися эпохами в истории германского государства (т. е. последнее было сильно ослаблено Римом), но имеют большое историческое значение: ведь в то время Империя превратилась в федерацию, более отвечающую национальным интересам немцев.

Выход за пределы национальных рамок в осмыслении феномена Междуцарствия оказался возможным лишь с появлением немецкой испанистики (А. Штайгер [14], П. Э. Шрамм [15]), впервые обратившей

¹ «Die Zeit des großen Interregnums mit besonderer Rücksicht auf Österreich», т. е. «Эпоха Великого Междуцарствия с уклоном в историю Австрии».

внимание на вклад Альфонсо X и Кастилии его времени в целом в развитие «имперской идеи». Необходимость постепенного объединения государств на Европейском континенте вызвала интерес различного рода к истории не только национальной, но и других народов, в частности испанского [16]. Однако это направление не получило значительного развития в немецкой медиевистике, даже несмотря на его теоретическую продуктивность в контексте набиравшей темп европейской интеграции. Поэтому, строго говоря, в немецкой историографии Междущарствие до сих пор остается абсолютно неизученным явлением. Возникает устойчивое ощущение, что слишком часто исследователи, работавшие в XIX–XX вв., почти дословно переписывали труды друг друга. Долгое время не претерпевал сколь-нибудь заметных изменений и круг используемых источников: новые памятники были введены в научный оборот лишь испанистами, но до настоящего времени их дело не получило сколь-нибудь заметного продолжения несмотря на то, что испанисты использовали уже другие источники — испанские, но при этом уже не занимались немецкими просто в силу того, что изучали Кастилию.

Хотя саму постановку проблемы Междущарствия и роли Альфонсо X в его рамках следует отнести к несомненным удачам немецкой медиевистики, однако исследовать это явление как подлинно общеевропейское по своему значению немецкие медиевисты, по существу, не сумели, ограничившись лишь первыми шагами на пути к достижению этой цели. В связи с этим необходимо оценить вклад в изучение означенного круга проблем других национальных школ, что и будет сделано мной ниже.

* * *

Говоря о британской традиции изучения проблемы *Interregnum*, следует подчеркнуть, что историков весьма мало интересовал как сам период Междущарствия, так и связанные с ним события. Британские исследователи опирались на немецких историков, практически не сообщая ничего нового, в том числе — и о вкладе Альфонсо X в историю тех событий (Н. Денхольм-Янг и др.).

Ноэль Денхольм-Янг (1903–1975) родился в 1903 г. в Ливерпуле. В 1923–1926 гг. учился в Кибл-колледже (Оксфордский университет), где изучал историю. В 1930 г. получил степень магистра, в 1956 г. — доктора искусств. В разное время занимал должность хранителя западных рукописей в Бодлианской библиотеке (Оксфорд), являлся старшим научным сотрудником в колледже Церкви Иисуса Христа, а потом, с 1931 по 1946 г. — в колледже Св. Марии Магдалены (оба —

Оксфордский университет). Затем, в 1950-е гг., Н. Денхольм-Янг из-за проблем со здоровьем был вынужден отойти от дел, однако затем ему удалось вернуться к преподаванию уже в университете Северного Уэльса (ныне — Университет Бангор), где он занял должность старшего лектора (доцента). Умер в 1975 г.

В своей биографии Ричарда Корнуольского Денхольм-Янг [17] исследовал историю английского претендента на немецкий престол. Стоит отметить, что это первая биография Ричарда на английском языке вообще. При этом, хотя историк и знал немецкий язык, и ссылался на немецкую научную литературу (а в тот период другой просто не было), события он рассматривал все же с английской стороны и воспринимал Ричарда лишь в контексте попытки реализации имперского проекта английского короля Генриха III (1216–1272). Источники автор использовал, по большей части, английские; в их числе: хронисты XIII в. Мэтью Пэрис и Томас Уайкс, так и документы из английских архивов касательно той части жизни Ричарда, которая не была связана с Германией. Кроме того, привлекались геральдические источники и родословные. Собственно, Денхольм-Янг был первым, кто полностью восстановил родословную Ричарда Корнуольского. Характер выбранных источников объясняется, очевидно, как национальностью автора, так и его научными интересами: как уже было сказано, ученый был признанным специалистом по геральдике, о которой написал не одну работу.

Естественно, у английского историка герцог Корнуольский вовсе не выглядел «чужаком на немецком троне». «Король Ричард» — а именно так он именуется в книге, и это симптоматично¹, — выступал как король, который действительно желал править Германией [17, Р. 40], но для этого имел не так уж много возможностей. Денхольм-Янг подчеркивает, что его герой имел натуру слишком невоинственную, обладал ясным умом и вообще был «менее сангвиническим, нежели его брат Генрих III» [17, Р. 40–41], и поэтому, за исключением городов северо-запада Германии, не особенно вмешивался во внутринемецкие события.

На первый план в трактовке Денхольм-Янга, который смотрел на события с английской точки зрения, вышло не столько Междоцарствие как таковое, сколько споры между двумя августейшими братьями. К слову, понятие «Междоцарствие» в работе Денхольма-Янга просто

¹ Вполне ясно, что если одного из двух претендентов, т. е. Альфонсо X или Ричарда, называют немецким королем, то те, кто так говорят, явно стоят на стороне именно «своего кандидата». Вызвано это может быть разными причинами.

отсутствует. Объяснить это достаточно просто: этот термин используется исключительно немецкими историками, поскольку несет в себе очевидные националистические коннотации, присущие только немцам. Введение категории «Междущарствия» подразумевает наличие пропасти между периодами Штауфенов, с одной стороны, и новой эпохой, начинающейся в 1273 г. с избранием Рудольфа Габсбурга — с другой. О болезненности восприятия этой пропасти в немецком сознании уже говорилось выше.

Между тем для английского историка этот образ был попросту непонятен. Да и Ричард интересовал его не столько как претендент на немецкий престол, сколько как английский аристократ и брат короля. Борьбе же за императорский титул уделено не так уж много места. Гораздо больше говорится, скажем, о роли Ричарда в Крестовом походе 1239–1241 гг., его противостоянии с Симоном де Монфором, и его финансовой деятельности, принесшей ему богатство, которым он пользовался для завоевания имперского престола. И здесь также нужно отметить отсутствие характерного топоса немецкой историографии — мифа об алчных князьях, продавшихся иностранным деньгам. Денхольм-Янг, как, впрочем, и послевоенные историки в самой Германии, не придерживался явно оценочного тона событий Междущарствия; тем более ему были чужды негативные оценки Ричарда как кандидата на имперский престол. Соответственно, об Испании или Альфонсо X говорится лишь то, что он был противником и соперником в процессе выборов.

* * *

Ситуация коренным образом изменилась с появлением школы британской испанистики, блестящим представителем которой стал П. Лайнэан. Выдающийся современный английский медиевист Питер Лайнэан (род. в 1943) — один из тех ученых, которые во второй половине XX в. заложили основы блестящей британской школы испанистики. Как специалиста, его интересовала, прежде всего, история Церкви в средневековой Испании, что вполне объяснимо с учетом ирландского происхождения и католического вероисповедания историка [18].

Перед нами образ Альфонсо именно как мудрого монарха, при котором расцвели наука и искусство. Образ «мудрого короля» явно воспринят из прекрасно известной ему испанской историографии, влияние которой на историка очевидно. В отличие от своего соотечественника Денхольм-Янга, Лайнэан подходит к восприятию и анализу материала как испанист, с соответствующими смысловыми акцентами и эрудицией. Соответственно, Междущарствие, вернее, *fecho del imperio*,

описывается весьма скупо, как далеко не самый удачный эпизод биографии «мудрого короля».

Читатель узнает, что в 1257 г. Альфонсо X, зная о своем родстве со Штауфенами, решил бороться за имперский престол. Последнее является, по Лайнеану, частью его проекта воссоздания так называемой «испанской империи» [19, 134], параллельно с продвижением христиан на юг Пиренейского полуострова. Но проект этот не удался не только по причине удаленности короля от Германии, но, прежде всего, из-за того, что поддержка Папы оказалась не настолько сильной, хотя последний и выражал кастильскому королю свое уважение и хорошее отношение. Причина поведению Папы одна — нежелание видеть сильного монарха на имперском престоле, возникшее во время правления Фридриха II [19, 135].

* * *

Что же касается собственно испанской школы медиевистики, то вплоть до 1980–1990-х гг. XX вв. испанские ученые, такие, как Гаспар Ибаньес-де-Сеговия-Перальта-и-Карденас (1628–1708) [20], Мануэль Кольмейро (1818–1894) [21]; Антонио Бальестерос-Беретта (1880–1949) [22]; Хосе Итурменди Моралес (р. 1947) [25] и др. исследовали процесс борьбы Альфонсо X за имперский престол исключительно как часть собственной национальной испанской истории. Они писали не о «Междуцарствии», а о *fecho del imperio* — «имперском предприятии», собственно, борьбе за имперский престол, ставший вакантным после пресечения прямой линии потомков Фридриха II. В отличие от Германии, где те же события оценивались и оцениваются как симптомы глубокого кризиса, для Испании то же время считается периодом расцвета средневековой кастильской государственности. Испанские историки видят борьбу за имперский престол как череду неоднозначных, но, в конечном итоге, великих событий, и не считают появление на имперском троне негерманского претендента чем-либо дурным. В противовес ему выступает «чужой» Ричард Корнуольский, который, в отличие от «немца» Альфонсо X, человека высокой культуры и образования, давшего миру знаменитые «Семь Партид», выдающийся свод законов. Испанские историки и датируют этот период по-другому, нежели специалисты немецкие: так, «*fecho del imperio*» начинается только в 1257 г., когда происходят выборы одновременно Ричарда и Альфонсо, и с этого момента вплоть до 1273 г., т. е. избрания Рудольфа Габсбурга королем Германии (1218–1291; годы правления 1273–1291). У испанских историков видна некоторая «фрустрация» от итогов этого процесса, о чем подробнее сказано ниже.

Особое внимание в их трудах уделено родству Альфонсо X с династией Штауфенов, а акт борьбы за престол Священной Римской империи осмыслялся как выход Кастилии на уровень большой европейской политики, первый в ее истории. При этом источники не испанского происхождения почти не исследовались. Основное же внимание уделялось политической истории в ее классическом смысле, в ущерб другим сферам, в том числе истории культуры.

Сюжеты, связанные с историей борьбы Альфонсо X за имперский престол Священной Римской империи, разумеется, всегда находились в поле внимания испанских историков, начиная с эпохи Средневековья, когда по живым следам событий, всего через несколько десятилетий после их завершения, они нашли отражение в «Хронике Альфонсо X» (начало XIV в.). Однако их осмысление с позиций историографии Нового времени вышло за пределы простого пересказа событий лишь в начале XVIII в.

В тот период Испания переживала серьезный кризис как политический, так и экономический, вызванный войной за Испанское наследство (1700–1714). Конфликт начался по причине вакуума власти на испанском престоле, на который после смерти Карла II претендовали как австрийские Габсбурги (речь идет об эрцгерцоге Карле (1685–1740), так и Бурбоны (речь идет о дофине Филиппе, будущем короле Испании Филиппе V (1673–1746), внуке «короля-солнце» Людовика XIV). В результате этой войны на испанский трон взошла династия Бурбонов, правящая в стране и по сей день. В результате этого Испания испытывала сильные французские влияния, причем не только в политической и экономической, но и, что особенно важно в контексте настоящей работы, в интеллектуальной сфере. Следствием этого стало начало утверждения в испанской историографии принципов историософии французского Просвещения [26].

Именно в это время вышел в свет труд Гаспара Ибаньеса-де-Сеговия-Перальта-и-Карденас (1628–1708). Историк родился в г. Сеговия, в знатной и богатой семье. Его родителями были Матео Ибаньес де Сеговия — представитель кастильского дворянства, королевский казначей, и Эльвира Перальта и Карденас. Семье принадлежало множество земельных владений в разных районах Кастилии. В 1636 г. будущий историк получил в наследство от своего прадеда Урбана де Перальта титул рыцаря Алькантара. С юности ему пришлось принять участие в управлении домашним хозяйством и заботиться о своих братьях. Один из них впоследствии станет представителем королевской власти в Перу и уедет в Америку. Другой из них тоже уедет,

но в Чили, где станет капитан-генералом и вступит в орден иезуитов. В 1661 г. Г. Ибаньес получил должность суперинтенданта Монетного двора Сеговии. В это время у будущего историка появляется конфликт с доном Хуаном Австрийским-младшим, и тогда появляется первый его вышедший в свет текст — сатирическая поэма «Монах и корона». На заработанные деньги и благодаря богатому хозяйству, Г. Ибаньес смог заниматься историей, к чему проявлял изначально склонности. Так, он пишет трехтомную историю финикийского Кадиса, труды по исторической хронологии и т. д. Самым известным его произведением является история дома маркизов Мондехар и графов Тендилья. Во время войны за Испанское наследство не присоединяется ни к одной из сторон. Но конфликт не обошел его стороной, и два его сына попали в плен к португальским войскам, воевавшим на стороне Габсбургов. После войны Филипп V конфисковал часть его библиотеки и отправил в Королевскую библиотеку уже после смерти, в 1712 г.

В контексте настоящей работы важно рассмотреть написанную им биографию Альфонсо X — «Исторические записки о короле доне Альфонсо Мудром и наблюдения, касающиеся его хроники» [20], изданный уже после смерти автора в 1777 г. Она представляет собой жизнеописание короля и, в качестве приложения, критику исторических трудов XIII века, сложившихся в рамках «возрождения XIII века» Альфонсо X Мудрого. Свою работу Г. Ибаньес посвятил королю Филиппу V (1700–1746). Он подчеркивал, что в его время (Война за Испанское наследство) Испания втягивается в серьезную конкуренцию, в том числе интеллектуальную, с Францией, что для Испании могло стать существенным стимулом для культурного развития [20, Р. XX]. Свой рассказ о временах «мудрого короля» Г. Ибаньес рассматривал как написание молодому правителю, лишь недавно вступившему на престол. Вместе с тем он желал подчеркнуть и тот факт, что Испания — новое отечество Филиппа V, — знала периоды культурного и политического расцвета, одной из вершин которого стало избрание Альфонсо императором Священной Римской империи. Но, несмотря на величие самого короля, его сыновья и вассалы оказались неверными и в итоге период оказался впоследствии забыт. И поэтому автор пишет историю правления Альфонсо X.

Работа основана на документах из церковных архивов, которые были доступны автору, а также на текстах из его собственной библиотеки, к примеру, на хронике Матвея Парижского (Мэтью Пэрис). Рассказывая о событиях Междуцарствия, историк сам перечисляет те хроники и анналы, которыми он пользовался [20, Р. 130–131]. Сам прецедент

избрания Альфонсо X императором автор назвал «особенным успехом Испании в мире», а о мудрости, учености и величии короля в Европе (если верить автору) ходили легенды. Г. Ибаньес вспоминает о родстве Альфонсо со Штауфеном, и о этой династии также отзывается положительно, поскольку «эта прославленная семья больше сотни лет правила империей» [20, Р. 132].

Книгу характеризует четкость и простота методологии. Автор начал свой труд с краткого комментария, а потом подкрепил его многочисленными архивными документами и хрониками, тексты которых он включил в свой основной текст. После каждой цитаты он вводил дополнительный комментарий, хотя подбор источников изначально был осуществлен таким образом, чтобы обосновать априорные авторские идеи и заранее отвести иные возможные интерпретации. Например, ничего не говорится о том, что писали сторонники Ричарда, каковы были его действия и его роль в процессе. Ричарда в этом тексте, по сути, нет. С одной стороны это неудивительно, поскольку целью историка было создание биографии Альфонсо X, а не описание всех — или даже наиболее важных, — событий его эпохи.

С другой стороны, в описании Междуцарствия Г. Ибаньес уверенно следовал своей изначальной линии на восхваление кастильского короля. Для историка именно он являлся легитимным императором, что подчеркивалось даже в названии книги, где Альфонсо X, помимо прочего, именовался «...electo Emperador de los Romanos», т. е. избранным императором римлян. Кастильский король не представляется, — и в этом важное отличие от немецких трудов на ту же тему, — как чужой для немцев. Впрочем, таковым не был представлен и его соперник Ричард Корнуольский: в тексте отсутствуют замечания о его этничности или государственной принадлежности. Оба являлись родственниками Штауфенов: это и было наиболее значимым. Соответственно, и Ричард оказывался не подкупившим всех немецких князей иностранцем, а просто нелегитимным правителем, избранным лишь частью Германии.

В этом видно и отличие от текстов немецких историков (за исключением лишь Г. К. Гебауэра, но по вполне понятным причинам), даже написанных современниками Альфонсо X. Князья не представлены заботящимися только о своем благе региональными правителями, но полновластными выборщиками. Междуцарствие, по мнению Г. Ибаньеса, для Германии безусловно являлось кризисом власти и гражданской войной; но для Испании этот факт в то же самое время был настоящим триумфом, достойным патриотического описания и рассказа

испанскому королю Фелипе V, для которого и была написана вся рассмотренная книга.

С ее появлением возможности оригинальных интерпретаций процессов и явлений, связанных с ролью Альфонсо X в событиях Междоцарствия, были исчерпаны на целые два столетия, до конца XIX в. Испанская — колониальная — империя должна была оказаться у последней черты для того, чтобы новую актуальность приобрел исторический опыт первой попытки создания имперской — если и не Испании, то ее станового хребта — Кастилии.

* * *

В конце XIX — первой половине XX в. проблема истоков и характера имперской идеи Альфонсо X, «европейского монарха», вновь обрела политическую актуальность в условиях политического и морального кризиса, ставшего следствием поражения Испании в испано-американской войне 1897–1898 гг. и окончательного распада испанской колониальной империи. Особых различий в трактовках событий, представленных в историографии эпохи Республики и периода франкизма, мне обнаружить не удалось. Главное, что было сделано в ту эпоху — это особое внимание в рамках *«estudios alfonsies»* вопроса об имперском характере государственной идеологии в правлении Альфонсо. В условиях тесных испано-германских отношений и грез о восстановлении имперского величия, характерных для консервативно-традиционалистского (позднее — франкистского) лагеря, испанские историки интерпретировали образ кастильского короля как потенциального избранного германского императора, но с разными тональностями. В работах исследователей этого времени имперская идея выступала следствием сильной власти монарха, законодателя и правителя по рождению, что не противоречило роли закона и идее унификации законодательства. Монархия должна была носить универсалистский характер, т. е. быть примерно тем же, что великий Э. Канторович называл *«Universalreich»*. Это образ католического мудрого и сильного властителя, объединяющего не только Испанию и Германию, но и Европу. Естественно, с опорой на римское право и на греческих философов.

Разумеется, сказанное касается лишь общих представлений и не исчерпывает богатства конкретных концепций, о которых пойдет речь далее. Начну историографический анализ с содержания одного из наиболее значимых памятников испанской национальной историографии: в 1893 г. Королевская Академия истории завершила публикацию многотомного труда — *«Общей истории Испании»* [22]. Над ее отдельными томами

работал ряд опытных и маститых историков, при этом каждый занимался своей тематикой и периодами. Общую редакцию труда взял на себя один из наиболее видных политиков — Антонио Кановаса-дель-Кастильо (1828–1897), создатель Консервативно-Либеральной партии и многолетний глава правительства. Всего было издано восемнадцать томов.

Создание Академией глобального исторического труда, несомненно, являлось важным политическим шагом, призванным символизировать высокий уровень испанской культуры и — увы, сильно преувеличенные — возможности испанского государства, относительно недавно пережившего революцию 1868 г. и последовавший за ней период политической нестабильности, завершившейся реставрацией Бурбонов (1875 г.) и принятием Конституции 1876 г. «История...» охватывала все периоды прошлого испанского народа, включая, естественно, и период высокого Средневековья, которому был посвящен четвертый том.

Он охватывал эпоху, начатую правлением «императора трех религий», завоевателя Толедо Альфонсо VI (1065–1109) до и продолжавшуюся до эпохи Трастамара (вторая половина XIV в.) (включая, естественно, и время правления Альфонсо X). Автором тома являлся Мануэль Кольмейро, видный историк и экономист, уроженец Сантьяго-де-Компостела, являвшийся действительным членом Академии с 1857 г. [27]. В числе его трудов самым известным стала «История политической экономии в Испании», вышедшая в 1883 г. В «Истории Испании...» же он выступил в качестве медиевиста.

Книга написана в традициях позитивистской историографии, ориентированной исключительно на научный стиль изложения, максимально сухо и «объективно», а потому лишена оценок, той самой авторской субъективности, которая, как правило, и представляет наибольший интерес для историка исторической мысли. Сверхзадачей участников проекта являлось создание большого исторического нарратива, лишённого оценок и четко соответствующего критериям «научности». В изображении даже самых известных и сильных королей Кастилии, в число которых, безусловно, входил и Альфонсо X, не осталось и следа от той тенденциозности, которая свойственна труду Г. Ибаньеса. Перед нами лишь еще один король, хоть и «отметившийся» ученостью и даже тем, что его избрали императором. Хотя последнее уже не воспринимается здесь как какой-либо триумф.

Собственно, Междоцарствию в томе отводилось очень немного места, поскольку соответствующие события представлялись историку скорее косвенно связанными с прошлым его родины. Соответственно, *fecho del imperio* как исторический феномен интересовал М. Кольмейро

скорее в качестве периода активного продвижения позитивного образа Кастилии в тогдашней Европе. Историк подчеркивал, что на латинском Западе ходили легенды о учености, красноречии и могуществе кастильского государя, блиставшего как в мирное, так и в военное время [21, Т. IV, Р. 114]. Отмечается, однако, что в самой Кастилии Альфонсо X был отвергнут из-за своего немецкого происхождения — как родственник Штауфенов — благодаря браку его отца с Беатрисой Швабской. Впрочем, именно это происхождение и мотивировало некоторых германских князей избрать его императором и королем римлян.

М. Кольмейро не написал ни слова о том, зачем король Кастилии мог понадобиться Германии в качестве императора. Тем не менее подчеркивалось, что в Империи кандидатуру Альфонсо поддержали отнюдь не все, а поэтому он получил конкурента в лице брата английского короля Ричарда Корнуольского. При этом выборы слишком активно перемежались ссорами и войной, несогласием и ненавистью между кандидатами, которые, как отмечал М. Кольмейро, оба не были уверены в своем праве на престол. Из-за этой никто не слушал посредников, никто не искал соглашения, но каждый готовился к войне. В это время Ричард получил королевскую корону в Аахене из рук своих друзей, а Альфонсо из-за проблем с его кастильскими вассалами стал все меньше интересоваться идеей стать императором, хотя не переставал участвовать в событиях, правда, действуя не лично, а через послов и раздачи денег нужным ему людям. А в то же время состояние Королевства Кастилия и Леон становилось все более удручающим. На этом рассказ о Междуцарствии и роли Альфонсо X в нем заканчивается [21, Т. IV, Р. 115].

В рассказе М. Кольмейро Альфонсо X и Ричард Корнуольский выступали лишь как участники одного и того же не самого славного и достойного события, когда закон презирался, шла война, а кастильский король еще и тратил деньги на подкупы князей. Когда он решил ехать в Германию, будучи уже провозглашен императором, то узнал о готовящемся против него бунте в родной стране, а потому был вынужден отменить поездку. Позднее, в 1270-х гг., после смерти Ричарда, немецкие князья собрались во Франкфурте и решили избрать нового короля, коим и стал, как известно, Рудольф Габсбург; к этому времени о кастильском короле все уже успели забыть. Впрочем, есть упоминание о посольстве и войске, посланном в Марсель, и о том, что до последнего Альфонсо носил императорские инсигнии, из-за чего вознегодовал уже Папа. При этом о каких-либо действиях Ричарда не сказано ни слова, кроме упоминания его коронации в Аахене.

Если посмотреть на описание правления Альфонсо X, представленное М. Кольмейро, в целом, то оно свелось почти исключительно к многочисленным конфликтам с соседями, прежде всего — с маврами. Король ни разу не именуется Мудрым, как его было принято называть до этого и как неизменно будут величать потом. Альфонсо X у М. Кольмейро оказывается лишь одним из череды испанских королей, правление которого состояло из Реконксты, а также странных и разнородных по характеру отношений с другими пиренейскими королевствами. Оно не кажется ни триумфом, ни одним из лучших правлений в испанской истории, но лишь одним из многих эпизодов национальной истории. Даже о «мудрости»¹ короля было сказано только то, что о нем слышали все в Европе. О какой-либо научной деятельности, сочинениях, переводах с арабского, поэзии не сказано ни слова. Мы видим текст, наполненный «сухими фактами» в духе позитивистской историографии. Не оставалось даже патриотизма, столь характерного для испанских больших исторических нарративов такого рода.

Впрочем, как будет показано ниже, М. Кольмейро и его текст оказались скорее исключением, чем правилом. Не случайно и то, что его влияние на дальнейшее развитие *estudios alfonsíes* оказалось относительно невелико.

Переходя к разговору о восприятии исследуемых событий в историографии XX в., отмечу, что его начало было для Испании временем активнейшего сотрудничества с Германией, что отражалось как в научных, культурных, экономических и политических контактах, но и на уровне эмоций, взаимных симпатий. Германия воспринималась испанскими правыми как оплот консерватизма, как мощное националистическое государство под эгидой Пруссии с сильной центральной властью — т. е. всем тем, чего так не хватало самой Испании. Мадрид, с легкой руки последовательного германофила Альфонсо XIII (1886–1931), зажил по берлинскому времени (и продолжает руководствоваться им до сих пор).

Перед Первой мировой в Испании сформировалось две противоположные позиции интеллектуалов и политиков: первая, состоявшая, в основном, из либералов, симпатизировала Антанте и говорила о необходимости вступить в будущую войну на стороне Англии и Франции (или во всяком случае поддерживать именно эти страны), вторая (правые-германофилы) ратовала за союз с Германией и выступление в войне в качестве ее союзника. Хотя в конечном итоге страна не уча-

¹ Слово «мудрость» берется в кавычки исключительно из-за споров вокруг перевода слова «*sabio*», несмотря на традицию.

ствовала в Первой мировой, однако, сам факт наличия таких групп весьма симптоматичен. Причем правые лишь усилили свои симпатии к Германии, даже несмотря на смену власти в последней. А потом началась трагедия Гражданской войны (1936–1939), и нацисты напрямую вмешались в испанские события на стороне своих симпатизантов.

Среди историков-германофилов, занимавшихся интересующим меня сюжетом, в первую очередь назову имя Антонио Бальестероса Беретты (1880–1949). Ученый родился в 1880 г. в Риме в знатной и состоятельной семье. Учился в иезуитском колледже в г. Чамаргин-дела-Роса, а впоследствии поступил в университет г. Оньяте, где изучал право и историю. В те же самые годы дядя историка — Пио Бальестерос, хорошо знающий немецкий язык, ознакомил племянника с многочисленными трудами немецких ученых по методологии истории, оказавшими на него весьма существенное влияние.

Впрочем, было бы чрезмерным сводить образование А. Бальестероса исключительно к германской историографии. Хорошо знавший не только немецкий, но и французский язык, он прослушал курсы Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. И тем не менее, в конечном итоге, германский вектор, кажется, возобладавал. Историк неоднократно посещал Фрайбург и не раз встречался с самим Л. фон Ранке, влияние которого на А. Бальестероса неоспоримо. Испанским же его учителем стал историк литературы, филолог и лингвист Хулио Сехадор-и-Фраука (1864–1927).

В 1906 г., получив степень доктора, А. Бальестерос начал работу в университете Севильи, а в 1912 г. получил кафедру всеобщей античной и средневековой истории в Центральном университете Мадрида (ныне Университет «Комплутенсе»). С 1914 г. историк также работал на кафедре истории Америки философского (общегуманитарного) факультета. В 1918-м стал академиком Королевской Академии истории. В 1920 г. А. Бальестерос встал во главе кафедры истории Испании. Наконец, именно он стал одним из учителей детей последнего испанского короля Альфонсо XIII. Будучи убежденным монархистом, историк не принял Республику, а тем более — Народный фронт. В период Гражданской войны его дом в Мадриде был разграблен республиканцами. Правда, поначалу не принял он и франкизма. В 1939 г., после поражения Республики, он укрылся в посольстве Мексики, а затем эмигрировал в Латинскую Америку. Тем не менее в 1940-х гг. он смог вернуться и умер уже в Памплоне в 1949 г. [26]

В контексте настоящего исследования особенно интересны три небольшие работы А. Бальестероса, посвященные Альфонсо X и его

имперскому предприятию: биография кастильского короля («Альфонсо Мудрый») [22], «Альфонсо X Кастильский и корона Германии» [23], речь в Королевской академии истории «Альфонсо X, император (избранный) Германии» [24]. И хотя формат и жанр этих текстов различался, в них прослеживаются одни и те же идеи и основываются они на одних и тех же источниках. В числе последних на первое место следует поставить «Семь Партид» — одним из величайших памятников законодательной деятельности Альфонсо X, тем более что будучи юристом по образованию и находясь под влиянием своей дружбы с Л. фон Ранке, А. Бальестерос в первую очередь опирался на правовые тексты.

Статья, написанная в 1919 г. о *fecho del imperio*, являлась первой работой на испанском языке по этой тематике. Собственно, уже само название статьи говорило об отношении автора к имперскому предприятию и королю. Для А. Бальестероса Альфонсо X являлся великим правителем, поднявшим Испанию до мирового уровня (так и хочется написать «...с колен») и установившим дружественные отношения с Германией. С юности историк был тесно связан с немецкой культурой, знал немецкую научную литературу, в том числе посвященную Междуцарствию, — и несомненно испытал ее влияние. Не случайно историк активно использовал характерный для Германии термин «Великое Междуцарствие». В своей статье же он рассматривал не столько фактологическую сторону вопроса и отношения Альфонсо X с итальянскими гибеллинскими городами, сколько сторону «идеологическую».

Для А. Бальестероса *fecho del imperio* было не только попыткой установить контроль над Италией, воспользовавшись поддержкой Германии; но и следствие очевидного желания Альфонсо X обрести императорскую корону как таковую. Он изначально мечтал стать императором, что в полной мере отразилось в Партидах, хрониках и др. текстах, сформированных под его руководством. Подчеркивалось, что «мудрый король» проводил четкую идеологическую линию, не забывая о своем швабском, т. е. германском, происхождении. Соответственно, Ричард Корнуольский, его соперник, становился ставленником Рима, избранным нелегитимно, а просто подкупившим немецких князей. Эти выводы были сделаны с учетом данных источников германского происхождения и немецкой научной литературы. С открытой симпатией А. Бальестерос создавал образ кастильского короля как выражение нового этапа развития имперской идеи, со своеобразным «испанским колоритом».

В этом контексте кастильский король для Германии оказывался не чужаком, но достойным представителем династии Штауфенов, оли-

цветворением идеи сильной власти, которая была так необходима тогдашней Империи, особенно в драматических условиях Междоусобия. Подобному анализу был подвергнут текст Второй из «Семи Партид», которую А. Бальестерос рассматривал как важнейшее воплощение имперской идеи, как торжество имперской правовой мысли. С точки зрения понимания общей концепции А. Бальестероса важно содержание лекции, прочитанной историком в 1919 г. в Королевской Академии истории по случаю избрания его в число академиков. В его интерпретации рассказ об Альфонсо X как некоронованном императоре Германии сводился к анализу значимого эпизода истории испано-немецких контактов. Отголоски этого представления ощущаются в работах едва ли не всех медиевистов XX — начала XXI вв., работавших над этой темой после А. Бальестероса.

Интересно, что А. Бальестерос вообще не коснулся финансовых операций Альфонсо X, не сказав о них не слова ни в одном из трех рассматриваемых здесь текстов. Мы не видим и характерного для немецкой историографии тезиса о чужаках на престоле, поскольку автор на протяжении всей лекции подчеркивал немецкое происхождение своего героя. Скорее всего, сам выбор тематики всех трех исследований, а также представленный в них образ кастильского короля должны были намекать на необходимость союза и сотрудничества с Германией уже в XX в. Ощущается и личная симпатия автора к немецкой культуре, о которой говорилось выше. Это объясняет и преисполненную пафоса стилистику текста, даже с учетом особенностей формата публичной лекции. В биографии и статье подобного не наблюдается. То, что Альфонсо так и не стал править Германией, автор объясняет лишь серьезной занятостью кастильского короля более близкими ему чисто географически делами и сложностью пути до границ Священной Римской империи; лишь затем фигурируют факты, связанные с избранием на королевский престол Рудольфа Габсбурга.

* * *

К совершенно иному поколению, чем А. Бальестерос, принадлежал Хосе Итурменди Моралес, публицист, юрист, правовед и историк права. Он родился в 1947 г. в Мадриде, в 1960–1968 гг. изучал в «Комплутенсе» журналистику и право. В 1970–1978 гг. Х. Итурменди преподавал право в университете Страны Басков, в 1978–1979 гг. — в университете Экстремадуры, а в 1979 г. получил место на кафедре философии права юридического факультета в Мадриде, где через восемь лет стал деканом и руководил факультетом до 2008 года. В 2011 г. он участвовал в выборах ректора Мадридского университета, но проиграл. Кроме Испании,

читал лекции в Болонском университете, Национальном университете Буэнос-Айреса и университете Эль-Сальвадора (Сальвадор).

Помимо его работ по римскому праву, ему принадлежит исследование «Об имперской идее Альфонсо X Мудрого» [23], написанное в 1972 г. В ней автор исследует испанскую имперскую идею, описывая историю ее развития начиная с XI в. Автор полагал, что она возникла в связи с активным изучением римского права в средневековых пиренейских королевствах и что местом зарождения этой идеи стал Леон. На Пиренеях, по его мнению, идея империи была связана не только и даже не столько с христианством, сколько с образом монарха как Законодателя и правителем «по рождению»¹, а также с идеей правовой унификации [23, Р. 106]. Таким образом, в противовес концепции А. Бальестероса, Х. Итурменди сформулировал тезис об исключительно испанской почве развития кастильской имперской идеи, возведя ее истоки к единственному внешнему источнику — римскому праву. Вероятно, причины такого подхода объяснялись не только образованием и научными интересами Х. Итурменди (хотя их значения и нельзя недооценивать), но и изменившейся эпохой. Исследование было написано в период, когда было не принято придавать особое значение испано-германским отношениям. XX век вступил в свою последнюю треть. И политически, и экономически, и интеллектуально Испания и испанская наука были ориентированы не столько на Германию, сколько на нового мирового гегемона — США. И хотя в работе Х. Итурменди влияние американской медиевистики еще не фиксируется, уже вскоре оно станет весьма ощутимым. Об этом и пойдет речь в следующей главе.

* * *

Особое место в истории исследования интересующих меня процессов занимает американская испанистика. Изначально представленная исключительно учеными-католиками (и более того — членами Общества Иисуса), она выдвинула новую исследовательскую парадигму, связанную с восприятием правления Альфонсо X как эпохи культурного подъема и «Ренессанса XIII в.», пригодную, среди прочего, и в рамках задачи продвижения и пропаганды культурных ценностей католической общины США. Постепенно (в том числе — под прямым влиянием известной биографии Фридриха II, написанной Э. Канторовичем [24]), для характеристики политики Альфонсо X стала использоваться модель, изначально выработанная для описания свершений «Нового

¹ В оригинале «señor natural»ю

Константина». Таким образом, в истории борьбы Альфонсо X за имперский престол на первое место впервые была выдвинута не политическая, а культурная составляющая.

Этому способствовали такие выдающиеся исследователи, как Роберт Игнациус Бернс (1921–2008) [30], Джозеф О'Каллаган (1928–2011) [31] и др. Успехи в продвижении этой модели оказались столь значительными, что с течением времени они оказали серьезное влияние и на испанских историков, занятых соответствующей проблематикой. Вместе с тем на их концептуальные представления значительное влияние оказали и выводы их немецких коллег, что позволило более тщательно реконструировать собственно политическую составляющую событий второй половины XIII в. При этом не было забыто и то лучшее, что характеризовало испанскую медиэвистику изначально — прежде всего, в связи с исследованиями истории права и общественной мысли.

В середине XX в. в США стал проявляться интерес к средневековой Испании. Помимо сообщества, созданного А. Хантингтоном, стоит упомянуть еще одну важную, хотя и не напрямую связанную с испанистикой институцию — «Американскую католическую историческую ассоциацию». Она была создана в 1919 г. Питером Гилдеем (1884–1947) — католическим священником, историком и выходцем из ирландской семьи, жившей в Пенсильвании. Гилдей из несвязанных между собой историков, филологов и т. д. организовал институцию, которая бы помогала в изучении истории церкви и «католических аспектов светской истории» [32]. Ученые, принадлежавшие к этой ассоциации, поставили целью изучение как истории христианства, начиная с эпохи апостолов, так и развитие католицизма во всем мире, а также аспекты жизни людей, связанных с католическим христианством. Также объектами интереса были и догматика, обряды, образовательная деятельность, влияние католицизма на человеческий прогресс и т. д. [32]. Естественно, в этой организации не могли обойти и Испанию и испанское Средневековье. И одним из первых, кто проявил интерес к этой тематике и поднял эти проблемы в США, был американский историк ирландского происхождения Джозеф О'Каллагэн.

Историк родился в 1928 г. в католической семье, но посещал светскую школу. Получив в 1957 г. степень доктора, он стал членом «Американской католической исторической ассоциации», а в 1980 г. в течение года даже являлся ее президентом. К его научным интересам относились история Средних веков, история средневековой Испании, а также история средневековых политических институтов, особенно

монархии и парламента. С 1960-х гг. Дж. О'Каллагэн преподавал в университете Фордхэм, находящемся в Нью-Йорке, являющемся одним из католических университетов страны и принадлежащем ордену иезуитов. До 1994 г., когда историк ушел на пенсию, он руководил центром исследований истории и культуры Средневековья в родном университете.

Работа О'Каллагэна — «Ученый король: Альфонсо X Кастильский» [32], — вышедшая в начале 1990-х гг., предлагает несколько иной взгляд на период правления Альфонсо X и на личность короля как такового. Хотя в основе идеи идентичны тем, что были высказаны в 1975 г. в «Истории Испании», можно обнаружить и некоторые отличия, свидетельствующие об определенном развитии взглядов историка. Вызваны они, скорее всего, простой причиной: формат большой «Истории средневековой Испании» не позволял достаточно подробно остановиться на рассказе о конкретной эпохе, меньшей, нежели испанское Средневековье в целом. Что же касается книги более позднего времени, то она была специально посвящена биографии Альфонсо X.

Уже в ее названии видно отношение автора к своему персонажу. Кастильский король предстает в абсолютно позитивном свете — как ученый правитель. Ощутимо влияние концепции другого американского историка — Роберта Бернса, с которым О'Каллагэн был хорошо знаком лично и на работы которого неоднократно ссылался. Книга основана на данных весьма широкого круга источников, как нарративных, так и законодательных, в том числе «Семь Партид» и местные фуэро. Значительное внимание уделяется рассмотрению направлений интеллектуальной деятельности кастильского короля, и отмечается просветительская направленность его политики. Правда, касательно законодательной части трудов Альфонсо X мнение историка остается таким же, как и в 1975 г., за исключением мысли о том, что король считал себя прямым наследником вестготской «имперской» традиции. Примечательно уже начало главы «Ученый король», где автор передает мнения современников Альфонсо X о его учености. Интересно посмотреть на новую интерпретацию событий *fecho del imperio* (к слову, в североамериканской историографии этот термин не употребляется; вместо него используется более общее выражение «Quest for Empire»). Взгляд на имперское предприятие в данной работе остается тем же, что и двадцать лет назад, за тем исключением, что в 1993 г. историк предложил объяснение причин этого шага. По его мнению, помимо вестготской традиции и своего происхождения, такой причиной стало желание стать гегемоном и императором в Испании с помощью завоева-

ния имперской короны в Германии. Такая трактовка выглядит довольно неожиданно и, казалось бы, требует дополнительной аргументации. Но ничего подобного О'Каллагэн не предлагает и вопрос как бы повисает в воздухе.

Помимо Джозефа О'Каллагэна в американской испанистике значимое место занял еще один историк — Роберт Игнациус Бернс (1921–2008). Он родился в 1921 г. в Сан-Франциско. В 1939 г. поступил в университет в своем родном городе, а в 1940-м стал членом Общества Иисуса. В университетах Сан-Франциско, Санта-Клары (Калифорния), а также Гонзаги в Вашингтоне Р. И. Бернс изучал историю и философию, а в 1945 г. получил степень магистра. После этого он поступил на службу архивистом в Иезуитский исторический архив, в котором находилось большое количество материалов по истории Вест-Индии. В середине 1940-х ученый получил степень магистра истории в университете Фордхэм, а также степень бакалавра теологии в Калифорнийском университете. После этого, его направили в Сан-Франциско, где он руководил одним из приходов, а в 1954 г. он отправился на кратковременную командировку во Флоренцию в Италию. В 1958 г. получил степень доктора истории в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, и через двадцать лет он создал в нем Институт Средиземноморской Испании (Instute of Mediterranean Spain). Среди его научных интересов находились как средиземноморская Испания, так и история северо-западной части США, располагающейся рядом с Тихим океаном.

Такая сфера интересов имела свои причины: еще в сороковые Р. Бернс утверждал, что историк должен заниматься и современностью, и более древними временами, чтобы сохранять объективность [33]. Из-за многочисленности его работ перечислить возможно лишь некоторые из них: «Королевство крестоносцев в Валенсии: реконструкция фронта XIII в.» [34], «Мусульмане, христиане и иудеи в королевстве крестоносцев в Валенсии: общества в симбиозе» [35], «Средневековый колониализм: эксплуатация мусульманской Валенсии после Крестового похода» [36], «Иезуиты и индейские войны Северо-Востока США» [37] и др. Как видно, для Р. Бернса Испания — это страна в Европе, которая пережила то же явление, что и его родина, а именно — феномен фронта. С той лишь разницей, что в средневековой Испании граница проходила и расширялась за счет отвоевания у мусульман земель Пиренейского полуострова, что непосредственно влияло на испанскую культуру, тогда как покоренные индейцы практически не оказали влияния на своих победителей. Наряду с католическим вероисповеданием

и принадлежностью к ордену иезуитов, этот факт во многом объясняет истоки научных интересов ученого, его внимание к истории средневековой Испании.

Впервые была выдвинута концепция периода правления Альфонсо X как особого ренессанса — «Ренессанса XIII в.». Замечу, что концепция средневековых возрождений чрезвычайно важна для американской медиевистики. По Р. Бернсу, через Вестготское, Каролингское и Оттоновское возрождения культура Средних веков подходит к «ренессансу XIII в.», предворяющему «большое» Возрождение, а следовательно — в какой-то мере и Реформацию, и рожденный ею протестантизм, определяющее влияние которого на становление государственности Соединенных Штатов общеизвестно.

Помимо этого, Р. Бернс подчеркивал прямое влияние трудов Альфонсо на современную американскую культуру. В его интерпретации законодательные инициативы кастильского короля имели первостепенную значимость, поскольку породили первый в христианской Европе светский законодательный кодекс. Наконец, Р. Бернс прямо называет Кастилию средневековым фронтиром [30, Р. 1], и в этом смысле роль Альфонсо X также оказывается весьма значительной. Его жизнь состояла, по мнению историка, из двух частей: той, в которую он больше воевал и занимался Реконкистой, и другой, посвященной, главным образом, деятельности законодательной, культурной и интеллектуальной.

Об имперском предприятии Р. Бернс не высказывался, хотя и упоминал о нем. Гораздо важнее ему было показать культурную составляющую политики Альфонсо X, который не только создал почти современное по техническому уровню право, но и развил молодой — кастильский — язык. Благодаря синтезу римского права с исламскими влияниями появились «Семь Партид» — попытка правовой унификации на основе светского законодательного кодекса: подобное было сделано лишь Юстинианом и Наполеоном [30, Р. 5]. Историк упоминал даже о статуе Альфонсо в Вашингтоне, представленной в ряду других, «как один из величайших в мире законодателей» [30, Р. 5]. Упоминаются и написанные кастильским королем «Кантигио святой Марии», которые сравниваются с «Божественной комедией» Данте. Хроники же эпохи Альфонсо X — это, замечал Р. Бернс, — не только являлись эталоном для Средневековья, но и выступали образцом современного подхода к истории, поскольку включали сведения не только о политической, но и о социальной и культурной истории [30, Р. 6].

Таким образом, в статье Р. Бернса перед нами предстает не просто один из монархов Европы, а один из величайших и самых ученых

королей. Историк даже именуется его «настоящим королем-философом» («...the prototypical philosopher king») [30, Р. 1]. Само название статьи «Stupor mundi», т. е. чудо мира, должно говорить о величии короля и его божественной миссии на земле. Неизвестно, присутствует ли в выражении «stupor mundi» сознательная отсылка к Э. Канторовичу: ведь это выражение хронист Мэтью Парижский адресовал его герою — Фридриху II Гогенштауфену. Однако сходство фундаментальных идей налицо. Получается, что, внешне лишь вскользь касаясь темы борьбы Альфонсо X за имперский престол, Р. Бернс на самом деле придавал этому сюжету много большее значение, поскольку образ кастильского короля-политика и покровителя искусств лепился историком с модели «нового Константина» (Фридриха II), сложившегося под пером Э. Канторовича. Не случайно в заглавии сборника Альфонсо X предстал как «император культуры».

* * *

Вернемся, однако, на европейский континент, в Испанию, с которой и была связана практически вся деятельность «Мудрого короля». В конце 1970–1990-х гг. образ испанской медиевистики претерпел сильные изменения. Падение режима Ф. Франко, рост степени открытости страны, ее вступление в ЕЭС (с 1992 г. — Европейский союз), продолжительное правление ИСРП (1982–1996), уделявшей значительное внимание вопросам образования — все эти и еще многие другие причины способствовали подъему научных исследований, в том числе — и в сфере медиевистики. Возникли те условия для плодотворного научного синтеза достижений разных национальных школ, которые ранее были практически невозможны или осуществлялись лишь в ограниченной степени. Применительно к исследованию интересующего меня сюжета эта тенденция четко проявилась в самом начале XXI в., с изданием коллективной монографии об Альфонсо X — «Альфонсо X и его эпоха» [38]. По сути, она отражает результаты многолетней работы как испанских медиевистов, очевидно находящихся под американским влиянием, что будет показано ниже, так и их зарубежных коллеги.

Пролог, названный «Правление Альфонсо X: переход между двумя эпохами Средневековья» авторства Х. А. де Кортасара содержит краткую биографию короля, в которой большое внимание уделяется культурной и научной деятельности, а также повторяется высокая оценка законодательной деятельности Альфонсо X. Первая глава «Европейские государства: монархии, папство и Империя» начинается с обзора положений других стран и европейского контекста. Важной составляющей этой части, написанной видным испанским медиевистом Хулио Валь-

деоном Баруке (1936–2009), является повествование о событиях, прежде всего, в странах, ставших прямыми и косвенными участниками событий *fecho del imperio*: Священная Римская империя, Папский Рим и итальянские государства, а также «испанский мир», т. е. государства Пиренейского полуострова за вычетом Португалии. Прежде всего здесь интересна часть, повествующая о Священной Римской империи и, особенно, Фридрихе II.

Фридриха II Х. Вальдеон уверенно характеризует как последнего великого императора Священной Римской империи. Историк вспоминает и прозвище «*stupor mundi*», которое императору дал Мэтью Парижский. «Новый Константин», по его словам, пытался воссоздать Римскую империю, с центром, разумеется, в Риме, и чтобы это образование стало «римским, всемирным и абсолютным» [38, Р. 18]. Помимо строительства новой империи, Фридрих II интересовался достижениями иудейской и мусульманской науки; при нем издали «Мельфийские конституции» — кодекс, созданный для Сицилийского королевства и основанный на римском праве. Также упоминается о создании университета в Неаполе, ныне носящем имя императора.

Де-факто историк уже самой этой подборкой фактов отсылает читателя к образу Альфонсо X: достаточно лишь вспомнить Партиды, культурную и научную деятельность кастильского короля, а также создание университета в Севилье, чтобы понять: как и Р. Бернс, Х. Вальдеон находился под влиянием модели, созданной Э. Канторовичем. Это видно и из замечаний испанского историка о том, что на Сицилии Фридрих Гогенштауфен пытался создать чисто светскую монархию с сильной центральной властью, опирающуюся не на вассалитет, а на бюрократию [38, Р. 19], что так раздражало пап. В 1247 г. в Германии был избран антикороль Генрих Распе, а в 1250 г. во время военного похода Фридрих II скончался.

После этого императором — продолжает Х. Вальдеон — стал Вильгельм Голландский, и оставался таковым вплоть до своей смерти в 1256 г., когда произошли параллельные выборы сразу двух кандидатов. Германия справилась с этой ситуацией лишь с избранием королем Рудольфа Габсбурга в 1273 г. В этом представленном испанским историком кратком описании процесса Междуцарствия, во-первых, отсутствует сам этот термин (в отличие от связанных с ним реалий: череды кандидатов от разных партий). Впрочем, влияние немецкой историографии налицо: вслед за своими коллегами из Германии, Х. Вальдеон подчеркивал кризисный характер эпохи, хотя и не остается чужд пафосу плача над «временем без императора. Причина

Междоусобица сводится к проблеме престолонаследия, хотя и влияние Рима не отрицается.

Более подробно о Междоусобице говорится в шестой главе, написанной немецким историком Армином Вольфом. Он родился в Берлине, в 1935 г. Образование получил в университетах Франкфурта, Тюбингена и Гамбурга. В 1965 г. стал членом института Макса Планка как историк права. В 1980-е гг. стал доктором и служил профессором в Гейдельберге, читал лекции в университетах Пенсильвании, Британской Колумбии и Киото. Среди его научных интересов: история средневековой Германии, римского права, а также деятельность коллегии курфюрстов и императорские выборы. О последних он и написал главу в книге о Альфонсо X, формально не являясь испанистом. Тем более показательным очевидное влияние испанской историографии на его представления. Говоря о событии «национальной» истории, он подчеркивает именно роль Альфонсо, искусно вплетенную в сложную канву событий, традиционно присутствующую в немецких текстах о Междоусобице, но реконструированных, среди прочего, и на основе испанских источников.

Американское влияние на испанскую историографию предельно очевидно, в первую очередь — главе седьмой. Уже названием она отсылает к Р. Бернсу: «Культурное Возрождение и научный прогресс в европейском пространстве». Мы здесь видим практически то же видение, что и в американском варианте, основанное на тех же источниках, а также упор на культурную сторону вопроса, тем более, что это одна из глав более широкого труда. Очевидно уже то, что сама лексика говорит о том, что ждет в тексте. Здесь и упоминания о кастильском языке, и труды Альфонсо по астрономии, и «Кантиги о святой Марии», и многое другое. Но что отличает эту работу от ее американских предшественников — это часть, повествующая о деятельности церкви в Испании и покровительству ей кастильского короля. Альфонсо X в этой главе предстает как император культуры, просветитель и реформатор.

Наиболее полное и последовательное отражение эти интеллектуальные тренды получили в биографии Альфонсо X, написанной современным испанским историком Мануэлем Гонсалесом Хименесом [39]. Историк родился в 1938 г. в г. Кармона недалеко от Севильи. В 1966 г. закончил Севильский университет по гуманитарному факультету и всю жизнь проработал в столице Андалусии, с 1970 г. — в департаменте истории Средних веков (с 1972 г. — в качестве доктора, а в 1981–1984 гг. даже являлся проректором родного университета). Будучи одним из

главных современных специалистов по эпохе правления Альфонсо X Мудрого, он в 2004 г. опубликовал биографию кастильского короля.

Среди прочего, большое внимание в ней уделяется истории борьбы «Мудрого короля» за престол Священной Римской империи. С самого начала историк концентрируется на родственных связях своего героя. Кроме того, по мнению М. Гонсалеса, имперские устремления Альфонсо X сложились задолго до *fecho del imperio* (первая глава, в которой рассматриваются внешнеполитические притязания кастильского короля, так и называется: «Альфонсо X и испанская империя»), что полностью соответствует традиции, сложившейся в испанской историографии. В главе исследуется начальный этап борьбы Кастилии и Леона за гегемонию на Пиренейском полуострове. В своих наблюдениях и выводах историк опирается не только на достижения своих соотечественников; он активно ссылается на труды П. Лайнеана [39, Р. 80], Дж. О'Каллагэна [39, Р. 84] и др. исследователей-неиспанцев. В итоге события первой половины 1250-х гг. трактуются как предыстория борьбы короля за имперский престол. Вместе с тем подчеркивается, что из-за своей политики Альфонсо получил немалое количество противников среди кастильской знати.

Одним из выражений этой политики стала, по мнению историка, законодательная деятельность. Так, Гонсалес Хименес говорит о «монопольном праве короля на право» [39, Р. 90]. Далее автор цитирует Партиды, в которых упоминает наименование короля как «викария Христа на Земле», «глава», «дух» и «сердце» королевства [39, Р. 91]. При этом, подчеркивается, что Альфонсо X продвигал свое право и на другие земли, постепенно завоеванные с начала 1250-х гг. [39, Р. 93–96]. Трактовка проблемы Междоцарствия, оно же — *fecho del imperio*, оказывается весьма интересной. Так, в качестве причины борьбы за имперский престол выдвигается продвижение интересов Пизы [39, Р. 112]; также подчеркивается, что выбор в качестве претендента Альфонсо X Мудрого стал для итальянских городов выражением борьбы за их экономические интересы [39, Р. 112]. Со стороны же кастильского короля доминировало не только лелеемое с юности желание обрести титул императора, но и стремление получить контроль над Испанией, используя возможности своего нового звания [39, Р. 114–115]. Проще говоря, пока итальянские государства решали свои экономические проблемы, пытаясь продвинуть Альфонсо X в качестве нового императора, он сам решал задачу контроля над Пиренейским полуостровом и повышение своего авторитета среди пиренейских монархий. Как выражение желания завоевать имперский престол трактуются и данные «Семи

Партид» [39, Р. 120–123], которые, по мнению М. Гонсалеса, уже сами по себе являлись источником имперской идеи Альфонсо X. Историк связывает воедино борьбу за имперский престол, и планы кампании в Северной Африке (так называемые *fecho del allende*).

В заключение замечу, что М. Гонсалес, выстраивая свою аргументацию, ни разу не ссылается на работы на немецком языке, но при этом последовательно воспроизводит идеи Дж. О'Каллагэна. Верен он американским историографическим моделям и в характеристике Альфонсо X как «императора культуры». На ее страницах политическая, культурная, историко-юридическая составляющие политического курса «Мудрого короля» были представлены как единое и неделимое целое. До настоящего времени монография остается наиболее зрелым примером исследования интересующих нас событий. Таким образом, тренд в направлении синтеза историографических представлений не только сохраняется, но и развивается, определяя общий контекст развития исследований, именуемых в испанской историографии *estudios alfonsies*. Хотя, разумеется, остается немало вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании.

* * *

В итоге получается, что различные национальные школы один и тот же период рассматривают и изучают по-разному, вплоть до терминологии. Так, немецкая традиция занимается проблемой Междударствия, т.е. **кризисного** периода в XIII веке, в то время как испанская считает тот же процесс неким «национальным подъемом», поскольку Кастилия вышла на международную арену. Испанцев в какой-то мере поддерживают в этом американские медиевисты, но уделяют большее внимание культурным вопросам в противовес более «политическому» у испанцев. Англичане же этот вопрос практически не изучали и не изучают, ограничиваясь больше биографией Ричарда вне его борьбы за престол.

Немецкая испанистика вплоть до наших дней отличается относительно невысоким уровнем развития. Историки, занимающиеся соответствующей проблематикой, как правило, являлись (и являются) выходцами из католических земель. Изучать именно испанские источники ученые из Германии стали не ранее 1950-х гг., когда в немецкой историографии произошел поворот, вызванный послевоенными изменениями в стране и появлением нового государства — ФРГ, ставшего частью Западного мира.

Британские исследования о борьбе Альфонсо X за имперский престол и Междударствии еще более скудны, нежели немецкая испани-

стика. Английская медиевистика в этих вопросах практически целиком и полностью даже в наши дни ориентируется на немецких историков. Существует лишь одна действительно оригинальная работа по Междуцарствию: это написанная во второй половине 1940-х гг. биография Ричарда Корнуольского, составленная Н. Денхольм-Янгом, который, впрочем, также во многом опирается на исследования на немецком языке. Об этом говорит и использование им самого термина «Междуцарствие», что является автоматическим «маркером» влияния немецкой. Единственным, хотя и блестящим, исключением из грустного правила являются труды британского испаниста ирландского происхождения (и католика по вероисповеданию) П. Лайнеана. События *fecho del imperio* он исследовал в связи с историей папства.

Испанская историография изучает процесс, связанный исключительно со своей национальной историей — «*fecho del imperio*», т. е. период борьбы кастильского короля Альфонсо X Мудрого за престол Священной Римской империи, и исследования на испанском языке основываются на испанских же источниках. Лишь идейный германofil Бальестерос-Беретта, зная немецкий язык, привлекает тексты и германского происхождения.

В США испанисты занимаются примерно тем же, чем и испанские их коллеги, т. е. их главный предмет изучения — это эпоха Альфонсо X, причем, в первую очередь, им важна культурная составляющая, поскольку это связано уже с национальной историей самих американцев: от возрождения к возрождению (известны Каролингское, Оттоновское, вестготское, XIII века и т. д.) и так вплоть до Реформации, Просвещения и создания на этой идейной основе самих США. Разумеется, американские историки изучают именно кастильские тексты, поскольку в данном случае немецкая история им неинтересна. В итоге мы имеем абсолютно различные историографические национальные школы, каждая из которых занимается своими проблемами и считает один и тот же процесс, называемый ими по-разному, частью национальной истории именно своей страны, что и обусловило подобные различия.

Список источников и использованной литературы

1. *Friedrich Schiller. Sämtliche Werke. Bd. 1. München, 1962.*
2. *Нора П., Озуф М., Пюижез Ж. де, Винок М. Проблематика мест памяти // Франция-память. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.*
3. *Oexle O. G. Das Mittelalter als Waffe. Ernst H. Kantorowicz' "Kaiser Friedrich der Zweite" in den politischen Kontroversen der Weimarer Republik //*

Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus: Studien zu Problemgeschichten der Moderne. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.

4. *Weinfurter St.* Das Reich im Mittelalter. Kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München: C. H. Beck Verlag, 2008.

5. *Hägermann D.* Interregnum // Lexikon des Mittelalters. Band 5. Stuttgart — Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1999. S. 468.

6. *Oexle O. G.* Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus: Studien zu Problemgeschichten der Moderne. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.

7. *Ипполитов Г. М.* Историографический факт и историографический источник как категории: исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. № 1. 2013. С. 184–195.

8. *Frensdorff F.* Gebauer, Georg Christian // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 8. Leipzig: Duncker & Humblot, 1878, S. 449–452.

9. *Gebauer G. C.* Leben und denkwürdige Thaten Herrn Richards, erwählten römischen Kaisers. Leipzig, 1744.

10. *Raumer F. von.* Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Bd. 6. Leipzig: Universitaetsverlag, 1825.

11. *Backs S.* Lorenz Ottokar // Neue Deutsche Biographie (NDB). Bd. 15. Berlin: Duncker & Humblot, 1987.

12. *Lorenz O.* Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrhundert. Bd. 1. Wien: Verlag W. Braumüller, 1863.

13. *Busson Arnold.* Die Doppelwahl des Jahres 1257 und das römische Königthum Alfons X. von Castilien: ein Beitrag zur Geschichte des grossen Interregnums. Münster: Aschendorff, 1866.

14. *Steiger A.* Alfonso X el Sabio y la idea imperial. Madrid: Arbor, 1946.

15. *Schramm P. E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert (= Schriften der Monumenta Germaniae Historica. Bd. 13, 1–3, ZDB-ID 964449-0). Mit Beiträgen anderer Verfasser. 3 Bände. Hiersemann, Stuttgart 1954–1956.

16. *Matheus M.* Die Wiedereröffnung des Deutschen Historischen Instituts 1953 in Rom. Transalpine Akteure zwischen Unione und Nation // Gersmann G., Vollmer V. Die Rückkehr der deutschen Geschichtswissenschaft in die “Ökumene der Historiker”: Ein wissenschaftsgeschichtlicher Ansatz — Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2008. S. 91–115.

17. *Denholm-Young N.* Richard of Cornwall. Oxford: Blackwell, 1947.

18. *Pliegos de Yuste*: <http://www.pliegosdeyuste.eu/n78pliegos/pdf/n78p5.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).

19. *Linehan P.* The Spanish Church and the Papacy in the Thirteenth Century: Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

20. *Ibañez de Segovia Peralta y Mendoza G.* Memorias historicas del Rei D. Alonso el Sabio, i observaciones a su Chronica. Madrid: Biblioteca Nacional, 2010.

21. Historia General de España escrita por individuos de número de la Real Academia de la Historia bajo la dirección del Sr. Antonio Cánovas del Castillo. Madrid: El Progreso Editorial, 1890–1894.

22. *Ballesteros Beretta A.* Alfonso X el Sabio. Madrid: Salvat, 1963.
23. *Ballesteros Beretta A.* Alfonso X de Castilla y la corona de Alemania/ Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, 40, 1919.
24. *Ballesteros Beretta A.* Alfonso X, emperador (electo) de Alemania // Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos. 1918. № 40.
25. Dialnet Universidad de Rioja: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=1710769> (дата обращения: 07.06.2015).
26. Cervantes Virtual: <http://www.cervantesvirtual.com/bib/historia/monarquia/felipe5.shtml> (дата обращения: 07.06.2015).
27. Real Académia de historia: <http://www.rah.es/laAcademia/academicos/medalla26.htm> (дата обращения: 07.06.2015).
28. *Ballesteros Gaibrois M.* Maestros del americanismo. Antonio Ballesteros Beretta (1880–1949) // Quinto Centenario. V.3. 01.01.1982.
29. *Kantorowicz E.* Kaiser Friedrich der Zweite. Stuttgart: Klett-Klotta, 1987.
30. *Burns R. I.* Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.
31. *O'Callaghan J. F.* The learned king: the reign of Alfonso X of Castile. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.
32. American Catholic Historical Association. URL: <https://www.achahistory.org/about/> (дата обращения: 11.06.2015).
33. American historical association: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2009/in-memoriam-robert-i-burns-sj> (дата обращения: 11.06.2015).
34. *Burns R. I.* The Crusader Kingdom of Valencia: Reconstruction on a Thirteenth-Century Frontier. Volume One and Two. Harvard: Harvard University Press, 1967.
35. *Burns R. I.* Muslims Christians, And Jews in the Crusader Kingdom of Valencia: Societies in Symbiosis. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
36. *Burns R. I.* Medieval Colonialism: Postcrusade Exploitation of Islamic Valencia. Princeton: Princeton University Press, 1975.
37. *Burns R. I.* The Jesuits and the Indian Wars of the Northwest: Idaho Research Foundation, 1985.
38. Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Autores: Julio Valdeón Baroque, Miguel Rodríguez Llopis, José Manuel Nieto Soria, Armin Wolf, Manuel González Jiménez, José María Monsalvo Antón, Antonio Pérez Martín, Georges Martin, Rafael Cómez Ramos. Barcelona: Carrogo S. A. De Ediciones, 2001.
39. *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio, 1252–1284. Madrid: La Olmeda, 1993.

Белоруссова Т. Е.

Уральский федеральный университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СЕНЬОРОВ МОНПЕЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII ВЕКА

В XII–XV вв. Монпелье являлся активным участником средиземноморской торговли и важным центром ремесленного производства. В этот период город одновременно принадлежал нескольким крупным сеньорам: в XII в. это была семья светских нетитулованных господ Гийомов и епископ Магелона [1, С. 334].

Город был экономическим и политическим центром сеньории. К XII в. он уже являлся крупным центром разнообразных ремесленных промыслов и торговли. По уровню экономического развития Монпелье занимал одно из первых мест среди городов Южной Франции — в XII в. здесь проживали ремесленники не менее 70 специальностей, активная внешняя торговля связывала его с городами Испании, Италии, Ближнего Востока. Жители Монпелье неоднократно упоминались в хрониках как участники событий своего времени: сеньоры Монпелье и их вассалы воевали в Испании против мавров, горожане и купцы становились колонистами на Пиренейском полуострове и в странах Восточного Средиземноморья. Как столица диоцеза Монпелье также являлся местопребыванием епископской курии и многочисленного клира [2, С. 124].

На юге Франции начало крестовых походов дало мощный импульс к развитию средиземноморской торговли [3, С. 72]. Экономический подъем Западной Европы в этот период был очевидным: сведения о внутренней жизни городов, состоянии торговли и ремесел к этому времени стремительно увеличились в числе. Из двух крупных феодалов сеньории семья Гийомов обладала бóльшим могуществом в городе. Сеньор контролировал основную территорию города, обнесенную крепостной стеной уже в 1090 г. Рыцарство сеньории Монпелье также было весьма многочисленным. К середине XII в. непосредственно от сеньоров Монпелье держали феоды 117 рыцарских семей, принадлежавшие к 90 родам. Значительная часть рыцарства была тесно связана с городом. Переселение рыцарских семей в Монпелье влияло на изменение численности городского населения. Однако более значимым процессом

для демографической ситуации в Монпелье следует считать переселение в город крестьян. Например, в грамоте 1104 г., входящей в состав картулярия сеньории Монпелье, упоминаются крестьяне из соседних графств, которые владели в этом городе домами, но не проживали там постоянно [2, С. 124]. Под контролем сеньоров также находилась часть земель за пределами городских стен, где на протяжении XII в. формировались пригородные поселения. Помимо этого, под контролем сеньоров были морские и сухопутные торговые пути [4, Р. 563].

Формально, из-за части своих владений, Гийомы считались вассалами епископа Магелонского, чья резиденция располагалась на Магелонском острове, в лагуне, отделяющей Монпелье от Средиземного моря. Кроме того, епископам принадлежали в самом Монпелье каменные постройки курии. Известно также о покупке церковью отдельных домов и земельных участков у горожан [2, С. 126].

Епископы Магелона имели важные сеньориальные привилегии, которые, в основном, распространялись на земли за пределами городских стен. В частности, их полномочия в области правосудия превосходили права семьи Гийомов. Однако для достижения полного превосходства епископам недоставало военных сил — собственных укрепленных пунктов в Монпелье они не имели [4, Р. 564]. Отметим, что региональная замкнутость южнофранцузского епископата была нарушена только грегорианской реформой. До середины XI в. епископские кафедры (а через них и большинство монастырей) находились под контролем местной знати. Известно также, что некоторые кафедры десятилетиями занимали представители одних и тех же знатных родов [5, С. 485].

Помимо Гийомов и епископов Магелона, с конца XI в. в Монпелье начала возвышаться еще одна существенная сила. Речь идет о семье Эмонов (*Aimons*), выходцев из среды городской знати. К началу XII в. они, возможно, угрожали первенству Гийомов в Монпелье больше, чем епископы Магелона. Могущество Эмонов основывалось на том, что с конца XI в. им принадлежало исключительное право на занятие должности вигье (от лат. *vicarius* — «заместитель», «наместник») в Монпелье.

В источниках не сохранилось сведений, когда именно семья Эмонов получила это право впервые. Однако к 1080 г. они уже играли существенную роль в политической жизни сеньории. Об этом, в частности, можно судить из свидетельства о представлении интересов Монпелье вигье Гийомом Эмоном, совместно с Гийомом V, в судебном споре с графством Мельгёй. В 1085 г. тот же Гийом Эмон подписал от имени

города торговый договор с Нарбонном. Отметим, что граф Монпелье в этом соглашении упомянут не был [4, Р. 564].

Таким образом, можно сделать вывод, что Монпелье рано начал претендовать на самоуправление. Еще до начала Первого крестового похода городская верхушка добилась от сеньоров Монпелье существенных привилегий. В частности, в городе и его окрестностях были ограничены монопольные права сеньора (баналитет). Кроме того, город получил право формировать собственное ополчение, не подчиненное графу [4, Р. 566–567].

Весьма вероятно, что в сложившейся ситуации епископы Магелона стремились поддерживать выгодный для них баланс сил в сеньории, делая ставку на более слабую сторону. Известно также, что в конце XI в. произошел конфликт между Гийомом V и епископом Магелона. Однако к 1090 г. (по мнению А. Р. Льюиса) между семьей Гийомов, папским престолом и епископом Магелона были установлены «особые отношения». Данное направление политики сеньоров Монпелье, имевшее целью укрепление связей с церковными структурами, продолжалось до конца правления Гийома V, и, по-видимому, при Гийоме VI [6, Р. 161].

В конце XI в. конфликт между сеньором и городской знатью начал невыгодно складываться для семьи Гийомов. Об этом свидетельствует успех городской верхушки в получении новых привилегий. В сложившейся ситуации граф принял решение отправиться в крестовый поход, к которому в конце 1095 г. призвал папа Урбан II. Гийом Тирский упоминает Гийома V в числе первых принявших крест после Клермонского собора [7, Р. 108]. Не исключено, что данное решение было продиктовано необходимостью отсрочить выплату долгов городскому магистрату или/и епископской курии, так как Гийомы довольно часто прибегали к практике займов у своих состоятельных подданных [2, С. 125]. Крестоносцам же даровались особые права: церковь обещала защищать семью и имущество крестоносца во время его отсутствия, а также им предоставлялась отсрочка по выплате долгов [8, С. 41].

На восток Гийом V отправился в составе войска графа Тулузы Раймонда IV, которое по численности превосходило силы других предводителей похода. В источниках сохранились упоминания, что отряд сеньора Монпелье принимал участие в осаде Никеи, а в 1098 г. воины Гийома V захватили знатных пленных во время штурма Антиохии. В хронике Альберта Аахенского этот эпизод описывается следующим образом: «После победы христиан Сасадоний, сын Яги-Сияна, правителя Антиохии, выкупил свою мать и двоих сыновей по цене 3 тыс. без-

антов из рук Гийома, соратника графа Раймонда из Прованса, который захватил их в первой атаке на Антиохию и вошел в город, пока все еще спали» [9, Р. 367]. После захвата Иерусалима в 1099 г. Гийом де Монпелье остался в Святой Земле и присоединился к неудачному походу на Арсуф под началом Готфрида Бульонского.

Из Иерусалима он вернулся к 1103 г., привезя с собой реликвию св. Клеопы. В источниках упоминается, что участие в крестовом походе фактически привело Гийома V к разорению, а его длительное отсутствие лишь способствовало укреплению позиций городской знати Монпелье в противостоянии с графской династией. В частности, Эмоны воспользовались длительным отсутствием Гийома V, окончательно закрепив за собой право передавать должность вигье по наследству. Кроме того, они вступили в союз с другими знатными семьями Монпелье, а также с епископом Магелона.

После возвращения из Святой Земли граф Монпелье предпринял попытку восстановить власть над городом в прежнем объеме. Чтобы избежать дальнейшего усиления богатых и влиятельных городских кланов, было запрещено заключение браков между вассалами графа и представителями городской верхушки. Подобного курса придерживался и епископ Магелона. Однако возможности Гийома V были ограничены из-за финансовых проблем. В итоге, граф фактически согласился с узурпацией части его феодальных прав городской знатью. Поскольку Эмонов поддержали другие семьи, в 1103 г. он подписал с ними соглашение, из которого следует, что Гийом V смирился со сложившимся положением вещей [4, Р. 564–567]. Последующие годы его жизни прошли в бесконечных тяжбах с епископом Магелона и городским магистратом Монпелье.

Начавшийся процесс коммунальной борьбы в Монпелье сыграл важную роль в смене внешнеполитических приоритетов династии Гийомов. Для улучшения финансового положения граф Монпелье начал искать могущественных покровителей. Международная обстановка этому способствовала. В конце XI в. контроль над торговлей в западной части Средиземноморья перешел к Генуе и Пизе. В 1015 г. они изгнали сарацин из Сардинии, а в 1063 г., в ходе норманнского завоевания Сицилии, разграбили Палермо. В 1087 г. в союзе с контингентами из Рима и, возможно, Амальфи генуэзцы и пизанцы предприняли экспедицию против Альмохадов с целью приобрести опорные пункты на восточном побережье Пиренейского полуострова. В 1092–1093 гг. объединенные силы городских коммун Генуи и Пизы осаждали Валенсию и Тортосу. Затем они принимали деятельное участие в Первом крестовом походе,

что положило начало экспансии итальянских городских коммун и в Восточное Средиземноморье [10, Р. 66].

Крестовые походы содействовали обогащению итальянских городов, так как значительная часть рыцарских ополчений добиралась до Святой Земли через Италию, оставляя в пути немало золота. В частности, итальянские горожане брали немалые деньги за перевозку отрядов крестоносцев в Палестину. К этому времени города Италии сделались уже самостоятельными республиками, независимыми от сеньора [11, С. 261].

Тем не менее, располагая сильным флотом, Генуя и Пиза нуждались в рыцарских отрядах, способных вести военные действия против мусульман на суше. В 1114 г. войско Гийома V де Монпелье, в союзе с флотом из Пизы, приняло участие в походе графа Барселоны Раймонда Беренгара III на остров Мальорка. Итогом войны была не только победа над маврами, но и начало длительного союза династии Гийомов с Пизой и впоследствии Генуей. Однако восстановить власть над Монпелье Гийому V все-таки не удалось. Около 1120 г. он принял монашество в аббатстве св. Сальватора в Аньяне. Городская знать укрепила свое положение, как и семейство Эмонов, которое еще несколько десятилетий сохраняло влияние.

Политику отца продолжил следующий представитель династии графов Монпелье Гийом VI Великий. В период его правления произошло оформление союза сеньоров Монпелье с итальянскими городскими коммунами Генуи и Пизы. Не исключено, что заключению данного соглашения способствовала римская церковь. Об этом, в частности, может свидетельствовать обет совершить паломничество в Святую Землю, принесенный Гийомом VI и исполненный им в 1127–1129 гг. [12, Р. 31].

К этому времени в Монпелье становится все более заметным экономический подъем: с 1129 г. строилась вторая городская стена, которая охватывала территорию, в несколько раз превышавшую площадь Монпелье конца XI в. Морской порт, куда заходили итальянские и испанские купеческие корабли, отстоял от второй городской стены на 3–4 км и был защищен отдельным укреплением [2, С. 124]. Военно-политическая и финансовая помощь Генуи и Пизы сыграла важную роль в борьбе сеньоров Монпелье с городскими властями. В 1143 г. Гийом VI, при поддержке итальянских коммун, подавил восстание жителей Монпелье. За это граф даровал Генуе и Пизе право свободной торговли на территории сеньории. Кроме того, Гийом VI гарантировал генуэзцам поддержку в противостоянии с графом Тулузы [13, Р. 30].

Из итальянских городских коммун Генуя первая сконцентрировала свои торговые интересы в западно-средиземноморской зоне, а также на атлантическом побережье Пиренейского полуострова. Именно Западное Средиземноморье привлекало особое внимание генуэзских купцов. В первой половине XII в. генуэзцы торговали в мелких провансальских гаванях. Кроме того, ими было куплено право на добычу соли в этой местности и ее продажу. В записях генуэзских нотариусов упоминается Ницца, Марсель, Арль, но чаще всего речь идет именно о Монпелье, а также Нарбонне и ярмарках в Лангедоке, которым оказывал покровительство граф Тулузский.

Следует отметить, что генуэзцы проводили в Монпелье традиционную политику, которая в первую очередь устраняла конкуренцию со стороны местных торговцев. В частности, одним из условий заключенного с Республикой Св. Георгия договора было обещание Гийома VI ограничить ведение внешней торговли своим подданным. Также генуэзцы заключали договоры со своими союзниками, пунктом в которых было обещание не принимать у себя пизанцев, главных конкурентов Генуи, и их товары. Подобные соглашения были заключены в 1132 и 1166 гг. в Нарбонне и также хорошо иллюстрируют традиционную генуэзскую политику [14, С. 28].

Следует отметить, что союз с генуэзцами обеспечивал графу Монпелье участие в европейской политике. В 1146 г. войско Гийома VI, в союзе с королем Арагона и генуэзцами, принимало участие в захвате Тортосы. После взятия крепости Гийом VI содействовал восстановлению крепости, а один из сыновей сеньора Монпелье был назначен ее комендантом [6, Р. 160].

Для городских коммун Пизы и Генуи подобные экспедиции имели важные политические, культурные и религиозные результаты. Добыча из пизанских экспедиций в Палермо и на Балеарские острова была направлена на строительство городского собора, а за участие в компаниях против Альмерии и Тортосы Генуя получила третью долю от всей добычи, а также свободу от уплаты торговых пошлин по всей территории Кастилии и Каталонии. Помимо этого, они выражали крестоносные идеалы и хотя экспедиции дорого обходились Генуе в финансовом отношении, они также повышали ее репутацию как места сосредоточения власти, что давало ей политическое преимущество [10, Р. 67]. Исходя из этого, можно предположить, что участие сеньора Монпелье в экспедициях в союзе с итальянскими городскими коммунами также, хоть и в меньшем масштабе, способствовало его усилению и повышению репутации. Кроме того, военные кампании в западном Средиземно-

море занимали меньше времени в сравнении с походами в Святую Землю, что снижало риск повторения ситуации, в которой оказался Гийом V в начале XII в.

Подводя итоги, отметим, что во времена Первого крестового похода крупная международная торговля в Монпелье только зарождалась. Городу предстояло еще довольно долго играть роль перевалочного торгового пункта, включенного в систему средиземноморской торговли Генуи и Пизы. Однако уже в 1166 г. испанский раввин Вениамин Тудельский в своей «Книге странствий» характеризовал Монпелье как крупный город, связанный морской торговлей с Магрибом, Египтом, Сирией и Византийской империей [15, С. 253–254]. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что сеньоры Монпелье со своей стороны были заинтересованы в поддержании союзнических отношений с итальянскими городскими коммунами. В итоге, при их помощи Гийом VI одержал победу в противостоянии с городской знатью и, в значительной степени, сумел разрешить финансовые проблемы. Показательно также, что с 40-х гг. XII в. клан Эмонов, оспаривавший ранее у династии Гийомов феодальные права, утратил былое влияние на управление городом Монпелье.

На Пиренейском полуострове семья сеньоров Монпелье была связана военно-политическим союзом с королями Кастилии еще с начала XII в. Со времени участия Гийома V в кампании 1114 г. на Балеарские острова, как говорилось выше, начинается переориентация внешней политики сеньоров Монпелье в сторону этого региона. Необходимо отметить, что изменение внешнеполитических приоритетов было характерно для многих феодальных династий южной Франции XII в. Сеньоры Монпелье стали одними из первых, кто взял курс на сближение с королями Кастилии и итальянскими городскими коммунами.

В ноябре 1095 г. испанцы также присутствовали в Клермоне, однако Урбан II отговаривал их от участия в походе на Восток, поскольку «языческая опасность» подстерегала их на собственных территориях. После поражения при Саллаке в 1086 г. кастильский король предпринял меры, чтобы его просьбы о помощи были услышаны в Риме. В 1089 г. Урбан II предоставил участникам восстановления Таррагоны такое же отпущение грехов, которое давалось иерусалимским паломникам. Позднее, в 1123 г., это было подтверждено одним из канонов первого Латеранского собора.

Возможно, что сам Папа был удивлен энтузиазмом, с которым был подхвачен его клермонский призыв, и обеспокоен тем, что на Восток отправляется слишком много его сторонников, поскольку борьба

с императором Генрихом IV была еще не завершена. Следующие три года он, прибегая к изданию булл и отправке доверенных легатов, пытался регулировать поток тех, кто отправлялся на Восток. Он поощрял морские экспедиции, предпринимаемые городами Тирренского моря, но старался строго ограничивать участие в походах тех, чей отъезд, по его мнению, мог иметь дестабилизирующие последствия для общества [16, С. 97; 17, С. 43].

Для истории Второго крестового похода значительный интерес представляет следующий представитель династии сеньоров Монпелье — Гийом VI Великий. В 1127–1129 гг. он предпринял путешествие в Иерусалим, откуда вернулся с драгоценной реликвией животворящего креста [12, Р. 31]. Не исключено, что обет совершить паломничество в Святую Землю Гийом VI дал после получения помощи от папского престола, а также городских коммун Генуи и Пизы в борьбе с городскими властями Монпелье.

В 1134 г. граф Гийом VI принес вассальную присягу королю Альфонсо VII. Анонимный автор хроники Альфонсо Императора писал: «Многие дворяне из Гаскони и долины Роны, во главе которых был Гийом де Монпелье, пришли к Альфонсо по доброму согласию. Они получили от него серебро, золото, лошадей и много других ценных даров. Став его вассалами, они были послушны во всем. Тогда же пришли многие сыновья французских дворян, а также знатные люди из Пуату» [18, Р. 87].

Гийом VI не участвовал в походе 1147–1149 гг. на Восток. Во главе отряда окситанских рыцарей он присоединился к войску кастильского короля Альфонсо VII, приняв участие в войне против государства Альмохадов. Следует отметить, что впервые в испанской Реконкисте принимали участие большие отряды крестоносцев из Франции, Англии, Фландрии, Шотландии, а также генуэзский флот. В современной историографии боевые действия против мусульман во второй половине 40-х гг. XII в. принято считать частью Второго крестового похода [19, Р. 94–95].

По решению собора в Труа 1128 г., тем, кто сражался в Испании, выражал готовность поддержать королевство крестоносцев в Сирии и тем, кто боролся с врагами Римского престола, Папы предоставляли такое же отпущение грехов, которые предоставил Урбан II в 1095 г. Данное решение было утверждено в 1135 г. на Пизанском соборе в разгар борьбы Святого престола с Рожером II Сицилийским. Таким образом, постепенно закладывалась основа для систематизации правовых оснований крестовых походов. К 1148 г. в новой энциклике «Божественное

вознаграждение» Папа говорил о крестовых походах не только в Святой земле, но и в Испании (после того как в 1118–1126 гг. Альфонс I Арагонский дошел от Сарагосы до Малаги) и на севере Европы против язычников [16, С. 99–100].

В 1146 г. Альфонсо VII отправил посланника к графу Барселоны и Гийому VI с призывом о помощи в военной кампании по разрушению Альмерии, одной из основных баз мавританских пиратов в западном Средиземноморье. С согласия церковных властей, участникам похода было обещано «искупление грехов и очищение души».

Автор хроники Альфонсо Императора также упоминал, что многие «приняли предложения с радостью и пообещали присутствовать у Альмерии вместе с генуэзцами». В августе 1147 г. Гийом VI привел к Альмерии хорошо вооруженный отряд, «готовый к свирепой войне» [18, Р. 161]. Помимо него, в кампании принимали участие рыцарские ополчения из Арагона, Каталонии (под командованием Раймонда Беренгара IV), Наварры (под началом Гарсии Рамиреса), а также военные корабли из Генуи и Пизы. Хроника Каффаро ди Кашифеллоне указывает, что генуэзцев было 12 тыс. человек на 63 галерах и 163 прочих судах. Однако такие данные представляются завышенными. Например, в распоряжении Альфонсо VII было 400 рыцарей и 1000 пеших воинов, что представляется более реалистичным. Осада длилась два месяца, и завершилась падением Альмерии в середине октября 1147 г. Необходимо добавить, что победа при Альмерии была значительным, но непродолжительным успехом. Уже через десять лет город снова попал в руки мусульман [18, Р. 3].

После завершения похода на Альмерию Гийом VI согласился принять участие в осаде Тортосы. Это военное предприятие также оказалось удачным. В осаде этой мощной арабской крепости принимали участие английские, французские и фламандские рыцари, которые в 1147 г. участвовали во взятии Лиссабона. Помимо этого заслуживает внимания сведение о содействии Гийома VI восстановлению Тортосы после ее отвоевания, тогда как один из сыновей сеньора Монпелье был назначен ее комендантом. Кроме него, наибольший вклад в восстановление укреплений внесли ордена госпитальеров и тамплиеров — известные участники крестовых походов [6, Р. 160–161].

Несомненно, наиболее значимым событием военной кампании на Пиренеях стал захват Лиссабона 20 октября 1147 г. Помимо того, что отвоевание будущей португальской столицы следует расценивать как наибольшее военное достижение Второго крестового похода, установление христианами контроля над устьем реки Тежу стало важным

моментом в освобождении Пиренейского полуострова от мавров. Тогда как экспедиция в Сирию 1147–1149 гг. завершилась неудачно, походы против славян не принесли значимого результата, итоги деятельности крестоносцев на Пиренеях стали одним из немногих положительных итогов Второго крестового похода [16, С. 101].

В недостаточной степени изученной стороной биографии Гийома VI де Монпелье являются его отношения с католической церковью. Выше уже упоминалось, что в XII в. территория графства Монпелье находилась в руках двух крупных землевладельцев: епископов Магелона и династии Гийомов. Известно также, что Гийом V враждовал с епископом города. Однако Гийом VI прекратил этот конфликт, пойдя на определенные уступки церкви. В источниках XII–XIII вв. сохранились сведения о переписке графа Монпелье со св. Бернардом Клервоским. К сожалению, сами тексты не сохранились до нашего времени. Тем не менее Гийома VI следует считать духовным учеником и почитателем вдохновителя Второго крестового похода [20, Р. 231]. В последние годы жизни Гийом VI основал к северо-западу от Тулузы цистерцианское аббатство Грандсельв, где он принял монашество в 1149 г., а в 1161 г. был похоронен [21, Р. 7–27].

Таким образом, внешняя политика являлась для династии Гийомов важным инструментом решения внутренних проблем в сеньории. Первая половина XII в. демонстрирует, как изменяется основное направление внешней политики владетелей Монпелье из-за начавшегося конфликта с городской знатью. Участие в Первом крестовом походе ослабило позиции Гийома V в Монпелье, но союз с итальянскими городскими коммунами со временем позволил его сыну завершить конфликт с городской знатью в свою пользу. Кроме того, данный союз обеспечил сеньорам Монпелье участие в европейской политике на Пиренейском полуострове.

Список источников и использованной литературы

1. Город в средневековой цивилизации Западной Европы / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М.: Наука, 1999. 345 с.

2. Ревуненкова Н. В. Население Монпелье в XII в. // Средние века. 1967. Вып. 30. С. 123–137.

3. Луцицкая С. И. Путешествие в Святую Землю в XII–XIII вв.: очерк истории повседневной жизни // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен: сб. материалов круглого стола «Путе-

шествие как историко-культурный феномен» (ИВИ РАН, апрель 2008 г.) М.: ИВИ РАН, 2010. С. 72–102.

4. *Lewis A. R. Seigneurial Administration in Twelfth-Century Montpellier // Speculum. Cambridge University Press, 1947. Vol. 22. P. 562–577.*

5. *Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье: проблема становления феодализма. М.: Изд-во «Скрипторий 2000», 2000. 800 с.*

6. *Lewis A. R. The Guillemes of Montpellier: a Sociological Appraisal // Viator: Medieval and Renaissance studies. Ann Arbor, 1971. Vol. 2. P. 159–169.*

7. *Handyside Ph. The Old French William of Tyre. Leiden: Brill, 2015. 280 p.*

8. История крестовых походов: сб. ст. под ред. Дж. Райли-Смита / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 495 с.

9. *Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana / ed. and transl. by S. B. Edgington. Oxford University Press, 2007. 949 p.*

10. *New Cambridge Medieval History. Cambridge University Press, 2008. Vol. 4. Part 1.*

11. *Спасский А. А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. 2-е изд., испр. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2009. 288 с.*

12. *Aigrefeuille Ch. Histoire de la ville de Montpellier depuis son origine jusqu'à notre temps. Montpellier: Publ. C. Coulet, 1875. Vol. 2.*

13. *Reyerson K. L. The art of the deal: intermediaries of trade in medieval Montpellier. Leiden; Boston: Brill, 2002. 260 p.*

14. *Чурсина С. А. Торговля генуэзцев в европейской части западного Средиземноморья в конце XII — первой половине XIII вв. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма: межвуз. сб. Горький, 1973. Вып. 1. С. 25–38.*

15. *Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство / пер. с франц. А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2002. 448 с.*

16. *Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб.: Александрия, 2007. 332 с.*

17. *Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 266 с.*

18. *Chronicle of Alfonso the Emperor / ed., transl. and notes G. E. Lipsky. Conway: University of Central Arkansas, 1999. 238 p.*

19. *Jaspert N. Capta est dertosa, clavis Christianorum — Tortosa and the Crusades // Second Crusade: scope and consequences / ed. by J. Phil-*

lips, M. Hoch. London: Yale University Press, 2007. P. Manchester, 2006. P. 90–110.

20. *Constable J.* The Second Crusade as seen by contemporaries // *Traditio*. New York, Fordham University Press, 1953. P. 213–279.

21. *Mousnier M.* Les granges de l'abbaye cistercienne de Grandselves (XIIe — XIVe siècles) // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale*. Toulouse: Privat et Cie, 1983. Vol. 95 (161). P. 7–27.

Волкова Ю. А.
НГПУ им. К. Минина

ЗАБЫТЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ГУМАНИЗМА: НАСЛЕДИЕ ДЖОНА ФИШЕРА

Начиная с 80-х г. XX вв., в связи с распространением ревизионистского и постревизионистского направлений в английской исторической науке, возрос интерес к истории католицизма и его отдельным представителям. В их числе оказалась одна из ключевых фигур периода Реформации в Англии — Джон Фишер (1469–1535) — английский католический кардинал и богослов. На протяжении нескольких столетий, в связи с доминированием протестантской традиции в исторической мысли, заслуги Фишера были преданы забвению. Он был известен лишь как священник, отдавший свою жизнь, отстаивая святость брачных уз. В полном забвении осталась та часть жизни Фишера, которая указывала на его связь с гуманизмом.

Виной тому стали, закрытость информации и незаинтересованность в изучении его биографии. Попытки создать более полное жизнеописание, наталкивались на множество препятствий, вплоть до высылки из страны. С появлением в начале XIX в. билля «Об эмансипации католиков»¹ и расцветом трактарианизма², свое развитие получает католическая историография. Вследствие чего, уже в конце XIX в., зарубежным ученым удалось найти и изучить материал, представляющий связь Дж. Фишера с гуманизмом. Акцент был сделан на нескольких аспектах: роль Дж. Фишера в процветании Кембриджа; взаимоотношения с видными гуманистами — Эразмом Роттердамским и Рейхлином, в частности на поддержке Рейхлина в споре с кельнскими теологами

¹ Билль «Об эмансипации католиков» — законодательный акт, принятый британским парламентом 24 марта 1829 г. Билль существенно расширил права католиков. Католики получили право занимать государственные должности, в том числе право быть депутатами в парламенте.

² Трактарианизм — ранние стадии оксфордского или англокатолического движения в Англии XIX в., отмеченные изданием ряда трактатов, ратующих за возрождение англиканской церкви к ее в большей степени католическим, нежели протестантским корням.

по трактату «Письма темных людей», а также на изучении редких по тому времени языков — греческого и иврита.

Кембриджский университет стал первой и главной ступенью в зарождении гуманистического сознания Джона Фишера. Благодаря имеющимся знаниям в области латыни, в 1484 г. Фишер становится студентом кембриджского колледжа Майклхаус. Карьера Фишера в Кембридже росла стремительно, и он последовательно занимал ряд должностей. Так в 1488 г., Фишер получает степень бакалавра гуманитарных наук, а в 1490–1491 гг. — магистра. В 1501 г. Дж. Фишер назначен вице-канцлером Кембриджского университета, а в 1504 г. — канцлером и получает степень доктора богословия [1, Р. 7]. Дж. Фишер внес значительный вклад в процветание Кембриджа, как с точки зрения материального обеспечения, так и с точки зрения продвижения гуманистических идей. Одной из главных его заслуг считается издание ряда разрешений для продолжения образования за границей. Цель Фишера во всем этом была довольно проста: университет и колледж должны давать образование молодым людям таким образом, чтобы они потом сами могли преподавать и проповедовать [2, Р. 229].

В то же самое время Дж. Фишер возглавлял колледж Королевы, который находился под покровительством матери короля Генриха VII — Маргарет Бофорт. Фишер впервые встретился с Маргарет Бофорт в 1495 г. Он был отправлен к ней по университетским делам в качестве старшего протектора. На королеву Фишер произвел благоприятное впечатление, и в 1498 г. она взяла его к себе на службу. Взаимоотношения между ними были основаны на взаимном уважении и приверженности к благочестию. Встреча Фишера с Маргарет Бофорт повлияла на то, что та в свою очередь переключила свое внимание с Оксфорда на Кембридж и помогла его процветанию. И уже в 1498 г. М. Бофорт учредила в университете чтение лекций по богословию. Под влиянием Фишера она также основала на территории университета два новых колледжа: колледж Христа¹ и колледж Святого Иоанна² [3, Р. 214]. Фишер был активным участником в делах колледжей. По его предписаниям классические языки стали главным инструментом обучения. Он ввел устав, по которому студенты должны научиться свободно говорить и понимать

¹ Колледж Христа один из 31 колледжа Кембриджского университета. Колледж вырос из «Божьего дома», основанного в 1437 г. В 1446 г. он получил первую королевскую лицензию на обучение. В 1506 г. был переименован в колледж Христа и значительно расширен усилиями Маргарет Бофорт.

² Колледж Святого Иоанна был основан в 1511 г. на месте старого госпиталя Евангелиста Святого Иоанна.

на латыни. Те у кого было желание, могли дополнительно изучить иврит и греческий. А в 1530 г. Фишер включает в обучение халдейский и арамейский языки [2, Р. 230].

Благодаря Дж. Фишеру в колледже Святого Иоанна были введены лекции по медицине великого ученого — гуманиста и врача Томаса Линакра (1460–1524). Колледж также удостоился главного достоинства Дж. Фишера — огромной научной библиотеки. Фишер принимал активное участие в приобретении книг. К концу жизни у него была самая большая библиотека в Англии. Но, к сожалению, после событий Реформации многие книги были потеряны. Предполагается, что часть изъятых книг была отправлена Генриху VIII, а часть досталась Кромвелю [4, Р. 147].

Не менее важным аспектом для развития Кембриджа и гуманистических идей Дж. Фишера является его знакомство с Эразмом Роттердамским. Считается, что их общение началось благодаря двоюродному брату Фишера — Роберту, который был учеником Эразма в Париже. В апреле 1506 г. Эразм остановился в колледже Королевы и канцлер предложил тому прочитать лекцию «О послании Павла римлянам». Как только появляется возможность, Фишер снова приглашает Эразма в Кембридж преподавать, но на этот раз греческий язык. В течение трех лет, Эразм читал курс лекций по греческому языку и греческой литературе, пытаясь привлечь внимание студентов к предмету и утвердить его на постоянной основе. В целом, преподавательская деятельность Эразма оказала весьма плодотворное влияние на развитие английской гуманистической мысли. Греческие штудии Эразма послужили поводом для начала переписки с Фишером. Анализ их корреспонденции показывает, что многое то, что между ними обсуждалось, было на тему исследований библейской экзегетики [5, Р. 37].

В 1511 г. Эразм начал работу над переводом «Толкования на пророка Исаию» Василия Кесарийского. Он переводил с греческого «Толкование» на латынь и хотел, чтобы Фишер принял в этом участие. Однако Фишер выразил недоверие к этому начинанию и отказал другу. Он не мог критиковать патристические¹ тексты. Вскоре Эразм прервал свою работу над переводом, разочаровавшись в отсутствии поддержки у Фишера. До Эразма также дошли слухи, что Фишер обвинял его в переделывании чужой версии перевода [6, Р. 73]. Однако в письме к Колету Эразм заявил, что «недоверие Фишера к этому делу, вызвало

¹ Патристический — определение, используемое по отношению к первым векам истории церкви, следующим за написанием Нового Завета (патристический период), или к мыслителям, писавшим в течение этого периода.

еще больше вопросов о подлинности «Толкования», и он должен будет возобновить работу [7, Р. 40–41, 87–88].

Одновременно с «Толкованием» Эразм начал работать над переводом на греческий язык нового издания Нового Завета. Предполагалось, что помощь в исследовании латинских рукописей окажет Кембриджский университет. На этот раз Фишер дал согласие и был готов к сотрудничеству.

Отправляясь в Базель в июле 1515 г., Эразм полагал, что переводы с греческого, которые он получил, находятся в достаточно хорошем состоянии для того, чтобы отправить их печатнику и набрать вместе с его собственным латинским переводом, над которым он работал в течение нескольких лет. К его разочарованию, те рукописи, которые он получил, требовали определенной правки. В 1516 г. первое издание оригинального текста Нового Завета было отпечатано в Базеле. Вследствие спешки издание содержало сотни типографских ошибок [8, Р. 66]. Ознакомившись с готовой работой, Фишер попросил Эразма обучить его греческому языку [9, Р. 105]. Тронутый просьбой, Эразм поспешил обратиться к помощи Томаса Мора для того, чтобы тот уговорил Вильяма Латимера, своего ученика, стать учителем Фишера. В январе 1517 г. Латимер отправил Эразму письмо, в котором говорилось, что для обучения епископ должен отправиться в Италию. В ответ Эразм упрекнул Латимера за его отказ приехать [9, Р. 105]. Исходя из сложившихся обстоятельств, Фишеру пришлось начать учить язык самостоятельно. На тот момент ему было 40 лет, и многих ученых возраст Фишера и сложность предмета потрясли, когда узнали о том, что он смог его выучить. Дж. Фишер был первым из тех, кто в Кембридже в совершенстве овладел греческим языком. Летом 1517 г. канцлер уже мог замечать ошибки печатников в изданиях Нового Завета, тем самым хвастаясь перед Эразмом. В сентябре 1517 г. Эразм отправил Фишеру «Греческую грамматику» Теодора Газы для совершенствования его греческих познаний [5, Р. 41]. Вероятно, Эразм рассчитывал на дальнейшую помощь Фишера в редактировании его Нового Завета. После Эразм напишет: «Твой Новый Завет — общее благо для всех нас и не может обидеть чьи-либо чувства. Я думаю, что для тебя в твоих научных штудиях был пролит свет на многие места Священного Писания. Ты внес абсолютно свежий комментарий к данной работе, который может быть прочтен с удовольствием» [9, Р. 397].

В октябре 1519 г., после выпуска второго издания Нового Завета, Эразм решил обратиться к Фишеру с просьбой о помощи: «Я прошу Вас, во имя этого Священного Писания, Вашего благочестия епископ-

ской должности, во имя нашей дружбы, во имя того, что вы можете сделать для Эразма, я прошу Вас записать, по крайней мере, заметки. Для меня важно, чтобы Вы сделали это... Должно быть, Ваши занятия мешают Вам оказать мне данную услугу..., то позвольте хотя бы сделать это Мору» [7, Р. 25]. Таким образом, через несколько лет изучения греческого языка Фишер достиг прогресса с позиции ученика до консультирования Эразма в переводе наиболее важных работ. В 1525 г. Фишер был охарактеризован в письмах Эразма к Ноель Беда как ученый и теолог, который помог тому в изучении Нового Завета. В апреле 1525-го, отправляя Новый Завет в Сорбонну, Эразм упомянул ряд ученых, включая епископа Рочестера.

Открытость Фишера к новым интеллектуальным течениям выходит за рамки изучения им греческого языка. В 1515 г. Фишер, прочитав «Письма Тёмных людей» Рейхлина, написал о нем Эразму и попросил прислать все книги этого автора, которые у него есть. В частности, он попросил узнать у Рейхлина объяснение теологии Девы Марии, которую он приводит в своей работе «De Rudimentis Hebraicis»¹ [11, Р. 50]. Эразм сообщил Рейхлину о желании епископа посетить его лично, и предложил отправить в Рочестер своего племянника Филиппа Меланхтона, для того чтобы тот оказал помощь в изучении иврита. Однако этот план не удался [7, Р. 54].

Поэтому в течение года Фишер нашел учителя по ивриту, им стал Роберт Вейкфилд. После он намеревался устроить Вейкфилда в качестве преподавателя иврита в колледж Святого Иоанна. Статуты, изданные Фишером в 1516 г., говорили о том, что члены научного общества должны посвятить себя, насколько это возможно, изучению иврита. Для того чтобы ввести лекции по ивриту в Кембридже, Фишер заручился поддержкой Генриха VIII. В итоге в университете и колледже было установлено в качестве обязательных два языка. Всплеск интереса к ивриту в Англии среди небольшого круга научного общества во главе с Дж. Фишером вызван увлечением каббалой² [10, Р. 59].

Интерес к еврейской традиции и мудрости стимулировал гуманистические поиски философской системы, которая освободила бы науку от оков средневекового аристотелизма. Пико делла Мирандола

¹«De Rudimentis Hebraicis» — Зачатки иврита.

² Каббала — это метафизическая или мистическая система, при которой избранный может познать Бога и Вселенную. Все эти тайны уже содержатся в Священном Писании, однако, их не понять тому, кто толкует Священные тексты буквально. Задача каббалиста — разгадать скрытое значение букв при помощи методов, врученных ему вековой традицией.

считается первым не евреем, коллекционировавшим древнееврейские манускрипты и изучившим Талмуд и каббалу [11, Р 58]. Чтение Пико делла Мирандола и Рейхлина пробудило у Фишера интерес к каббале и ивриту [10, Р. 61]. Знакомство Фишера с основными работами по каббале было довольно глубоким. Вейкфилд разделял интересы Фишера и высоко оценивал Пико и каббалу, которая в значительной мере раскрывала особенности интеллектуальной атмосферы Ренессанса. Каббала использовала силу гуманистических символов. Все это представляло путаницу манипуляции символов с манипуляцией реальности. И эта путаница в многословной культуре гуманистического Ренессанса была облегчена метафорой мировой христианской теологии. Для Фишера каббала виделась в качестве аналога апостольской традиции, тех ненаписанных истин, которые дополняли и объясняли Священное Писание [10, Р. 64].

Наконец важной составляющей истории христианского гуманизма стала полемика Джона Фишера и французского гуманиста — теолога Жака Лефевра. Спор был вызван вопросом об идентичности Марии Магдалины. Непосредственным поводом к полемике явилось паломничество французской королевы Луизы Савойской к святыне Марии Магдалины в Сент-Бом зимой 1515–1516 гг. По возвращении она попросила бывшего воспитателя Франциска I написать о жизни Марии. В свою очередь, тот решил проконсультироваться со своим другом Жаком Лефевром по священным тонкостям данного вопроса. Вследствие чего Лефевр объявил, что образ Марии объединяет несколько фигур и опубликовал свое мнение в памфлете с названием «Мария Магдалина».

Согласно Лефевру, образ Марии сложился в результате объединения образов трех женщин, чьи жизни можно было распутать только после тщательного изучения Евангелия [10, Р 65]. Этими женщинами были: сама Мария Магдалина, соратница Христа и апостолов; Мария из Бетани, сестра Марфы и Лазаря, а также неизвестная грешница, которую Христос спас от забрасывания камнями. В свою очередь Фишер утверждал об уникальности Марии. С его точки зрения Магдалина не может быть представлена в качестве трех разных женщин, потому что каждая из них любила Христа так, что не могла казаться уступающей в любви кому-то другому. «Если бы Магдалина стояла под крестом, а другие женщины, которые также сильно любили Иисуса, нет, то это могло бы навлечь на них величайший позор. Не может быть, чтобы благородная грешница, не последовала за Христом и никогда не упоминалась евангелистами» [12, С. 219]. Для гуманистического

окружения Фишера, его решение противостоять Лефевру стало неожиданностью.

Чуть позже Лефевр опубликовал второе и увеличенное издание, в которое он добавил легенду о том, что у Анны, матери Марии, было три мужа. В ответ на эту работу Дж. Фишер 22 февраля 1522 г. в Париже опубликовал «De unica Magdalena Libri Tres». Трактат Фишера достиг мгновенного успеха, и в ближайшее время в публикацию было запущено второе издание, оно было снабжено дополнительными комментариями. Метод Фишера: процитировать текст Лефевра дословно и добавить выдержки с его собственным комментарием на цитату. Поскольку основная часть доводов Лефевра не основывались на Евангелии, для Фишера не составило труда опровергнуть их, и шесть неубедительными [13, Р. 106].

В свою очередь, в противовес к чисто косвенному характеру доказательств Фишера, Лефевр выдвинул утверждение “euangelii energia” — сила Евангелия. Фишер не мог не ответить и написал: « “Сила Евангелия” является загадочной, и она не была известна ни Августину, ни Григорию, ни другим известным теологам, но каким-то удивительным образом стала известна Лефевру и его сторонникам» [13, Р. 107]. Фишер воспринимал историю Магдалины как универсальную, как описание процесса, который может происходить с любой личностью, тем самым указывая на слабость аргументации Лефевра [13, Р. 104]. Именно универсальность биографии Магдалины составляет, с его точки зрения, ее ценность для церкви, в то время как Лефевр подчеркивает необходимость проводить различие между евангельскими примерами для кающихся, для совершенствующихся, и для желающих вести непорочную созерцательную жизнь.

Тем временем Жозе Клишто, соратник Лефевра, написал в поддержку своего друга «Disceptationis de Magdalena Defensio». Хотя книга и не предназначалась в качестве ответа Фишеру, но, тем не менее, тот приступил к написанию опровержения и опубликовал летом трактат под названием «Euersio Munitiois» (Опрокидывание укреплений).

Лефевр, в свою очередь, переосмыслил критику Фишера и слегка изменил в новом трактате тезис, который звучал «De Tribus et Unica Magdalena Disceptatio». В ответ, в сентябре, Фишер выпустил еще одно и последнее опровержение «Confutatio Secundae Disceptationis». Данная работа является не менее перспективной, в ней выбираются и уничтожаются аргументы Лефевра. В первой части он анализирует изменения аргументов Лефевра в «Disceptatio Secunda» и их последствия для него самого и Клишто. Вторая часть содержит 12 тезисов, из которых

восемь развивают его ключевую идею о том, что Евангелие нуждается в снисходительном толковании. Фишер делает акцент на искаженном прочтении Евангелия Лефевром [13, Р. 108].

Все работы Фишера, которые были изданы во время полемики с Лефевром, впечатляют. Фишер использует различные техники дебатов и аргументов. Епископ не осуждает напрямую гуманистическое изучение Библии и выражает свое уважение к Лефевру и Кличтову. Вступление Фишера в полемику может рассматриваться в качестве инстинктивной реакции благочестивого и глубоко верующего члена церкви, усмотревшего в позиции Лефевра ответы, которые создали угрозы для репутации церкви Христовой.

Из сказанного выше мы приходим к выводу, что Джон Фишер внес значительный вклад в процветание гуманизма. Но гуманистом его назвать нельзя. Он не обладал светским мировоззрением, которое сосредоточено на проблемах человека. Несмотря на это, благодаря ему Кембриджский университет стал одним из главных центров продвижения гуманистических идей в Англии в XVI в. Библиотека, языки, введенные предметы, приглашенные ученые, создаваемые научные общества — все это заслуга епископа, который видел смысл своей жизни в развитии образования. Он готов был часами в любых условиях проводить время, читая книги и изучая древние языки, и приучал к этому своих студентов. Но изучение языков вызвано не интересом к античному наследию, как это было у гуманистов, а интересом к христианским текстам. Сотрудничая с Эразмом, Фишер внес вклад в публикацию Нового Завета на греческом языке, которое было новшеством для Европы. Мы видели, как два гуманиста ценили и уважали друг друга. Но, несмотря на взаимное уважение и сотрудничество, их теологические мнения были различны.

В комментариях Фишера к произведениям Эразма можно увидеть, как тот высоко оценивал элегантное использование языка, но в то же время с критикой относился к теологии, которая касалась Евхаристии [1, Р. 44]. Ученый Потер пришел к выводу, что отношения между Фишером и Эразмом никогда не были теплыми. В частности, на охлаждение отношений повлияла полемика Фишера с Лефевром. В переписке 1519–1524 гг. Эразм неоднократно критикует Фишера за резкую атаку на Лефевра [14, Р. 90]. В свою очередь, Дж. Фишер утверждал, что у схоластов отсутствует красноречие и утонченность, но присутствуют научные знания. По его мнению, идеальный теолог должен быть благочестивым, красноречивым и образованным. Но благочестие, соединенное со знаниями были бы более желаемы, чем красноречие в одиночестве [4, Р. 156]. И эта разница во взглядах

понятна, в этом и уникальность Джона Фишера как представителя гуманизма, так как он на все смотрел через призму занимаемой им должности епископа.

Список источников и использованной литературы

1. *Dowling M.* Fisher of Men: a life of John Fisher, 1469–1535. London: Macmillan Press LTD, 1999. 217 p.
2. *Damian Riehal Leader.* A history of University of Cambridge. V1. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 396 p.
3. *Michail K. Jones, Malcom G. Underwood.* The King's mother: Lady M. Beaufort. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 325 p.
4. *Surtz E.* The works and days of John Fisher. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 409 p.
5. *Peter G. Bietenholz.* Contemporaries of the Renaissance and Reformation. V1. London, 1985. 505 p.
6. *Лунатов Н. А.* Вопрос об авторстве «Толкования на пророка Исайю», сохранившегося под именем св. Василия Великого // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., № 33. 2011.
7. Erasmus and Fisher: Their correspondence 1511–1524 // J. Rouschause, ed. Paris, 1968. 113 p.
8. *Брюс.М. Мерцгер.* Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажения и реконструкция оригинала. М., 2013.
9. The Correspondence of Erasmus: Letters 594–841 / R. A. B. Mynors, D. F. S. Thomson trans. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 467 p.
10. *Rex R.* The theology of John Fisher. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 295 p.
11. *Зелигманн К.* История магии и оккультизма. М.: Крон-Пресс, 2001. 111 p.
12. *Касаткина А. Л.* Башня непорочности и дорога преображения: спор Жака Лефевра и Джона Фишера о Марии Магдалине // Вестник российского государственного гуманитарного университета. М., 2008. № 12.
13. *Shella M. Porrer.* Jacques Lefevre D'Etaples and the three Maries Debates. Geneve: Labraire Droz S.A., 2009. 521 p.
14. *Porter H. C.* Fisher and Erasmus // Bradshaw and Duffy. Humanism. Reform and Reformation. London: Cambridge University Press, 1967. 265 p.

Головченко Н. В.
СПбГУ

ЗАМОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФРИДРИХА III МУДРОГО В ИЕРУСАЛИМ

Традиция западноевропейского паломничества знати в эпоху позднего Средневековья довольно хорошо изучена в историографии. На протяжении всего XIX в. данная тема рассматривалась под определенным углом зрения: преобладало исследование этнографических составляющих путешествий и фактического материала, также важным объектом анализа являлись и социально-государственные компоненты. Сегодня тематику западноевропейского паломничества пытаются изучить в призме духовного климата самой эпохи, представить ее как модель благочестия, как модель духовных потоков.

Что выступало главным мотивом заморских путешествий знати в конце XV — начале XVI в.? Достаточно сложный вопрос, который отсылает нас к источниковедческой проблеме. Немногословность авторов источников, их скупость в выражении личного отношения к путешествию, а также влияние конфессионального фактора на генезис текста — все это представляет определенную трудность для исследователя. Другим препятствием в научной работе является отсутствие целого пласта мемуаров, воспоминаний участников похода и их личной корреспонденции, который мог бы предоставить нам наиболее полную картину мотивов паломников, их личного представления цели путешествия. Наконец, в случае нашего исследования, посвященного паломничеству в Святую Землю саксонского курфюрста Фридриха III Мудрого, следует принимать во внимание и нестройность композиции фрагментов источника, и позднее письменное фиксирование рассказа со слов безымянного участника похода, и прочие сложности, подытоженные меткой ремаркой в предисловии к изданию 1851 г.: «бессистемность, незавершенность этих записей отпугивает как и истинного ценителя истории Реформации, так и обыкновенного любителя» [1, С. 14].

Отступая от проблем нашего основного источника, мы вновь возвращаемся к общим тенденциям. В последние годы исследователи все чаще отмечают особое значение сословного фактора паломничества.

Отправляясь в поход со своими вассалами, курфюрст, маркграф или иное влиятельное лицо утверждает собственный исключительный статус, и тем самым сплачивает участников путешествия в рамках дворянской элитарности. Таким образом, паломничество к святым местам одновременно является выражением сословной легитимности. Во многих случаях подобные предприятия также направлены не только на поддержание старых, но и на формирование новых социальных связей с другими представителями знати. Присутствует как и вертикальная (вассал-сеньор), так и горизонтальная линия социальной организации.

Во всех этих сословных мотивах мы видим отголоски иерархической структуры вассально-ленной системы и, кроме того, наблюдаем прекрасный пример обновленного понимания чести, благородства рыцаря, который путем личного причащения к реликвиям укрепляет собственную добродетель. В эпоху классического Средневековья крестный ход предоставлял возможность дворянину умножить свою добродетель путем защиты церкви и службы сеньору. Теперь мы видим слияние этих двух сословных конструктов в одном явлении: паломничестве знати. Здесь наблюдается сочетание мотива «мирного завоевания» Святой Земли и, одновременно, отстаивания своего собственного статуса в иерархической системе.

Другой стороной выступает проблема религиозных мотивов паломников. Эти мотивы тесно переплетаются и с сословными факторами. Так, нам известно, что одним из явлений, сопровождающих паломничества на протяжении XI–XVI вв., было собирание реликвий. Из Святой Земли паломники привозили множество вещей, которые тем или иным образом заключали в себе свет божественного и были наделены чудесными свойствами. Любое заморское путешествие становилось прекрасной возможностью для многих знатных персон пополнить свою коллекцию. Мы можем увидеть это на примере самого Фридриха III: его реликварий включал самые известные реликвии латинского христианского мира, которые он приобретал в Риме, Венеции, Париже, Кельне, Мантуе. Он посылал также запросы в Базель, Кольмар, Эрфурт, Утрехт, Антверпен, в цистерцианские монастыри Пфорта и Цинна, в монастырь Штадтильма и монастырь францисканцев в Галле. Благодаря собирательной деятельности Фридриха III, к 1513 г. в его коллекции было зарегистрировано 5262 единицы, к 1518 г. — 17 443, и, наконец, в самом последнем регистре 1520 г. уже насчитывалось 18 970 реликвий [2, S. 408–409].

Как отмечает историк Лауб, при больших княжеских дворах реликвии входили в систему денежной политики курфюрстов [3, S. 171].

В 1518 г. французский король Франциск I в ходе дипломатической переписки с Фридрихом III передал ему с послом реликвии: «часть мощей св. Мартина и Марии Магдалины» [3, S. 170], а затем вновь, в 1519 г., однако уже в обмен на портреты Кранаха. Скорее всего, это не было чисто частной практикой правителей. В свете «избирательной кампании» преемника императора Максимилиана это «реликварное дарение» приобретает особое политическое значение, как форма союза Франциска и Фридриха. Таким образом, могущественный король Европы мог надеяться на поддержку курфюрста в дальнейшем, а последний, в свою очередь, стремился не только заключить выгодный союз, но также обогатить свою коллекцию реликвий, чтобы подчеркнуть свои притязания на высший титул в империи [3, S. 170]. Мы наблюдаем здесь слияние религиозных и сословных мотивов путешествий.

Говоря о религиозных факторах паломничеств знати, следует учитывать и конфессиональный аспект. Принадлежность участников путешествия к какой-то определенной конфессии накладывает свой отпечаток на сам характер паломничества, его духовную назидательность. Кроме того, неслучайно протестанты будут причастны к последней редакции исследуемого нами источника. Согласно протестантской точке зрения, духовная тяга к Иерусалимским святыням соотносима с тягой к Христу. И в то же время возникает определенное противоречие, ибо протестантизм отрицает поклонение конкретным материальным воплощениям святости, тем самым отвергая и культовые паломничества. Присутствие паломников в Святой Земле больше связано с миссионерской деятельностью, чем с преклонением святыням, хотя само путешествие в Святую Землю созвучно старопротестантской традиции, так как в Иерусалиме многие протестанты видят свои духовные корни.

В данной статье будет говориться об одном полузабытом эпизоде из истории паломнического движения, которому до сих пор не посвящено ни одного специального исследования — заморском путешествии Фридриха III Мудрого в Иерусалим, когда саксонский курфюрст и его многочисленная дворянская свита отправились в шестимесячное путешествие к берегам Святой Земли. О самом Фридрихе Мудром (1463–1525) достаточно известно немецкой историографии. Он обучался в монастырской школе и долгое время находился под большим влиянием гуманистического образования, чем его предшественники-курфюрсты [4, S. 568]. Фридрих мог понимать и писать по-латыни, к этому прибавилось и знание французского языка, которому он был обучен при дворе архиепископа Майнца, Дитера II Фон Айзенберга [4, S. 568].

Все это время будущий курфюрст проявлял живой интерес к теологии, истории и юриспруденции.

Паломничеству Фридриха посвящена отдельная глава в его биографии, записанная Георгом Буркхардтом Спалатином (1484–1545) со слов безымянного участника похода. Благодаря своему правовому и дипломатическому мастерству, Спалатин был важнейшим корреспондентом многочисленных реформаторов и гуманистов на протяжении 30-х гг. XVI в. Он был переводчиком, капелланом и секретарем Фридриха Мудрого, также на нем была вся частная и общественная корреспонденция курфюрста [5, S. 614–615].

Источниковедческая проблема встает перед нами с первой же страницы источника. Спалатин отмечает, что рассказ был предоставлен для него одним из рыцарей, участвовавших в походе («Также можно увидеть, что этот список составлен одним из братьев-рыцарей, который там был, собранный и описанный с его слов») [1, S. 76]. Сам Спалатин не участвовал в путешествии (что подтверждается хронологически: паломничество состоялось в 1493 г., когда он еще обучался в университете Эрфурта) [5, S. 614–615]. Имя рыцаря автор не сообщает. Кроме того, Спалатином не указывается, когда именно ему был поведен данный рассказ. Даже если рыцарь повествует ему об этом паломничестве практически через сорок лет после самого путешествия (текст «собран и составлен» в 1535 г., что подтверждается самим Спалатином: «и пребываем мы в добром здравии в эти дни этого года 1535...») [1, S. 89]), то это вызывает лишь больше домыслов и сомнений относительно достоверности подобного рассказа, уже и так в определенной степени измененного Спалатином. Более вероятным нам представляется версия, что описание путешествия было предоставлено Спалатину, когда он занимал должность придворного секретаря курфюрста — то есть через двадцать лет после самого паломничества. Этой же мысли придерживался историк Армин Кунц в своем исследовании [6, S. 104]. Вполне вероятно, что перед нами предстает лишь очень отдаленное описание реальных событий. Тем не менее мы не склонны полностью воспринимать текст источника как художественный вымысел Спалатина — заморское путешествие Фридриха в Иерусалим, вполне вероятно, действительно было основано на аутентичном рассказе одного из паломников из свиты курфюрста, кроме того, все эти сведения подтверждаются датами из счетной книги Ганса Хундта (о ней, как о сопровождающем источнике, пойдет речь далее).

Согласно точке зрения Карины Брумме, простое совпадение или хорошая память обоих рассказчиков (безымянного паломника, автора

устного текста, и Спалатина) исключается не только по причине столь подробного и точного содержания рассказа, но и также из-за длительного периода времени между паломничеством и фиксированием текста «Путешествия» [7, S. 214].

Можно даже высказать предположение, что работа Спалатина основана на дневнике безымянного паломника или на каком-либо другом письменном источнике, который впоследствии был утерян. Также вполне вероятна версия, что источник был создан искусственно, скомпилирован на основе писем, документов, счетов и т. д. В этом случае можно предположить, что автор рассказа состоял на службе при саксонском дворе. В доказательство этой теории Брумме отмечает особый официальный тон текста, формулировки «мой милостивый господин» и «наш любезный господин» [1, S. 84; 89], которые часто использовались на разных должностях как обращение к курфюрсту [7, S. 214]. Гипотеза, что сам Фридрих является автором «Путешествия», представляется нам весьма сомнительной: описания иерусалимских поездок почти всегда были записаны со слов слуг или последователей курфюрстов.

Учитывая все многообразие вышеупомянутых предположений и гипотез относительно происхождения оригинального источника, мы склонны предположить, что текст Спалатина был основан как и на рассказе паломника (в устной или письменной форме), так и на других документах, относящихся к данному путешествию. В этом случае третий том «Лексик средневековой немецкой литературы» Вольфганга Ахнитца [8, S. 572], посвященный путевым заметкам и историческим произведениям, отсылает нас к двум другим сопровождающим источникам: письму Андреаса Слудера (30.4.1493, со слов Франца Траутманна [9, S. 406]) и уже упомянутой счетной книге Ганса Хундта.

Армину Кунцу в 1996 г. удалось доказать, что письмо является фальсифицированным источником. Единственная сохранившаяся его копия приведена в историческом романе «Приключения герцога Христофора Баварского, прозванного воителем» Франца Траутманна (издание 1853 г.) — наряду с этим присутствует частично представленная «Книга пилигрима» герцога Христофора Баварского, который сопровождал Фридриха III Мудрого в его путешествии [9, S. 411].

В своем научном труде «Путешествие Лукаса Кранаха в Иерусалим» Кунц приводит убедительные доказательства подделки. Письмо Андреаса Слудера, якобы написанное в Мюнхене в 1493 г. к его другу, венскому торговцу Гансу Вайнманну, на самом деле основано на «Анналах» Иоганна Себастьяна Мюллера 1700 г. [10, S. 835]. Сравнив письмо

с другими источниками (уже упомянутой счетной книгой Ганса Хундта и текстом Спалатина), исследователь приходит к выводу, что оно является единственным современным свидетельством о поездке Лукаса Кранаха в Палестину [6, S. 90–91]. Кроме того, упоминание самого адресата, Ганса Ваймана, не обнаруживается в документации венского городского архива. Это, а также многие другие свидетельства фальсификации источника (в том числе детальный разбор картин Кранаха) можно обнаружить в статье Кунца. Автор отмечает, что именно огромное количество исторической информации, частично достоверной по другим источникам, и заставляло историков в течение столь долгого времени принимать этот документ за подлинник. Согласно исследованию Клауса Графа, это письмо до сих пор используется многими исследователями как действительный исторический источник, несмотря на относительно давнюю публикацию Армина Кунца [11]. Со многим из наблюдений и замечаний Клауса Графа согласился Фолькер Райхерт [11].

Относительно второго сопровождающего источника мы наблюдаем также некоторые затруднения. Счетная книга Ганса Хундта (1493–1494), согласно примечанию к изданию 1883 г. (редакция Р. Рерихта и Г. Мейснера, в предисловии к которому отмечено, что источник печатается впервые), вполне вероятно дошла до нас не в своем первоначальном варианте, скорее всего это выписка из самого Спалатина, справки о путешествии Ганса фон Зедлитца, саксонской и венецианской хроники и, наконец, «из ранее неизвестного нам письма Андреаса Слудера из Мюнхена Гансу Вайманну, в Вену (30 апреля 1493) и последнего письма герцога Христофора со своей родины (28 мая 1493)» [12, S. 37]. Относительно письма уже было сказано выше. Кроме него, вновь упоминается «Книга пилигрима» герцога Христофора Баварского, которая, как мы помним, уже вызывала определенные подозрения относительно исторической достоверности как у Армина Кунца [6, S. 94; 101], так и у Клауса Графа, который приводит замечания и других исследователей (так, например, Бернд Бастерт в своей диссертации 1993 г. также указывает, что Траутманн подделал данный источник) [11]. По утверждению Графа, действительно важным для исторической науки остается вопрос, на основании каких конкретных источников Траутманн создавал свои паломнические сочинения.

Счетная книга в издании Рерихта и Мейснера особенно важна нам в том отношении, что присутствуют подробные комментарии издателей, позволяющие нам более-менее ориентироваться в устаревшей лексике данного документа. В счетной книге мы сталкиваемся с очень основательным свидетельством о шестимесячной поездке на Святую

Землю. Присутствует подробная детализация информации о каждом дне путешествия, о маршруте и виде передвижения, организации, географии посещаемых мест; мы можем тщательно проследить экономические, социальные аспекты поездки, а также реконструировать сам ход паломничества.

Согласно тексту Спалатина, детали подготовки к путешествию не так уж многочисленны. 19 марта 1493 г. Фридрих отправляется в паломничество. Пилигримы получили свое благословение в церкви Торгау, а затем, сопровождаемые процессией, проследовали к главным воротам. Незадолго до своей поездки курфюрст пожелал построить капеллу «Святого креста» в Торгау, и первый камень был заложен именно в день его отъезда [1, S. 26–27]. Фридрих знал об опасностях, которые могут настичь его во время подобной поездки, и 19 февраля составил завещание на тот случай, если он не вернется из паломничества. Беспокойство, однако, оказалось необоснованным, потому что 27 октября того же года он благополучно вернулся домой.

Курфюрст саксонский путешествовал со своей свитой из 100 человек, но в Венеции к нему присоединилась часть дворянства Южной, Центральной и Восточной Германии, так что общее количество паломников разрослось до 189 человек [13, S. 134]. Разумеется, здесь учитывается лишь число знатных участников паломничества, не считая поваров, цирюльников, столбников и т. д.

Социальный состав путешественников известен нам благодаря самому свидетельству Спалатина, так как в конце своего рассказа он приводит список участников паломничества. Автор начинает с наиболее важных господ: герцогов и графов, а затем перечисляет рыцарей соответственно их территориальному происхождению. Сначала указываются представители Швабии, Баварии и Франконии, затем Саксонии (отсюда происходит уже известный нам Ганс Хундт), северных земель, Майнца и Тюрингии. Отдельным списком идут представители духовенства, прелаты и ученые.

Из всех участников путешествия на момент написания рассказа (1533 год) в живых осталось лишь «три или четыре человека» [1, S. 91]. Стоит отметить, что ранее Спалатин приводит другую дату: «...и пребываем мы в добром здравии в эти дни этого года 1535» [1, S. 891]. По предположению Брумме, подобные нестыковки объясняются тем, что этот источник принадлежит перу не самого Спалатина, а является дополнением Иоганна Постоянного, брата

Фридриха Мудрого, ведь он несколько раз редактировал рукопись [7, S. 209]. Проблема подобных редакционных ставок прослеживается на страницах всего текста.

Паломники прибыли в Венецию 29 апреля 1493 г. 23 мая, после двухдневного ожидания попутного ветра, они сели на галеры. Их маршрут изначально пролегал по восточному побережью Адриатики: город Пелла (Пула), затем залив Комэй (Комати) и город Сара (Задар), куда они прибыли 27 мая (даты в источниках расходятся, по данным счетовой книги Ганса Хундта: 26 мая — прибытие, 27 — отбытие). Согласно отчету, паломники не снялись с корабля, но остались в очень стесненных обстоятельствах на борту [1, S. 78].

Следующим пунктом путешествия был город Лессинада (Лесина) и Лезен (остров Вис, ранее Лисса), куда путники прибыли 28 мая, затем остров Мелидадь. Далее паломники прошли мимо города под названием Курцуола (сегодня Козарика на острове Млет) и отправились в деревню Сипена (на острове Сипанска Лука), пока, наконец, не достигли 31 мая Рагузы (Дубровник). Рагуза, как отмечено в рассказе, лежит близко к Турции и выплачивает туркам подать в 18 тыс. дукатов «для защиты города» [1, S. 79]. На пути к Корфу корабль встал у побережья на якорь из-за неблагоприятных обстоятельств, и там же паломниками был взят корабль с евреями, бегущими из Испании; последние были подвергнуты тщательному допросу. Пятого июня путешественники прибыли на Корфу [1, S. 88].

В Модон (Метони на полуострове Пелопоннес) паломники прибывают десятого июня, в Кандию (Ханья, сейчас Ираклион на острове Крит) — двенадцатого (согласно счетной книге: 10–12 июня). Вплоть до этого отрывка текст мало сообщает нам о городах, где пребывают паломники, или об их впечатлениях. Тем не менее Спалатин описывает состояние морской погоды, направление и силу ветра, упоминает правительственные силы внутри городов, а также время пребывания там паломников, встречаются описания случайных встреч с другими кораблями.

Чуть больше узнаем мы из рассказа о Родосе, следующей остановки на пути паломников, куда они прибыли в пятницу, 14 июня. Выйдя на берег, путешественники встретились в столице острова с великим магистром ордена госпитальеров. На следующее утро гости выслушали мессу, а затем им было показано множество реликвий [1, S. 81]. Кроме того, упоминаются индульгенции, которые «до сих пор ценятся здесь как отпущение грехов» [1, S. 81–82], что явно указывает нам на присутствие протестантской редакции текста источника.

В пятницу, 21 июня (согласно Счетной книге: 23 июня), после долгого морского пути, паломники наконец достигают берегов Палестины. Три дня путешественники были вынуждены ждать на корабле близ Яффы, пока регулировались все официальные вопросы. За это время море стало настолько беспокойным, что паломников сразила сильная морская болезнь. Ввиду ослабленного состояния путешественников и столь долгого промедления со стороны францисканцев и гардиана Иерусалима, которые должны позаботиться о сопровождении группы, они принимают предложение мусульманского полковника Рамы (Рамла находится между Яффо и Иерусалимом) стать их сопроводителем.

В Счетной книге отмечено, что паломникам пришлось выплатить 500 венецианских цехинов [12, S. 56], что эквивалентно приблизительно 650 рейнским флоринам [7, S. 212], в качестве оплаты для своего сопровождения в Иерусалим. Удивительно, но даже автор источника не может обойти вниманием постигшее их унижение: «Когда мы сошли с корабля на землю, то ощущали боль и чувство вины» [1, S. 83].

В Яффе уже началась обычная процедура паломничества. Получив ослов, путешественники отправились в сторону Рамы. В паломническом доме недалеко от города они связывались с чиновниками в Иерусалиме и уже упомянутым гардианом Иерусалима. Все они были явно недовольны тем, что паломники сошли с корабля без предварительного согласия, да еще и с помощью мусульманского градоначальника Рамы. Как бы то ни было, все конфликты разрешились благополучно [1, S. 83].

Фридрих Мудрый и его спутники в ночь с 26 на 27 июня под надзором органов власти прибыли в Иерусалим. Кульминацией паломничества стала суббота, 29 июня. В этот день Генрих фон Шаумберг, который ранее уже совершал поездку в Иерусалим и, следовательно, уже был рыцарем Гроба Господня [1, S. 84], произвел Фридриха в рыцари Гроба.

Во вторник паломники вместе со своими сопровождающими из Рамлы отправились в Яффо, куда они прибыли в четверг, 4 июля. Здесь же путешественники столкнулись с новой проблемой. Мусульманской администрации порта стало известно, что среди паломников есть два князя, а для сопровождения на берег таких высокородных персон требуется большая дань. Патрону, который был задержан на суше, пришлось путем увещаний и выплат добиться своего освобождения на следующий день, после чего корабль немедленно вышел в море [1, S. 85].

Обратный путь вновь пролегал через Кипр, Лемезин и Баффо, и вскоре 23 июля (Счетная книга: 22/23 июля) они оказались на Родосе. Великий магистр ордена иоаннитов принял паломников с большой

честью, и на целую неделю (с 22 по 30 июля, счетовая книга: 22/23 июля по 2 августа) они были размещены на постоялом дворе. Далее путешественники приняли участие в торжественном шествии, а в замке магистра ордена курфюрсту была показана часовня с реликвиями.

Пока паломники пребывали на острове, герцог Христофор Баварский подхватил тяжелую форму лихорадки и отстал от числа паломников [1, S. 87]. Он скончался от болезни спустя некоторое время. Нам это известно уже из другого источника: Рейнхольд Рерихт в своем труде «Немецкие паломничества в Святую Землю» приводит выдержку из венецианской хроники Марино Санудо: «большой граф Цорци на Родосе, который позже скончался» [14, S. 176]. Тут же Рерихт подмечает, что «так, по-видимому, герцог Христофор Баварский был обозначен» [14, S. 176]. Брумме также приводит выдержки из «Книги пилигрима» Христофора Баварского, где говорится о том, что причинами своей болезни сам герцог видел холодное питье, принятое им после ожесточенной схватки с мусульманами, когда он высвободил курфюрста из их плена (что было третьего июля). В последней записи своего дневника герцог описывает неудачную попытку вылечиться при помощи крепкого вина и холодных ванн [7, S. 213]. Однако ввиду нашего исследования, достоверность информации в «Книге пилигрима» следует подвергать сомнению.

В Кандии, где путешественники пребывали с третьего по пятое августа (счетовая книга: 4 августа) и приобрели большое количество вина, им также пришлось оставить несколько больных паломников [1, S. 88]. Восьмого августа они достигли Баргава (Парга на западном побережье Греции). С 13 по 15 августа они пребывали на Корфу, 20 августа они прибыли к городу Дуратио (Дуррес на албанском побережье), таким образом, прошло уже три дня после отъезда с Рагузы. В понедельник и вторник 26–27 августа они находились в Лесине на хорватском острове Хвар. Через два дня они достигли Паренцы (Порек). Путешествие заканчивается в понедельник, 2 сентября, в Венеции. Оттуда паломники отправились в обратный путь на родину.

Паломничество Фридриха Мудрого по своей форме и содержанию представляется нам классическим морским путешествием европейской знати позднего Средневековья. В начале нашей статьи мы уже упомянули основные мотивы подобных путешествий. В данном случае, кроме обозначенных сословных и религиозных факторов, мы можем наблюдать некоторые репрезентативные мотивы. Подобные поездки, как правило, требуют чрезвычайных затрат (что наглядно представлено

в Счетной книге Ганса Хундта), и участие в них не было «по карману» большинству дворянства и бюргерства. Таким образом, паломничество стало своеобразным средством для выделения своего особого социального статуса, места в средневековой иерархической модели. Массовые паломничества укрепляли связь между князьями, их союзниками и вассалами. Для спутников же курфюрста участие в путешествии означало открытие больших возможностей для укрепления своего положения при дворе и поднятия по иерархической лестнице.

Можно ли четко систематизировать подобные заморские путешествия знати конца XV — начала XVI в., ориентируясь на весь вышеперечисленный материал? До этого мы не затрагивали существенную проблему классификации, а ведь даже «классическое» паломничество Фридриха III нельзя подогнать в рамки более ранних и более поздних путешествий. Скорее всего, представленный нами пример является переходным моментом в истории паломнического движения: все еще наличествуют благочестивые мотивы, однако уже видоизмененные со временем — путешествие уже больше не крестовый поход против язычников, а скорее духовно-просветительский акт веры. Новое видение «завоевания» Святой Земли лучше всего описывают слова Раймунда Луллия, каталонского миссионера XIV в.: «Я вижу, как многие рыцари отправляются за моря в Святую Землю, полагая, что они способны взять ее силой оружия, но, в конце концов, они сами оказываются повержены, прежде чем достигнут ее и завладеют тем, чем, по их мнению, должны завладеть. Мне представляется, что завоевания Святой Земли следует добиваться только так, как это делали Христос и апостолы, — любовью и молитвами, роня слезы и истекая кровью» [15, Р. 52].

И в то же время мы можем наблюдать, как религиозные мотивы тесно переплетаются с сословными и репрезентативными аспектами. Паломничество дополнительно легитимирует статус князя или курфюрста, его значение как защитника церкви и представителя власти.

Вместе с тем некоторые источники требуют дальнейшего изучения, не только с учетом нового подхода к проблемам, поднимаемым в историографии, но также ввиду возможных фальсификаций. До сих пор остается открытым вопрос с «Письмом Слудера» и «Книгой паломника» Траутманна. Нельзя с уверенностью утверждать и о наиболее точной версии происхождения текста Спалатина, его возможной поздней протестантской редакции. Все это ставит новые проблемы перед исследователем, специализирующимся на истории западноевропейских паломничеств XV–XIV вв.

Список источников и использованной литературы

1. *Spalatin G.* Friedrichs des Weisen Leben und Zeitgeschichte. Jena: Verlag von Friedrich Mauke, 1851. 236 s.
2. *Kühne H.* Ostensio reliquiarum. Untersuchungen über Entstehung, Ausbreitung, Gestalt und Funktion der Heiltumsweisungen im römisch-deutschen Regnum. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 970 s.
3. *Laube S.* Zwischen Hybris und Hybridität. Kurfürst Friedrich der Weise und seine Reliquiensammlung // Ich armer sundiger mensch Heiligen- und Reliquienkult am Übergang zum konfessionellen Zeitalter / Ed. Andreas Tacke. Göttingen: Wallstein Verlag, 2006. 540 s.
4. *Schubert F. H.* Friedrich III. der Weise // Neue Deutsche Biographie, Bd. 5. Berlin: Duncker & Humblot, 1961. 784 s.
5. *Spehr C.* Spalatin, Georg // Neue Deutsche Biographie, Bd 24. Berlin: Dunker & Humblot, 2010. 796 s.
6. *Kunz A.* Die Jerusalemfahrt Lucas Cranachs d. Ä. Quellenkritische Untersuchung der Überlieferungsgeschichte eines (kunst)historischen Topos // Archiv für Kulturgeschichte Bd. 78. New York: Böhlau & de Gruyter Verlag, 1996. 114 s.
7. *Brumme C.* Das spätmittelalterliche Wallfahrtswesen im Erzstift Magdeburg, im Fürstentum Anhalt und im sächsischen Kurkreis. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2010. 469 s.
8. *Achnitz W.* Reiseberichte und Geschichtsdichtung // Deutsches Literatur-Lexikon. Das Mittelalter, Bd 3. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2011. 671 s.
9. *Trautmann F.* Die Abenteuer Herzogs Christoph von Bayern, genannt der Kämpfer: ein Volksbuch, darin gar viel Frohes, Düsteres und Wundersames aus längst vergangenen Zeiten zum Vorschein kommt...; für Alt und Jung erzählt. Frankfurt am Main: Sauerländer, 1853. 431 s.
10. *Müller J. S.* Annales des Chur- und Fürstlichen Hauses Sachsen. Leipzig: Gleditsch, 1700. 894 s.
11. *Graf K.* Das von Franz Trautmann erfundene «Pilgramsbuch» Herzog Christophs von Bayern. 2014. (Электронный ресурс) URL:<https://archivalia.hypotheses.org/4508/> (дата последнего обращения 19.08.2016).
12. *Hundt H.* Das Rechnungsbuch (1493–1494) // Ed. Reinhold Röhricht und Heinrich Meisner. Dresden, 1883. 100 s.
13. *Bünz E.* Die Heiltumssammlung des Degenhart Pfeffinger // Ich armer sundiger mensch Heiligen- und Reliquienkult am Übergang zum konfessionellen Zeitalter / Ed. Andreas Tacke. Göttingen: Wallstein Verlag, 2006. 540 s.
14. *Röhricht R.* Deutsche Pilgerreisen nach dem Heiligen Lande. Innsbruck: Verlag der Wagnerschen Universitäts-Buchhandlung, 1900. 362 s.
15. *Zwemer S.* Raymund Lull. New York: Funk & Wagnalls Company, 1902. 172 p.

Данилов И. А.
СПбГУ

**ПРАКТИКА ИМЯНАРЕЧЕНИЯ У САКСОНСКОЙ
РЫЦАРСКОЙ ЗНАТИ В КОНФЕССИОНАЛЬНУЮ ЭПОХУ
(на примере родов Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг)**

Многообразные религиозные, социальные, политические и экономические процессы, происходившие в Германии при переходе от позднего Средневековья к раннему Новому времени, или в Конфессиональную эпоху, отличались острой интенсивностью и затронули все без исключения слои общества, в том числе главный оплот курфюршеской и имперской власти — рыцарство. В свою очередь, это сословие не было гомогенным. Поэтому для анализа мы выбрали четыре знатных саксонских рыцарских рода Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг, которые, в отличие от менее именитых семей, получили довольно обширную историографию. Кроме того, они принадлежат к протестантскому локусу, что подразумевает возможность наблюдать зарождение модернизационных тенденций в интересующей нас социальной сфере. Наконец, еще более ограничивающий поставленную здесь задачу взгляд сквозь призму имянаречения позволяет проследить, как эти процессы протекали в наиболее закрытой сфере — в рамках семейной, родовой традиции, обладающей, как известно, большой инерцией. Следует также подчеркнуть, что, в отличие от высшей знати, частная сторона жизни рыцарского сословия не была столь же публичной и потому в гораздо меньшей степени документировалась. В курфюршеском и имперском театре ему отводились вторые и третьи роли, бенефисы случались крайне редко, а собственные постановки на «малой сцене» удастались разве что фамильных преданий. Однако мы постараемся заглянуть на этот «закрытый показ».

Все четыре вышеназванных рода были известны в Мейсенской марке уже с XII (Бюнау) или с XIII в. (Шенберги, Шляйницы, Пфлуги), владели здесь, а Шляйницы и Пфлуги еще и в соседней Богемии, с которой фамильная традиция связывала их происхождение, обширными землями и другими прибыльными активами, например, как Шенберги,

серебряными рудниками, и таким образом в интересующую нас эпоху являлись важным экономическим ресурсом для курфюршеской власти. Не удивительно, что имена представителей этих семей были вписаны в анналы саксонской политики: они сопровождали курфюрстов в крестовых походах, занимали епископские и архиепископские кафедры, входили в курфюршеские советы, нередко выступали и на международной арене, как, скажем, Каспар фон Шенберг, долгое время состоявший на службе у французских королей и основавший отдельную ветвь Шенау-Нантёй Дома Шенберг во Франции. С точки зрения исторической перспективы, не меньшее значение имел и биологический аспект, а именно — тот факт, что все четыре семейства отличались завидной плодovitостью вкупе с гендерным паритетом, т. е. достаточным количеством представителей обоего пола в каждом поколении, позволяющими обеспечить как непрерывность передачи имущественных и властных полномочий от отца к сыну (сыновьям), так и укрепление династических связей за счет брачных партий женской половины, в том числе и с отпрысками четырех названных родов.

Вместе с тем перечисленные факторы нельзя назвать уникальными для представителей этого социального слоя саксонской знати. Известно, что не менее заметную роль в курфюршестве играли общие соседи четырех интересующих нас семей — Айнзидели, Хаугвицы, Мильтицы, Штаршедели, а также Карловицы, Энде и др. Все они занимали аналогичное положение или даже, как два последних рода, «обладали имперской титулатурой» [1, С. 476], т. е. стояли выше в сословной иерархии. Однако еще в конце XVI в. пастор и публицист Цириак Шпангенберг в труде «Дворянское зеркало» назвал «четырьмя столпами» саксонского дворянства именно Шенбергов, Шляйницев, Бюнау и Пфлугов [2, S. 172]. Вскоре ему уже вторил крупный генеалог Лаврентий Пеккенштейн [3, S. 37]. Затем в 1642 г. Мельхиас Негель фон Витшталь употребил это определение при описании сословной иерархии того времени в своей военной летописи [4], а в конце XVII в. юрист Г. Кнаут воспользовался им в регистре мейссенских фамилий [5]. Так менее чем за столетие удачная метафора превратилась в устойчивый термин. В то же время, по справедливому замечанию А. Ю. Прокопьева, это не было произвольной «авторизацией общественного мнения», а, скорее, напротив, репрезентацией представлений власти о собственной элите, которые выразились, например, в преобладании числа представителей именно названных четырех родов над прочими возглавляющими рыцарскую курию так называемыми

«пятилошадными» дворянами в гостевых списках на династические торжества по случаю бракосочетания курфюрстов Саксонии в 1604 и 1638 гг. [1, С. 474–480]. Таким образом, легитимация идеи «четырех столпов» была инспирирована «сверху». В XVIII и XIX в. со ссылками на предшественников ее продолжали развивать Валентин Кениг, Иоганн Фридрих Гаух, Кристиан Цедлер и Эрнст Генрих Кнешке [6, S. 219; 7; 8, S. 195]. Из современных исследователей сторонником выделения данных семей в самостоятельную подгруппу под тем же историческим названием «четырех столпов» считается прежде всего Франк Гезе [9, S. 151]. Сосредоточившись на их ономастических предпочтениях, мы постараемся показать, в чем заключались сходство и различие между этими родами в области имянаречения.

Начнем с семьи Шенбергов, которая по праву считалась одной из самых политически активных, состоятельных и плодovitых в Саксонии. Первые упоминания о представителе Мейсенской ветви этого рода некоем Тутто (по другим сведениям Hugo) фон Шенберг (Tuto von Sconenberch) в документах середины XIII в. свидетельствуют о том, что он был поначалу не слишком богатым, но облеченным особым доверием министралом маркграфа Мейсена Генриха III Светлейшего (Heinrich III. der Erlauchte), и, в частности, летом 1259 г. предоставил последнему замок Шенберг для переговоров [10, S. 14]. А в 1282–1284 гг. в актах монастыря Альтцелла неоднократно фигурировал его потомок Зифрид (вариация имени Зигфрид) фон Шенберг, от которого и ведется генеалогия рода. Именно в такой огласовке имя этого основателя династии закрепилось в фамильном ономастиконе и использовалось в пяти поколениях вплоть до XV в.

Доверительные отношения с властителями Мейсена позволили ранним Шенбергам значительно расширить свои земли в течение двух следующих веков. Их первыми владениями были Ротшенберг и Чохау, по которым впоследствии именовались две основные ветви рода. В XIV в. к этому массиву присоединился Пуршенштейн и ряд других территорий. А к XV в. среди фамильных активов значились серебряные рудники в районе Фрайберга [10, S. 145].

В XVI–XVII вв. род Шенбергов, как прежде при маркграфах Мейсена, продолжал занимать высокие должности при курфюрстах Саксонии и принимал непосредственное участие в жизни двора. К примеру, на бракосочетании в 1561 г. Анны, дочери курфюрста Морица, и Вильгельма Оранского присутствовали около 20 членов семейства Шенберг [10, S. 219]. А в следующем 1562 г. Генрих и Ганс Вольф

фон Шенберги находились во Франкфурте-на-Майне на выборах короля Максимилиана II. Желание сделать карьеру нередко побуждало членов этого рода искать покровителей за пределами курфюршества. Так, представители Заксенбургской линии в XVI в. прославились своей храбростью на службе у французских королей и создали во Франции самостоятельную ветвь Шенау-Нантёй. Наиболее известным из них был носитель одного из самых популярных в фамильном ономастиконе имен фельдмаршал Каспар фон Шенберг (1540 — 17 марта 1599). В следующем столетии Иоахим Лот (4 октября 1618 — 24 декабря 1679) выбрал ту же стратегию и сперва в 1634 г. стал камер-пажом при дворе герцога Фридриха Гольштейн-Готторпского, а затем по его рекомендации в 1642 г. поступил в гвардию Фридриха Генриха Оранского [10, S. 233]. Кроме того, представители этого рода были аббатами фамильной усыпальницы Веттинов — монастыря Альтцелла, где в капелле Св. Михаила вплоть до середины XV в. хоронили и самих Шенбергов, а также пробстами в Наумбурге и Фрайберге, участвовали в крестовых походах и подвизались на ниве дипломатии в Прусском ордене, более известном как Немецкий или Тевтонский.

Эта яркая амбициозность Шенбергов нашла своеобразное отражение в фамильном ономастиконе: они гораздо чаще, чем соседи, реагировали на интеллектуальную моду своего времени, в том числе и в области имянаречения. Прежде всего это относится к появившимся в Конфессиональную эпоху двойным и тройным именам.

**Одинарные и двойные/тройные имена у Шенбергов
в XVI–XVII вв.**

Тип имени	Мужские имена	Женские имена
Одинарные имена	37	25
Двойные имена	61	54
Тройные имена	3	1

Как видим, количество мужских двойных имен (60,4% именника) более чем в полтора раза (1,64) превосходит число одинарных, а женских (67,5% именника) — более чем в два раза (2,16), что неудивительно, так как мода на двойные имена получила тогда широкое распространение. Еще одной особенностью этой группы преноменов является этимологическое разнообразие, когда в произвольной последовательности сочетаются имена разного происхождения: библейские

и древнегерманские (Адам Вольф, Адам Фридрих, Вольф Абрахам, Каспар Гюнтер), древнегерманские и греческие (Вольф Георг, Вольф Кристоф; Георг Готтлоб), латинского и греческого (Урсула Маргарета), славянские и греческие (Ян Кристоф). Впрочем, встречаются также и этимологически идентичные имена, например, два древнегерманских (Адольф Фридрих, Вольф Генрих, Генрих Гильдебранд, Готхельф Фридрих), или два древнееврейских (Иоахим Лот), или два греческих (Агнес Элеонора, Анна Доротея). Что же касается относительно редких для того времени тройных имен, в ономастиконе Шенбергов они встречаются как у мужчин, так и у женщин в разных боковых ветвях трех главных линий: Пуршенштейнской, Райнсбергской и Райхенау, с начала XVII в. Здесь также наблюдается сочетание имен разного извода: краткая форма германского варианта библейского имени Иоанн + собственно библейское или закрепленное легендарной традицией за безымянным в Библии персонажем имя + древнегерманское имя (Ганс Абрахам Хаубольд, Ганс Адам Фридрих, Ганс Каспар Хаубольд) или древнегерманское + библейское + греческое имя (Эрдмута Ева Доротея), причем первое из них является единственным примером собственно немецкого имени у женской половины Шенбергов в интересующую нас эпоху.

В связи с темой тройных имен следует также акцентировать внимание на самом механизме выбора преномена для отпрысков знатных рыцарских родов. Например, состоявший при дворе Христиана II Август фон Шенберг (26 декабря 1584 — 14 октября 1636), младший сын Абрахама фон Шенберга (9 августа 1545 — 20 августа 1598) от брака с Марией фон Бюнау, 7 марта 1620 г. женился на Урсуле фон Айнзидель, дочери Ганса Хаубольда фон Айнзиделя и Маргарет фон Штаршедель. Своему первенцу он дал тройное имя Ганс Абрахам Хаубольд, включив в состав двойного имени его деда со стороны матери имя собственного отца и/или старшего брата. При этом последний гипотетически мог быть крестным этого номинанта. Таким образом, здесь представлен наиболее распространенный в данном сословии на пороге Нового времени способ поименования в честь ближайших, причем как умерших, так и живых членов семьи вплоть до самих родителей, способных принять не только символическое, но и непосредственное участие в судьбе своего потомка.

В целом же в этимологиях ономастикона Шенбергов XVI–XVII вв. своеобразно преломляются общекультурные и одновременно региональные тенденции своего времени.

Этимология мужских и женских имен рода Шенберг в XVI–XVII вв.

Этимология	Мужские имена	Женские имена
Германские имена	24	1 (Эрдмута)
Библейские имена	7	11
Греческие имена	10	10
Латинские имена	8	8
Кельтские имена	0	1 (Бригитта)
Славянские имена	1 (Ян)	0
Финикийские имена	1 (Ганнибал)	0
Французские имена	1 (Генри)	4 (Жанна, Арманда, Марджери, Франсуаза)

Первое, что становится очевидным: протестантская мода на национальное возрождение и, как следствие, двукратное и даже более чем трехкратное преобладание древнегерманских имен над всеми прочими в мужской части именника заметно контрастирует с единственным в этой группе именем Эрдмута у женщин. Вместе с тем интерес Конфессиональной эпохи к библейским именам в большей степени проявился у женской половины рода (11: 7). Напротив, в отношении идущего от Ренессанса предпочтения античных и экзотических древних имен (в данном случае кельтских и финикийских) Шенберги демонстрируют полный фамильный консенсус. Кроме того, употребление имени Ян свидетельствует о том, что они не забывают о близости славянских земель. Однако бесспорным лидером среди мужских имен и в этот период для них остается родовое имя Каспар (21 номинант), которое восходит к древнеперсидскому «kandschwar» (= «казначей, хранитель сокровищ»; ср. «gandsch» = «сокровище») и, согласно закрепившейся в культуре апокрифической христианской традиции, принадлежит одному из волхвов, пришедших поклониться Младенцу Христу. Отметим также, что не менее модные в среде саксонского рыцарства имена двух других волхвов Бальтазар и Мельхиор у Шенбергов не встречаются. Наконец, остается указать на присутствие в ономастиконе представителей линии Шенау-Нантёй сразу четырех женских и одного мужского французского имени, что следует расценить не как дань памяти уходящему в прошлое куртуазному веку, признание значения романских стилистических тенденций в искусстве барокко или предчувствие доминирования «острых галльских смыслов» в эпоху Просвещения, а как желание французской ветви этого рода ассимилироваться на новой родине.

Следующий род Шляйницев в полной мере разделил судьбу своих собратьев по социальной группе, и потому в его истории отразились

многие общие черты. Так, например, как и Шенберги, члены этой семьи владели не только богатыми землями, но и серебряными рудниками, принимали активное участие в политической жизни Саксонии и добились значительных успехов на религиозном поприще [подробнее см.: 11, С. 142, 144]. Как и Пфлуги, они были тесно связаны с Богемией, откуда по одной из версий вели свое происхождение [обзор точек зрения см.: 12, S. 5–9]. И именно из их ономастикона, благодаря брачным партиям, в родовые именники соседей проникло имя Хугольд (Хаубольд). Не удивительно, что семейные стратегии имянаречения у Шляйницев в XVI–XVII вв. в основном соответствуют общерегиональным тенденциям.

Вместе с тем здесь обнаруживаются и некоторые нюансы. Так, с введением Реформации в Саксонии члены этого рода обратились в протестантизм, за исключением представителей Богемской ветви, которая осталась в лоне Католической церкви [12, S. 42]. Однако конфессиональный фактор не оказал сколько-нибудь существенного влияния на репертуар имен. Ведь даже осевшие в Богемии Шляйницы предпочитали давать детям библейские имена Симон Иуда, Адам и Ева в духе «протестантской моды» того времени. Хотя особой популярностью у них пользовались славянские имена Ладислав и Богуслав как знак принадлежности к своему региону [13, S. 8; 12, S. 579–581].

Еще одной нетипичной особенностью ономастикона этого семейства, которую подробно проанализировал его фамильный историограф Г. фон Шляйниц, является ограниченность круга крестильных имен исключительно родовой традицией, что приводит к своеобразной «ономастической тавтологии», когда в одном поколении родным братьям дается одно и то же имя (иногда с вариацией: Дитрих / Диц / Дице, Иоганн / Ян) [12, S. 8–9]. Причем речь идет о взрослых номинантах, а не о передаче новорожденному имени ранее умершего младенца.

Соотношение имен разных типов в родовом именнике Шляйницев выглядит следующим образом:

Одинарные и двойные/тройные имена у Шляйницев в XVI–XVII вв.

Тип имени	Мужские имена	Женские имена
Одинарные имена	34	32
Двойные имена	44	25
Тройные имена	2	1

Как видно из этой таблицы, количество двойных и тройных имен у мужчин в этот период несколько превышает число одинарных (в 1,35 раза) и в целом составляет 57,5% от общего числа (80 имен),

в то время как в женском ономастиконе этот процент ниже — 44,83% от общего числа (58 имен), а одинарные превалируют над прочими (их больше в 1,23 раза). Таким образом, если в мужской части именника основные тенденции эпохи представлены в полной мере, то женская половина все еще продолжает демонстрировать приверженность «традиционным ценностям».

Двигаясь в фарватере региональной специфики, Шляйницы, как и Шенберги, предпочитают двойные и тройные имена, составные части которых имеют разную этимологию. Так, в той или иной последовательности у них можно встретить сочетание ветхозаветных имен Адам и Иоахим, древнегерманского Дитрих, греческого Андреас и латинского Валентин (Адам Дитрих, Андреас Дитрих, Андреас Иоахим, Валентин Дитрих) или древнегерманского Вольф в первой части имени с древнегерманскими же Альбрехт, Генрих, Дитрих, библейским Абрахам и славянским Ладислав. Наконец, как дань идущему из эпохи Ренессанса интересу к античности отметим имя Александр Магнус — фактически кальку громкого имени Александр Великий. В женской части именника наблюдается та же тенденция. И хотя здесь не редки случаи соединения этимологически однородных — например, греческих по своему происхождению имен (Анна Доротея, Анна София, Катарина Маргарета, Катарина София, Доротея Маргарита), встречаются также сочетания греческого имени с латинским (Анна Фелиция) или двух греческих с библейским (Анна Мария София).

С точки зрения этимологии, статистика ономастических предпочтений Шляйницев в интересующую нас эпоху такова:

Этимология мужских и женских имен рода Шляйниц в XVI–XVII вв.

Этимология	Мужские имена	Женские имена
Германские имена	20	3
Библейские имена	11	9
Греческие имена	10	13
Латинские имена	5	11
Кельтские имена	–	1
Славянские имена	2	–
Французские имена	1	1
Шведские имена	1	–

Очевидно, что в мужском ономастиконе этого рода доминируют германские имена, значительно опережающие библейские и античные, в то время как в женском предпочтение отдается именно последним.

Особый случай, выходящий за рамки каких-либо общих тенденций, представляет практика имянаречения рода Бюнау. Прежде всего это относится к его мужским представителям, для поименования которых на протяжении многих столетий, в том числе и в Конфессиональную эпоху, использовались лишь три имени: Рудольф, Генрих и Гюнтер. И хотя они чередуются в ономастиконе Бюнау, начиная с первых веков существования рода, согласно фамильной легенде, возникновение данной традиции связано с эпохой Гуситских войн (1420–1434), когда после гибели порядка двухсот мужчин из числа членов семьи в живых остались только три брата (возможно, кузена), носившие эти имена [3, S. 50; 6, S. 211; 14, S. 64]. Именно в память о трагических событиях прошлого представители рода по мужской линии отныне должны были именоваться в честь кого-либо из трех уцелевших тогда предков. Уже в начале XVI в. Бюнау объединились в так называемую «родовую ассоциацию» (Geschlechtsverband), возглавляемую советом из трех членов — сеньора (старейшины) и двух его заместителей [15, S. 11], и получили особый родовой порядок или семейное уложение (Geschlechtsordnung), которое было подтверждено курфюрстом Христианом II в 1588 г. В этом статуте фиксировалась в том числе и вышеописанная практика имянаречения. Для исследователей же, занимающихся генеалогией Бюнау, она превратилась в настоящую проблему, так как из-за постоянных повторов трех мужских имен не всегда удается соотнести конкретного номинанта с тем или иным событием и локализовать его в историческом процессе [15, S. 25]. Вот почему при статистических подсчетах мы были вынуждены учитывать данные за период с момента возникновения рода в XII в. вплоть до конца XVII в., распространив этот принцип и на его женскую половину.

Однако прежде чем представить статистику по мужским именам Бюнау, отметим, что все они имеют древнегерманское происхождение, а следовательно, этот род не участвует в поддержании этимологического разнообразия регионального именника.

№	Имя	Всего номинантов
1	Генрих	47
2	Рудольф	43
3	Гюнтер	31

Итак, имя Генрих остается наиболее частотным, за ним с незначительным отрывом следует имя Рудольф и замыкает список имя Гюнтер, что в целом соответствует индексу их популярности в названную эпоху для данного региона.

Именник женской части этого семейства, напротив, характеризуется повышенным разнообразием, так как на 102 представительниц Дома Бюнау приходится 46 имен, т. е. почти половина номинанток (45,1%) является обладательницами имен, ранее не встречавшихся в родовых анналах. Среди повторяющихся имен наиболее частотны широко распространенные в эту эпоху Элизабет, Маргарета, Анна, Сибилла, Агнес, Кристина, Урсула, Барбара, Гертруда, Доротея, Марта, Катарина и Мария. Первые три из них доминируют по степени популярности, затем идут Доротея и Катарина, остальные употребляются не более 2–3 раз. Встречаются также и более редкие имена Евсевия, Евфимия, Эстер, Юлиана.

В остальном репертуар женских имен Бюнау соответствует общим тенденциям. Правда, вероятно, как дань родовому консерватизму, у них и в конце XVII в. полностью отсутствуют тройные имена. Однако двойные представлены в достаточном количестве.

Одинарные и двойные имена у Бюнау в XII–XVII вв.

Тип имени	Мужские имена	Женские имена
Одинарные имена	3	24
Двойные имена	–	22
Тройные имена	–	–

Кроме того, в отличие от мужского, в женском ономастиконе Бюнау преобладают античные (греческие и латинские) и библейские имена, что в полной мере соответствует ориентации культурной парадигмы Конфессиональной эпохи на антично-ренессансную традицию. В значительно меньшей степени здесь представлены древнегерманские и прочие имена.

Этимология мужских и женских имен рода Бюнау в XII–XVII вв.

Этимология	Мужские имена	Женские имена
Германские имена	3	2
Библейские имена	–	10
Греческие имена	–	15
Латинские имена	–	9
Французские имена	–	1

Все вышесказанное позволяет нам отнести мужскую часть ономастикона Бюнау к *монономинативному* типу [подробнее об этом см.: 16], что, безусловно, свидетельствует об уникальности существующей

в этой семье традиции имянаречения на фоне соответствующей практики у других представителей саксонского квартета.

И наконец, перейдем к характеристике именника четвертого рода Пфлуг. Существенной чертой истории этого семейства является вероятное происхождение из Богемии [3, S. 59], от некоего земледельца («Pflüger») Пржемысла [17, S. 123], что отразилось в родовом гербе, где изображен указывающий на этимологию фамилии плуг [18, S. 803]. Несмотря на отсутствие документальных подтверждений этой версии, Пфлуги издавна владели богемскими землями. Однако, в отличие от Шенбергов и Шляйницев, непосредственная близость к славянским территориям не нашла отражения в их ономастиконе. Хотя другие номинационные тенденции эпохи, пусть и с собственными вариациями, были восприняты представителями этого рода в полной мере. В частности, они не только активно использовали двойные имена, но даже позволили себе одно тройное женское имя Иоганна Сибилла Элеонора.

Одинарные и двойные/тройные имена у Пфлугов в XVI–XVII вв.

Тип имени	Мужские имена	Женские имена
Одинарные имена	29	21
Двойные имена	15	20
Тройные имена	0	1

Вместе с тем одинарные имена у мужчин заметно преобладали над двойными, количество которых в мужском именнике составляло лишь 34,09%. В то время как у женщин это соотношение было иным — 47,62% — и приближалось к паритету.

Этимологический ландшафт ономастикона Пфлугов в целом демонстрирует черты сходства с культурными предпочтениями соседей.

Этимология мужских и женских имен рода Пфлуг в XVI–XVII вв.

Этимология	Мужские имена	Женские имена
Германские имена	13	1
Библейские имена	4	7
Греческие имена	9	11
Латинские имена	8	6
Кельтские имена	–	1

Прежде всего среди мужских имен и здесь доминируют древнегерманские. В исторической перспективе именно они составляют основную группу родовых имен, которые являются маркерами при-

надлежности к данной семье и потому продолжают удерживать ключевые позиции даже в переходную эпоху. В то же время как симптом ренессансных тенденций их заметно теснят античные, т. е. греческие и латинские имена, в совокупности превышающие число германских. Напротив, библейские имена представлены в мужской части именника Пфлугов в не столь значительном количестве, возможно, потому что эта «протестантская» мода накладывалась на консервативные нравы католической Богемии, с которой род был связан тесными узами, что придавало процессу усвоения новых культурных веяний большую инерцию.

В женском ономастиконе Пфлугов мы обнаружили лишь одно, правда, весьма древнее и легендарное германское имя Кунигунда. Не являясь для этой семьи родовым, оно отражает характерную тенденцию эпохи — орнаментальное по своей стилистической природе стремление обрести новую «экзотику», обратившись к собственной «седой старине». К тому же разряду можно отнести и единственное кельтское имя Бригитта. Следует также отметить, что пренебрежение женскими германскими именами у Пфлугов, равно как у Шенбергов, Шляйницев и Бюнау, задано прежде всего разностью гендерных ролей в деле поддержания родовой идентичности. Мужское имя передается по наследству из поколения в поколение, знаменуя единство и непрерывность рода, тогда как женское неизбежно растворяется в фамильном ономастиконе супруга. Поэтому оно лишено функции хранителя родовой памяти и в большей степени открыто модным веяниям своего времени. Последнее проявляется в первую очередь в предпочтении античных и библейских имен. Впрочем, многие из них, например Анна, Мария, Маргарета, Элизабет, к XVI в. давно уже вошли в общехристианский обиход, обрели в католических и православных святцах своих блаженных и мучеников. Однако и в этом поле Пфлуги сумели сделать нетривиальный выбор в пользу таких не слишком распространенных в Саксонии имен, как Сибилла, Елена, Перпетуя, Урсула, Юстина и Юлиана. Последнее в полной мере относится и к мужским именам представителей рода, например, имеющим античные истоки именам Юлий, Цезарь, Центурий, Иероним и Иннокентий. Кроме того, у них встречаются сокращенные имена Бенно (краткая форма либо латинского Бенедикт, либо немецкого Бернгард) и Там (скорее всего, усеченный вариант имени Томас в венгерской огласовке). С похожим случаем мы сталкиваемся и у Шенбергов, когда вторая часть двойного имени Ганс Уц является верхненемецкой краткой формой имени Ульрих.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что в XVI–XVII вв., несмотря на Реформацию и череду связанных с ней религиозных войн, практика имянаречения, в том числе приемы и способы поименования, у саксонской рыцарской знати, принадлежавшей к «четырем столпам» курфюршества, демонстрировала устойчивый иммунитет к переменам. Как и в позднее Средневековье, представители этого сословия предпочитали именовать своих отпрысков в честь ближайших кровных родственников, прежде всего отца и матери, а также прямых предков из обеих линий и дядей, которые гипотетически могли быть крестными номинантов. Основу фамильного ономастикона составляли мужские родовые имена древнегерманского происхождения. Предельным проявлением неизменности этого принципа является случай Бюнау. Между тем именно репертуар имен демонстрировал зарождение новых тенденций в этой весьма консервативной сфере. Сама эпоха привнесла в семейный обиход моду на античные имена как ответ духовных поисков Ренессанса, а распространившийся в Саксонии протестантизм — интерес к Библии и, как следствие, к библейским именам. Тогда же получили широкое распространение двойные и начали употребляться тройные имена. При этом в женском ономастиконе названные процессы получили более определенное выражение, чем в мужском. В целом же рыцарское сословие двигалось в фарватере господствующей при курфюршеском дворе интеллектуальной моды, стремясь ни в чем не отстать от века.

Список источников и использованной литературы

1. *Прокопьев А. Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2011. 820 с.
2. *Spangenberg C.* Adels-Spiegel. Schmalkalden: Michel Schmück, 1591. Т. 1. 462 Bl.
3. *Peccenstein L.* Theatrum Saxonicum. Jehna: Steinmam, 1608. 342 S.
4. *Nehel von Witstahl M.* Chronographia decenallis. [S. I.], 1642.
5. *Knauth H.* Missniae prodromus. Leipzig, 1682.
6. *König V.* Adelchistorie Chursächsicher und angrenzender Lande. Leipzig, 1729. Bd 2.
7. *Gauhe J.* Des Heiligen Römischen Reichs genealogisch-historisches Adels-Lexicon. Leipzig, 1719. Т. 1.
8. *Kneschke E. H.* Neues allgemeines Deutsches Adels-Lexicon: In 9 Bde. Leipzig, 1868. Bd. 8.
9. *Göse F.* Zwischen «Ständestaat» und «Absolutismus». Zur Geschichte des kursächsischen Adels im 17. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung des Ver-

hältnisses zwischen Ständentum und Landesherrschaft // Geschichte des Sächsischen Adels / Hrsg. von K. Keller, J. Matzeratt et al. Köln; Weimar, 1997. S. 139–160.

10. *Fraustadt A.* Geschichte des Geschlechtes von Schönberg meissnischen Stammes. [Leipzig,] 1869. Bd. 1.

11. *Данилов И. А.* Выбор имени в региональном контексте: на материале саксонского рыцарского рода Шляйниц // Международный научно-исследовательский журнал (Екатеринбург). 2016. № 9 (51). С. 141–145.

12. [*Schleinitz G. von*]. Geschichte des Schleinitzischen Geschlechts von einem Mitgliede des Geschlechts. Berlin: Verlag von R. Eisenschmidt, 1897. 764 S.

13. *Fischer F.* Ahnenreihenwerk Geschwister Fischer. [S. l.] 1967. Bd. 4: Ahnenreihen von Uradelsgeschlechtern Wettiner Lande. Teil 4: Ahnenreihen der Familien von Schleinitz und von Schönberg. / Reihe v. Schleinitz XV // <http://geneagraphie.com/getperson.php?personID=1522575&tree=1> (дата обращения: 12.08.2016).

14. *Gräße J. G. T.* Der Sagenschatz des Königreichs Sachsen. Dresden: G. Schönfeld's Verlagsbuchhandlung, 1874. Bd. I. 423 S.

15. Die Familie von Büнау: Adelherrschaften in Sachsen und Böhmen vom Mittelalter bis zur Neuzeit / Hrsg. von M. Schattkowsky. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2008. 536 S. (Schriften zur sächsischen Geschichte und Volkskunde. Bd. 27).

16. *Данилов И. А.* Традиции имянаречения в рыцарских семьях Мейссенской марки в Конфессиональную эпоху. Феномен рода Бюнау // Клио. 2016. № 9 (117). С. 61–70.

17. *Ziegler und Kliphausen H. A. von.* Historisches Labyrinth der Zeit. Leipzig, 1701.

18. *König V.* Adelchistorie Chursächsischer und angrenzender Lande. Leipzig, 1736. Bd. 3.

Долженков А. А.
МАОУ СОШ № 9 г. Первоуральска

НОРВЕЖСКАЯ ЗНАТЬ И КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В ПРАВЛЕНИЕ ОЛАВА СВЯТОГО (1015–1029 гг.)

Понятие «знать», вынесенное в название, отражает расплывчатый, некатегориальный характер представления о том, что собой представляла социальная группа, которая наравне с верховным правителем-конунгом осуществляла власть и привлекала внимание авторов «королевских саг».

Наверное, во всех обществах, наблюдаемых медиевистами, существует группа, которая обладает большими ресурсами и авторитетом; также эта группа обладает иным статусом, образом жизни и мыслей [1, Р. 167].

Такие группы обнаруживаются у древних германцев [2, С. 278; 3, S. 67]. Существование такой группы в раннесредневековой Норвегии может быть подтверждено рядом разнородных источников: письменных, эпиграфических (рунные надписи), вещественных, лингвистических.

Особенно следует остановиться на письменных источниках, поскольку именно они в наибольшей степени подходят для исследования. Основной массив для изучения истории Норвегии XI в. составляют королевские саги и произведения скальдов, а также старшие редакции областных законов (по традиции их запись связывается с именем Олава Харальдсона).

Наибольшее значение для исследования имеют королевские саги, так как в них не только даются указания на существование группы повышенного статуса, но и, зачастую, подробно описываются взаимодействия этой группы с королевской властью. В качестве основного источника в настоящем исследовании используется свод королевских саг «Круг Земной» [4], являющийся наиболее полной компиляцией ранних сводов и саг. В качестве вспомогательных источников используются синопсисы «Обзор саг о древних норвежских конунгах» [5], латиноязычная «История Норвегии» [6], а также сочинение Теодрика Монаха «История о древних норвежских королях» [7].

Основной недостаток королевских саг — временная дистанция от описываемых событий. Так для сведений саг об Олаве Святом дистанция составляет примерно полтора-два столетия. Исследователи отмечают, что авторы саг, описывая события начала XI в., привносят в них реалии периода гражданских войн 1130–1240 гг. [8, С. 166–167; 9, С. 14]. Отмечается, что большее внимание авторы саг уделяют личным качествам бонда [8; С. 305].

Использование данных норвежских судебныхников затруднительно для освещения вопроса о взаимоотношениях между знатью и королевской властью. Это обусловлено статичным, нормативным характером судебных постановлений. Главная информация судебныхников — наличие групп с повышенным вергельдом, таких как лендрманны и хольды (напр. *Den ælder Gulathing-Low*, k. 185) [10, S. 67–68]. Наиболее подробно социальная градация по местным судебникам проанализирована в работе А. Я. Гуревича «Норвежское общество в раннее Средневековье» [8].

В целом, можно говорить о том, что тема обладает значительным количеством источников, в том числе не использованных в исследовании. Особо следует отметить данные исторической топографии. Нанесение на карту месторасположения усадеб знати, королевских усадеб и дворов бондов позволит прояснить вопрос о связях между социальными группами норвежского общества.

Прежде чем рассматривать вопрос о взаимоотношении знати и королевской власти в правлении Олава Харальдссона, позднее причисленного к лику святых, следует осветить способы наименования лиц, обладавших повышенным социальным статусом. Ранее уже отмечалось, что для авторов саг существовала терминологическая путаница в отношении представителей знати [8, С. 289–290].

В поэтическом руководстве «Младшая Эдда» знатные люди обозначаются как херсиры — ниже статусом конунгов и ярлов, но выше хельдов, что пользуются полноправием. Именно из этой категории конунги назначают местных управителей. Автор руководства отмечает равенство между понятиями «херсир» (вождь) и «лендрманн» (земельный человек, ленник короля). Также отмечается равенство статуса между скандинавскими лендрманнами, немецкими графами и английскими баронами [11, S. 161].

Такое ненормализованное словоупотребление относительно представителей знати говорить о том, что единой, однозначно воспринимаемой как знать социальной группы не сложилось ни в период описываемый сагами, ни в период записи саг. Вероятно, это произойдет только

в период кодификации норвежского права 1260–1270 гг. при Магнусе Исправителе Законов.

Относительно норвежской знати, исследователи выделяют несколько ключевых признаков. Норвежский исследователь С. Багге называет четыре: знатность (связь с местными династиями правителей и связь с потомками Харальда Прекрасноволосого), богатство (в движимой и недвижимой собственности), харизма и наличие королевских пожалований [12, Р. 125–129].

Что собой представляло богатство в раннесредневековой Норвегии, демонстрирует описание хозяйства Эрлинга, сына Скьяльга. Получив земли и звание лендрманна от Олава, сына Трюгтви, он вел на своих землях весьма прибыльное хозяйство. Покупая рабов для работы в усадьбе и поле, он предоставлял им возможность выкупа, а зависимых вольноотпущенников отправлял на промыслы. Кроме этого, он обладал большой дружиной, с которой он отправлялся в викингские походы и собирал подати с окрестных бондов. В усадьбе Эрлинга, сына Скьяльга всегда были не менее девяноста свободных людей [4, S. 192–193].

Двойственность в восприятии знати в раннесредневековой Норвегии отмечает А. Я. Гуревич. С одной стороны, сохраняется прежняя концепция знатности, согласно которой положение индивида определяется его происхождением и принадлежностью к определённому роду. С другой, возникает новая идея, которая подразумевает признание или дарование титула и привилегий со стороны королевской власти.

Сходный взгляд на лиц, которых норвежские короли назначали лендрманнами, демонстрирует А. В. Циммерлинг. Для того чтобы король был заинтересован в сотрудничестве, ленник должен был обладать значительными владениями и авторитетом в области [9, С. 4].

* * *

Начальный этап формирования норвежской знати в пределах фюльков не освещается письменными источниками, поскольку традиция sag начинает описание норвежской истории примерно с середины IX в. Скорее всего скандинавская знать складывается в период железного века.

В период римского железного века выделяется три типа погребений: простые погребения с малым количеством погребального инвентаря, погребения умеренного уровня и погребения с большим количеством

инвентаря, среди которого следует отметить предметы из драгоценных металлов и предметы римского импорта [13, Р. 69–70].

В период V–VIII вв. в Скандинавии складываются «малые королевства» — небольшие территориально-этнические объединения [13, Р. 81–83]. На территории Норвегии это области, в названии которых присутствует корень *-riki-* (Ранрики, Раумарики, Рингарики) [14, С. 160–166].

Также фиксируется преемственность размеров домохозяйств в период миграций, эпохи Меровингов и эпохи викингов [15, Р. 70]. Наблюдается определенная преемственность в расположении некоторых наиболее значительных поселений, таких как Авальдснес [16, Р. 335], Борг на Лофотенских островах [16, Р. 307–308].

С возникновением единого государства малые вожди превращаются в местных управителей, подконтрольных единовластному конунгу. В традиции королевских саг первым конунгом, объединившим большую часть Норвегии называется Харальд Прекрасноволосый (вторая половина IX в.). Хотя современные исследователи ограничивают территорию королевства прибрежными районами Западной Норвегии (Вестланна) от Бокнафьорда до Трандхеймсфьорда [17, Р. 187; 18, С. 170].

В описании саги «Круга Земного» для управления королевством Харальд назначил в каждом фюльке ярлов, которым подчинялось четыре херсира. Ярлы брали себе треть от доходов конунга, а херсиры получали по двадцать марок; в обмен, они выполняли функции конунга в фюльке и предоставляли ему войско [4, S. 44–45]. Судя по описанию саги, некоторые ярлы Харальда Прекрасноволосого были представителями династий правителей фюльков [4, S. 45]. В конце своего правления Харальд перестал быть единовластным конунгом, даровав своим сыновьям сан конунга [4, S. 62–63].

Именно с объединения страны Харальдом Прекрасноволосым можно говорить о существовании *норвежской знати*, как социальной группе противопоставленной, с одной стороны, единовластному конунгу, с другой — массе полноправных бондов.

В целом, представляется, что первые попытки объединения норвежских фюльков под верховной властью конунгов не имели серьезных последствий для представителей местной знати, вне зависимости от ее природы. «Сага об Инглингах» и «Сага о Хальвдане Черном» показывают, что и до Харальда Прекрасноволосого одному конунгу случалось установить власть над несколькими фюльками [4, S. 32, 36].

Характер привлечения магнатов на королевскую службу меняется вместе с принятием христианства. Во многом на эти изменения оказала идея «отнятия одаля» Харальдом Прекрасноволосым.

После гибели Олава Трюггвассона в 1000 г., Норвегия была разделена между его соперниками — бывшим хладирским ярлом Эйриком, сыном Хакона Злого, датским конунгом Свейном Вилобородым и шведским конунгом Олавом Шётконунгом. Несколько позднее Свейн передает свою долю под управление Эйрику, а Олав — его брату Свейну [4, S. 181; 7. С. 350–353].

Автор «Круга Земного» отмечает двух наиболее могущественных людей правления ярлов в Норвегии — Эйнара Брюхотряса и Эрлинга, сына Скьяльга. При этом различаются две модели поведения: Эйнар — сторонник и советчик ярлов, Эрлинг же предпочитает проводить самостоятельную «политику» [4, S. 191–192].

Когда Олав Харальдссон прибывает в Норвегию, то вступает в союз с конунгами Ушплёнда [4, S. 201–202] и захватывает страну у ярлов Хакона и Свейна. Противостояние завершается битвой у Несья в 1015 г. [4, S. 209–210]. Эйнар Брюхотряс и Эрлинг, сын Скьяльга, в этой борьбе выступают против конунга Олава [4, S. 208].

После битвы при Несье Олав становится единовластным правителем Норвегии. Однако для укрепления своей власти ему необходимо было совершить объезд страны. Именно этот объезд и контакты с местными лидерами дают представление о том, что собой представляла знать в начале правления Олава Святого.

Одновременно с завоеванием страны Олав стремится заручиться поддержкой лидеров знати — Эрлинга, сына Скьяльга [4, S. 217–218], Эйнара Брюхотряса [4, S. 287], Харека с Тьотты и [4, S. 277] Торира Собака [4, S. 277]. Они получают звание лендрманна и зачастую сохраняют свои прежние владения.

Гудбранд из Долин (мифическая личность?) равен был по могуществу Эрлингу, сыну Скьяльга. После показательной казни идола Тора, Гудбранд и поддержавшие его бонды согласились принять христианство. Из окончания главы «...Тут все приняла христианство. Епископ крестил Гудбранда и его сына и оставил там священников. И те, кто был раньше врагами, расстались друзьями. Гудбранд велел построить церковь в Долинах» можно сделать вывод, что местный херсир стал лендрманном конунга [4; 282–286].

Кроме них, конунг находит опору в иных представителях местной знати — Брюньольве Верблюде из Вика [4, S. 219–221], Гранкеле из

Халоголанде [4, S. 277–278], Кальве и Финне, сыновьях Арни, — выходца из свиты конунга [4, S. 281].

В Оркдале автор «Круга Земного» отмечает, что поддержку Олаву Харальдссону оказали Гуннар из Гельмина, Лодин из Виггьяра, Бард Белый [4, S. 204–205]. При этом, автор не относит их к знатым людям, но подчеркивает их богатство — они дарят конунгу по боевому кораблю. Относительно дальнейшего жизненного пути этих сторонников конунга неизвестно, но во время Магнуса Голоногого всплывает Сигурд сын Лодина из Виггьяра [8, С. 295].

Однако власть местных хёвдингов было трудно ограничить. Между королевскими лендрманнами и их сторонниками происходят распри. В итоге некоторые представители знати отказываются повиноваться конунгу. Торир Собака бежит в Англию к королю Кнуту [4, S. 326–328]. Туда же отправляется Эрлинг, сын Скьяльга, накануне предпринятого конунгом Олавом похода на Данию, а Эйнар Брюхотряс не будучи лендрманном не поехал [4, S. 338–339].

Совместный поход королей Норвегии Олава и Швеции Анунда Якоба в 1026 г. на Данию [4, S. 339–341; 19, С. 117] спровоцировал осознание Кнутом необходимости вернуть Норвегию в состояние до 1015 г. Для этой цели Кнут не только готовит войско, но и привлекает на свою сторону норвежских хёвдингов [4, S. 352–353; 5, Р. 38]. Одним из таких хёвдингов был Торир, сын Эльвира, из Эгга, родич Кальва, сына Арни, — лендрманна внутреннего Трандхейма. Узнав о предательстве Торира, конунг Олав велел его казнить, вопреки заступничеству Кальва [4, S. 355–356].

В итоге можно фиксировать, что конунг Олав остался без поддержки в любой части страны. В этих условиях в Норвегию собственной персоной прибывает Кнут Великий. Олаву не остается иного, кроме как обратиться в бегство. Конунг бежит на Русь, но через год возвращается обратно в Норвегию. В битве при Стиклестадире в 1030 г. он завершает свой земной путь.

Из представленного выше обзора «Саги об Олаве Святом» можно сделать вывод, что знать была необходимым элементом для механизма реализации королевской власти. Наличие или отсутствие поддержки знати определяло реальность притязаний претендента на титул конунга.

Для того чтобы выявить модели поведения представителей знати в начале XI в., ниже будет приведен обзор биографий ее ключевых представителей. Выбор персон для составления биографий сделан на основе того, что именно их называют источники как наиболее родовитых и богатых. Составленные биографии хронологически выходят за рамки правления Олава Харальдссона.

* * *

1. Эйнар Брюхотряс¹

Эйнар Брюхотряс принадлежал к одному из могущественных родов Трандхейма — роду Стюркара из Гимсара и воспитывался у своего дяди Эйндриди. В правление Олава сына Трюгви Эйндриди принял крещение и стал дружинником конунга [20]. Его воспитанник, будучи недорослем, также стал членом дружины и принял участие в последнем походе Олава конунга [4, S. 169–170].

После гибели возвращения в Норвегии из похода, Эйнар примиряется с Эйриком ярлом. От него, Эйнар получает большое кормление (*veizlur*) в Оркдале [4, S. 191–192].

Во время возвращения Олава Харальдсона выступил на стороне ярла Свейна. После поражения Свейна отбывает с ним в Швецию [4, S. 213–214]. После смерти своего патрона получает от Олава Скётконунга кормления и остается в Швеции до его смерти в 1022 г. После этого, Эйнар решает вернуться в Норвегию и примиряется с Олавом Харальдсоном (видимо следующий шведский конунг Анунд-Якоб лишил его владений). Норвежский конунг возвращает Эйнару его собственные владения и земли, полученные как приданное его жены [4, S. 212–214].

Несмотря на примирение, Эйнар не поддерживает конунга, что выразилось в его отказе участвовать в норвежско-шведском походе [4, S. 338].

В период пребывания Олава Святого на Руси, Эйнар пытается выторговать у Кнута звание ярла Трандхейма. Узнав о намерении Кнута посадить на норвежский трон Свейна, сына Альвивы, — Эйнар согласился на звание лендрманна и не стал торопиться домой, предвидя возвращения Олава Святого [4; S. 380].

После воцарения Свейна, политическое чутье не изменило Эйнару — он первым уверовал в святость Олава Харальдсона [4, S. 412, 413–414]. Общее недовольство в стране против жителей Трёндалага вылилось в заговор лидеров трёндов. Лидером этого заговора стал именно Эйнар [4; S. 417]. Результатом стала поездка Эйнара и Кальва, сына Арни, в Гарды [4; S. 419], в результате которой в Норвегию возвращается сын Олава Святого Магнус [4; S. 421–422].

¹ Его прозвище *Pambarskelfir* может быть переведено и как «потрясатель тетивы; тот, кто заставляет тетиву дрожать», что соответствует его оценке как лучшего стрелка в Норвегии. Также о восприятии прозвища Эйнара см. *Успенский Ф. Б.* Люди, тексты и вещи. М., 2015.

При Магнусе Добром занимает позицию воспитателя. Однако в подробностях его роль неизвестна. По мнению Теодрика, именно Эйнару принадлежит идея раздела Норвегии между Магнусом и Харальдом Суrowым [7, С. 404–405].

После смерти Магнуса, во время похода на Данию 1047 г., между магнатом и конунгом Харальдом произошел конфликт. Эйнар решил, что более необходимо совершить похороны Магнуса и с этой целью отправился в Норвегию. Вместе с ним ушли и его сторонники. Вследствие этого, конунг Харальд был вынужден свернуть поход и отказаться от немедленного подчинения Дании [4; S. 465].

В дальнейшем, Эйнар продолжал свою самостоятельную политику. Особенно следует подчеркнуть, что он покровительствовал бондам в их тяжбах с людьми конунга. Обострение конфликта произошло, когда конунг Харальд Сигурдарссон увидел воочию, какой поддержкой пользуется магнат Трандхейма — его дружина состояла из пятисот человек и не уступала в размере войску конунга. После этого, Харальд Суrowый задумал убийство Эйнара, которое было вскоре совершено [4; S. 473–474].

Убийство Эйнара и его сын Эйндриди привело к тому, что в Трандхейме началось брожение, которое готово было вылиться в смещение конунга. Однако заступничество Финна сына Арни, смогло исправить ситуацию. Результатом мировой между конунгом и представителем трёндов Хаконом, сыном Ивара, были: объявление Хакона ярлом, женитьба его на Рагнхильд, дочери Магнуса Доброго [4; 474–477].

2. Эрлинг, сын Скьяльга

Эрлинг, сын Скьяльга, происходил из могущественного рода Вестланна, основателем которого считался Хёрда-Кари [21, С. 32]. О значимости этого рода говорит, тот факт, что Олав сын Трюггви сам предложил его представителям обозначить условия принятия крещения. Хёвдинги потребовали, что бы конунг выдал свою сестру Астрид за Эрлинга, чему конунг очень способствовал. От конунга Эрлинг получил обширные земли, на том же праве что и сыновья Харальда Прекрасноволосого [4, S. 146–147]. Следует также отметить, что Эрлинг отказался от звания ярла, апеллируя к родовой этике. Однако, учитывая сообщения о ярлах в правлении Харальда Прекрасноволосого, можно предположить о неустойчивости положения ярла, его зависимости от смены конунга.

Не являясь ленником конунга, Эрлинг присоединился к вендскому походу Олава, сына Трюггви [4, S. 171].

В отличие от Эйнара Брюхотряса, в период 1000–1015 гг. вел самостоятельную политику, став фактически правителем в Роголанде и, скорее всего, в Хёрдаланде [4, S. 192–193]. Несмотря на сверхсамостоятельность Эрлинга, ярлы заключают с ним союз, скрепляя его браком между Аслаком, сыном Эрлинга, и Гуннхильд, дочерью Свейна ярла [4, S. 197].

Как и Эйнар Брюхотряс, присоединяется к Свейну ярлу в битве при Несьяре. После поражения, отправился в свои поместья.

Примирился с конунгом Олавом, став лендрманном. При этом автор саги описывает конфликт интересов: лендрманн желает сохранить все свои владения (т. е. полученные от Олава, сына Трюгтви, и Эйрика ярла в дар, а также самовольно захваченные), конунг же согласен передать земли, но на условиях *держания* [4, S. 217–218].

Выступает против конунга и его решений в ходе нескольких распрей:

Распря Эрлинга и Аслака. Причина конфликта состоит в том, что конунг Олав назначил лендрманном в Южном Хёрдаланде Аслака Фитьяскалли, родича Эрлинга. Аслаку были пожалованы значительные кормления и дан наказ не подчиняться влиянию Эрлинга, что ему не удавалось. Соперничество между лендрманнами привело к тому, что Аслак был вынужден оставить Хёрдаланд и обратиться к конунгу с жалобой. При разбирательстве конунг выдвинул обвинение в том, что Эрлинг препятствует людям конунга готовить пиры (а может быть, собирать подати). В свою защиту лендрманн сказал, что теряет свое достоинство, подчиняясь людям более низкого происхождения [4, S. 287–288].

Распря Асбьерна. Причина данной распри содержится в убийстве Асбьерном, сыном Сигурда, управляющего королевским поместьем Торира Тюленя¹. По решению конунга Асбьерн должен был быть казнен. Дружинник (или слуга) стороживший осужденного, всячески оттягивал время казни. Это позволило доброжелателям передать весть Эрлингу, сыну Скъяльга. Прибыв ко двору конунга, Эрлинг освобождает Асбьерна и разрешает тяжбу с конунгом. По условиям мировой, убийца человека конунга должен был занять его место. Асбьерн возвращается домой, чтобы уладить дела. Однако, послушав советы и упреки своего

¹ Предыстория конфликта. Асбьерн нуждался в зерне для проведения пиров, традицию которых основал еще его отец. Будучи родственником Эрлинга, Асбьерн купил у него зерна. Однако Эрлинг, продав зерно, нарушил запрет конунга. На обратном пути, корабль Асбьерна был проверен Ториром Тюленем, который изъясил весь груз и нанес оскорбление, сняв нарядный парус и заменив его старым. Через некоторое время оскорбленный совершает месть, но, во-первых, во время Пасхи, и в присутствии конунга — во-вторых.

дяди, решает не выполнять условия мировой; что не способствовало улучшению отношений между Эрлингом и конунгом [4, S. 288–297].

Накануне датского похода 1026 г. Эрлинг, недовольный правлением Олава, отправляется в Англию к королю Кнуту Великому [4, S. 338]. Вместе с Кнутом, Эрлинг отправляется в Данию, а после участвует в подкупе лендрманнов Норвегии [4, S. 352–353]. Когда Кнут был провозглашен конунгом Норвегии Эрлинг получил в лен земли от мыса Стад до мыса Рюгьярбит — т. е. почти весь Вестланн. После возвращения Кнута в Данию произошло столкновение между Эрлингом и Олавом Святым. В битве при Бокне конунг одержал победу, а сын Скьяльга был пленен и убит Аслаком Фитьяскалли [4, S. 362–367]. Судя по словам, обращенным к убийце Эрлинга, для автора саги было очевидно, что конунг Олав мог восстановить власть над Норвегией с помощью непокорного лендрманна.

3. Кальв и Финн, сыновья Арни

Кальв и Финн, сыновья Арни, сына Армода, также были потомками могущественного рода, как Эрлинг, сын Скьяльга, или Эйнар Брюхотряс. Косвенно это подтверждается тем, что их мать была сестрой Харека с Тьотты, чей род по матери восходит к Харальду Прекрасноволосому. Братья начинают службу в дружине Олава Харальдсона, хотя сага не называет их дружинниками. После убийства Эльвира из Эгга, Кальв, с соизволения конунга, женится на его вдове и получает владения Эльвира и др. Становится лендрманном внутреннего Грандхейма [4, S. 281].

Брат Кальва Финн тем временем продолжает карьеру в дружине конунга. Конунг поручил ему собрать войско в Халоголанде перед походом на Данию в 1026 г. Также, вероятно, конунг наделил его особыми полномочиями, в том числе судебными [4, S. 326–328].

Раздор между Кальвом и конунгом произошел, вероятно, после датского похода. Как известно, в этот период Кнут послал в Норвегию своих резидентов для подкупа норвежских лендрманнов. В их числе оказался пасынок Кальва Торир, сын Эльвира из Эгга. По решению конунга, Торир был казнен, несмотря на заступничество отчима. Вскоре за Торира мстит его брат Грьотгард, но терпит неудачу [4, S. 357].

Однако, несмотря на наметившийся конфликт между Кальвом и конунгом, лендрманн сопровождает конунга в период воцарения Кнута и участвует, на стороне Олава, в битве с Эрлингом, сыном Скьяльга [4, S. 365–366].

Когда Олав отправился на Русь, он отпустил многих своих людей, в их числе был и Кальв, сын Арни [4; S. 370]. По возвращению в Транд-

хейм, лендрманн получил предложение от ярла Хакона стать его человеком. Реакция самого Кальва раскрывается в результате его бесед со своей женой. Она неоднократно заводила разговор о том, что конунг Олав был причиной многих бед для нее и ее семьи, и для самого Кальва. В итоге сын Арни согласился стать человеком ярла, если тот увеличит его кормление. В следующем году (1029 г.) Кальв отправился в Англию к Кнуту Великому. От конунга поступило предложение передать титул ярла Кальву, что пришлось последнему по вкусу [4, S. 372–374].

После гибели Хакона ярла, в Норвегии образовался политический вакуум; многие ожидали возвращения Олава конунга. В этой ситуации Кальв принял единственно верное для него решение — защищать страну и *свои владения* от Олава [4, S. 376]. Симптоматично, что именно Кальв возглавил войско бондов в битве при Стикластадире [4, S. 397, 398–399].

Финн сын Арни, напротив, отправился вместе с конунгом на восток и был на его стороне при Стикластадире. Финн и остальные братья Кальва были недовольны своим братом [4, S. 412–413].

Когда Кнут поставил править Норвегией Свейна, сына Альвивы, Кальв не получил ни новых земель, ни звания ярла. Он счел себя обманутым, восстановил отношения с братьями и, вместе с Эйнармом Брюхотрясом, создал заговор по возвращению в Норвегию Магнуса Олавссона.

Когда Магнус стал конунгом, Кальв некоторое время был правителем страны и приемным отцом конунга. Однако вскоре Магнус напрямую объявил Кальва убийцей Олава конунга, после чего Кальву пришлось покинуть Норвегию. Прибежище он нашел на Британских островах [4, S. 429–430].

Судьба Финна, сына Арни, до распри Харальда Сурового с трэндами и гибели Эйнара Брюхотряса неизвестна. Однако сага обнаруживает его лендрманном Ирьяра (округ в Северном Мёре). Кроме этого, Финн был женат на племяннице Харальда конунга, а тот на дочери Финна. Значимость Арнсона подчеркивает и то обстоятельство, что именно он был выбран конунгом для посредничества в распри с трандхеймцами. За свою поддержку Финн выторговал помилование для своего брата Кальва [4, S. 474–475].

Кальв возвращается в Норвегию, и получает все свои кормления, но в следующем году во время похода погибает. Его брат решил, что в этом виновен конунг (автор саги согласен с этим). После этого, Финн решает покинуть Норвегию и отправляется в Данию, где становится лендрманном конунга Свейна, сына Ульва [4, S. 479–480].

4. Харек с Тьотты

Харек с Тьотты как и многие магнаты эпохи относился к знатному роду. Его отец — Эйвинд Погубитель Скальдов был скальдом Хакона Доброго, бабушка Харека — внучкой Харальда Прекрасноволосого. Благодаря накопленному богатству, Харек сумел скупить все земли на острове Тьотта (совр. о. Хьётта в фюльке Нурланн) [4, S. 276–277].

Во время поездки Олава сына Трюгви в Халоголанд принял крещение и получил от конунга кормления и звание лендрманна [4, S. 158].

Вновь, как действующее лицо он появляется при Олаве Святом. Когда Олав укрепил свою власть в Норвегии, то отправился в слабозаселенные земли Халоголанда. Среди прочих конунг посетил и Харека, который вновь стал лендрманном и получил те же кормления, что и от предыдущих правителей [4, S. 277].

Черная кошка между магнатом и конунгом пробежала, когда Олав Святой назначил лендрманном в Халоголанде Асмунда, сына Гранкеля. Харек увидел в этом нарушение традиции, но спорить с решением конунга не стал. Асмунд проявил себя дельным лендрманном — собирал по своей области все, что мог, а также убил Асбьерна Тюленебойцу, который находился вне закона [4, S. 277–278].

Между лендрманнами Халоголанда произошла распря из-за спорного острова; конунг принял сторону Асмунда [4, S. 328–329].

В период 1028–1030 гг. (возможно, весной 1029 г.) Харек напал на усадьбу Гранкеля и сжег ее вместе с хозяином и домочадцами, а также захватил его владения [4, S. 358–359]. При возвращении Олава Святого становится на сторону бондов и участвует в битве при Стиккладире [4, S. 390–393].

После возвращения Магнуса Доброго в страну Харек отправился на встречу с конунгом. Но перед этой встрече был убит Асмундом сыном Гранкеля, который был вместе с конунгом, при полном одобрении Магнуса. Асмунду были пожалованы кормления и управление в Халоголанде [4, S. 428–429].

В дальнейшем, его сын Эйнар Муха был назначен сюсламаном (управляющим округом — сюслоей) уже при Харальде Суровом [22, С. 497].

* * *

Подводя итоги вышеизложенному обзору, следует отметить верность выводов С. Багге об источниках власти знати. Как можно убедиться, магнаты (кроме сыновей Арни) принадлежали к могущественным родам местной знати; большое значения для укрепления их позиций оказали и брачные связи с домом конунга (Эрлинг сын

Скьяльга, Финн, сын Арни). Помимо обладания собственными, вероятно значительными, вотчинами магнаты стремились увеличить свои доходы за счет кормлений-вейцл. Категория харизмы, выделяемая С. Багге, более трудно фиксируема, хотя, вероятно, именно за счет нее магнатам удавалось консолидировать своих сторонников.

Однако представляется не совсем верной точка зрения А. Я. Гуревича о том, что существовало социально-экономическое противоречие между представителями родовой знати и служилой [8, С. 304–305]. Прекрасный пример смены от ориентиров служилой знати к ориентирам родовой знати дает биография Кальва сына Арни. Но следует отметить, что для Кальва катализатором этой переориентации служит вполне материальный интерес — увеличение кормлений.

К подобному выводу приходит и Йоун Видар Сигурдссон. По его мнению, в раннесредневековой Скандинавии существовали определенные «правила игры»: магнаты поддерживают наиболее богатого претендента на власть [23, Р. 79].

Олав Харальдссон (как и другие конунги раннесредневековой Норвегии) вынужден был обращаться к услугам местной знати, в обмен на некоторые привилегии (кормления и звания). Эта потребность была вызвана, прежде всего, военной необходимостью. Магнаты, обладая влиянием в своей местности, собирали морское ополчение, добываясь этого на тингах. Обладая значительными материальными ресурсами, они могли содержать собственные дружины.

Как можно увидеть, основное противоречие между магнатами происходит в силу назначения конунгом ещё одного лендрманна в область, но более низкого происхождения или выходца из дружины. Эти назначения можно объяснить желанием контролировать магнатов из числа родовой знати. Поскольку основные решения принимались на местных и областных тингах, власть конунга напрямую зависела от числа его сторонников на собрании. Лендрманн и являлся таким проводником власти конунга, но представители родовой знати менее зависели от конунга (в силу происхождения и обладания *собственными* владениями). Поэтому конунги стремятся найти противовес родовым магнатам и находят его в членах собственной дружины или «могучих бондах». Действительно, в «Саге об Олаве Святом» магнаты представлены парами: Эрилинг сын Скьяльга и Аслак Фитьяскалли в Вестланне, Кальв сын Арни и Эйнар Брюхоряс в Грандхейме, Харек с Тьотты и Асмунд сын Гранкеля в Халоголанде.

Однако, исходя из общеполитической обстановке в регионе, следует предположить, что Олав Святой, став независимым правителем, ожидал

ответной реакции Кнута Великого. И поэтому стремился увеличить число лендманнов, и, следовательно, численность войска.

В целом, представляется, что роль конфликтов между родовыми магнатами, дружинными магнатами и конунгом несколько преувеличена. Причиной конфликта, по моему представлению, являлась относительная бедность общин Норвегии, в сравнении с Данией. При том, что пик конфликтов приходится на начало XI в. — период датской гегемонии в Северном море, когда правители Норвегии вновь стали проводить независимую политику.

Следует учитывать торговые интересы норвежской знати. Обмен престижных товаров Северного морского пути можно было обменивать в Англии, Германии, на Руси. Но пути к этим странам контролировались датчанами. Возможно этим, можно объяснить эскалацию конфликта между Олавом Харальдссоном и Кнутом Великим.

Ресурсы Олава Святого были более ограниченны, чем Кнута Великого. В силу этого норвежский правитель, стремился к более жесткой эксплуатации общин страны. Подобная ситуация нехватки ресурсов возникнет и в правление Магнуса Доброго, и Харальда Сурового.

Список источников и использованной литературы

1. *Reuter T.* The medieval nobility in twentieth-century historiography // Companion to Historiography / Ed. by M. Bentley. London: Routledge 1997. P. 166–202.

2. *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. и коммент. В. А. Мильчиной. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 712 с.

3. *Wolfram H.* Die Germanen — München: C. H. Beck, 2007. — 128 s.

4. *Snorri Sturluson.* Heimskringla. Nórages konunga sögur / Utg. Af F. Jónsson — Kbh.: G. E. C. Gads Vorlag, 1911. — 676 s.

5. *Ágrip af gamel norgeskonungs sögum* / Ed. by M. J. Driscoll [2 ed.]. Exeter: Short Run Press Limited, 2008. — 126 p.

6. *Historia Norwegiæ* // A History of Norway and The Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Ed. by C. Phelpstead, trans. By D. Kunin. Exeter: Short Run Press Limited, 2001. P. 1–26.

7. *Азиев С. Ю.* Теодрик Монах и его «История о древних норвежских королях». М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. — 672 с.

8. *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее Средневековье // Избранные труды. Норвежское общество. М.: Изд-во «Традиция», 2009. С. 151–368.

9. Циммерлинг А. В. Имена норвежских лендрманнов по «Кругу Земному» и «Саге о Хаконе Старом» // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2 / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2007. С. 36–75. URL: <https://antonzimmerling.files.wordpress.com/2009/01/Impubl1234.pdf> [Дата доступа: 05.03.2015]

10. Norges gamle love indtil 1387, В. 1 / Udg. ved R. Keyser og P. A. Munch. Christiania: Chr. Gröndahl, 1846. — 463 s.

11. Edda Snorra Sturlusonar / Udg. af F. Jónsson. Kbh.: Nordisk Forlag, 1931. — 339 s.

12. Bagge S. Society and Politics in Snorri Sturluson's Heimskringla. Berkeley: University California Press, 1991. — 339 p.

13. Myhre B. The Iron Age // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. 1.

14. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986. — 229 с.

15. Fallgren J.-H. Farm and Village in the Viking Age // The Viking World.

16. Douglas Price T. Ancient Scandinavia. An archeological history from the first humans to the Vikings. N.Y.: Oxford University Press, 2015.

17. Krag C. The early political unifications in Norway // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. 1 / Ed. By K. Helle. Cambridge, 2009. P. 184–201.

18. Литовских Е. В., Щавелев А. С. Территория Руси и Норвегии в первой половине X в. (К сравнению двух ранних языческих государств) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм на путях политогенеза: мат. конф. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014. — М., 2014. — С. 163–173.

19. Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ., коммент. и вступ. статья З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. — 288 с.

20. Прядь об Эйндриди Широкоστόпом / Перев. с дисл. и коммент. Е. А. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 434–444.

21. Сага о Людях с Песчаного Берега // Исландские саги: В 2 т. Т. 2 / Под ред. А. В. Циммерлинга. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 30–129.

22. Из пряди о «Халли Челонке» / Пер. с древнеисл. и коммент. Е. А. Гуревич // Корни Иггдрасиля. М.: Терра, 1997. С. 497–502.

23. Jón Viðar Sigurðsson. Kings, Earls and Chieftains. Rulers in Norway, Orkney and Iceland c. 900–1300 // Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes / Ed. by G. Steinsland et al. Leiden: Brill, 2011. P. 69–108.

Каунов Д. А.
СПбГУ

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОТЕСТАНТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОДЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Зарождение протестантского религиозного мировоззрения и его распространение в Европе в периоды позднего Средневековья и раннего Нового времени имело место в контексте ряда условий, вне которых его существование было бы невозможным. Формирование протестантской религиозности является объектом пристального внимания ученых, ее влияние на социальные революции в Европе и становление либеральной мысли не поддается сомнению, но в научном сообществе больше внимания уделяется внутренней структуре протестантизма, тогда как внешние детерминанты его становления как модификации христианской религиозности невольно отходят на второй план.

Задачей статьи является ознакомительный историко-географический анализ механизмов распространения и абсорбции элементов протестантского религиозного мировоззрения на территории Европы. Целью статьи является обнаружение внешних детерминантов и инструментов, способствующих данным процессам. В контексте данного исследования с необходимостью постулируется статус религии как неотъемлемого элемента человеческой культуры [1]. Важно иметь первоначальное понимание историко-географических методологических принципов применительно к процессам дистрибуции религии.

Общественные науки и «науки о духе» в процессе своего становления не избежали влияния естественнонаучных методологических подходов (например, дарвиновского учения на становление социал-дарвинизма). Подобная трансляция естественнонаучных теоретико-методологических построений на социально-гуманитарные и политические дисциплины невольно приводила к редуцированию научно-исследовательского процесса и его выводов, тем самым делая научное знание лимитированным (так же, как философское направление в науках о культуре осуществляло концептирование, абстрагируясь от

реальных культурных феноменов, что характеризовалось неполнотой его результатов), поэтому задача исследователей заключается, прежде всего, в том, чтобы в рамках социально-гуманитарных и политических наук при необходимости междисциплинарного подхода грамотно использовать методы естественных наук для построения более полной картины изучаемого объекта по принципу согласования и дополнительности.

Один из методологических принципов, взятых у естественных наук на вооружение — географический. С точки зрения географизма, общественное развитие имеет необходимую географическую детерминацию (ландшафтная система, климатические условия и т. д.). Данный принцип повлиял на становление географических школ в истории (С. М. Соловьев), социологии и экономике (Л. И. Мечников, К. А. Витфогель), в политической науке (К. Хаусхофер). В 60-е годы концепция этногенеза Л. Н. Гумилева продолжила традицию географического детерминизма [2, С. 20–22].

Нас интересует процесс развития исторической культурной географии, теоретико-методологические принципы которой закреплялись в научном дискурсе на протяжении двух последних столетий. Географический принцип в культурологии постулировался в работах таких ученых, как А. Гумбольдт, Элизе Реклю, К. Риттер, Л. Фробениус. Отечественный этнограф и культуролог В. Г. Богораз-Тан в своих работах постулировал положения этногеографии [3]. Американский антрополог, один из основоположников культурной антропологии Франц Боас, рассуждая о развитии историко-географического подхода к изучению культуры, приводит в пример фамилии основателя антропогеографии и апологета диффузионизма Ф. Ратцеля, а также У. Дж. Макджи. Сам Боас является ярчайшим представителем историко-географического подхода в изучении культуры. Во многом благодаря Боасу в науке закрепилось представление о влиянии миграций на распространение элементов культур и о географической обусловленности процессов модификации культурных форм [4].

У истоков становления отечественной исторической географии стоят историки М. К. Любавский [5], С. К. Кузнецов [6] и С. М. Середонин [7], изучавшие проблемы этногенеза и культурогенеза на территории нашей страны в процессе ее исторического развития. Среди советских ученых стоит отметить исследования В. С. Жекулина [8].

В наше время наибольший интерес представляют работы продолжателей отечественной историко-географической школы — А. С. Герда и Г. С. Лебедева [9], в центре внимания которых находится так назы-

ваемая «историко-культурная зона»: «Историко-культурная зона — ареальное единство, которое выделяется по данным антропологии, этнографии, лингвистики, истории, геологии, географии, а также ряда других дисциплин (фольклористики, этномузыковедения). ИКЗ складывается постепенно, на определенной территории, в условиях конкретного климата и ландшафта и определяется физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи» [9, С. 8]. ИКЗ формируются и кристаллизуются на протяжении долгого времени, создавая многосложную комплементарную систему.

Поскольку историческая религиозная география отсутствует в качестве автономной и систематизированной области знания, для того, чтобы выполнить поставленную задачу и достичь цели исследования, мы используем основные методологические принципы, рассмотренные ранее. Наш подход будет заключаться в анализе роли географического детерминизма, а также миграций и межкультурных взаимодействий на генезис и распространение протестантизма как модификации христианства в позднем Средневековье и в Новое время.

Реформация — религиозно-общественное движение, имевшее первоначально целью реформу католической церкви и охватившее значительное число стран в XVI в. Сама римско-католическая церковь на протяжении столетий создавала предпосылки для Реформации, эволюционируя от своих первоначальных установок к сильной административной системе, регулирующей все проявления социальной и частной жизни. Но процесс усложнения системы приводит к ее разветвлению, создающему противоречия внутри самой системы. Церковная иерархия уже не в состоянии удерживать под контролем разнообразные внутренние мировоззренческие тенденции. Для католической церкви важна социальная организация, церковный контроль социальной жизни. Все усилия церкви в эпоху схоластики были направлены на утверждение церковного авторитета, подчинение инакомыслия, конструирование необходимой социальной реальности и производство мнений, что только способствовало формированию различных миноритарных религиозных движений. Светские правители, не желавшие считаться с приматом церковных иерархов, с необходимостью стали соперничать с церковными институтами за главенство. Две равные силы целенаправленно ослабляли друг друга. Угасание наднациональной Священной Римской империи и противоречия внутри единой римско-католической церкви, формировали предпосылки к переменам, выразившимся в революционных процессах в социальной жизни и куль-

туре европейского общества [10; 11, С. 20–21], что, в итоге, привело к тому, что немецкий монах Мартин Лютер стал инициатором революции в религиозной жизни. Задача Лютера состояла в противостоянии именно католической церкви, обновлении церкви, построении религии, основанной только на вере и истине Писания. При этом Лютер не был противником светской власти, поскольку светская администрация есть наиболее подходящий способ организации социальной системы. Важно заметить, что протестантизм закреплялся в тех государственных и иных территориальных образованиях, где светские власти способствовали этому процессу.

Тот факт, что Реформация зародилась в Германии, объясняется социокультурными и политическими тенденциями того времени, поскольку там остро стоял вопрос о сопротивлении притязаниям римско-католической церкви в контексте ее соперничества со Священной Римской империей, в сердце которой находились германские земли. Важным для нас представляется географическое положение местности, в которых зарождались реформационные тенденции. Влияние католической церкви уменьшалось с увеличением расстояния от центра католического мира — Рима. Наименьшим влиянием она обладала в Англии, имевшей все исторические предпосылки к этому, во многом благодаря своему географическому положению, а также в Нидерландах, расположенных на северо-западе континентальной Европы, где кальвинизм закрепился по причине противоборства испанскому королю-католику [11, С. 27–30]. В самой Испании идеям реформации было не суждено закрепиться, поскольку на протяжении столетий католичество являлось важнейшим инструментом консолидации христианского общества в борьбе с мусульманами. Испания наравне с Италией являлась опорой католичества в южной Европе. Из исходного пункта — Виттенберга, идеи реформации посредством религиозной миграции и неизбежных контактов распространялись дальше (в соседнюю Швейцарию, где Ульрих Цвингли и мигрировавший из Франции Жан Кальвин создали реформатское движение, преобразованное в цвинглианство и кальвинизм. Во Франции сильно было движение гугенотов, но оно не пользовалось поддержкой власти и преследовалось). Протестантская религиозность нашла поддержку у светских властей европейских государств, преимущественно к северу и северо-западу от Италии, породив предпосылки к становлению национальных государств еще в XVI в.

На развитие идей Реформации имели большое влияние элементы гуманизма, порожденного итальянским Возрождением, которое стало возможным во многом благодаря эволюции социально-экономической

системы на юге Европы. Расширяются города и торговые отношения, увеличиваются межкультурные взаимодействия. Наиболее частые межкультурные контакты осуществляются в европейском средиземноморском регионе, в результате чего там распространялись и абсорбировались элементы культурного наследия античности из арабского мира и Византии, породив гуманистическое мировоззрение, далее распространившееся к северу и северо-западу от Италии. В наше время ученые склонны к признанию универсального характера гуманизма и отсутствия особого «мистического» северного гуманизма, но при этом нет сомнений в религиозной ориентации немецких гуманистов, сочувствовавшим идеям Реформации, и в том, что влияние реформаторов и гуманистов носило обоюдный характер [12].

Реформация для господствующих социальных слоев становится самым подходящим средством для утверждения своего примата. Европейские монархи используют наследие Реформации для своей борьбы против церковной догмы и первенства церковной иерархии по отношению к светской власти, а также друг с другом [13, С. 61]. Именно тогда появилась знаменитая формула «*cujus regio, ejus est religio*». Важной датой в истории не только Германии, но и всей Европы является 1555 г., когда был заключен Аугсбургский мир, следствием которого стала легитимация религиозной миграции, что предоставило некую отдушину религиозным меньшинствам. Но продержался он недолго, после чего Европу охватила Тридцатилетняя война. Этот длительный период в историографии получил название конфессиональной эпохи [14, С. 5–8].

Эпоха религиозных войн породила в дальнейшем подобие анархии в Европейских государствах. Это, в свою очередь, породило некий всеобщий «пессимизм», когда никто уже не желал ничьей победы в этих междоусобицах, но желал, прежде всего, окончания самой войны, любого окончания, главное, чтобы установился мир. «Пессимизм» породил представления о том, что мир может быть установлен только сильной рукой, анархию можно устранить только сильным аппаратом принуждения. Так появляется представление о положительном значении абсолютной монархии, что породило политические интенции Нового времени. Тот же Лютер отстаивал свободу совести (веры, убеждения), которая от Бога, но жизнь, которая от «грешной природы», должна быть подчинена социальной организации. Он отстаивал конформистские тенденции монархической формы правления. Лютеранство стало «проводником» представлений об оправданности абсолютной единоличной власти. В Англии эту роль взяло на себя англиканство.

Ярчайшим апологетом абсолютной монархии в интеллектуальной среде впоследствии станет Томас Гоббс, который состояние анархии описывал понятием естественного состояния — «войны всех против всех» («*homo homini lupus est*»), а единственным способом ограничить человеческий произвол представил сильную государственную власть, сосредоточенную в руках суверена. Он отошел от чисто лютеранского оправдания абсолютной власти, секуляризовав данное представление в соответствии со своим мировоззрением [15, С. 94–193].

Англиканство, имеющее протестантские корни и являвшееся проектом английских монархов, борющихся с приматом католической церкви, а также пуританство имели распространение в Англии. Пуританство сформировалось как кальвинистское течение после того, как некоторые протестанты в XVI веке массово эмигрировали в континентальную Европу (прежде всего в Нидерланды), впоследствии попав под влияние кальвинизма. Протестантское религиозное мировоззрение легко прижилось на английской земле потому, что в Англии исторически влияние римского Папы было весьма слабым, в отличие от континента, так же, как и положение монарха, который исторически в Англии был лишь «первым среди равных», а отсутствие непоколебимого авторитета монарха явилось положительным фактором для процветания высокой степени независимости феодалов [16, С. 2–38; 17]. При Иоанне Безземельном в 1215 г. была составлена и принята «Великая хартия вольностей», ставшая выражением соглашения высшей аристократической знати при частичном участии верхних слоев английских городов и верхушки свободного крестьянства [18, С. 63–66]. В 1257 г. бароны, возмущенные политикой Генриха III, составили «Оксфордские провизии», которые король вынужден был принять [19]. А спустя год рыцарство и многие бароны, вставшие на его сторону, подготовили ответ в виде Уэстминстерских провизий [20]. Бароны и монарх не горели желанием исполнять требования недовольного рыцарства и свободного крестьянства, следствием чего стала гражданская война, начавшаяся в 1263 г., а повстанцы выступили под предводительством Симона де Монфора. В результате король и принц Эдуард были схвачены восставшими и были вынуждены подписать соглашение о создании первого парламента в Уэстминстере (20 января 1265 г.), в который вошли помимо баронов — сторонников де Монфора и высшего духовенства еще и представители рыцарства и горожан. В скором времени повстанческая армия была разбита, а де Монфор убит, но парламент уничтожен не был. Приемник Генриха III Эдуард I продолжал опираться на сословное представительство, правда, в усеченном составе. Горожане

и рыцари не приглашались для решения многих важных вопросов, но в 1295 г. он созывает «Образцовый парламент» (по образцу 1265 г.), а в 1297-м — «Подтверждение хартии» (или «О неналожении податей»), которое сообщало порядок взимания налогов, которое не могло быть осуществлено без согласия с парламентом [18, С. 67–68]. В дальнейшем английские парламентские традиции были восприняты протестантами (пуританами) и способствовали зарождению английской социальной революции в XVII веке.

Система образования в Англии традиционно имела не католическую ориентацию. Известная Оксфордская схоластическая школа, представленная такими выдающимися мыслителями, как Роджер Бэкон, Дунс Скотт, Уильям Оккам, имела большую долю свободы от влияния римско-католической церкви, что вылилось в развитие естествознания, способствовавшего экономическому развитию региона [21]. Профессор Оксфордского университета Джон Уиклиф является наравне с чешским проповедником Яном Гусом предшественником Реформации [10, С. 368–382]. Поэтому смело можно заключить, что Англия благодаря своему географическому положению подготовила почву к быстрому восприятию протестантских идей еще в период Средневековья.

В XV–XVI вв. в западноевропейских государствах бурно развиваются капиталистические отношения. В данном контексте нельзя избежать дискуссий о связи протестантизма и капитализма, поскольку эта проблема имеет непосредственное отношение к теме исследования. Макс Вебер полагал, что именно протестантская религиозность способствовала развитию капитализма. При этом особую роль он отводил регионам распространения кальвинизма, среди которых выделяются Англия, Голландия, Германия. По его мнению, мирская аскеза, добродетель и добросовестный труд рассматривались кальвинистами как показатели истинности веры, а успешность в трудовой деятельности рассматривалась как показатель благословенности Богом [22]. О непосредственной детерминации экономического развития от типа религиозности писал также немецкий теолог Эрнст Трёльч [23]. Критик веберианской концепции «первой волны», немецкий социолог Вернер Зомбарт, утверждал, что развитию капитализма, прежде всего, способствовала сама культура Европы, которая является наследницей античной традиции, поэтому капитализм был свойственен всей Европе в силу ее культурных особенностей [24].

Основные и наиболее весомые положения критики концепции Вебера принадлежат представителям критики «второй волны». К. Самуэльсон поставил под сомнение непосредственную связь протестантизма

и капитализма, утверждая, что и в католицизме существовала подобная этика, а также, что сам по себе капитализм не был связан ни с какой религиозной этикой вообще. Автор отмечает, что в Англии и Голландии капитализм предшествовал развитию протестантской религиозности, а в Швейцарии и Шотландии капиталистические отношения появились довольно поздно, что нельзя сказать о католической Бельгии [25, Р. 26–121]. Среди основных факторов, способствовавших развитию европейского капитализма в начальный период, обозначенных Г. Робертсоном, можно выделить миграцию и распространение на территории Европы светского мировоззрения, повторное распространение римского права, увеличение торговли и великие географические открытия [26, Р. 111–168]. Х. Р. Тревор-Роупер занял срединное положение между Вебером и его критиками, утверждая, что истоки протестантской этики, основания которой Вебер приписывал Лютеру, а реализацию — Кальвину, необходимо искать в других системах мировоззрения. Анализируя основные капиталистические центры и персоналии, Тревор-Роупер заключает, что все деятели капитализма были иммигрантами, и выводит истоки этой этики из «эразмианизма» — учения Эразма Роттердамского. Эразм Роттердамский, представитель северного гуманизма, в своем трактате «Похвальное слово глупости» («*Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*», 1509) обличает «ленивых монахов» и уповает на трудолюбие и неприхотливость мирян. Представителей «эразмианизма», притесняемых католической церковью, принимали далеко не кальвинистские регионы (Швеция, Дания, некальвинистский Амстердам). Подобная трудовая этика была свойственна не только протестантам, но и католикам, что объясняется влиянием Ренессанса и развитием капитализма, а также иудеям, чьи принципы экономической деятельности были сформированы под влиянием сходных внешних условий [27, Р. 8–25]. Некоторые ученые изучали влияние пуританства на развитие капитализма, заключив, что пуритане, будучи экономически активной социальной группой, были неотъемлемой частью экономического развития Англии, но не его причиной [28; 29]. Из данной дискуссии можно сделать вывод, что порожденные Реформацией религиозные течения имели особенность перестраиваться под воздействием внешних условий. Изменчивость стала одной из причин ее абсорбции в европейских обществах. Особенность протестантских течений состоит в том, что они впитывали в себя все тенденции, способствующие их приспособляемости и выживаемости в существующих экономических и социально-политических условиях.

В заключение можно подтвердить, что зарождение и распространение протестантизма на территории Европы наряду с другими причинами также было географически детерминировано. Социально-политические и экономические условия в странах к северу и северо-западу от Рима предопределили сравнительно быструю дистрибуцию данного религиозного мировоззрения посредством религиозной миграции и тесных культурных контактов между странами.

Список источников и использованной литературы

1. *Гирц К.* Религия как культурная система / Интерпретация культур. [Электронный текст]: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/04.php (дата обращения: 10.08.2016).
2. *Солонин Ю. Н., Тишкина А. Г.* Естествознание и его роль в становлении наук о культуре (географический фактор в методологии гуманитарного знания) / Учебно-методическое пособие. СПб., 2008. — 50 с.
3. *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на земле. М.-Л., 1928.
4. *Боас Ф.* Границы сравнительного метода в антропологии / Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 509–518.
5. *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с ее колонизацией. М., 1909.
6. *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910.
7. *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916.
8. *Жекулин В. С.* Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982.
9. *Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны* / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001.
10. *Михайловский В.* Предвестники и предшественники Реформации в XIV и XV веке // Мартин Лютер. О свободе христианина / Составление, вступ. статья, пер. с нем., коммент., примеч. Ивана Фокина. Изд-во ARC, 2013. С. 377–406.
11. *Ревуненкова Н. В.* Протестантизм. СПб.: Питер, 2007. — 224 с.
12. *Лурье З. А.* Конфессиональные аспекты гуманизма в 1520–1530-е гг. / Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 11. СПб., 2014. С. 42–65.
13. *Философия ранних буржуазных революций.* Под редакцией Т. И. Ойзермана, В. М. Богуславского, Н. В. Мотрошиловой, Э. Ю. Соловьева. М.: Наука, 1983. — 583 с.
14. *Прокотьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб.: ИЦ Гуманитарная академия, 2002. — 384 с. — илл.
15. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Соч.: В 2 т. Т. 2 / Под ред. В. В. Соколова; пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана. М.: Мысль, 1991. — 731 с.

16. Соколов В. Реформация в Англии. М., 1881.
17. *Pantin W. A.* The English Church in the fourteenth century. Cambridge University Press, 1955.
18. *Штокмар В. В.* История Англии в средние века. 2-е изд., доп. / Под ред. И. А. Савкина. СПб.: Алетейя, 2005. — 188 с.
19. Оксфордские провизии // Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Пер. Д. М. Петрушевского. М.: Гос. соц. эк. издательство, 1936. С. 152–162.
20. Уэстминстерские провизии // Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Пер. Д. М. Петрушевского. М.: Гос. соц. эк. издательство, 1936. С. 170–178.
21. *Sharp D. E.* Franciscan philosophy at Oxford in the thirteenth century. Oxford University Press, 1930.
22. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990, С. 43–271.
23. *Troeltsch E.* The Economic Ethic of Calvinism / Protestantism and Capitalism. The Weber Thesis and Its Critics; Edited with an introduction by Robert W. Green. Boston, 1965. 21–28 pp.
24. *Sombart W.* The Role of Religion in the Formation of the Capitalist Spirit / Protestantism and Capitalism. The Weber Thesis and Its Critics; Edited with an introduction by Robert W. Green. Boston, 1965. 29–38 pp.
25. *Samuelson K.* Religion and Economic Action. A Critique of Max Weber / E. G. French, trans., D. C. Coleman, intr., ed. N.Y.: Evanston, 1964.
26. *Robertson H. M.* Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N.Y., 1933.
27. *Trevor-Roper H. R.* Religion, Reformation and Social Change // Trevor-Roper H. R. Religion, Reformation and Social Change. L., 1967.
28. *Winthrop S. Hudson.* Puritanism and the Spirit of Capitalism / Protestantism and Capitalism. The Weber Thesis and Its Critics; Edited with an introduction by Robert W. Green. Boston, 1965. 56–61 pp.
29. *See H.* The Contribution of the Puritans to the Evolution of Modern Capitalism / Protestantism and Capitalism. The Weber Thesis and Its Critics; Edited with an introduction by Robert W. Green. Boston, 1965. 62–64 pp.

Кубья Е. В.

РАНХиГС

**БОЛОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В КОНЦЕ XII — СЕРЕДИНЕ XIII ВЕКА ПО ДАННЫМ
«CHARTULARIUM STUDII BONONENSIS»**

Во все времена студенческая жизнь преисполнена всякого рода казусов, когда драматическое и даже трагическое переплетается с курьезным и забавным. В подтверждение этих слов приведу пример из «Картулярия Болонского университета» [2], о документах, составивших который, пойдет речь ниже. Однажды некий «Грациан из Маркехано, школяр из Болоньи» был обвинен своим сотоварищем, «Родальдо, школяром из Вецано», в том, что, «будучи принятым как товарищ по комнате», воспользовался доверием и украл его вещи, в числе которых оказались не только «одежда, салфетка, нож», но и ... «книга Боэция» [16, С. 356–358]. Мы не знаем, о каком из сочинений великого философа идет речь; очевидно, однако, что только студент мог позариться на столь характерный предмет незамысловатого быта болонского школяра середины XIII в. Подобная *чисто студенческая* кража — лишь один из десятков примеров, отраженных в болонских актах и позволяющих в деталях представить себе многие стороны жизни знаменитой болонской *Alma mater studiorum* начального периода ее истории.

Несмотря на то что история Болонского университета лишь условно восходит к 1088 г., мало кто из исследователей сомневается в том, что этот университет является старейшим в Европе. Именно с ним связано формирование основ концепции средневекового университетского образования, а сам университет стал центром притяжения для огромного количества студентов со всей Западной, Центральной, а частично — и Восточной Европы. Считается, что на протяжении XIII в. в Болонье одновременно обучалось от 500 до 1000 школяров (больше студентов в этот период было лишь в Париже); известно их точное число на 1269 г. — 1464 студента. Для сравнения, в 1386 г. в Кельне числилось 759 студентов, а между 1386 и 1540 гг. 504 студента обучалось в Лейпциге, 427 в Эрфурте [1, Р. 400].

Тем не менее в западной историографии, несмотря на наличие большого количества общих работ по истории средневековых университетов, Болонский и Падуанский, важнейшие университеты Италии, как правило, не удостоиваются внимания как самостоятельные объекты больших исследований — подробно разбираются на итальянском языке лишь некоторые специальные сюжеты, связанные, например, с историей книготорговли и книгопроизводства в болонской «Alma mater studiorum» [7; 8].

Настоящее исследование призвано частично восполнить этот пробел. Оно посвящено начальному периоду истории Болонского университета, становление которого пришлось на вторую половину XII в. (после хартии Фридриха Барбароссы 1158 г.). Решение этой задачи невозможно без учета того колоссального влияния, которое на этот процесс оказали город Болонья и болонская коммуна. Отмечу, что в тот период Болонья представляла собой одну из наиболее влиятельных городских республик северной Италии, обладавших фактической независимостью от императора и церковных властей. С 1123 г. ведет свою историю средневековая болонская коммуна, одним из значимых институтов которой являлись общие собрания горожан. Первоначально (как и в Генуе, Павии, Пизе, Сиене и многих других городах) главой городского управления являлась коллегия консулов [3]. В XII–XIII вв. (что также не являлось исключительно болонской особенностью) на место этой коллегии пришел подестá со своими судьями, нотариями и вооруженной свитой, возглавивший генеральный и специальные советы города [12, С. 63–68].

* * *

Настоящее исследование является результатом изучения относящихся к указанному периоду картулярных копий средневековых актов, помещенных в сборнике «Chartularium Studii Bononensis» (1909 г.). Изученные копии являются ценным источником, позволяющим составить представление не только о внутренней структуре университета, но и о его прочной связи с коммуной Болоньи и городом в целом.

Следует учесть, что источников по ранней истории Болонского университета относительно немного. Сборник «Chartularium Studii Bononensis» представляет собой едва ли не самую масштабную подборку документов по этой теме, а потому он достоин быть объектом самостоятельного изучения, а не теряться в ряду других изданий источников по истории Болонского университета и университетов вообще.

«Chartularium Studii Bononensis» включил материалы разных болонских картуляриев, содержащих данные по истории Болонского

университета во второй половине XII — конце XVI в. (1159–1499 гг.), а частично — и в последующий период [14, С. 127]. То есть «*Chartularium Studii Bononensis*» не является картулярием как таковым (хотя часто и именуется так для удобства в настоящей работе), поскольку его составляют несколько реально существовавших картуляриев. Это обусловило выделение в издании документов, соответствующих каждому из них, пяти разделов. К рассматриваемому нами периоду (1159–1250 гг.) относятся документы из четырех разделов. Все четыре картулярия опубликованы под одной обложкой, исходя из принципа территориальной и хронологической близости. Рассмотрим происхождение и состав каждого из сборников.

- *Registro Grosso* (Большой Регистр) содержит более пятисот важных юридических актов болонской коммуны от 1116 до 1288 г. Все они являются картулярными копиями документов коммуны. Они хранились в архиве коммуны и, возможно, в другом регистре меньшего размера, который также использовался для фиксации официальных документов.

- *Registro Novo* (Малый Регистр) — большой пергаменный кодекс, содержащий 510 документов, записанных в XIII–XV вв. Вместе с *Registro Grosso* он составляет наиболее важное собрание копий документов болонской коммуны. Кодекс также разделяется на две части. Первая содержит документы с 1258 г. до 368-го номера и включает копии официальных актов, содержащих сделки, транскрипции официальных документов или других важных документов болонской коммуны, расположенных не в хронологическом порядке, а в соответствии с территорией происхождения. Вторая часть содержит акты от 1369 г. и до конца, не имеющие четкого порядка в том, что касается содержания [2, Р. 44].

- *Processi e sentenze* (Процессы и постановления) — серия пергаменных актов курии главы городского управления — болонского подеста (в то время как *Registro Grosso* и *Registro Novo* относилось к самой болонской коммуне). Серия начинается с 1204 г. и содержит в основном судебные постановления и приговоры уголовного характера, а также немногочисленные постановления гражданско-правового характера [2, Р. 106].

- *Monasterio di San Giovanni Battista di Bologna* (Монастырь св. Иоанна Крестителя в Болонье) — архив монастыря Св. Иоанна Крестителя Ордена доминиканцев, ныне находящийся в фондах Государственного архива Болоньи (*Archivio di Stato di Bologna*). Он состоит из 174 документов в виде отдельных свитков и связок (1119–1797 гг.) [2, Р. 162].

Из общих особенностей публикации документов можно отметить, что не все акты представлены в ней целиком. Некоторые даны в резюмированной форме: тексты документов, датированных 1200 г. и ранее приводятся полностью, после 1200 г. — лишь в случае, если они имеют существенное значение для истории университета (запрагивают жизни или действия докторов и студентов непосредственно, порядки внутри университета и т. д.). В случае же, если доктора или студенты лишь вскользь упоминаются в документе (например, в качестве свидетелей), текст представляется в сокращенной форме, с той лишь целью, чтобы отразить структуру акта (представляются протокол и эсхатокол с датировкой, перечень свидетелей, молебен). Основное содержание документа при этом излагается на итальянском языке.

Своеобразные написания слов в латинских текстах оставлены в публикации источника без пояснений. Это объясняется тем, что итальянские ученые при подготовке транскрипций средневековых документов на латыни опираются на большой эмпирический опыт поколений исследователей и издателей латинских текстов средневековой Италии. О том, что по ошибкам, встречающимся в актах, можно судить об определенных языковых процессах (поскольку разговорный язык не был в то время адекватно отражен в письменных источниках), рассуждают в своих статьях В. И. Мажуга [15] и Л. М. Лукьянова [13]. Они наглядно показывают, что в отступлениях от орфографической нормы есть свой порядок, определенный особенностями местного латинского произношения. В. И. Мажуга условно называет это системой фонетического письма, применяемой в латинской деловой письменности Италии XIII–XIV вв.

* * *

В данной работе мной будут рассмотрены следующие вопросы:

- Что данный источник позволяет узнать об устройстве Болонского университета в конце XII — первой половине XIII в.?
- Какую роль город Болонья играл в жизни университета?
- Какую роль университет играл в жизни города?

Для ответа на эти вопросы мной были поставлены задачи рассмотреть ключевые понятия, характерные для средневекового университета, в контексте данного источника, и по возможности выделить среди документов смысловые группы, проливающие свет на различные стороны жизни университета.

* * *

Отмечу, в первую очередь, что в средневековых документах и нарративных текстах для обозначения средневекового университета

использовались два основных латинских термина: *studium generale* (или просто *studium*) и *universitas scholarium* (или *universitas magistrorum et scholarium*, позже — просто *universitas*). Существование двух терминов отражает наличие двух ключевых черт, характерных для средневекового университета. *Studium generale* — учебное заведение, возникшее спонтанно или же основанное с санкции папы или императора и предоставляющее своим выпускникам особое разрешение вести преподавательскую деятельность в любом университете (*licentia ubique docendi*). *Universitas* же мог интерпретироваться довольно широко, и с правовой точки зрения означал некую корпорацию или сообщество. По отношению к средневековым университетам этот термин обычно использовался с уточнением — *universitas* школяров (и профессоров) [10, P. 14–26, 34–51].

В документах, содержание которых отражают копии, вошедшие в состав университетского картулярия, используется лишь понятие *studium*, обозначающее собственно учебное учреждение, возглавляемое профессором. Применительно к периоду второй половины XII — второй половины XIII в. картулярий предоставляет нам десять договоров, оформлявших обязательства профессоров, взятые ими на себя перед коммуной Болоньи, не основывать правовых школ (*studium*) в каком-либо другом городе¹.

Однако в некоторых случаях под понятием *studium* в документах подразумевается не отдельная школа, основанная конкретным преподавателем и находившаяся под его началом, а учебное заведение Болоньи, объединяющее всех студентов, т. е. то, что в литературе принято называть *studium generale*. Обещая не основывать школу за пределами Болоньи, профессор, как правило, также обещает «добровольно заботиться о том, чтобы расширялся *studium* в этом городе [Болонье]»². В частности, доктор гражданского права Лотарий в 1189 г. обещает не вступать в сговор во вред школе (*studium*) в Болонье, доносить городским консулам или подеста на тех, кто желает причинить школе вред, и всячески «способствовать неудаче этого замысла»³. В ответ же коммуна гарантировала Лотарию, что в отношении его преподаватель-

¹ См. Doc. № 1 (a. 1189, Bologna), 6 (a. 1198, Bologna), 7 (a. 1198, Bologna), 8 (a. 1199, Bologna), 17 (a. 1213, Bologna), 18 (a. 1214, Bologna), 20 (a. 1216, Bologna), 21 (a. 1216, Bologna), 25 (a. 1218, Bologna), 34 (a. 1220, Bologna).

² Doc. № 17 (a. 1213, Bologna), 21 (a. 1216, Bologna).

³ Doc. № 1 (a. 1189, Bologna): “...nec ero in consilio ut studium huius civitatis minuatur, et si scivero aliquem ipsuim minnere velle, cousulibus vel potestati qui pro tempore erunt”.

ской деятельности в городе не будет чиниться никаких препятствий¹. Очевидно, в подобных случаях под словом *studium* понимается некая организация, привязанная скорее географически к городу Болонье, нежели к отдельно взятому доктору.

Что касается второго ожидаемого термина — *universitas*, традиционно определяющего университет в первую очередь как корпорацию [1, Р. 6] — ни в одном документе картулярия в рассматриваемый период по отношению к университету он не употребляется. В литературе с *universitas* неразрывно связано понятие *nationes*, означающее объединения студентов, происходивших из одной и той же страны или области, а также выборного ректора (*rector*) во главе [1, Р. 108–109]. В частности, по наблюдениям Ж. Верже, выражения *universitas scholarium*, *universitas magistrorum et scholarium* широко употребляемы и встречаются уже в первых университетских картуляриях [1, Р. 37].

Однако в рассмотренном мной источнике понятие *universitas* впервые встречается не ранее XIV в. Обратившись к *Privilegium scolasticum*, привилегии Фридриха Барбароссы 1158 г., даровавшей Болонскому университету первые академические свободы, я также не встретила в тексте термин *universitas* [5, Р. 114]. Однако в старейшем доступном тексте университетского статута 1317 г. он уже фигурирует [9]. Редактор издания этого источника Ч. Малагола высказал мнение, что университет не имел письменных статутов до 1252 г. [9, Р. xvi, 5]. Таким образом, даже если допустить, что статут начала XIV в. вобрал в себя более ранние правовые нормы, оснований утверждать, что термин *universitas* употреблялся в отношении Болонского университета в первой половине XIII в., рассмотренные мной источники не дают [6, Р. 1051]. Характерные *universitatis* термины — *nationes*, (объединения студентов в землячества) и *rector* (университетский ректор) — не упоминаются в нотариальных актах, что также не дает основания усмотреть в источнике наличие корпоративных начал университета.

Известно, что долгое время у первых средневековых университетов не было собственных зданий. Лекции проводились в домах или нежилых помещениях, арендовавшихся преподавателями или студенческими

¹ Doc. № 1 (a. 1189, Bologna): “Juro ego dominus Lotherius quod ab hoc die in antea non regam scholas legum in aliquo loco nisi Bonnonie: nec ero in consilio ut studium huius civitatis minuat, et si scivero aliquem ipsium minnere velle, consulibus vel potestati qui pro tempore erunt. Quam citius potero nuntiabo et bona tude destruem: consulibus vel potestati, qui pro tempore erunt, bona fide consilium et adiutorium dabo de omnibus que a me petierint, et credentiam eis tenebo”.

корпорациями, а экзамены и собрания — в церквях или монастырях, находившихся в городской черте. Пример болонского *studium* Болоньи дает дополнительные подтверждения действия из этого общего правила и довольствовался частными домами и публичными религиозными зданиями для лекций, собраний и церемоний [1, Р. 137]. Это наблюдение подтверждается содержанием нотариальных актов конца XII — начала XIII в., согласно которым упоминаемые в документах преподаватели сами заботятся о помещениях для обучения школяров¹. Такие помещения именовались *auditorium* (от лат. *audire* — «слушать»). Например, в 1198 г. доктор гражданского права Джораннино клятвенно обещал представителям городской администрации, что не предоставит школярам никакой помощи в поиске жилья в другом городе².

О повседневной жизни собственно школяров (*scolares*) источник сообщает немного. По существу, имеющиеся данные сводятся к конкретным казусам из студенческой жизни, обычно описанным в текстах судебных постановлений. Суть большинства таких постановлений сводится к изгнанию из города того или иного студента, совершившего некое преступление, или же того, кого он обвинил. Например, в 1250 г. Джакомо из Польши в день Рождества смертельно ранил другого школяра, который умер на следующую ночь; в 1233 г. школяра Маттео ли Пьетро дель Россо из Нарни уличили в хранении в своей комнате поддельных монет; в 1235 г. Оливьеро да Тревизо со своими слугами был изгнан за вооруженное нападение на некоего Джакомо ди Ринальдо ди Роландино из Перуджи в его собственном доме. В том же 1235 г. другой школяр выступил в одном деле на стороне обвинения: когда он трапезничал со своими компаньонами, некий Гальяно, сын нотариуса, взял с его стола блюдо из нута и в ответ на упреки ранил Антолино ножом в висок; Гальяно приговорили к изгнанию. Из документов мы узнаем, что школяры жили, как правило, в съемных комнатах (среди жилищ встречаются *domus ecclesie*, постоялый двор, *hospitium* — монастырская гостиница). Иногда школяры снимали одну комнату на двоих. Такое соседство не всегда было безопасным: в самом начале данной работы упоминается один из вопиющих случаев предательства товарища по комнате, зафиксированный в нотариальном акте 1250 г.³

¹ Doc. № 6 (а. 1198, Bologna), 8 (а. 1199, Bologna), 21 (а. 1216, Bologna).

² Doc. № 6 (а. 1198, Bologna): "...non dabit operam nec consilium nec auditorium quod scolares in aliam civitatem debeant morari".

³ Doc. № 105 (а. 1250, Bologna).

Об источниках доходов студентов сообщает акт 1195 г., по которому контролеры счетов болонской коммуны осудили растрату школярами средств, поступление которых ожидалось в пользу коммуны. При этом школяр Энрико и неназванный школяр, погибший в сражении, фигурируют в качестве должностных лиц на службе коммуны. Они могли выступать в качестве представителей последней, в частности, при доставке апелляции (обращения) епископу. Студентам полагались командировочные: доставившему обращение Энрико — 33 солида и 4 денария, Эндженьерио — 25 солидов, направившемуся в Рим Рибальдо — 20 солидов, а некому умершему в сражении школяру — 20 солидов¹. Плата за работу, однако, вызвала недоверие у представителей коммуны и они, «осуществив внимательное расследование», обнаружили расхождения между показаниями крестьян и информацией о расходах, предоставленной школярами², а потому командировочные не были отнесены к целевым расходам.

Об университетских профессорах источник позволяет узнать значительно больше. Несомненно, Болонский университет создавался вокруг отдельных правовых школ, и доктора права (в первую очередь, гражданского, *legum doctores*) представляют в исследованных мной нотариальных актах подавляющее большинство среди упоминаемых в них преподавателей-магистров (*magistri*) и вообще людей, имеющих отношение к университету. Преподавательская деятельность знатоков сводилась к тому, что они «читают школярам науку» (обычно — права) — *legent scholaribus scientiam (legum)*³ — так и только так она именуется в источнике. В процессе обучения преподаватели-цивилисты читали и комментировали школярам в установленном порядке отдельные книги из числа *Corpus iuris civilis* (а их коллеги-канонисты — *Corpus iuris canonici*) в выбранных аудиториях.

Тот факт, что в документах чаще всего упоминаются именно доктора права, объясняется отчасти спецификой самого источника (знатоки права могли быть полезны при заключении договоров), а также говорит

¹ Doc. № 2 (a. 1195, Bologna): “Item quod consules dare fecerunt... pro dispendio eius VII sol. imp. Enrico scolari, qui portavit appellationem eorum domino Episcopo, XXXIII sol. et IV den. imp. Item pro Engegnerio XXV sol. imp. et Ribaldo qui ivit Romam XX sol. imp., et pro quodam scolari mortuo en prelio XX sol. imp. que omnia improbamus, et in utilitatem communis non processisse dicimus”.

² Ibid.: “...habita diligenti inquisitione, in primis invenimus inter dicta rusticorum et expensas que non videntur nobis bene facte...”

³ Doc. № 6 (a. 1198, Bologna), 8 (a. 1199, Bologna), 17 (a. 1213, Bologna), 21 (a. 1216, Bologna), 25 (a. 1218, Bologna), 34 (a. 1220, Bologna).

о значимости докторов права в жизни города, и, по всей видимости, многочисленности людей, изучающих именно правовую науку в университете. Встречается в одном из документов и доктор канонического права — некий магистр Грациан¹. Несколько раз в нотариальных актах упоминаются «доктора обоих прав» (*utrius iuris doctoris*), т. е. канонического и гражданского (*iuris canonici et civilis*)².

До 1250 г. в источнике лишь раз встречается термин *facultas* — когда в 1218 г. магистр Бене из Флоренции клянется не читать грамматику вне Болоньи — точнее, управлять «факультетом грамматики»³. Это позволяет судить, что уже в первой половине XIII в. слово *facultas* обрело новое значение — теперь оно означает не только «право», «возможность», «разрешение», определенную область изучения или часть какого-либо имущества, но и институциональную структуру, связанную с преподаванием и изучением определенной дисциплины. Преподаватели и студенты являлись членами таких факультетов, и, следовательно, членами *studii generale* в целом. Клятва профессора грамматики указывает на существование в Болонье уже в первой половине XIII в. некоего факультета *artes liberales*. Их изучение рассматривалось как необходимая первая ступень на пути к изучению права, которым славилась болонская *alma mater studiorum*. При этом в наших источниках отсутствуют сведения о существовании в рассматриваемый период других факультетов — теологии или, например, медицины (известно, что позднее медицина в Болонье преподавалась на факультете искусств и медицины — *universitas artistarum et medicorum* [1, Р. 110]). В период, о котором идет речь, болонский университет все еще представлял собой огромную правовую школу.

Тем не менее уже тогда к университету был близок медик — некий Уго из Лукки, фигурирующий в нескольких документах⁴, содержащих немало уникальной информации. Рассмотрим их подробнее.

В 1214 г. этот Уго заключил первый договор с представителями городской коммуны: он высказал желание служить коммуне Болоньи и в течение нескольких месяцев проживать вместе со своей семьей в этом городе с тем, чтобы «лечить и выхаживать всех полноправных жителей Болоньи и их семьи и всех жителей контадо, раненных и имеющих

¹ Doc. № 16 (а. 1211, Modena).

² Doc. № 56 (а. 1249, Bologna), 57 (а. 1249).

³ Doc. № 25 (а. 1218, Bologna): "...et alibi ullo tempore in gramatica facultate non regam, nec scolas habebo..."

⁴ Doc. № 19 (а. 1214, Bologna), 18 (а. 1214, Bologna), 20 (а. 1216, Bologna), 33 (а. 1219, Bologna).

переломы»¹. Уго находился в Болонье, как минимум, в 1214–1219 гг. и занимался в городе медицинской практикой, но он, очевидно, не был частью организованного факультета и не привлекался к публичному преподаванию. Можно, однако, предположить, что он вел преподавательскую деятельность на частной основе, как это делали с конца XI в. болонские юристы, которых приглашали работать сами студенты на основе частных договоров. Известно, что в первые два десятилетия в Болонье жили и вели практику врачи, хирурги и студенты-медики [1, Р. 368], что выступает в поддержку высказанного предположения. Таким образом, в первой половине XIII в. студенты-медики или профессора медицины не были организованы в какую-либо академическую корпорацию, хотя и действовали в Болонье локально.

Уго несколько лет служил болонской коммуне, и документы о его стипендии позволяют получить некое представление о финансовом положении этого человека и сотрудников университета в целом². Согласно первому договору Уго с городскими властями (1214 г.), он получил феодал размером 600 болонских лир от коммуны Болоньи и за это пообещал за себя и своих наследников служить коммуне³. Оценить, сколь высоким был названный доход, без дополнительных данных нельзя. Я обратилась к работе, наиболее близкой к настоящему исследованию хронологически и географически из всех доступных, где рассматривается соответствующий вопрос. Это монография П. Антонетти «Повседневная жизнь во Флоренции во времена Данте». О положении *popolo grasso* — зажиточных горожан — мы узнаем из данной работы следующее: «С января 1290-го по декабрь 1293 г. семья Амманати истратила 87 лир, 8 солидов и 11 динаров, из которых на питание ушло <...> чуть больше половины». Банкир Перуцци, «в 1309 г., ведя обычный для него образ жизни <...> истратил 933 лиры. В 1313 г. его общий бюджет составил 3025 лир, а в 1315-м — 3659 лир» [11, С. 179].

¹ Doc. № 18 (a. 1214, Bologna): “Petit dominus Ugo, lucensis, medicus, a comuni Bononie, ut sibi et suis heredibus comune Bononie concedat in feudum sexcentas libras bononinorum. Ipse autem in hunc modum pro his vult servire comuni Bononie annuatim sex menses continue vult habitare cum sua familia in civitate Bononie, et ultra per duos menses arbitro potestatis qui pro tempore fuerint. Si autem aliquo casu esset extra civitatem eo tempore quo tenetur stare in civitate, tunc teneatur venire suis expensis, si necesse fuerit, et omnes bononienses jurantes sequimentum et eorum familias in civitate habitantes et omnes comitatinos vulneratos et ruptos...”

² Doc. № 19 (a. 1214, Bologna), 33 (a. 1219, Bologna).

³ Doc. № 19 (a. 1214, Bologna): “dominus Ugo lucensis medicus habuit in feudum a comuni Bononie DC. libras bononorum, et pro hiis promisit per se et suos heredes servire comuni Bononie secundum in instrumento iude facto continetur, et omnia iuravit et promisit attendere.”

Высокооплачиваемый флорентийский мастер конца XIII в. получает в год 1320 солидов, а Уго по договору 1214 г. полагалось целых 600 лир, т. е. 12 тыс. солидов, что позволяет видеть в нем обеспеченного и даже зажиточного человека, даже с учетом необходимой поправки на хронологическую отдаленность данных для сравнения, на неточности мер и весов средневековой Италии и неизбежную инфляцию. Сам факт получения медиком настоящего феода говорит о его высоком социальном статусе. В то же время приглашение медика на службу за феоде и чрезвычайно подробная регламентация всех договоров Уго с коммуной позволяют судить, что подобная практика приглашения в город врача была еще непривычной в первой половине XIII в.

Употребление лексики ученого феодального права — особенность, свойственная вообще всем изученным мной документам, фиксирующим отношения города с университетскими профессорами. Обратимся к акту 1213 г., согласно которому сразу пятеро докторов гражданского права обязались служить только в Болонье. Они обещают не читать в дальнейшем науку права где-либо помимо Болоньи, не способствовать тому, чтобы студенты проживали в других городах, и заботиться о том, чтобы *studium* Болоньи ширился¹. Используемое здесь выражение «*Consilium et adiutorium*» аналогично по смыслу формуле «*consilium et auxilium*», означающей традиционное представление о помощи и совете вассала своему сюзеру.

Более того, в стипендии медика Уго получаемые деньги прямо называются феодеом², а его *auxilium* описан во всех подробностях в акте 1214 г., содержащем обещание медика жить и работать в Болонье³. Уго обязался проживать с семьей в городе в течение шести определенных месяцев и еще двух, которые установит подеста⁴. В это время медик должен был лечить и выхаживать всех полноправных жителей Болоньи и членов их семей, а также всех жителей контадо, имеющих какие-либо телесные повреждения. Уго надлежало срочно отправляться к людям,

¹ Doc. № 17 (a. 1213, Bologna): “Dominus Guido Boneambii et dominus Jacobus Baldini cives Bononie et dominus Oddo de Landriano mediolanensis, omnes legum doctores, ante dominum Guazonem iudicem domini Mathei Bononie potestatis, iuraverunt ad sancta Dei evangelia, quod de cetero in aliquam terram non legent scholaribus scientiam legum, nisi in Bononia, et quod non dabunt operam ut scolares in alia civitate debeant commorari, nec in hoc consilium vel adiutorium prestabunt, immo curabunt bona fide quod Studium in hac civitate augeatur”.

² Doc. № 19 (a. 1214, Bologna).

³ Doc. № 18 (a. 1214, Bologna).

⁴ Doc. № 18 (a. 1214, Bologna): “Ipse autem in hunc modum pro his vult servire comuni Bononie annuatim sex menses continue vult habitare cum sua familia in civitate Bononie, et ultra per duos menses arbitrio potestatis qui pro tempore fuerint”.

нуждающимся в его помощи. При этом он не мог взимать плату за услуги с граждан Болоньи, тогда как жители контадо платили медику в соответствии со своим уровнем достатка: бедные не платили ничего, середняки — телегу дров, а богатые — либо телегу сена, либо 20 солидов по своему усмотрению¹. Кроме того, Уго должен был сопровождать за свой счет болонское войско в любом походе против внешнего врага².

Если же «горожане будут воевать между собой, что противно Богу», Уго обещает жить в городе во время беспорядков и направляться ко всем, кто нуждается в помощи, а деньги, выделяемые ему на необходимые путевые расходы, не должны превышать 8 болонских лир³. Мы видим, что *auxilium* Уго похож на *auxilium* обычного вассала, подразумевающий в основном помощь с точки зрения военной службы. Феодал Уго, к тому же, также является наследственным: «Владения же, купленные на оставшиеся 400 либр [лир], пусть останутся в качестве феодала его сыновьям или законным преемникам мужского пола, которые должны будут служить коммуне Болоньи, как другие вассалы служат своим сеньорам»⁴.

Из этого же акта мы узнаем, что, кроме оплаты, сотрудники университета могли удостоиться чести получения гражданства. Уго принес все описанные выше обещания, «желая стать гражданином города Болоньи»⁵. Далее акт раскрывает нам критерий гражданства: Уго был обязан «купить или иметь собственный дом в городе Болонье с ближайшего нового года в течение одного года»⁶. Отметим также, что по

¹ Ibid.: “Si autem aliquo casu esset extra civitatem eo tempore quo tenetur stare in civitate, tunc teneatur venire suis expensis, si necesse fuerit, et omnes bononienses jurantes sequimentum et eorum familias in civitate habitantes et omnes comitatinos vulneratos et ruptos: ruptos, scilicet, intelligitur de caltretris et contritiset de carne contrita, facientes se deferri ad civitatem, medicare et curare, exceptis habentibus crepaturam inferius, va[de] sequitur emia tempore procedente; et non vult quod aliquis predictorum ei astringatur pacto sibi salarium dare, exceptis comitatinis, a quibus liceat eis in hunc modum precipere: scilicet a pauperibus nichil, a mediatis vero ad unum plaustrum lignorum; a divitibus vel XX soldos vel plaustrum feni, et hoc fiat in arbitrio dictorum comitatorum, utrum voluerint sibi dare fenum, vel viginti soldos bononinorum”.

² Там же: “Et in omni exercitu Bononie vult esse suis expensis et medicare et curare omnes qui essent in exercitu, in servitio comunis Bononie scilicet forenses durante exercitu”.

³ Ibid.: “Si autem civitas guerram haberet, vel si cives inter se guerram haberent, quod Deus advertat, toto tempore guerre vult habitare in civitate...”

⁴ Ibid.: “Possessiones empte de residuis CCC librarum remaneant in feudum filiis suis, vel descentibus masculis legitimis, qui teneantur servire comuni Bononie, ut alii vasalli tenentur servire dominis suis”.

⁵ Ibid.: “cupiens effici civis civitatis Bononie”.

⁶ Ibid.: “debet comparare vel habere propriam domum in civitate Bononie ab anno novo proximo ad unum annum”.

этому же договору на Уго распространялась «привилегия подсудности» (*privilegium fori*), т. е. право судиться по местным льготным нормам, распространявшимся лишь на полноправных бюргеров.

О значимости университетских профессоров в жизни города можно судить и по степени их вовлеченности в эту жизнь. Из документов картулярия можно почерпнуть много информации, несколько выходящей за рамки настоящего исследования: это, в первую очередь, история самой Болоньи, ее взаимоотношений с пограничными землями, а также некоторые, порой уникальные (в ряде случаев именно из рассматриваемых в настоящем исследовании картулярных актов черпает информацию о жизни доктора гражданского права Бонавентуры да Савиньяно «Словарь биографий итальянцев» [4]), факты биографий лиц, упоминаемых в источнике — в каком году они были в Болонье (или, например, Модене), какие должности и с какого времени занимали.

Сотрудники университета участвовали при заключении договоров, проливающих свет на историю города в целом, и эти договора представлены в источнике. В их массе можно выделить несколько групп:

- Одна из явных групп — договора, по которым коммуна Болоньи вступает во владение или приобретает право собственности на некие земли и места, или же (лишь раз) кому-то их уступает¹. Мы видим, что в конце XII — первой половине XIII в. Болонья, как и многие другие итальянские города, стремилась подчинить своему влиянию обширные территории, с сельскими поселениями, крепостями, мелкими городами. Земли, которые Болонья стремилась присвоить, как правило, были рас-

¹ Doc. № 4 (a. 1198, Bologna) — подеста Болоньи Уберто Висконти получает право собственности над замком Монтевельо и Кукерла от имени коммуны Болоньи, doc. № 11 (a. 1203, Bologna) — аббат монастыря св. Варфоломео из Музыно жалует в эмфитевзис участок земли коммуне Болоньи, doc. № 14 (a. 1208, Bologna) — соглашение между коммуной Болоньи и лицами, заинтересованными в ответвлении р. Рено, doc. № 15 (a. 1209, Bologna) — подеста Болоньи передает королю Оттону владение в г. Медичина и другие местечки на территории Имолы, занятые после смерти императора Генриха IV, doc. № 27 (a. 1219, Bologna) — кузнец Грациоло продает коммуне Болоньи участок земли между Апозой и селом Галльера, doc. № 28 (a. 1219, Bologna) — Бувалелло ди Пьетро из Апозы продает коммуне Болоньи участок земли между Апозой и селом Галльера, doc. № 29 (a. 1219, Bologna) — Джакомо Дзамбони из Имолы продает коммуне Болоньи участок земли между Апоза и селом Галльера, doc. № 30 (a. 1219, Bologna) — коммуна Болоньи жалует право своим прокураторам составлять документы и представить гарантии людям из болонских цехов при покупке земли, находящейся между Апозой и Галльерой, doc. № 32 (a. 1219, Bologna) — Оливьеро из замка Сан Паоло продает коммуне Болоньи участок земли вокруг замка Сан Паоло, doc. № 41 (a. 1230, Bologna) — протоиерей Питильяно Джерардо уступает коммуне Болоньи юридические права на Кастеллеоне, doc. № 42 (a. 1233, Modena) — аббат церкви Св. Марии в Амбиляно жалует в эмфитевзис земли близ Кастельфранко коммуне Болоньи.

положены на расстоянии 20–25 км от самого города. Например, в 1198 г. подеста от имени коммуны овладел замком Монтевельо в 20 км к западу от Болоньи¹. Этот документ интересен также тем, что в нем описывается акт инвеституры, т. е. ритуального вступления сеньора — подеста Уберто Висконти — в свое новое владение (замок): Уберто приказал закрыть и открыть все ворота в упомянутый замок и передал ключи от замка консулу Петричино². То есть подеста, как хозяин, создавал прецедент распоряжения замком, закрывая и открывая его ворота, а Петричино становился вассалом коммуны Болоньи, от имени которой выступал подеста, получая предмет, символизировавший передаваемое имущество.

- Однако экспансия не могла продолжаться бесконечно: рано или поздно интересы Болоньи сталкивались с интересами равносильных ей городов, и они начинали делить сферы влияния между собой. Картулярий представляет нам ряд посвященных этой проблеме договоров Болоньи с соседними крупными городами: Феррарой, Флоренцией, Моденой, Пистойей³.

- Во многих актах сотрудники Болонского университета фигурируют как участники разрешения вопросов, касающихся внутренней жизни города и земель, уже находившихся под юрисдикцией Болоньи⁴.

¹ Doc. № 4 (a. 1198, Bologna).

² "...dominus Ubertus tunc pot. Bon. omnes portas predicti castri firmari et aperiri nomine communis Bononie, et dedit claves ipsius castri Petricino consulu ipsius castri ut eas teneret pro communi Bononie".

³ Doc. № 9 (a. 1203, Galliera) — договор между Болоньей и Феррарой, doc. № 10 (a. 1203, Firenze) — договор между Флоренцией и Болоньей, doc. № 12 (a. 1204, Bologna) — компромисс между Болоньей и Моденой по вопросу о границах, doc. № 31 (a. 1219, Viterbo) — договор между Болоньей и Пистойей, doc. № 56 (a. 1249, Bologna) — мирный договор между Болоньей и Моденой, doc. № 58 (a. 1249, Bologna) — компромисс между Болоньей и Моденой о землях Фриньяно.

⁴ Doc. № 157 (a. 1159, Bologna) — пожалование иммунитета, совершенное епископом Болоньи Джерардо в пользу церкви, расположенной в районе Св. Исаяи, doc. № 5 (a. 1198, Bologna) — люди из Монтевельо обещают болонскому подеста исполнять заключенные договоры, doc. № 48 (a. 1203, Bologna) — продажа дома болонской коммуне, doc. № 13 (a. 1206, Bologna) — Пьетро Бозио из Имолы обещает не отчуждать владений своей воспитанницы Джолитины, doc. № 158 (a. 1214, Bologna) — продажа земель от Пьетро и Доменико Паттоле братьям и сестрам монастыря Св. Кaterины в Кварто, doc. № 159 (a. 1214, Bologna) — предоставление братьями и сестрами монастыря Св. Кaterины эмфитевзиса в пользу Убальдо Вольпи, doc. № 22 (a. 1217, Bologna) — Уголино, Райнерий и Гульельмино Джислери продают принадлежащий им ручей, на котором расположена мельница, doc. № 23 (a. 1218, Forlì) — жители Форли обещают соблюдать решения, вынесенные по спорам между ними и жителями Фаэнцы, doc. № 24 (a. 1218, Faenza) — жители Фаэнцы обещают соблюдать решения, вынесенные по спорам между ними и жителями Форливио, doc. № 26 (a. 1219, Bologna) —

Большинство таких вопросов рассматривалось при полном собрании городского совета.

- Еще одна интересная группа нотариальных актов картулярия — документы об аннулировании особого судебного приговора, именуемого *bannus*¹. Понимание сути таких актов поначалу далось непросто в связи с тем, что в доступной литературе полезной информации о них не удалось найти. Акты этого вида построены по одной схеме: *bannus* и полномочия того, на кого была возложена обязанность (*offitium*) его выносить (*bannitus*), аннулировались за некие допущенные нарушения закона (например, не была учтена какая-либо норма). Во дворце коммуны собиралась комиссия с нотарием для замены банна новым («пространным») постановлением (*sententia lata*). Оно составлялось учеными юристами (представителями университета), а аннулирование старого и его замену новым оформлял один и тот же нотариус. Показательно, что совет коммуны выступает в таких документах в роли апелляционной инстанции.

Таким образом, в источнике мы встречаем много примеров того, как профессора включались в городскую жизнь, выступая в договорах отнюдь не только в качестве пассивных свидетелей. Наиболее яркие и известные из них — Ацо, Джакомо Бальдуини, его ученик Одофред, Бонавентура да Савиньяно и др. — фигурируют в актах чаще, в различных ролях. Многие представители университета являлись членами особого городского совета — кретенцы. Так, в некоторых документах упоминаются «мудрецы» (*sapientes*) — это и есть члены кретенцы, и, как сообщает нам акт от 1220 г., названный совет состоял из 12 человек — доктора гражданского права Джизардино и еще одиннадцати мудрых². В том же 1220 г. в кретенцу входили

Адриано и Уголино Чессабо обещают хранить деньги крестоносцев, данные коммуной Болоньи, doc. № 35 (a. 1220, Pistoia) — посланцы Болоньи просят коммуну Пистойи возвратить конфискованное имущество людям из Самбуки, которые прикнули к болонцам, doc. № 36 (a. 1220, Bologna) — подеста назначил Доменико из Феррары синдиком Болоньи, doc. № 52 (a. 1233, Bologna) — компромисс между епископом и коммуной Болоньи, doc. № 53 (a. 1244, Bologna) — постановление о предоставлении иммунитета коммуне Оливето, doc. № 54 (a. 1245, Bologna) — о землях, имеющих несомненную привилегию в выплате взносов, и тех, у которых ее нет, doc. № 55 (a. 1248, Bologna) — соглашение между коммуной Болоньи и графом Алессандро да Маньоне, doc. № 57 (a. 1249) — договор между Болоньей и жителями Фриньяно.

¹ Doc. № 101 (a. 1250, Bologna), 103 (a. 1250), 104 (a. 1250, Bologna).

² Doc. № 38 (a. 1220, Bologna): “Congregato consilio credentie solito more ad sonum campane mandato potestatis, scilicet, domini Guillielmi de Pusterla, retulit dominus Guizardinus legum doctor iterum transmissus cum undecim sapientibus ad dominum episcopum, quod dominus episcopus sic eis respondit...”.

и другие представители университета, например известный доктор гражданского права Уго¹.

Мы видим, насколько прочно представители университета были включены в городскую жизнь. Болонский университет позволял, в первую очередь, экспертам в области права подниматься в своем социальном статусе. Город рекрутировал знатоков права на значимые для него посты — в частности, в местной администрации, с тем чтобы усилить свою автономию в борьбе с соседями. Это способствовало возвышению юридической практики как городской профессии. В рассматриваемый период город приглашает к себе знатоков на основе индивидуальных контрактов, аналогично тому, как *studium* Болоньи развился на частной основе — из школ права вокруг отдельных авторитетных преподавателей, таких как небезызвестный Ирнерий и его ученики. Документы картулярия позволяют судить, что университетские профессора были людьми довольно высокого социального статуса, востребованными городом, которые могли получать относительно высокие доходы посредством своей профессиональной деятельности. Феод Уго из Лукки составляла значительная сумма денег, многие профессора могли получать высокие заработки благодаря своей великолепной карьере.

Однако, будучи полезными для города, сотрудники университета не только получали привилегии, но и испытывали на себе определенное давление. Это, в первую очередь, выражалось в ограничении академической мобильности. Городу были нужны юристы, поэтому он стремился закрепить их на месте посредством договоров. Школы права в Болонье являлись центром притяжения для желающих изучать юриспруденцию со всей Европы. Позже они составят различные *nationes* университета, однако в конце XII — первой половине XIII в. этого еще не произошло. Тем не менее среди сотрудников университета, помимо людей, приехавших учиться в Болонью со всех концов Италии, мы встречаем, например, школяра из Шотландии Саймона, англичанина Хьюго², Готтифреда *teotonico* (германца)³, школяра Иакова из Польши⁴.

В рассматриваемый период коммуна Болоньи становилась все более могущественной и независимой. Признавая университет, возвышающаяся коммуна стремилась активнее вмешиваться в его дела, в частности — запретить школярам покидать город, а профессоров

¹ Doc. № 36 (a. 1220, Bologna).

² Doc. № 96 (a. 1235).

³ Doc. № 97 (a. 1235, Bologna).

⁴ Doc. № 106 (a. 1250, Bologna).

обязывала клясться, что их *studium* никогда не будет перенесен за пределы Болоньи¹. Предоставление членам университета возможности получить гражданство — и привилегия от города, и в то же время такая же попытка ограничить академическую мобильность. Знакомый нам Уго из Лукки, чтобы получить право стать гражданином города, был обязан приобрести в Болонье собственный дом под страхом выплаты большого штрафа².

После 1220 г. обещания не читать вне Болоньи в болонских картуляриях уже не встречаются. Это объясняется тем, что в этом году папа Гонорий III, обращаясь к гражданам Болоньи, осудил законы, ограничивавшие академические свободы, назвав их идущими вразрез с интересами города. Он приказал отменить их и объявил, что подеста свободен от клятвы, которую принес по этому поводу [1, Р. 86].

Процветание города и его потребность в ученых мужах — явления, находившиеся в конце XII — первой половине XIII в. в прямой зависимости. Так, медик Уго приглашался городом на службу, «поскольку из-за проживания достойных мужей города и местечки увеличиваются и возрастает их слава»³. Болонье нужны были такие люди, как Уго, и город был готов хорошо обеспечивать последних, чтобы они пребывали в его стенах как можно дольше и способствовали его процветанию.

* * *

Таким образом, в конце XII — первой половине XIII в. университетская корпорация как таковая в текстах документов практически не фигурирует, и университет предстает почти исключительно как *studium generale*. В организационном плане последний выстраивался вокруг отдельных преподавателей, их школ и их частной деятельности. Отчасти это можно объяснить характером источника, отчасти — тем, что университет Болоньи в своем развитом виде являлся студенческой корпорацией, в то время как в нотариальных актах чаще упоминаются профессора, в принципе, не составившие корпорации в Болонье. Можно сказать, что к середине XII в. университет Болоньи еще не стабилизировался окончательно как самодостаточный корпоративный институт.

¹ Doc. № 1 (a. 1189, Bologna), 6 (a. 1198, Bologna), 7 (a. 1198, Bologna), 8 (a. 1199, Bologna), 17 (a. 1213, Bologna), 18 (a. 1214, Bologna), 20 (a. 1216, Bologna), 21 (a. 1216, Bologna), 25 (a. 1218, Bologna), 34 (a. 1220, Bologna).

² Doc. № 18 (a. 1214, Bologna).

³ Doc. № 18 (a. 1214, Bologna): “Cum propter habitationem et moram proborum vivorum urbes et loca augmententur et honoris suscipiant incrementum, accessit dominus Ugo da Lucca, medicus, ante dominum Rodolfum Guidonis Bergognonis comitem, potestatem Bononie, et dominum Albertum Gerardi de Gisla, procuratorem comunis Bononie...”.

Вместе с тем Болонский университет в конце XII — первой половине XIII в. являлся неотъемлемой частью социального организма коммуны. Город постоянно был обеспокоен университетской проблематикой и с переменным успехом предпринимал попытки расширить контроль за ходом развития университета. Эта обеспокоенность была обусловлена ценностью университета и его профессоров в жизни города, из-за которой город готов был, с одной стороны, привлекать школяров и профессоров предоставлением должностей с хорошим заработком и некоторых привилегий, с другой стороны — удерживать их на месте посредством статутного законодательства.

Изучение финансовых вопросов на основе источника позволяет судить, что университетские профессора были людьми довольно высокого социального статуса, которые могли получать высокие доходы посредством своей деятельности. Студенты также могли занимать определенные посты, приносящие им заработок, например — на службе городской коммуны. Школяры были взрослыми людьми и в случае проступков судились городом по всей строгости.

* * *

Принятые сокращения

RG — Registro Grosso

RN — Registro Novo

PS — Processi e sentenze

MG — Monasterio di San Giovanni Battista di Bologna

Приложение

№ 1

RG I (a.1189, Bologna)

Лотарио обещает, что не будет основывать школу за пределами Болоньи.

В год 1189, в день декабрьских календ¹, VII индикцион. Консулы Болоньи, то есть синьор Джерардо Роландини, Джакобо Бернарди, Казанимикус, Бокадерунео, Рамбертус д'Альбаро и Джакобо Альберти да Урсо по воле и по согласию всего совета обещают господину Лотарию Кремонскому что ни они сами, ни какой-либо их преемник не потребуют от Лотария принести какую-либо клятву и не будут запрещать или препятствовать управлять школой в городе Болонье; и тогда означенный Лотарио поклялся в следующем² в соответствии

¹ Календы — первый день месяца в древнеримском календаре.

² Скорее всего, имеет место ошибка писца: вместо слова *incontinenti* («невоздержанный»), по смыслу подходит *continenti* («следующий»).

с написанным ниже: “Я, синьор Лотарио, клянусь, что с этого дня не буду держать школу обучения праву в каком-либо другом месте кроме Болоньи: я не вступлю в сговор во вред *studii* в этом городе, и если я буду знать кого-то, кто сам пожелает нанести вред, я донесу так быстро как смогу консулам или подеста, которые в это время будут находиться у власти, и добровольно буду способствовать неудаче этого замысла. Консулам и подеста, которые в это время будут на службе, я добровольно¹ предоставляю совет и содействие во всех делах, о которых они у меня попросят, и я буду все время относиться к ним с доверием.

Я, Гвидо, нотариий императора Фридриха², а ныне болонской коммуны написал это по приказу и по воле означенных консулов и всего совета.

Пресвитер Гриффо, Уголино да Вадо, Энриджетто Бонаджунто, Саул и Барунциан да Пиллано участвовали при чтении и выслушивании этого нового документа вместе со старым, и в этом деле они были приглашены в качестве свидетелей.

Я, Гильельмо, нотариий священного дворца, а ныне коммуны Болоньи, в соответствии с тем, что видел написанное рукой Гвидо, нотариия коммуны Болоньи, написал и скопировал, и ничего не добавил обманным³ образом, и ничего не утаил. В год Рождества Господня 1198-й, 12-й день до августовских календ⁴, первый индикцион.

№ 2

RG II (a.1195, Bologna)

Расход в пользу школяра Энрико и другого школяра, который погиб в сражении.

Во имя отца и сына и святого духа. Мы, контролеры счетов коммуны Болоньи, а именно Гвидото Ацо, Рамизино, Альберто Кальви, Джеремиа де Ульбергис, Тебальдино и Гвидо Тангиденарио, выбранные подеста Болоньи сеньором Гвидо де Викомериато, осуществив внимательное расследование, прежде всего, обнаружили между показаниями крестьян и расходами то, что не представляется нам совершенным должным образом, что перешедшие к Ламберто во время его аренды 31 имперский фунт, 8 имперских солидов и 4 денария не поступили в пользу коммуны Болоньи.

<...> Также то, что консулы приказали выдать массарию⁵, а именно Эндженьеро в Вероне 47 императорских солидов, а также на его расходы 7 императорских солидов школяру Энрико, который доставил апелляцию (обращение) синьору епископу — 33 солида и 4 императорских денария. Также в пользу Эндженьеро 25 императорских солидов и Рибальдо, который направился в Рим, 20 императорских солидов, и в пользу некоего умершего в сражении

¹ *Bona fides* — добросовестность (термин римского права).

² Фридрих I Барбаросса (1122–1190) — король Германии (1152–1190), император Священной Римской империи (1155–1190).

³ *Fraus* — обман, ложь.

⁴ 21 июля.

⁵ Арендатору.

школяра 20 императорских солидов, что мы все не одобряем, и отмечаем, что они не поступили в пользу коммуны.

№ 3

RG XVIII (a.1214, Bologna)

Медик Уго из Лукки обязуется жить и вести медицинскую практику в Болонье.

Во имя святой и неделимой троицы. В год 1214-й, в воскресенье, четырнадцатый день от начала октября, второй индикцион. Соглашение для сохранения памяти о происшедшем, чтобы упомянутое в нем было более прочно. Поскольку из-за проживания достойных мужей города и местечки увеличиваются и возрастает их слава, синьор Уго из Лукки, медик, предстал перед синьором Родольфо Гвидоно, графом Бергамо и подеста Болоньи, и синьором Альберто Джерардо из Джислы прокуратором коммуны Болоньи, ныне действующим здесь от его имени и от имени своего сотоварища синьора Градиано Джеременси, желая стать гражданином города Болоньи, и за гражданство, о чем написано ниже, от себя обещал коммуне Болоньи поступить следующим образом: «Синьор Уго из Лукки, медик, попросил у коммуны Болоньи, чтобы ему и его наследникам коммуна Болоньи пожаловала в виде феода 600 болонских либр. Он же за это следующим образом желает служить коммуне Болонье и 6 месяцев в год желает проживать вместе со своей семьей в городе Болонье, а сверх того еще в течение двух месяцев по решению того подеста, который будет в это время. Если же по какой-либо причине он будет находиться вне города в то время, когда должен быть в нем, тогда он должен будет прибыть за свой счет, если в том возникнет необходимость, и должен будет лечить и выхаживать всех полноправных жителей Болоньи¹ и их семьи и всех жителей контадо², раненых³ и имеющих переломы: под имеющими переломы понимаются истоптанные и потоптанные с потоптанной плотью, которые смогли добраться до города, за исключением имеющих более легкие переломы, он немедленно устремляется к больным, чтобы прибыть вовремя; и пусть он не требует, чтобы ему вносил плату кто-либо из вышеназванных лиц, кто связан с ним договором, за исключением жителей контадо, с которых можно взимать плату следующим образом: то есть ничего с бедных, с людей среднего достатка телегу дров, с богатых же либо 20 солидов, либо телегу сена, и пусть будет по желанию названных жителей контадо, хотят ли они дать сено либо 20 болонских солидов; а если пострадавший будет ранен тяжело или у него будет сломана или вывихнута кость, то есть увечья, позволяющие жителям кон-

¹ *Omnes bononienses jurantes sequimentum* — буквально: «всех болонцев, давших клятву».

² Преимущественно сельская территория, расположенная за пределами городских стен в окрестностях города и подконтрольная ему юридически и экономически.

³ Подразумеваются любые телесные повреждения.

тадо требовать по договору об этих болезнях о выхаживании. Применительно к другим означенным выше увечьям пусть поступают как горожане. Если же город будет вести войну, либо если горожане будут воевать между собой, что противно Богу, все время войны он желает жить в городе. Если же он будет находиться в это время вне города, или в те месяцы, когда ему можно жить вне города, и кто-либо из болонцев или жителей контадо будет ранен, или понесет увечья, или будет иметь сломанные или вывихнутые члены, он желает быть обязанным приходить, чтобы лечить их, тогда однако пусть получит за это не больше восьми болонских либр и не более того, денег на путевые расходы в оба конца, если болезнь брата или сестры, или племянника по линии брата, или деверя не воспрепятствует ему для прибытия. И в любом походе болонского войска желает находиться за свой счет и лечить и выхаживать всех, кто будет находится в войске, на службе коммуны Болоньи, то есть пока продолжается поход против внешнего врага. Если же у него не будет никакого наследника, кто, оказывая медицинскую помощь, сумел бы служить за феода коммуне, тогда пусть вернет коммуне упомянутые 200 либр. Владения же, купленные на оставшиеся 400 либр, пусть останутся в качестве феода его сыновьям или законным преемникам мужского пола, которые должны будут служить коммуне Болоньи, как другие вассалы служат своим синьорам; и он желает, чтобы все названные деньги были употреблены на покупку означенных владений в контадо или городе Болонье надлежащим образом, помимо вышеназванных шестисот либр, и должен купить или иметь собственный дом в городе Болонье с ближайшего нового года в течение одного года¹. Деньги же должен после отдать коммуне Болоньи к ближайшим июньским календам и приобрести владение следует до названного срока. И если приобретение владения невозможно должным образом к уже названному сроку, следует совершить от названных июньских календ в течение года. Если все же означенные деньги он может дать тем временем кому-либо из коммуны Болоньи, который будет держать это в интересах коммуны Болоньи, и для этого и сам магистр Уго использует деньги, достаточно долго, и в этот срок должен купить. Для этой покупки коммуна Болоньи имеет один документ, а магистр Уго другой». В чем обо всем указанном выше, как значится в указанном документе, названный магистр Уго поклялся и пообещал за себя и за своих наследников заботиться, соблюдать и не противодействовать, под страхом наказания уплатой означенной суммы в двойном размере, и гарантией своим имуществом, по требованию синьора Родольфо Гвидоно, графа Бергамо, подеста Болоньи, и синьора Альберто Джерарди да Джисла, прокуратора коммуны Болоньи, выступающего ныне от своего имени, и [от имени] синьора Грайдано Джеременсио, его отсутствующего товарища, принимающих эту клятву от имени коммуны Болоньи, даже выплатив указанный штраф, тем не менее от своего имени и от имени своих наследников он обязуется выполнять вышеизложенное. Провозглашенными в отношении

¹ Критерий гражданства.

случившегося привилегией подсудности¹ и защитой любых других законов можно воспользоваться применительно к этому делу и в настоящее время, и в будущем. И синьор граф Редольфо, подеста Болоньи, и названный Альберто Джерарди да Джисла, прокуратор коммуны, за себя и за своего товарища, от имени и от лица коммуны Болоньи, пообещали означенному магистру Уго по договору твердо соблюдать от своего имени и от имени коммуны Болоньи все, что в означенном документе содержится, под страхом выплаты упомянутой суммы в двойном размере, обещанное с согласия магистра Уго с подеста и означенным прокуратором, и даже в случае выплаты штрафа тем не менее все они обязуются соблюдать вышесказанное. Все это совершенно и утверждено волей совета, собравшегося во дворце коммуны по звуку колокола в тот же день.

Совершено во дворце коммуны Болоньи, в указанный индикцион, при синьоре Родольфо Гвидони графе бергамском, подеста Болоньи, и прокураторе, и названном магистре Уго, что они приказали записать.

Участвовали синьор Риконио, судья синьора Родольфо Гвидони графа Бергамо и подеста Болоньи, синьор Гримальдо, синьор Уголино Марсилией, синьор Райнальдо, синьор Одерико Галициани (все — судьи коммуны Болоньи), а также синьор Марсилиотто, синьор Николао Уголино Лаули, синьор Туцимано от синьора Остии, синьор Прендипарс Ландольфо, синьор Альберто Катанио, синьор Уголино Рубео, все рыцари справедливости² коммуны Болоньи, и Тедерико из Сарагосы и Паскаль и Карбо нотариусы коммуны Болоньи, и все вышеназванные были призваны как свидетели.

Я, Пьетро, нотариус властью императора Оттона³ и коммуны Болоньи, во всем написанном выше участвовал, и записал по приказу подеста и прокуратора, а также и означенного синьора магистра Уго.

№ 4

RG XXV (a.1218, Bologna)

Магистр Бене из Флоренции клянется в пользу Болонского университета (studium) не читать грамматику вне города.

Экземпляр документа, написанного нотариусом Джулиано Леонарди, что с синьором Канчеларио, начинающегося так: Клятва, совершенная флорентийцем Магистро Бене. В год 1218, шестой индикцион, в первый день начала октября. В присутствии и под наблюдением синьора Аберджито Пандемилло подеста Болоньи, в присутствии синьора Вальфредо, городского судьи, синьора Лаурентио Романи, синьора Видоно Тантидинари, синьора Джакобо Парви,

¹ *Privilegium fori* — неподсудность епископа обычному правосудию, а также особые предписания по процессам с духовными лицами более низкого ранга, на основе которых сложился принцип, что духовные лица подсудны исключительно церкви. Здесь данные привилегии распространяются на обязательства медика Уго.

² Рыцарь справедливости — должность, представитель правящей элиты городской республики.

³ Оттон IV Брауншвейгский (1175/1176–1218) — король Германии (1198–1218), император Священной Римской империи (1209–1215).

синьора Малатинье, синьора Альберти Гвидоно Грасси, синьора Уголино Примадичи и многих других от курии, как военных, так и судей и нотариев, таким образом клянусь я, магистр Бене, не предоставлять помощи каким-либо образом в том, чтобы университет Болоньи когда-либо был перенесен из города. И если я узнаю о ком-то, кто предоставляет помощь в том, чтобы Болонский университет был перенесен в другое место, добровольно этому воспрепятствую и запрещу, и если воспрепятствование или запрет не смогу привести к исполнению, сообщу подеста Болоньи, который сможет это сделать; и в каком-либо другом месте когда-либо факультетом грамматики управлять не буду, ни держать школ, за исключением однако случая, если буду выдвинут в сан клирика в городе Флоренции, чтобы я мог читать клирикам той же епархии, в которой пребываю и сам, будучи введен в сословие клириков.

Это было совершено в зале дворца коммуны Болоньи.

Я, Джулиано Леонарди, некогда императорский судья, а ныне нотариий коммуны Болоньи, при этой клятве присутствовал и, как выше записано, написал.

Я, Пьетро Пицоло Болоньоли, нотариий императора Оттона и коммуны Болоньи, как увидел написанное рукой нотариия Джулиано, так записал, ничего не добавив и не утаив.

Список источников и использованной литературы

1. A History of the University in Europe. Vol. I: Universities in the Middle Ages / ed. by Ridder-Symoens, Hilde De. Cambridge: Univ. press, 1992. — 507 p.
2. Chartularium studii bononiensis: documenti per la storia dell'Università di Bologna dalle origini fino al secolo XV pubblicati per opera dell'Istituto per la storia dell'Università di Bologna. Vol. 1 / Istituto per la storia dell'Università di Bologna; ed. by V. Puntoni [et al.]. Bologna: Presso la commissione per la storia dell'Università di Bologna, 1909. — 452 p.
3. *Colomer J. M.* City-republic / Josep M. Colomer // The Encyclopedia of Political Science [Electronic data] / ed. by George T. Kurian. Washington, DC: CQ Press, 2010. Access mode: http://works.bepress.com/josep_colomer/30/
4. Dizionario Biografico degli Italiani. Roma, 1969. Vol. 11.
5. Monumenta Germaniae Historica, inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum, edidit Societas Aperiendis Fontibus Rerum Germanicarum Medii Aevi. Legum Sectio II: Capitularia Regum Francorum. Tomus II, edd. A. Boretius / V. Krausse. Hannoverae, 1897.
6. *Niermeyer J. F.* Mediae Latinitatis Lexicon Minus / J. F. Niermeyer. Leiden: Brill Academic Publications, 1976. — 1138 p.
7. *Orlandelli G.* Il libro a Bologna dal 1300 al 1330, documenti con uno studio su il contratto di scrittura nella dottrina notarile Bolognese / G. Oradenalli. Bologna, 1959.
8. *Ornato E.* Apologia dell'apogeo: Divagazioni sulla storia del libro nel tardo medioevo / E. Oranto. Rome: Viella, 2000. — 147 p.
9. Statuti delle Università e dei Collegi dello Studio bolognese / Ed. C. Malagola. Bologna, 1888.

10. *Weijers O.* Terminologie des universités au XIII siècle / O. Weijers. Rome, 1987.

11. *Антонетти П.* Повседневная жизнь во Флоренции во времена Данте. М. : Молодая гвардия, 2004. — 288 с.

12. *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках / Л. А. Котельникова. М. : Наука, 1987. — 256 с.

13. *Лукьянова Л. М.* Наблюдения над языком картулярия тулузского консулата XII–XIII веков // Известия Саратовского университета. Новая серия, Сер.: Филология. Журналистика. 2008. Вып. 1.

14. *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. — 369 с.

15. *Мажуга В. И.* Латинская орфография документов средневековой Падуи. (К изданию актов Падуи конца XIII–XIV в.) // ВИД. Л.: Наука, 1987. Т. XIX. С. 261–285.

16. *Столяров А. А.* Мыслители средневековья: основные доктрины схоластической философии. Боэций — «учитель средневековья» / История философии. Запад—Россия—Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М., 1995. С. 356–358.

ТЕРЕНЦИЙ В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Начиная со второй половины XV в. и особенно со второй четверти XVI в. сочинения Теренция, Плавта, Аристофана, Менандра и других античных драматургов, получили необычайно широкое распространение. Во многом именно на драматургии и близкому ей жанру диалогов была построена гуманистическая система преподавания языков¹. В этом контексте особенно интересно отношение гуманистов и реформаторов к Теренцию — самому влиятельному римскому драматургу периода поздней Античности. С текстами драматурга широкая аудитория познакомилась после лионского издания 1493 г., за которым последовали переиздания, выполненные в Страсбурге при участии Себастьяна Бранта, в 1499 г. и 1503 г.

Перед немецкими гуманистами, отличавшихся, как известно, христианским ригоризмом, встал вопрос об отношении к творчеству римского комедиографа, как частая проблема восприятия античной культуры. Поскольку речь идет о периоде необычайного религиозного подъема, который в современной историографии принято обозначать как конфессиональную эпоху (1450–1648), то очевидно, что слепое перенимание достижений языческой цивилизации не представлялось возможным. Теренция, в частности, сложно назвать высоким автором. В его произведениях безусловно дидактика играла важную роль, это была комедия нравов, отражавшая и социальное и политическое устройство общества, однако его тексты полны непристойностей, а сюжеты, по крайней мере с точки зрения христианского ригориста, скабрёзны. Основной конфликт произведений Теренция строится вокруг брака и любовных отношений. Европейские интеллектуалы вновь, таким образом, столкнулись с проблемой восприятия античной культуры, перед которой стояла и ранняя христианская Церковь.

По большому счету, попытка перенять «хорошие» составляющие классической культуры и избежать ее негативных с точки зрения

¹ Функции драматургии в гуманистической педагогике мы кратко рассматривали в одной из наших статей [1].

христианкой теологии и этики проявлений — лейтмотив в трудах раннехристианских авторов. Примером может послужить «Апология» Юстина, но его мысли разделяли большинство раннехристианских апологетов, кроме Тертуллиана и Татианна. Необычайно сложным для церкви был вопрос о приемлемости театра, прочно ассоциировавшегося с языческим ритуалом, жестокими играми и, наконец, издевательствами над братьями по вере. То, что христианские мученики часто умирали в стенах амфитеатров — общеизвестный факт; менее известны римские сатирические представления, высмеивающие христиан, о которых сохранилось, однако, довольно много упоминаний. Церковь, в целом, заняла полемическую антилицедейскую позицию и критика театра, как места разврата или «синагоги», а актеров, как слуг дьявола и язычников¹.

Однако относительно античной драматургии и особенно Теренция звучали и положительные голоса. Тексты комедиографа положительно выделялись на фоне, как считалось, более вульгарной позднеримской паллиаты и, в частности, творчества Плавта. Слава Теренция, как мастера примера золотой латыни, описанная еще Цицероном (*Tusculan. disp.* III–IV; *Orator*, 157; *De orat.* II, 326–328), обеспечила в общем положительное или, по крайней мере, нейтральное отношение к нему христианских теологов. Именно по поводу Теренция Иероним высказал свои аргументы в пользу античной драмы, как средства изучения языков, и схожие характеристики можно найти у Василия Великого в «Обращении к юношеству» и у Августина в «О христианской доктрине» (*August. Doctr. Christ.* II, 18). Последний в целом достаточно подробно касался театра и драмы как отдельных видов искусства, развивая тезисы о их целях и задачах. В общем, как представляется, уже в период раннего Средневековья о Теренции закрепилось представление, которое сохранилось и в дальнейшем, как об авторе, писавшего хорошим языком о постыдных вещах (о «бесчестье дев и распутстве блудниц», говоря словами Исидора Севильского (*Isid. Etymol.* XVIII, 46)). Так, Теренций ценился интеллектуалами и знатоками словесности, и его произведения были включены в программу квадривиума, наряду с Саллюстием, Цицероном и Вергилием. Безусловно, он был широко известным автором: от средневекового периода дошла 741 рукопись, содержащие тексты его комедий, из которых порядка 120 относятся к IX–XIII вв., а большинство — к более позднему периоду. Однако, как уже говорилось,

¹ О культурном контексте восприятия театра в ранней христианской культуре см. небольшую, но емкую статью А. Д. Пантелеева [2]. Основные источники приведены в классическом труде Х. Альта [3].

средневековые схоласты читали Теренция достаточно специфическим образом — лишь отрывки, игнорирую как жанровое своеобразие текстов, так и собственно содержание произведений.

Тем не менее среди христианской образованной публики были и истинные ценители Теренция, которым хотелось, чтобы этого автора читали и другие. Еще в IV в. римский ритор и грамматик Элий Донат составил развернутый комментарий на произведения комедиографа [4, Р. 1]. Своей задачей он видел примирение римского дидактизма с христианской проповедью, и в своей интерпретации он, безусловно, расширял смыслы античной комедии нравов. Суть концепции Доната можно свести к попытке выделить в комедиях Теренция некое универсальное этическое наизидание. Античные авторы «прозревали» Божественную истину, и их тесты, следовательно, содержат много полезного для христиан, согласующегося с христианскими заповедями [5, S. 241–242]. Иными словами, Донат последовательно интерпретировал героев Теренция и их судьбы, как примеры положительных и негативных моделей общественного поведения. Первым, соответственно, христианин должен следовать, а вторых — избегать. Комментарий Доната не был полностью забыт на протяжении Средних веков. Вероятно, он был известен автору диалога «Теренций и насмешник», написанного в период Каролингского возрождения, как вступление к произведениям римского драматурга. Считается, что под влиянием Доната создала свою религиозную драматургию монахиня Гросвита Гандерсгеймская, писавшая в уже период Оттоновского Возрождения [6]. Эта поклонница Теренция, тем не менее, понимала неуместность постановок языческого автора, но стремилась подражать его языку и принципам организации текста, используя в качестве сюжетной основы библейские сюжеты. Однако, безусловно, эти примеры — очень ограничены и по хронологическому, и по региональному охвату, и они как бы «вырваны» как из общего контекста становления средневекового театра, так и из традиции восприятия Теренция.

Римского автора стали внимательно читать только в период Ренессанса. Первое печатное издание сочинений комедиографа, опубликованное в Страсбурге в 1470 г., положило начало потоку регулярных и многочисленных переизданий. С 1470 по 1600 г. было выпущено около пяти тысяч изданий комедий Теренция, это значит, что полное собрание сочинений перенесло по разным подсчетам от семисот до одной тысячи переизданий. Кроме того, как уже говорилось, в позднее Средневековье также возросло число рукописей с комедиями Теренция. Однако нельзя сказать, были бы эти цифры столь грандиозны, если бы почти одновременно с текстами Теренция не получили распространения комментарии

Доната [7, Р. 18–20]. Мы знаем, что даже Эразм Роттердамский достаточно критически смотрел на возможность чтения неадаптированного Теренция [8, Р. 85]. И подобные сомнения, как мы увидим, испытывали многие пиеисты настроенные современники гуманиста. Рукопись Доната была обнаружена Джованни Ариспой в библиотеках Майнца и получила известность в 1433 г. Начиная с этого времени, идея о возможности прочтения классических трудов с точки зрения христианской морали часто звучит в трудах гуманистов. Указания на Доната содержались уже у Энео Сильвио Пикколомини и Конрада Цельтиса. Пикколомини в своем трактате о свободном образовании 1450 г. писал о том, что комедии могут хорошо послужить для воспитания добродетели [9, Р. 105]. В «Искусстве стихосложения» (1486) Конрад Цельтис изложил свое понимание драматургии, которая призвана воспламенять к достойному и внушать страх порока [10, Р. 29]. Очевидно, что они следовали за идеями римского ритора. О широком распространении комментария говорят цифры: тридцать восемь из ста изданий Теренция за период с 1474 по 1495 г. сопровождалось комментарием раннехристианского ритора. Цитировался Донат и в известном страсбургском издании немецкого перевода Теренция 1499 г.

Важнейшим автором, популяризовавшим Теренция и развившим интерпретацию Доната, был Филипп Меланхтон. Гуманист и реформатор касался вопросов задачи драматургии и театра в различных и многочисленных текстах — в лекциях и комментариях на сочинения древних авторов, а также в трактатах о риторике и литературе. Он комментировал Софокла («Прочтение трагедий» 1549 г.), Плавта, Еврипида и Сенеку, Гомера и Гесиода, Тогниса и Пинандра, Вергилия и Овидия¹. Однако наиболее изложение своих представлений о драме и театре Меланхтон сделал в комментариях на произведения Теренция. Фактически не будет преувеличением сказать, что именно с работы с текстами Теренция началось личное творчество Меланхтона как ритора и теоретика литературы. Для Тюбингенского издания Теренцию Меланхтон подготовил разъяснительное предисловие (*Prologomena*), которое было переиздано в 1518 и 1519 гг. [16, Sp. 681–691]. Это предисловие Меланхтон подготовил для своих учеников в рамках частной школы в Виттенберге. Это было продолжение практик Иоганна Рейхлина: подростком

¹ Взгляды Меланхтона на драму, его комментарии к произведениям римских комедиографов и греческих трагиков, а также прологи к осуществленным им переводам подробно проанализированы в докторской диссертации Э. Штернхагена: 12, S. 141–218. О концепции Меланхтона см.: 13, 14. Анализ прологов в контексте педагогики Меланхтона см.: 15.

будущий реформатор участвовал в постановке «Хенно», написанной его дядей в подражание комедий Теренция и Плавта. Для издания 1528 г. в контексте школьной реформы Меланхтон написал также пересказы содержания текстов (*argumenta*), а тексты снабдил примечаниями (*scholia*), адаптируя их для использования в классах. Для издания текстов Теренция 1540 г. и переизданий 1543, 1548 и 1551 гг. Меланхтон также написал прологи к «Кладу», «Формиону», «Братьям» и «Евнуху». Текст к первым двум произведениям Меланхтон трижды перерабатывал. Известен также его пролог к «Самоистязателю», не дошедший в оригинальных изданиях¹. Для издания 1545 г. он также подготовил обширное предисловие «О чтении комедий и трагедий», которую можно рассматривать как сумму его представлений о театре и драме. В целом, комментарии на Теренция были достаточно общего характера.

Теренций — учитель жизни, его тексты являли собой кладезь примеров (*exemplae*) и характеров, которые ставят читателя и зрителя перед проблемой нравственного выбора между добром и злом. Эта мысль звучит фактически во всех предисловиях Меланхтона. В предисловии к «Евнуху» он утверждает, что комедия дает «замечательные указания для образа жизни», положительные и отрицательные примеры и пр. Польза от чтения комедии настолько высока, что не стоит обращать внимание на ее «неприличное» содержание [16, Sp. 711–714; 12, S. 127]. В предисловии к «Братьям» он подчеркивает, что драматург дал примеры поведения для юношей и стариков, и знакомство с текстом, безусловно, полезно для будущих деятелей государства [16, Sp. 745–747]². Идея о том, что цель театра и драматургии не чувственное удовольствие, но воспитание примером и научение жизни звучит и в других текстах Меланхтона (например, в речи о методах педагогики [17, Sp. 180]). Развивая взгляды Евлантия и Аристотеля (*Evanth. De fab. IV: 2; Arist. Poet. 6–22*), Меланхтон подчеркивает особое значение комедийных текстов, посвященных частной жизни граждан и особенно проблеме брака [16, Sp. 693, 697]. Таким образом, при анализе текстов Теренция Меланхтон считал наиболее значимым сам принцип «комедии нравов». Следуя за комедиографом, он подчеркивал дидактическую составляющую текстов. Очевидно, что примеры (*exemplae*), о которых говорил Меланхтон, были согласованы с христианской теологией и этикой (*loci communes theologi*). Комментарии реформатора призваны показать достаточно широкому читателю, *как* нужно читать античного автора, чтобы не нанести вреда душе.

¹ Все комментарии Меланхтона об отдельных комедиях объединены: 16, Sp. 695–788.

² Ср., например, с прологом к «Формиону» [16, Sp. 771].

Американский исследователь А. Дж. Паренте, специалист по немецкой гуманистической литературе, дает критическую оценку методу Меланхтона. По его мнению, гладкая в теории, она «трещит по швам», когда речь заходит об интерпретации отдельных текстов. Попытки «вчитать» в классические произведения христианскую мораль, по мнению американского исследователя, выглядят довольно искусственно, и часто просто искажают и сюжет, и смысл того или иного произведения [7, Р. 23–24]. В общем соглашаясь с замечанием А. Дж. Паренте, мы считаем необходимым рассматривать прочтение Меланхтоном Теренция в несколько более нейтральном ключе — как на вопрос восприятия. Меланхтон, безусловно, как и многие свои современники *читал* Теренция особенным образом. При этом, будучи талантливым ритором и педагогом, он полагал, что правильному восприятию можно научить, и с завидной последовательностью описывал свой метод. Очевидно, что предложенная им методология была исключительно востребована. До издания комментариев Меланхтона известно лишь три немецких издания Теренция, выполненных в Страсбурге (1499 г., 1503 г., 1514 г.). Издательская деятельность после 1516 г. становится значительно интенсивнее. С одними только комментариями Меланхтона за XVI в., иногда объединенными с текстами Доната, в XVI в. было осуществлено более пятидесяти изданий [16, Sp. 675–678]. Наконец, Меланхтон, как известно, включил Теренция в программу протестантских школ. Изучение Теренция предписывалось почти всеми образовательными программами, за исключением школьного устава Шлезвиг-Гольштейни 1542 г., где оговаривалась возможность замены произведений римского драматурга «Разговорами запросто» Эразма Роттердамского [18, S. 648–650]. Во многих случаях речь шла не только о чтении декламации текстов, но об осуществлении полноценных постановок, подобных тем, что организовывал сам Меланхтон в частной школе в Виттенберге [19, S. 14–38]. С 1530 г. организовывались и постановки на немецком языке. Теренций, прочитанный через призму христианской идеи, таким образом, был одним из главных читавшихся авторов и драматургов. В том числе характерно, что ряд современников, обращавшихся к жанру комедии, стремились снискать славу «христианского Теренция».

Список источников и использованной литературы

1. Лурье З. А. Театр как образовательный инструмент в гуманистической педагогике XV–XVI вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. Вып. 3/2. С. 53–58.

2. Пантелеев А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2. С. 75–89.

3. *Alt H.* Theater und Kirche in ihrem gegenseitigen Verhältniss / H. Alt. Berlin: Plahn Buchhandlung (L. Nitze), 1846. 715 s.
4. Terence between Late Antiquity and the Age of Printing / Ed. by A. J. Turner. Leiden: Brill, 2015. 311 p.
5. *Kindermann H.* Theatergeschichte Europas, 10 Bde. Salzburg: Otto Müller, 1959. Bd 2. 496 s.
6. *Hrotsvithae opera* / Hrsg. von H. Homeyer. München; Paderborn; Wien: Schöningh, 1970. 476 s.
7. *Parente A. J.* Religious Drama and the Humanist Tradition: Christian Theater in Germany and in the Netherlands 1500–1680. Leiden: Brill, 1997. 260 p.
8. *Norland H. B.* Drama in Early Tudor Britain, 1485–1558. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995. 424 p.
9. *Dietl C.* Neo-latin and Protestant drama in Germany // Neo-Latin Drama in Early Modern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 102–114.
10. *Konrad Celtis.* Ars versificandi [et] carminum Conradi Celtis Protucii poete laureati. Leipzig: Martin Landsberg, um 1494. 48 p.
11. *Metz D.* Das protestantische Drama: Evangelisches geistliches Theater in der Reformationszeit und im konfessionellen Zeitalter. Köln: Böhlau Verlag, 2013. 906 s.
12. Sternhagen E. Ethik und Drama bei Melanchthon: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster (Westfalen). 2006 // <http://d-nb.info/983438056/34>.
13. *Roling B.* Exemplarische Erkenntnis Erziehung durch Literatur im Werk Philipp Melanchthon // Das Theater des Mittelalters und der Frühen Neuzeit als Ort und Medium sozialer und symbolischer Kommunikation / Hrsg. von H. Meyer, C. Spanily. Münster: Rhema-Verlag, 2004. S. 348–350.
14. *Werzel R.* Melanchthons Verdienste um Terenz unter Berücksichtigung seiner Ausgaben des Dichters // Philipp Melanchthon in Südwestdeutschland. Bildungstationen eines Reformators / Hrsg. von S. Rhein, A. Schlechter, U. Wennemuth. Karlsruhe, 1997. S. 101–128.
15. *Seidel R.* Praeceptor comedorum: Philipp Melanchthons Schultheaterpädagogik im Spiegel seiner Prologgedichte zur Aufführung antiker Dramen // Werk und Rezeption Philipp Melanchthons in Universität und Schule bis ins 18. Jahrhundert / Hrsg. von G. Wartenberg. Leipzig: Broschert, 1999. S. 99–122.
16. *Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia* / Ed. C. G. Bretschneider; H. E. Bindseil; Reprint. New York: Johnson Reprint, 1963. T. 19. 788 sp.
17. *Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia* / Ed. C. G. Bretschneider; H. E. Bindseil; Reprint. New York: Johnson Reprint, 1963. New York: Johnson Reprint, 1963. T. 11. 1044 sp.
18. Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte / Hrsg. von H. Fricke, G. Baugart. Berlin: de Gruyter, 2000. Bd 2. 798 s.
19. *Dittrich P.* Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten. Leipzig: Böhme & Lehmann, 1915. 97 s.

**ФАБИАН ФОН ДОНА:
ФРАНЦУЗСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕМЕЦКОГО ДВОРЯНИНА**

Обращаясь к истории Западной Европы раннего Нового времени, нельзя пройти мимо Реформации и религиозного раскола. Социальные катаклизмы XVI века, выпавшие на долю населения европейской части земного шара, привели в действие важнейшие структуры сословного общества. Появление нового вероучения повлекло за собой необратимые последствия: на христианском западе не стало былого единства, католики и протестанты вступили в открытое противодействие друг с другом. Однако, несмотря на усиление столкновений между противоборствующими лагерями, повысилась динамика взаимоинтеграции культурных общностей и сословных корпораций. С эпохой Реформации историки традиционно связывали подрыв былых общественных устоев и образование мирозерцания нового типа. Но универсальность средневековых порядков в Западной Европе показала, что тесная коллаборация властных элит все еще возможна.

Французское королевство середины XVI века, вступившее в эпоху религиозных войн, было вынуждено поддерживать контакты с восточным соседом — Священной Римской империей. Близость интересов в смежных регионах и довольно положительное отношение к протестантской (в данном случае — лютеранской) элите Германии создавала между сторонами новую платформу для взаимодействия. Правящий дом Валуа был заинтересован в ослаблении имперского авторитета Габсбургов, который был подорван яростной борьбой императора Карла V со своими подданными, воспринявшими идеи доктора Лютера. Прежде всего, это касается ряда серьезных военных столкновений в рамках Шмалькальденских войн 1546–1547 гг. и 1551–1552 гг. Ключевой фигурой в переговорах с французской стороной стал курфюрст Мориц Саксонский, который заручился поддержкой короля Генриха II Валуа, подписав с ним договор в Шамборе 15 января 1552 года [1, S. 47–50]. Протестантская знать получила могущественного союзника

в лице французского короля, тем самым запустила механизм тесного сотрудничества между единомышленниками [2, S. 67–68].

Французские земли стали своеобразной «свободной зоной» не только для представителей правящих корпораций Империи, а так же для мелкой аристократии, талантливых военных и авантюристов, жаждущих поиска нового источника доходов. Главным образом, после поражения Шмалькальденского союза в 1547 году, попавшие под горячую руку опальные дворяне искали убежища в нейтральных землях Швейцарского союза. В свою очередь, французская корона предлагала выгодные условия пребывания для выдающихся на общем фоне личностей.

В этой связи стоит уделить внимание, пожалуй, одному из самых ярких полководцев союза протестантов, стороннику активной борьбы с императорской армией Себастьяну Шертлину фон Буртенбаху. Суровая реальность битвы против Императора и его сторонников была такова, что Шертлин вынужден был со своей семьей и имуществом переехать в Базель. Полководец был вне закона в империи, его имущество было конфисковано. Кроме того, ему была необходима защита в Швейцарии, так как в основном католические города требовали его высылки. Ожидание выхода из сложившейся ситуации было не долгим: к Шертлину прибыли посланцы от французского короля Генриха II Валуа, которые передали ему дары и поинтересовались, «сколько ему дать военных» [3, S. 64]. Сначала он выполнял обязанности в основном дипломатического характера. Подготовка к реваншу со стороны протестантов шла полным ходом: Себастьян Шертлин должен был попытаться привлечь как можно больше князей и городов к союзу с Францией. Тем не менее вербовка за рубежом была связана с большим количеством проблем. Военные навыки полководца вновь были востребованы, когда французская корона открыто вступила в боевые действия Второй Шмалькальденской войны 1551–1552 гг.

Во второй половине XVI века эпицентром борьбы за веру становится Франция. Священная Римская империя после почти 40 лет потрясений, возвращается в состояние внутреннего покоя благодаря заключенному в 1555 году Аугсбургскому религиозному миру. Лютеранская церковь была уравнена в правах с католической, что позволило ей участвовать во внутренних делах империи. Французская корона, напротив, с начала 60-х годов XVI века переживает появление первых очагов напряжения в религиозных вопросах. После подписания мира в Като-Кабрези в 1559 году, Империя придерживается заповедей Аугсбургского мира и дипломатической линии поддержки монархов из

дома Валуа. В 1571 году дочь императора Максимилиана II, Елизавета Австрийская пошла под венец с французским королем Карлом IX. Династический союз в какой-то степени был необходим Империи: прохладные отношения с мадридскими родственниками австрийских Габсбургов оставляли желать лучшего [4, С. 188].

Протестантская сословная элита Германии восприняла замирение Габсбургов с французским престолом очень болезненно. Вспыхнувшая в начале 60-х годов XVI века религиозная распря и последующие гонения на кальвинистов добавили тревоги в жизнь немецких дворян, принявших евангелическое вероучение. Однако в то же время на конфессиональной карте Империи происходят важные изменения: совершив обряд преломления хлеба по кальвинистскому образцу, курфюрст Пфальца Фридрих III Благочестивый в 1563 году вводит новый реформаторский культ в своих наследственных землях. Тогда же и создается Гейдельбергский катехизис, а в 1564 году принимается новое церковное уложение. Не случайно кальвинизм получил поддержку в домене пфальцских Виттельсбахов — потоки беглых гугенотов и нидерландских эмигрантов беспрепятственно оставались под крылом глубоко религиозного курфюрста. Невозможно отрицать влияние на конфессиональную расстановку сил извне. Во второй половине XVI века Пфальц становится своеобразным генеральным штабом немецкого дворянства, равнодушного к событиям в раздираемой внутренней борьбой Франции. Особенно после Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года, которая повергла в шок не только протестантскую элиту Германии, но и правящий дом австрийских Габсбургов [4, С. 188–190].

Однако главными предпосылками вмешательства немецких дворян в гугенотские войны были отнюдь не глубокие религиозные чувства. Империя находилась в состоянии относительного спокойствия — военная элита жаждала новых столкновений и притока новых инвестиций. Спрос на боеспособные формирования с каждым годом возрастал. Но открытому вмешательству во французские дела мешала боязнь протестантских князей крушения и без того хрупкого равновесия между евангелистами и католиками в Империи. Достигнутым согласием элита не могла не дорожить [5, С. 87–89]. Тем не менее нашлись курфюрсты и мелкие дворяне, которые могли предложить свою военную помощь братьям по вере и выставить войско за собственный счет. Следует подчеркнуть, что подобные военные акции носили серийный характер, так как за все время религиозных столкновений регименты (полки) немецких дворян участвовали в шести больших сражениях. Все же характерны для этих походов были бесчисленные столкновения, осады,

разбойничьи набеги и нападения. Снова и снова немецкая сословная элита в лице графов фон Нассау, Вольфганга фон Цвайбрюкена, пфальцграфа Иоганна Казимира и Христиана Ангальтского, вела новые подразделения кавалерии и ландскнехтов во Францию. Армия «спасителей гугенотов» несла колоссальные потери — кровавые битвы, мелкие стычки, засады, перебранки в лагере, голод и эпидемии делали свое дело. Вскоре Францию стали величать не иначе как «могилой немецкого дворянства» [6].

Особое внимание хотелось бы уделить крупнейшим военным акциям протестантской элиты Германии во Французских религиозных войнах — двум походам 1587 года и 1591 года, которые вошли в анналы истории. Начать следует с предыстории военных операций немецкого дворянства. В начале 80-х годов XVI века управление пфальцскими землями полностью переходит в руки младшего сына Фридриха III — регента Иоганна Казимира. Пфальцграф отметился еще в походе 1567–1568 гг. — экспедиция в помощь эльзасским гугенотам закончилась финансовыми разбирательствами и неудачными исходами сражений. К 1586 году Иоганн Казимир уже обладает авторитетом в подвластном регионе, субсидиями от королевы Елизаветы I Тюдор, а также руководит всеми передвижениями протестантов [4, С. 193]. Драматическая история Генриха Наваррского сподвигла коалицию немецких дворян к дипломатическому решению вопроса, однако французский король Генрих III не желал идти на уступки по отношению к гугенотам. Идея о военном вмешательстве появилась чуть позже, когда окончательно потерявший веру в мирное решение «гугенотского» вопроса Иоганн Казимир решил поддержать братьев по вере оружием. К началу 1587 года все необходимые средства были собраны (около 100 000 гульденов). Пфальцский регент, беспокоившийся за судьбу своих земель, нуждался в предводителе, который возглавил бы данное военное предприятие. Такой человек в окружении Иоганна Казимира нашелся — 37-летний дворянин Фабиан фон Дона. Его автобиография помогает пролить свет на определенный «стиль» жизни мелкого дворянства Германии и роль немецкой сословной элиты в военных экспедициях на помощь к гугенотам [7].

Фабиан фон Дона происходил из старого дворянского рода, который бросил свои корни в прусской земле в середине XV века. Он был рожден в 1550 году в городе Штум. После потери обоих родителей, его старший брат Агаций принял управление семьей [7, S. 1–3]. Еще три брата Фабиана искали славной военной карьеры за границей. Смерть настигла Генриха во время Ливонской войны 30 октября 1563 года под

Пярну, когда прусский вспомогательный корпус, которым командовал он, вступил в бой с неприятелем. Тело брата было предано земле в Риге спустя два дня. Брат Авраам скончался в октябре 1569 года после полученных увечий в ходе военных экспедиций в Пиренеях у Тараскона [7, S. 5]. В 1564 году еще один брат Фридрих утонул в проливе Зунд во время боевых действий. Будущий бургграф оставался под опекой своего старшего брата Агация. Фабиан был отправлен ко двору маркграфа Бранденбурга, позднее рано осиротевшего молодого человека отправили учиться в Страсбург. Быстро отбившись от опекуна, Дона познал все «прелести» свободной жизни — несоизмеримые финансовые растраты, «плохое окружение». Долги и постоянные мольбы о денежной помощи со стороны опекаемого, вынудили Агация сослать непутевого студента в Италию. Старший брат в тайне надеялся, что Фабиан возьмется за ум и начнет самостоятельную жизнь без финансовой помощи извне. На Аппенинском полуострове Дона встретил коллег по дворянской корпорации — все его дальнейшие передвижения сопровождалось частым распитием вина в обществе немецкой элиты. Однако именно в Италии Фабиан фон Дона воспринял идеи Цвингли и Кальвина. К тому времени молодой человек уже свободно говорил на итальянском, французском, латинском и польском языках. Деньги, оставленные братом, были успешно потрачены в веселых поездках по Италии с коллегами по сословию [8, S. 7–9].

Тревожные вести из Нидерландов и французских земель оказались очень кстати — Фабиан фон Дона и подобные представители мелкого дворянства нуждались в источниках доходов и хорошей военной репутации. В 1575 году Дона возвращается в родные пенаты, занимает у старшего брата сумму в размере 1000 талеров и устремляется во Франкфурт. Тесные контакты с местной знатью приводят молодого авантюриста ко двору пфальцграфа Иоганна Казимира. Во Франкфурте Дона начинает вербовку наемников — он отправляется в путь со «всеми деньгами, вниз по Рейну, внедряясь в ряды ландскнехтов» [7, S. 16–17]. Новый подданный пфальцграфа добился определенных успехов на поприще сбора войск: 6000 всадников и 10 фенляйнов ландскнехтов (4000 воинов) встали под знамена Пфальца. С одной стороны — с этого момента Дона был вхож в ближайшее окружение пфальцграфа, с другой же стороны — армия, собранная для похода, вовремя не получила довольствия и начала таять с каждым днем, утопая в разбоях и мародерстве. В то время Иоганн Казимир путешествовал по Англии и вел переговоры по субсидированию новой экспедиции [8, S. 13–14]. Фабиану необходимо было лучше понять организационные вопросы

похода и найти новых покровителей со стороны гугенотов и немецких дворян, посещая ландтаги и рейхстаги. На какое-то время Дона отошел от пфальцских дел и по просьбе старшего брата отправился в Прибалтику, воевать на стороне короля Речи Посполитой Стефана Батория. Во время продолжительной осады Пскова 1581 года, Дона впервые участвовал в боевых действиях. Там он познакомился с использованием артиллерии, основами фортификации, а также участвовал в штурме оборонительных позиций. Практический курс военного дела Фабиан познал в небольших разведывательных операциях в глубоком тылу. Бесценный опыт Дона получил в полевом лагере — будущий предводитель внимательно следил за взаимодействием разнородных национальных подразделений в полевом лагере. Наряду с польскими войсками, у стен Пскова находились венгерские части, казаки, а также многочисленные отряды немецких и шотландских наемников [8, S. 33–34]. Король Стефан Баторий платил нерегулярно — Фабиану приходилось постоянно отлучаться со своей свитой в Ригу, чтобы занять денег на продолжение кампании» [7, S. 34–35].

Вскоре молодому дипломату пришлось вернуться ко двору Иоганна Казимира. После участия в небольшом эпизоде Кёльнской войны, Дона был сосредоточен на сборе войск для осенней экспедиции 1587 года. Финансирование похода во Францию началось еще в 1585 году. Главным спонсором похода выступали английская корона и пфальцграф. Подразделения собирались очень неспешно: по договору о найме войска должны были прибыть в указанное место в мае. Однако только в июле месяце подошли к Страсбургу лишь 6000 конных воинов и 3000 ландскнехтов. Летом новые отряды стали значительно пополняться из близлежащих земель. В Эльзасе к армии присоединились подразделения швейцарцев, численностью в 16 000 человек. Важно заметить, кандидатуры командующего протестантской армией рассматривал не только Иоганн Казимир, но и сама Елизавета I. Безусловно, пфальцграф выдвинул на эту должность своего главного фаворита Фабиана фон Дону, хотя о своей заинтересованности в руководстве операции неоднократно заявляли Филипп Брауншвейгский и Отто Люнебургский. Но эти две личности не устраивали королеву Англии. В конечном итоге выбор пал на персону прусского дворянина [8, S. 79]. Был назначен фельдмаршал — Людвиг Румпф. Казалось, что военная операция полностью соответствует запросам Иоганна Казимира.

23 августа 1587 года военная машина протестантов начала свое движение. В Эльзасе к немецкому воинству присоединились отряды гугенотов. Для французской стороны Фабиан фон Дона выступал как

доверенное лицо пфальцграфа и представитель немецкого воинства. Отсутствие описания этих событий в автобиографии бургграфа лишает нас авторизованного взгляда главного участника на сам поход. Тем не менее утраченные фрагменты дополняют как французские, так и немецкие источники [5; 9, S. 33–41; 10].

В начале следования армии между немецкой стороной и французской возникали разногласия в целях экспедиции. Часто откладывались военные совещания на неопределенное время, французские коллеги часто склоняли немецкое руководство отойти от первоначального плана. Погодные условия негативно сказывались на продвижении войск, отсутствовало снабжение, подразделения не получали довольствия. Между Эльзасом и Лотарингией подразделения вступали в столкновения с мирным населением, разоряя все на своем пути [8, S. 86–87]. Войска протестантов таяли — отставшие части воинства союзников гугенотов уничтожались преследовавшими их отрядами герцога Гиза. Католики умело вели переговоры с недовольными швейцарцами, которые нуждались в выплатах за службу от предводителя похода. В решающие моменты швейцарская пехота просто поворачивала назад. Протестантская армия несла несоизмеримые потери — к середине осени начался отход войск вдоль Луары в Бургундию [8, S. 118]. Эпидемии и голод сильно истощили отряды евангелистов: больные и раненые были брошены по пути. Впоследствии с ними жестоко расправились обозленные местные жители и войска герцога Гиза. Взаимодействие пехоты и кавалерии во время похода практически не существовало. Войска не могли обстоятельно сделать привал для отдыха — на французской территории везде подстерегала опасность [8, S. 118].

В конечном итоге, в ноябре 1587 года Фабиан фон Дона с уцелевшими двумя тысячами воинов достиг Женевы — это был жалкий остаток когда-то мощной тридцатитысячной армии немецких протестантов [6]. В Швейцарии состоялся ряд военных советов с участием Фабиана, на котором ему пришлось защищать свои интересы. Фактически весь 1588 год Дона проведет в попытках искупить свою вину перед пфальцграфом. Какое-то время «опальный фаворит» не будет появляться при дворе своего господина — друзья рекомендовали не возвращаться туда, ибо завистники уже напустили много слухов о провалах Фабиана фон Доны [7, S. 62–63]. Как утверждал сам бургграф — «все, что мог сделать, то и сделал» [7, S. 62]. Автор так же поясняет, что на протяжении всего похода в его обязанности входила работа только с личным составом из немецких земель. Дона не отторгает всевозможные информационные источники по данной экспедиции. «Все

что писали про поход — это верно, но не я один виновен был», — эти строки в свое оправдание оставил Фабиан фон Дона [7, S. 62].

Военная катастрофа 1587 года все же не положила конец притоку немецких наемников и авантюристов во Францию. Через три года энтузиасты вновь попытались счастья на полях сражений — в августе 1591 года была подготовлена новая экспедиция в помощь гугенотам, под руководством Христана Ангальтского. Фабиан фон Дона в должности капитана принял участие в этой военной компании [7, S. 78–79]. Руководство принимало меры по борьбе с дезертирством и насилием. Подразделения заставляли приносить военную присягу командованию. Но и эти довольно жесткие меры не принесли положительных результатов: войска оставались без довольствия, подразделения промышляли грабежом и мародерством. За идущим воинством протестантской элиты тянулся шлейф из бродяг, проходимцев и бандитов. Как только войска ступили на французскую землю, с разложением дисциплины стало бороться просто бесполезно. Фабиан фон Дона на страницах своих мемуаров вспоминал, что постоянно приходилось отправлять на виселицу толпы нарушителей армейского порядка» [7, S. 82–83]. Зимой 1591 года немецкое войско подошло к Руану. Осада выдалась невероятно тяжелой: теплой одежды не хватало, в лагере осаждавших были проблемы со снабжением и оплатой довольствия. Подразделения протестантов оттянули на себя удар испанских сил под командованием Александра Пармского, но после долгих боев, в июле 1592 года, частям немецких борцов за веру пришлось отступить [7, S. 85–86]. Фабиан фон Дона охотно бы остался на службе короля Генриха IV как и многие его коллеги по военной акции, но усилия, предпринятые протестантами, были безуспешны. Вскоре покинул войско и Христиан Ангальтский в сопровождении бургграфа. Путь на немецкие земли пролегал через Цвайбрюккен и Казейрслаутерн. В конечном итоге, руководители похода прибыли к Гейдельбергу 30 июля 1592 года [8, S. 172–173]. Потери в живой силе были не такими значительными, как в походе 1587 года, однако денежные затраты были колоссальными — почти 3 млн. гульденов было потрачено на эту компанию [6].

Тем не менее участие в компании 1591 года для Доны стало своеобразным оправданием за провал 1587 года. Его успехи были отмечены на высоком уровне — вплоть до будущего короля Генриха IV Бурбона [8, S. 173]. Теперь он мог спокойно возвращаться на службу к своему господину, даже несмотря на тяжелые потери в лагере протестантов и на неопределенный итог похода.

К 90-м годам XVI века французские внутренние смуты отходят на второй план: в 1592 году умирает главный «идеолог» поддержки гугенотов извне пфальцграф Иоганн Казимир, ослабевает поток добровольцев, ратующих за продолжение борьбы во Франции. Успешный исход долголетнего кровавого противостояния в пользу предводителя французских протестантов Генриха Наваррского был очевиден [4, С. 195–196].

Взгляд Фабиана фон Доны на религиозный конфликт во Франции видится нам абсолютно типичным для эпохи. Он, прежде всего, иллюстрировал те запросы, которые предъявляла военная элита Священной Римской империи всю вторую половину XVI века. Что приобрело немецкое дворянство во Французских религиозных войнах? Бесспорно, новые контакты с сословной элитой соседней страны. Последние тенденции в мире европейской моды — французский культурный импульс существенно повлиял на близлежащие имперские территории, особенно на Пфальц. Знать увидела в военных столкновениях новый источник заработка и новую строчку в своем послужном списке. Одно из главных социальных потрясений Европы второй половины XVI века так же показало универсальность моделей отношений сословной элиты. Конфессиональные различия и сходства определенно сыграли свою роль в этом непростом противостоянии, однако наиболее показательным моментом в «немецкой стороне» конфликта была незыблемость средневековых социальных институтов.

Список источников и использованной литературы

1. *Babel R.* Deutschland und Frankreich im Zeichen der habsburgischen Universalmonarchie 1500–1648. Darmstadt, 2005. 256 s.
2. *Kohler A.* Das Reich im Kampf um die Hegemonie in Europa 1521–1648. München, 1990. 144 s.
3. Leben und Thaten des weiland wohledlen und gestrengen Herrn Sebastian Schertlin von Burtenbach durch ihn selbst beschrieben. Nach der eigenen Handschrift des Ritters urkundlichtreu herausgegeben von Ottmar F. H. Schönhuth, Münster, 1858. 178 s.
4. *Прокотьев А. Ю.* Немецкое дворянство и французские религиозные войны // Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники. Новые исследования. Новая периодизация. СПб; М., 2015. С. 185–206.
5. *Bezold F. von.* Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit verwandten Schriftstücken; Bd. 3. München, 1903. 870 s.
6. Интернет-ресурс: Westenfelder, Frank: «Die Hugenottenkriege. Das Grab des deutschen Adels» <http://www.kriegsreisende.de/neuzeit/hugenotten>

7. *Krollmann Ch.* Selbstbiographie des Burggrafen Fabian zu Dohna. Dunkerund Humblot, Berlin, 1905. 204 s.

8. *Schmidt H. G.* Fabian von Dohna. Niemeyer: Halle, 1897. 225 s.

9. Aubais. Pièces typiques pour servir à l'histoire de France. Chaubert, 1765. 384 s.

10. Memoires touchant la maison de Dona. Handschrift aus der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Bruchstück aus ein grösseren Arbeit.

ОБРЕТЕНИЕ «НОВОГО ДОМА»: ДВОРЯНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Тридцатилетняя война стала настоящим испытанием для европейского общества, затронув все его сферы. Начавшаяся с чешского национально-освободительного движения в 1618 году и закончившаяся подписанием Вестфальского мирного договора в 1648 году, перекроившем границы европейских государств, война показала трансформацию прежних устоев и традиций, смену эпох. Немыслимый по размаху конфликт вызвал мощные потоки эмигрантов, появление новых государственных субъектов и, наконец, торжество политических интересов над религиозными.

Здесь следует сразу определить два миграционных потока: миграция масс и дворянская эмиграция. В данной статье пойдет речь о последнем феномене.

Эмиграция немецких дворянских семей из Священной Римской империи в более конфессионально-приближенные земли представляет собой удивительную структуру. Наблюдается формирование поведенческой модели и этнокультурной и социальной адаптации на фоне боев, продолжавших греметь на полях Тридцатилетней войны. От исхода того или иного сражения зависели все дальнейшие действия семейств высшего дворянства. Задача данной статьи состоит в том, чтобы проследить, как именно действовали эмигранты в тех или иных условиях и чем был вызван вектор обретения нового дома.

Рассматриваются три семейства. Пфальцские Виттельсбахи, как некий обособленный элемент, и в противовес им герцог Эбергард Вюртембергский и маркграфа Георг Фридрих Баден-Дурлахский. Поведение Виттельсбахов отлично по сравнению с другими эмигрантами. Они не возвращались на родину вплоть до 1648 года, а большая часть детей, в итоге, оказалась раскинута по разным уголкам Европы. Частично причины этого различия кроются как раз в том, как боролись семьи эмигрантов за реституцию своих земель.

Источниками для данной статьи послужили различные мемуары, но в первую очередь, конечно же, письма членов семей друг другу.

Пфальцкие Виттельсбахи.

В мае 1618 года в Праге вспыхнуло восстание сословий, которое положило начало Тридцатилетней войне. Старый император Матфей стоял одной ногой в могиле. В Богемии отнюдь не желали и далее оставаться под властью Габсбургов. На границе с Австрией назревала война. В то время как на австрийской границе разгоралась война, курфюрст Пфальца Фридрих V созвал в Ротенбурге собрание Протестантской унии. Князья, входившие в союз, выступили с осуждением их действий. Они не захотели ни платить Мансфельду, ни вступать в какие-либо отношения с повстанцами.

Они категорически отказались поддержать предложение Фридриха о формировании единой армии и выразили свое мнение в меморандуме, призвав императора и его подданных к компромиссу. Христиан Ангальтский, под чьим влиянием, находился Фридрих, желал создать в Чехии партию курфюрста и выставить его в качестве претендента на чешскую корону. Сам Фридрих, конечно же, хотел мира Богемии, о чем он писал королю Англии Якову I и герцогу Баварскому. Все это время Максимилиан Баварский и Иоганн Георг Саксонский старались разрешить чешскую проблему до кончины императора Матфея. Если избрание его преемника произошло бы в ходе восстания, то сторонники курфюрста Пфальцкого могли захватить голос Богемии. Именно этот сценарий и разыгрался. 31 июля 1619 года Лаузиц, Силезия и Моравия подписали с Богемией соглашение о создании конфедерации, имея целью сохранить национальное единство и протестантскую веру. В ходе сложных переговоров новым императором стал Фердинанд II Габсбург, бывший до этого королем Чехии. За два дня до этого, в августе 1619 года, королем Чехии был избран Фридрих Пфальцкий.

Примечателен тот факт, что Фридрих сначала отказывался от короны и отдавал свой голос в пользу Фердинанда, и окончательно его смогла убедить жена. Елизавета, дочь английского короля, заявила, что «лучше будет есть сухой хлеб со стола короля, чем праздновать за столом курфюрста» [1, Р. 5]. Сам Фридрих считал, что предав Богемии, он совершит моральный проступок. Коронация состоялась в 1619 году в Праге.

Однако несчастья преследовали Фридриха. Князья унии, хоть и признали его суверенитет, посильной помощи не оказывали, а финансовые возможности Чехии не были велики. Позиция Фридриха в Германии была шаткая, но еще меньше его поддерживали в Европе. Самым стойким союзником оставались Соединённые провинции, однако нидерландцы не были готовы в одиночку защищать Рейн без поддержки

Пфальца, в случае проникновения в этот регион испанцев. Вывод войска унии из Пфальца открыл курфюршество для любого вторжения.

В сложившейся международной ситуации положение Фридриха ухудшали и внутривойсковые проблемы. Не хватало средств для содержания армии, свирепствовали тиф и голод, которые побуждали солдат на грабежи.

8 ноября 1620 года войска католической линии разбили протестантские войска, которыми командовал Христиан Ангальтский, в сражении у Белой горы.

У Елизаветы были и друзья — герцог Христиан Брауншвейгский и епископ Хальберштадта, вступившие в войну и пытавшиеся отвоевать земли на Рейне, но проигравшие генералу Тилли. В августе 1623 года вслед за Чехией и Пфальц был оккупирован армиями Спинолы и Католической лиги. Владения Фридриха, к тому году уже бежавшему в Голландию, были переданы Максимилиану Баварскому. Имперским эдиктом в 1623 году Фридрих был лишен владений и титула.

После побега самого Фридриха в Бранденбург столицу Богемии занял Максимилиан Баварский. Тринадцатого ноября Фридрих был низложен в качестве чешского короля. Однако худшие последствия были впереди.

Курфюрст Бранденбурга был женат на сестре Елизаветы — Екатерине. Будучи лютеранином, он не желал ссориться с императором, поэтому принял Елизавету и ее семью холодно, одолжил ей промерзлый замок. В нем в 1621 году Елизавета родила пятого ребенка — Морица. Малыш был назван в честь Морица Оранского, и мать желала ему уже тогда военной карьеры.

О возвращении в Пфальц не было и речи, поэтому семья уехала в Голландию, где их принял у себя упомянутый Мориц Оранский. В Мюнстере их встречал младший брат Морица Фредерик-Генрих, который сопроводил беженцев в Гаагу. Семью ожидала добрая встреча. Фредерик-Генрих отдал свой замок им в распоряжении. Были получены также некоторые гранты из Англии и Шотландии.

По воспоминаниям Фредерика-Генриха Оранского: «В разгар всего этого король и королева Богемии, которые после их избрания были свергнуты и лишены их статуса и государства из-за поражения битвы под Прагой, прибыли в Гаагу, испытав долгое путешествие, полное трудностей и бедствий. Они достигли Штатов, а так же принца Оранского с честью и любезностями из-за их высокого положения» [2, Р. 87].

По воспоминаниям Фредерика-Генриха: «В мае 1624 года не было никакой военной опасности, и Мориц провел восемь дней в Бреде в кам-

пании Елизаветы, английский и венецианских купцов и внушительного общества дам и кавалеров. Они охотились, ходили на всякого рода экскурсии и, в конце концов, вернулись в Гаагу» [2, Р. 88].

Конечно, были у семьи и долги перед правящим домом, часть из которых взял на себя брат Елизаветы — Карл Стюарт. Старшие дети были отправлены на учебу в Лейден, а у Виттельсбахов благодаря щедрости штатгальтера был там дом недалеко от университета. Этот дом стоял на углу Рапенбурга и Лангенбурга.

Однако ранние годы детей прошли в тревоге и бедности. Только Рупрехт и Фридрих-Генрих оставались в Гааге с родителями, а Елизавета и Карл Людвиг были на попечении у бабушки Луизы Юлианы. Когда в Гейдельберге стало небезопасно, их перевезли в Берлин, где в это время жил маленький Мориц с тетей.

Все дети — и мальчики, и девочки, были тщательно обучены теологии, согласно учению Кальвина. Как вспоминала София: «Знали Гейдельбергский катехизис весь наизусть, при этом, не понимая ни слова» [1, Р. 11].

Для мальчиков был составлен специальный учебный план: четыре часа отводилось им на отдых и физические упражнения, утром и вечером они посещали молитвы, читавшиеся на английском языке, после утренних — чтение Библии и учебные занятия. Они знали историю Реформации и религиозных споров. Ходили в церковь по праздникам и воскресеньям. Кроме того, изучали историю, математику, юриспруденцию, говорили с легкостью на пяти-шести языках.

Дети понимали, как важно их обучение. К примеру, Рупрехт рано проявил независимость своего характера, изучение языков он считал для себя полезным. К тринадцати годам он мог быть понят практически во всей Европе. Помимо этого, у него была страсть ко всему военному — фехтование, верховая езда, изучение фортификации и геометрии.

В 1630 году судьба, наконец, улыбнулась Фридриху и его семье. Густав Адольф, шведский король, объявил войну императору Фердинанду II. Фридрих прибыл в ставку Густава Адольфа во Франкфурте в феврале 1631 года. Он узнал о намерениях шведского «льва» вернуть Пфальц в качестве вассала короны. Положение Фридриха было настолько безвыходным, что даже его природная гордость, в конце концов, сломилась. Бывший курфюрст участвовал в 1631 году в битве под Лейпцигом на стороне Густава Адольфа, а после того, как последний взял Нижний Пфальц, Фридрих заплатил королю 5000 фунтов.

Но прежде чем вернуться в армию, он нанёс визит в университет Лейдена, где учились Карл Людвиг и Рупрехт. Это был его последний

визит, в ноябре 1632 года Фридрих умер в Майнце на тридцать шестом году жизни. Непосредственной причиной был лихорадка, которой он переболел в ходе летней кампании. Но не стоит не учитывать того факта, что также его психологическое здоровье было сильно подорвано, особенно с тех самых пор, как трагически погиб старший сын. Со смертью Густава Адольфа в том же году и блекли надежды на возвращение Пфальца.

Смерть отца глубоко тронула мальчиков, так как Фридрих был любим своими детьми. Положение Елизаветы отнюдь не было завидным: она потеряла мужа, первенца и еще двух детей, умерших в младенчестве — Людвига и Шарлотту. Сейчас она же осталась с десятью детьми и огромным количеством долгов.

Увидеть картину войны непосредственно Рупрехту представилась возможность уже в тринадцатилетнем возрасте. В это время Фридрих-Генрих Оранский сменил Морица на посту штатгальтера и главнокомандующего, освободительная война от испанцев еще продолжалась. И Рупрехта и его старшего брата пригласили участвовать в очередной кампании. Принц был полон стремлений почувствовать порох.

Военную карьеру для Рупрехта выбрала его мать и всегда поощряла в этом сына, что все же не мешало им иметь многочисленные разногласия по другим поводам [3, Р. 100]. Елизаветы повторяла, что Рупрехт не может не быть солдатом в эти тревожные времена [4, Р. 28], зная, что это лучший вариант. Она надеялась, что Рупрехт добьется чего-нибудь в жизни и поможет семье в возвращении наследственных земель.

В 1623 году в возрасте двенадцати лет матерью Рупрехт был отправлен под Райнберг в подчинении Фредерику-Генриху. Для Рупрехта все же это была игра, имитация, чтобы удовлетворить свою страсть к войне, но так же ему было разрешено разделить суровые реалии осады [5, Р. 49]. Отметим, что осада по сравнению с предыдущими потребовала большей работы и дольше время в силу упорного сопротивления. Осаду Райнберга, как и другие военные кампании в Нидерландах в эти годы мы так же имеем право рассматривать как одну из составных частей одного целого — Тридцатилетней войны.

Однако если первые успехи сына и впечатлили мать, то другие аспекты военной жизни ей явно не пришлись по вкусу. Она наслышалась истории о лагерном быте: о пьяных дебошах, ругани, азартных играх и разврате, и испугалась за моральные качества сына. Елизавета была готова к тому, что ее сын рискует жизнью, но не была готова к риску его души. И она приказала ему вернуться, хотя планировалось, что Рупрехт будет и у Форпе [6, S. 21].

Рупрехт занялся оттачиванием своих военных навыков. В 1635 году Рупрехт, наконец, отправился на свою первую настоящую кампанию в качества волонтера в охранном сопровождении принца Оранского [6, S. 26]. Особенно Рупрехт старался отличиться в ходе переправы через реку Флориваль [5, P. 27]. Помимо этого принц принял участие в осаде Лёвина и Тинина, и был ранен [1, P. 21].

Находясь в гвардии, но принимая участие в осаде города, можно выделиться только лишь за счет своей активности и героизма. Рупрехт был из числа таких людей. Он вернулся из второй кампании, овеянный славой.

К этому моменту Карл Людвиг достиг восемнадцатилетнего возраста. По этому поводу он был вызван в Англию Карлом I, который надеялся на восстановление Пфальца. Прибыл в Англию наследник отца в октябре 1635 года и был очень любезно принят королем. Карл Людвиг стремился найти союзников, вел в 1636 году переговоры с королем Польши о женитьбе последнего на своей старшей сестре Елизавете, однако та отказывалась переходить в католичество [1, P. 23]. Все его переговоры насчет денег, армии и флота, в том числе и с Венгрией, были бесплодны. Карл Людвиг жаловался матери, что ему советовали лишь «набраться терпения». В остальном у него не было причин для беспокойства, он произвел прекрасное впечатление при дворе короля Карла. Таким образом, Елизавета решила отправить второго сына к брату, не надеясь, что Рупрехт будет иметь такой же успех. К счастью или нет, но она ошиблась. Рупрехт затмил своего брата. Здесь в отличие от Гааги молодой принц раскрывал силу своего характера и находчивость.

Елизавета осталась не довольна долгим пребыванием Рупрехта в Англии. В феврале 1637 года король послал молодого Джорджа Горинга, который служил в армии штатгальтера, поговорить с ней. Сестра короля высказалась, что Рупрехт только теряет время в Англии [7, S.12]. В итоге пришлось обратиться к Фредерику-Генриху Оранскому, у которого находились сухопутные войска во Франции. Новые кампании и участие в них Рупрехта более чем устраивали Елизавету. Планы на возвращение Пфальца вернулись. Многие английские дворяне предлагали свои мечи, а английский король обещал деньги и даже корабли.

Он лично и лорд Крайвен вложили в фонд Пфальца по десять тысяч фунтов каждый. Елизавета хотела, чтобы в предстоящей кампании участвовал Рупрехт. Помимо этого к принцу Оранскому она отправила молодого Морица, хотя позже Рой отговаривал ее от последнего.

В том же 1637 году Фредерик-Генрих Оранский осаждал город Бреду. В армии Рупрехт встретил англичан, с которыми был уже знаком — Этли, Горинг, лорды Нортгемптон и Грандисон — и тех, с кем еще было суждено воевать в годы гражданской войны, как в качестве друзей, так и в качестве врагов [1, Р. 34].

В течение всей осады, которая длилась четыре дня, братья показали себя энергичными и активными военными. Принц использовал каждую возможность отличиться и упивался ощущением опасности, нарушая все правила и никогда не оставаясь спокойным. Однажды Рупрехт прогуливался по лагерю поздно ночью и слышал странные звуки со стороны городских стен, как оказалось, это были испанцы. Он тот час разбудил Морица, и они вместе предупредили лагерь о вражеском нападении.

В другой раз он участвовал в настолько опасной вылазке вместе с английскими офицерами, что штатгальтер, и ради Елизаветы в том числе, ему запретил подобную авантюру, однако это не остановило Рупрехта. В ходе отчаянной борьбы многие погибли, и нидерландские солдаты поспешили раздеть трупы на холме, пока офицеры отправились на отдых. Вдруг Рупрехт поднялся на холм, где лежали уже голые трупы, и закричал солдатам: «Господа! Где тут четверть?», — видимо, рассчитывая на какую-то свою долю. Это вызвало бурный смех, солдаты забрали молодого принца с собой в лагерь, а за тем закрепилось еще одно прозвище — Фальстаф — имя одно из героя шекспировский комедий.

После падения Бреды, Мориц был отправлен в Парижскую школу вместе с младшими братьями, несмотря на все его желание остаться в армии. Но Елизавета была против, так как хотела обезопасить сыновей по причине таковой, что Карл Людвиг и Рупрехт намеревались предпринять рискованный путь — вернуть Пфальц.

Несмотря на мир, заключенный в Праге в 1635 году, война в Германии продолжалась, и шведы не собирались эвакуировать уже занятые области. Военные действия переместились на северо-запад. Карл Людвиг надеялся при помощи английских денег и добровольцев, он смог собрать войска из Гамбурга и Вестфалии, расквартировал своих людей в Везеле. Молодой курфюрст отправился из Гааги в Вестфалию к шведским генералам Банеру и Рингу, осуществлявших общее командование шведско-немецкими силами, с целью организовать общий союз князей, пока Рупрехт в Голландии стремился набрать войска [6, S. 31].

К октябрю 1638 года они были готовы к военным действиям. Лорд Кравейн командовал гвардией, а Рупрехт кавалерий. И все же шансы

были невелики. Общее количество небольшой армии не превышало четырех тысяч человек, среди которых тысяча восемьсот человек шведов. В конце концов, им предстояло противостоять против опытных ветеранов в войсках императора. Не было до сих пор оговорено о сотрудничестве со стороны протестантских князей и шведов.

Направляясь к нижнему Пфальцу, армия выступила на восток через епископство Мюнстер. По дороге Рупрехт с присущей ему воинственностью напал на один из имперских гарнизонов, где какой-то солдат стрелял в него с расстояния десяти ярдов, но Рупрехту повезло — пистолет дал осечку. Они дошли до Везера и собирались осадить Лемго, только в скором времени им пришлось снять осаду, потому что поступило известие о приближении имперского генерала Гатцфельда. Ждать его натиск было безумием, поэтому они отступили. Существовало два пути: Флото на западе и Ринтельн на востоке. Следуя советам генерала Кинга, они пошли к Флото, но столкнулись, таким образом, с восьмью полками имперских кирасиров и полком ирландских драгун, в сумме значительно превышающие их количеством (приблизительно тысяча и восемьсот человек). Карл Людвиг и с генералом Кингом укрепились на вершине соседнего холма. Только генерал Кенигсмарк, командовавший наемными шведами, не любил такую позицию, и Рупрехт предложил ему самому выбрать место. Тот выбрал закрытый участок земли внизу [6, S. 34].

Армия императора сначала напала на Карла Людвиг и Ференца, еще одного офицера, и разбила их. Третью атаку, которая пришлась на долю Рупрехта, тот выдержал. Во второй раз к нему присоединился лорд Кравейн с подкреплением, состоявшим из полка полковника Липпе. Вместе им удалось удержаться, хотя и с потерями. В последний раз армии пришлось отступить, Карл Людвиг и генерал Кинг чуть не утонули в Везере.

Рупрехт ввязался в самую гущу событий. По странному течению обстоятельств, он носил тогда белую шляпу, что считалась признаком австрийца, поэтому его не сразу заметили. Однако же, когда он помчался на помощь брату, то его обступили австрийцы, а уставший конь отказывался слушаться седока. Ференц, Кравейн и Липпе не смогли ему помочь вырваться.

К несчастью Рупрехта, его узнали. Для начала пфальцграф хотел откупиться, но его перевезли все же под охраной в Варендорф вместе с Кравейном и Ференцом, которые тоже были захвачены и ранены.

В январе 1639 года страхи Елизаветы насчет Вены оправдались. Стало известно, что с Рупрехтом обращались обходительно, а в фев-

рале рассматривалась встреча императора и принца, которая все же не состоялась. Его перевезли не в Вену, а в Линц на Дунае под присмотр графа Кюффштейна.

Естественно постоянно создавались условия для его освобождения. Король Карл обращался и к испанцам, и к Франции, когда был захвачен польский король Казимир. Карл хотел его обменять на племянника, но ему был дан ответ, что принц не будет освобожден, пока есть опасность для империи. Так Рупрехт приобрел угрожающую и воинственную репутацию.

Новый император Фердинанд III предлагал Рупрехту перейти на католическую сторону целых три раза. И три раза Рупрехт отказывался от этого предложения. Он не мог пойти против своей семьи и чести.

После таких неповиновений терпение императора исчерпалось, а баварский курфюрст предложил лишить Рупрехта некоторых прав. Принца «посадили под охрану днем и ночью из двенадцати мушкетеров, всякие любезности были прекращены» [1, Р. 45].

Еще одной причиной для этого послужила близость расположения шведской армии. В январе 1640 года к ним присоединился Мориц и император опасался, что Рупрехт будет вести с ним переписку.

Против шведов император послал своего брата — эрцгерцога Леопольда. Тот к удаче Рупрехта проезжал через Линц и посетил принца. Между ними сложились быстро дружеские отношения на основе общих интересов и в силу небольшой разницы в возрасте. Леопольд был очарован принцем, и дружба между Ангелом-Леопольдом и Дьяволом-Рупрехтом продолжалась до конца их жизни.

К 1641 году император уже сам начал колебаться, ему импонировал молодой принц, который осмелился бросить ему вызов. Его сдерживали только герцоги Баварские, настроенные на то, чтобы удерживать Рупрехта в плену как можно дольше. Сама герцогиня чуть ли не на коленях умоляла императора не выпускать отпрыска враждебной ветви Виттельсбахов. Здесь нет ничего удивительного, так как герцоги баварские не хотели увеличивать шансы на возвращение Пфальца исконным владельцам [5, Р. 101].

Все же принц был освобожден, когда он пообещал не поднимать меч против империи.

Что касается дальнейшей судьбы Рупрехта Пфальцкого — он стал героем английской гражданской войны. После ее окончания на континенте Рупрехт также продолжает реализовываться на военном поприще. В 1647 году она сражается на севере Франции со своими давними противниками испанцами.

В земли империи Виттельсбахи вернулись лишь в 1648 году. Тридцатилетняя война не стала губительной лишь для одной Германии, хотя, безусловно, именно ее земли пострадали в большей степени.

24 октября 1648 года в немецком Оснабрюке был окончательно подписан Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне, в которой участвовали почти все европейские державы.

Непосредственно для Пфальца война завершилась реставрацией династии Виттельсбахов. Карл Людвиг получил назад наследственные, но во многом разоренные земли.

Теперь же перейдем к судьбе герцога Эбергарда и маркграфа Георга Фридриха.

Намного меньше мы знаем о последнем.

Жизнь маркграфов Баден-Дурлаханских тесно связана с судьбой пфальцских Виттельсбахов. В 1622 году Георг Фридрих пришел на помощь пфальцским войскам, однако в битве при Вимпфене был разбит графом Тилли. Его сын Фридрих V унаследовал маркграфство, которое теряет после 1629 года. Далее маркграф, как и пфальцкий курфюрст, присоединяется к шведскому королю Густаву-Адольфу в надежде на возвращение утерянных земель и статуса. С 1638 года маркграф возвращает северную часть маркграфства, а в ходе переговоров 1643–1648 годов оформляются условия реституции.

Итак, после поражения в битве при Нердлинге в 1634 году, когда угасли все надежды на шведское влияние, Георг Фридрих спешно бежит из страны. Сначала в Страсбург, а затем, предвидя свою долгосрочную перспективу, в нейтральный Базель. Прибывает он туда 18 октября 1635 года, принят хорошо, приобретает 19 марта усадьбу Хаген по Райнспрунг.

Как и Виттельсбахов, маркграфа преследовали денежные трудности и угроза публичного суда с кредиторами. Еще в 1641 году, во время его отсутствия кредиторы подали иск. 19 мая 1644 года Фридрих подал ходатайство и сумел на год откупиться 366 гульденами [8, S. 200]. Тем не менее дело продолжалось еще несколько лет.

Маркграф сумел вернуться на свои наследственные земли гораздо раньше вышестоящих его Виттельсбахов. Возможно, это связано с тем, как близко к границам империи поселился Георг Фридрих, но скорее дело в умелых переговорах и деньгах.

Герцог Эбергард Вюртенбергский теряет все также после битвы при Нердлинге.

«Милостивый князь и господин, Господь выразил наконец-то свою милость...», — так начинает свое восторженное письмо-сообщение

Иоганн Конранд Варбулер от 14 октября 1648 года, обращенное к Эбергарду. Вестфальский мир подписан, и герцог может вернуться в Вюртенберг. Однако прежде была долгая дорога из дома.

Подробно о ней мы узнаем из черновика письма матери Эбергарда — Барбары Софии, отправленного 13 августа 1637 года.

Судя по всему, семья с большими пожитками и без должного сопровождения вынуждена была задержаться в Шпеере, ожидая ответа от сына. Барбара София не была уверена в безопасности их передвижения в Страсбург, где они найдут приют в Рюлеве доме на целый десяток лет, где Эбергард похоронит мать и скандально женится.

Таким образом, судьба наших мигрантов, их дальнейшие позиции, действия и, если можно так сказать, маневры, были связаны непосредственно с войной, где они все потеряли и с которой пришлось мириться, которую пришлось преодолеть.

Список источников и использованной литературы:

1. *Scott Eva*. Rupert Prince of Palatine. NY., 1900
2. *Bentley R*. Memoirs of the Princess Palatine princess of Bohemia. L., 1853.
3. *Godfrey E*. A sister of Prince Rupert, Elizabeth princess palatine and abbess of Herford. L, NY., 1909.
4. *Spenser Ch*. Prince Rupert. L., 2007.
5. *Warburton E*. Memoirs of Prince Rupert, and the Cavaliers. L., 1849.
6. *Treskow A*. Leben des Prinzen Ruprecht von der Pfalz. B., 1857.
7. *Hauck K*. Rupprecht der Kavalier Pfalzgraf bei Rhein (1619–1682). Heidelberg, 1906.
8. *Roth C*. Der ehemalige Basler Besitz der Markgrafen von Baden // Basel Jahrbuch. Basel, 1912. S. 195–242.

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ ОРДЕНА МИНОРИТОВ И ДУХОВЕНСТВОМ АНГЛИИ В XIII в.

Деятельность ордена миноритов, одного из крупнейших нищенствующих орденов Западной Европы, оказала заметное влияние на общественное развитие Англии в эпоху Средневековья и последующие столетия.

Обращение к проблеме интеграции ордена миноритов в общественную жизнь Англии требует проведения тщательного анализа процесса становления ордена в данном регионе. Важнейшим аспектом в вопросе распространения ордена является развитие взаимоотношений между миноритами и местным духовенством, представителями старого монашества и клиром.

Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение взаимоотношений между членами ордена миноритов и духовенством Англии в XIII в., выявление предмета споров и сил, которые оказывали влияние на регулирование конфликтов между ними.

В историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные данной проблеме. Отдельные аспекты этого вопроса нашли освещение в работах К. Л. Кингсфорда [1], Ж. Р. Мурмана [2; 3; 4], А. Хоупа [5], где особое внимание уделено источникам конфликтов между миноритами и духовенством Англии в XIII в. Причины конфликтов исследователи видят в стремлении старого монашества и приходских священников сохранить доходы своих аббатств и церквей. Справедливо отмечая, что приход миноритов стал угрозой для материального состояния монастырей традиционных религиозных орденов и приходских церквей, ученые ничего не говорят о возникшей опасности снижения духовного авторитета монашества и клира.

Иную точку зрения на природу конфликтов между миноритами и духовенством Англии занимает А. Г. Литтл [6; 7; 8]. По мнению исследователя, монастыри миноритов не могли оказать значительного влияния на снижение доходов аббатств и приходских церквей, чтобы приходские священники, монахи-бенедиктинцы, цистерцианцы и пред-

ставители других религиозных конгрегаций сопротивлялись столь энергично основанию их конвентов. А. Г. Литтл считает, что причина борьбы между братьями ордена и духовенством заключалась в том, что они представляли разные общественные идеалы, поэтому конфликты между ними были неизбежны [8, Р. 98].

Из более ранних работ, посвященных истории ордена миноритов в Англии, необходимо отметить книгу члена ордена капуцинов-францисканцев о. Кутберта. В своей работе о. Кутберт рассматривает вопрос становления ордена миноритов в Англии, но ничего не сообщает о конфликтах, которые возникали между нищенствующими монахами и местным духовенством. Напротив, он отмечает, что минориты нашли надежную поддержку со стороны старого монашества, главным образом, бенедиктинцев, и приходских священников, которые предоставляли им земли и дома [9, Р. 94]. Кутберт иллюстрирует это примером из истории возведения церкви миноритов в Оксфорде, когда бывший епископ Херефорда и бывший настоятель Осни, которые впоследствии вступили в орден, носили воду, песок и камни для строительства [9, Р. 94]. Однако такое гостеприимство было исключительным случаем.

Многочисленные конфликты, происходившие между миноритами и духовенством Англии, описаны в монастырских нарративных источниках. При анализе данной проблемы нами были использованы хроники, вышедшие из-под пера членов ордена миноритов в XIII в. Среди них хроника Экклестона, описывающая процесс становления ордена в Англии [10], и хроника Салимбене Пармского, итальянского хрониста ордена [11]. Также интерес представляют хроники ордена миноритов более позднего времени — в частности, хроника Ланеркоста, описывающая события истории Англии и Шотландии XIII–XIV вв. [12].

Важные сведения относительно конфликтов между миноритами и монахами других религиозных орденов Англии дают бенедиктинские нарративные источники, такие как *Анналы Данстейбла* [13, р. 134, 290], *Деяния аббатов монастыря Сент-Олбанса с 1290 по 1349 г.* [14].

Монастырские хроники, анналы и деяния содержат ценные сведения относительно ранней истории ордена миноритов в Англии, взаимоотношений между членами ордена и духовенством. Однако эти источники несвободны от субъективной оценки писавших их монахов. Поэтому необходимой основой для анализа изучаемой проблемы является использование монастырских нарративных источников совместно с официальными документами, папскими буллами, королевскими указами и письмами епископов.

История ордена миноритов в Англии берет свое начало в 1224 г., когда группа из девяти монахов ордена прибыла в Дувр. Это событие английский хронист XIII в. отметил следующей записью: «О горе! О больше, чем горе! О свирепая чума! Братья минориты пришли в Англию» [15, Р. 127]. В этом же году были основаны первые монастыри «серых братьев» в Кентербери, Корнхилле и Оксфорде.

В первые десятилетия существования ордена в Англии положение монахов было крайне нестабильным. Переход миноритов от временных поселений к постоянным, созданию собственных конвентов, происходил на протяжении всего XIII столетия. На длительность процесса интеграции ордена в социокультурную жизнь Англии, безусловно, определенное влияние оказывало сопротивление этому местного духовенства.

Согласно уставам ордена минориты не зависели от епископского управления, подчинялись только генералу ордена и папе [16, С. 43–78]. Однако до тех пор, пока монахи ордена не имели собственных церквей, они посещали храмы приходов, в которых поселились. Поэтому, определить отношения членов ордена и приходских священников стало первоочередной задачей.

Первые шаги на пути регулирования взаимоотношений миноритов и духовенства Англии были сделаны папой Григорием IX. Григорий IX до возведения на папский престол носил имя Уголино деи Конти де Сеньи. В качестве кардинала-епископа Остии и Веллетри он имел несколько встреч с Франциском Ассизским, которые произвели на него неизгладимое впечатление. После чего, кардинал Уголино стал покровителем миноритов, и папа Гонорий III назначил его кардиналом-протектором ордена [17, С. 60–61].

В 1227 г. кардинал Уголино стал папой Григорием IX. 28 августа 1231 г. он издал буллу «*Nimis Iniqua*», адресованную не только духовенству Англии, но и других стран. В булле был поднят вопрос о епископской юрисдикции в отношении миноритов, ссылаясь на притеснения, которые терпят братья ордена со стороны духовенства.

Булла «*Nimis Iniqua*» давала миноритам право на самоуправление и свободу от епископского управления. Независимость ордена дополнительно обеспечивалась привилегией иметь свои собственные церкви и освященные кладбища, в которых братья могли быть захоронены.

Григорий IX предоставив этих права миноритам, охранял и права духовенства. Минориты не могли получать десятину и хоронить на своих кладбищах кого-либо, кроме братьев ордена [18, Р. 74]. Ограничение прав миноритов в пользу монахов других религиозных орденов

и приходских священников было необходимой уступкой для поддержания мира между ними.

В ряде городов Англии минориты не встречали сопротивления основанию своих конвентов благодаря лимитированной протекции папы. Папа давал распоряжения епископам и аббатам монастырей Англии на размещение миноритов в том или ином городе. Так, в 1233 г. настоятель Рединга Адам де Латебар и епископ Винчестера Питер дес Рочес получили письма от апостольского престола, разрешавшие миноритам жить в городе [13, Р. 134]. Впрочем, подобное настояние понтифика незначительно способствовало распространению ордена в Англии.

В большинстве случаев мирное основание монастырей миноритов было связано с получением разрешений на строительство монастырей от светской власти, короля. Подтверждение этого дают королевские свитки, содержащие записи о пожаловании земельных участков монахам, выделении городских зданий для их конвентов, древесины и камня для строительства монастырей. Королевские лицензии часто подкреплялись инициативами горожан. По указу короля были предоставлены земли и строительные материалы для монастырей миноритов в Кембридже [19, Р. 61], Глостере [20, Р. 480], Ноттингеме [20, Р. 305], Стэмфорде [21, Р. 138], Линкольне [21, Р. 500], Честере [22, Р. 339] и др.

Привилегии, которые миноритам дал Генрих III, говорят о расположении королевской власти к монахам ордена. Минориты могли сами выбирать места для своих конвентов. Королевские указы горожанам Лондона [23, Р. 152], Эксетера [24, Р. 159], Винчестера [23, Р. 180] предписывали предоставить нищенствующим монахам те земельные участки, которые они пожелали.

Однако политика покровительства миноритам, проводимая светской и духовной властями, не всегда имела успех в регулировании отношений между братьями ордена и духовенством Англии. Свидетельством этого является целый ряд конфликтов, произошедших между миноритами, приходскими священниками и представителями старых религиозных орденов. Серьезные разногласия были между нищенствующими монахами и цистерцианцами в Скарборо.

Минориты пришли в Скарборо в 1239 г. с поддержки короля [25, Р. 447]. Монахи цистерцианского аббатства Скарборо обратились в Рим против основания конвента миноритов в городе. Папа делегировал Роберту Гроссетесту, епископу Линкольна, полномочия рассматривать это дело и дал инструкции, предписывающие снести все здания миноритов в Скарборо. Роберт Гроссетест стал оспаривать такое решение, но через два дня минориты сами отказались от своих требований.

Они утверждали, что скорее откажутся от предоставленного им места в городе, чем оскорбят монахов [26, Р. 321–323].

Около тридцати лет спустя братья ордена миноритов вернулись в Скарборо, где в течение пятнадцати лет (1280–1294 гг.) между ними и монахами-цистерцианцами длилась борьба [8, Р. 94]. И светская, и духовная власти оказались бессильны в предотвращении и прекращении этого конфликта.

Ранее, в 1233 г. монахи ордена прибыли в один из крупнейших городов Англии Бери-Сент-Эдмундс. Здесь им также пришлось вести долгую борьбу за право основания своего конвента [13, Р. 134].

Первая попытка миноритов основать свой монастырь в Бери-Сент-Эдмундсе потерпела неудачу. В 1233 г. папа Григорий IX издал буллу, запрещающую возведение любых церквей и часовен в миле от аббатства Св. Эдмунда без согласия настоятеля [27, Р. 183].

В 1238 г. минориты возобновили борьбу, на этот раз совместно с монахами-доминиканцами. Они обратились за помощью к легату Генри Ото. Он осмотрел границы аббатства и изучил привилегии монахов, после чего постановил, что ходатайство нищенствующих орденов не имеет юридической силы. В дополнение к этому, настоятель аббатства Св. Эдмунда получил буллу, подтверждавшую данные ранее привилегии [27, Р. 137]. На два десятилетия минориты оставили свои попытки утвердиться в Бери-Сент-Эдмундсе.

Поворотным событием в развитии отношений между миноритами и духовенством Англии стало издание в 1250 г. папой Иннокентием IV буллы «Cum a nobis petitur» [18, Р. 537]. Данная булла предоставляла миноритам право захоронения на своих кладбищах любых лиц, которые этого пожелали. Иннокентий IV отметил, что он дал эту привилегию в ответ на молитвы монахов. Однако, согласно хронике Салимбене, минориты для того, чтобы избежать разногласий с клиром отказывались от погребений светских лиц в своих церквях. Так, в 1245 г. минориты Экса отказались хоронить в своей церкви графа Прованса Раймунда Беренгария, который желал быть погребенным в обители ордена [11, С. 323].

В Англии до середины XIII в. источники практически не упоминают о захоронениях светских лиц в церквях ордена миноритов. Редким примером является захоронение в 1242 г. убитого Патрика из Атол в церкви миноритов в Хаддингтоне [12, Р. 49–50]. Даже захоронение Ричарда Корнуоллского в 1272 г. миноритами Оксфорда можно отнести к одному из наиболее ранних случаев.

Практика захоронений светских людей в церквях миноритов становится регулярной лишь тридцать лет спустя издания буллы «Cum a nobis

petitur», с 80-х гг. XIII в. В этот период произошел ряд конфликтов между миноритами и ректорами церковью Англии. В 1289 г. разгорелся спор между орденом миноритов и кафедральной церковью Вустера за право захоронения тела горожанина Генри Поче [28, Р. 499–503], ранее в 1285 г. подобный прецедент имел место в Глостере [29, Р. 905].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что на решение папы предоставить миноритам подобную привилегию влияние оказали просьбы не братьев ордена, а влиятельных семей Англии, члены которых желали быть погребенными в церквях миноритов. Об этом же свидетельствуют многочисленные упоминания в источниках покровителей ордена среди состоятельных горожан.

С получением миноритами права захоронения светских людей связь влиятельных семей Англии с приходскими церквями значительно ослабла, духовенство теряло и материальные преимущества, которые эта связь подразумевала. При этом привилегия, предоставленная миноритам в 1250 г., угрожала не только одному из источников доходов приходских священников. Она также способствовала росту практики установления часовен ордена и проведения миноритами частных месс. Для приходских священников это означало снижение их духовной власти.

Духовная власть монахов находила выражение, прежде всего, в праве проповеди и исповеди. Папа Иннокентий IV сделал попытку урегулировать отношения между миноритами и приходскими священниками в этой области. Он ссылаясь на дошедшие до него жалобы относительно притеснений прав приходских священников со стороны членов ордена миноритов. В 1254 г. Иннокентий IV издает буллу «*Etsi animarum*». Согласно булле минориты не допускались к исповеди светских лиц без разрешения приходского священника. Его дозволение было необходимым условием и для проповеди миноритов в приходских церквях [8, Р. 130].

Иннокентий IV не вводил ничего нового. Ограничения, накладываемые этой буллой на право проповеди миноритов, не противоречили и не отменяли ни одной из данных ранее папской привилегии. Булла только запретила несанкционированное посягательство на права приходских священников, выросшее с молчаливого согласия папства и без активного противодействия духовенства.

Однако новым папой Александром IV эта булла была аннулирована. Александр IV был сторонником миноритов. В 1257 г. он дает разрешение миноритам на создание конвента ордена в Бери-Сент-Эдмундсе. Конфликт миноритов с монахами аббатства Св. Эдмунда вступил в новую фазу.

Минориты, вооружившись папской лицензией, разместились в доме, предоставленном одним горожанином. Вскоре после этого, монахи аббатства Св. Эдмунда изгнали миноритов из города «с бесчестием, но без насилия». Однако часовня и все здания миноритов в Бери-Сент-Эдмундсе были разрушены [30, Р. 265].

Обе стороны обратились за помощью в Рим. Монахи аббатства Св. Эдмунда разыграли козырь. Они сослались на привилегию, данную им Григорием IX, которая запрещала возведение каких-либо церквей и часовен в миле от аббатства [27, Р. 183].

После этого, Александр IV повел себя крайне противоречиво. Он обличал монахов аббатства Св. Эдмунда как еретиков и отступников, но аббат вернулся из Рима с папским письмом, направленным против посягательств миноритов [8, Р. 97].

В то же время папа направил своих легатов в Бери-Сент-Эдмундсе для урегулирования конфликта. Папские легаты вынесли решение в пользу миноритов, дав разрешение на предоставление им земельного участка в городе. Монахи аббатства отказались следовать вынесенному решению и вновь изгнали миноритов.

Церковная власть потерпела неудачу. Братья ордена миноритов обратились за помощью к светским властям. Они обеспечили себе поддержку короля, королевы, принца Эдуарда, Ричарда граф Глостерского и других влиятельных дворян. В 1258 г. минориты триумфально вошли в город в гуще тела вооруженных войск [30, Р. 267].

Следует отметить, что обе противоборствующие стороны в государстве, король и бароны, объединились, чтобы поддержать миноритов, которые теперь, казалось, твердо утвердились в Бери-Сент-Эдмундсе и приступили к строительству монастыря.

Однако после смерти папы Александра IV монахи аббатства Св. Эдмунда возобновили свои апелляции к его преемнику Урбану IV. В 1263 г. новый папа приказал миноритам прекратить строительство, снести то, что они успели построить, и покинуть город в течение месяца. После шести недель сопротивления минориты удалились. На этот раз они не смогли обратиться за помощью к светской власти, так как Ричард граф Глостерский был мертв, а король и его партия не в состоянии противостоять папству в 1263 г.

Тем не менее когда папские привилегии, королевская и дворянская поддержка, сила оружия все потерпели неудачу, постоянное давление общественного мнения оказалось успешным. Как сообщают источники, монахов аббатства Св. Эдмунда преследовал «вульгарный шепот», который стал настолько громким, что настоятель монастыря счел целе-

сообразным предоставить миноритам в качестве дара участок, расположенный в полумиле от Бери-Сент-Эдмундса, в Бабвелл, где минориты оставались до 1538 г. [14, Р. 385–386].

Сложными были взаимоотношения между миноритами и духовенством Англии и в других городах. Джону Пекхему, архиепископу Кентерберийскому пришлось защищать братьев ордена от нападок со стороны приходских священников в епархии Кентербери, Лондона, Эксетера, Вустера. Духовенство Честера, Ноттингема, Гранби и Ярмута также оказывали сопротивление основанию конвентов миноритов и предоставлению им привилегий [29, Р. 727; 877].

Вне зависимости от того, в каком городе происходили конфликты, причины их были схожи. Разногласия между миноритами и духовенством Англии в XIII в. были сосредоточены, во-первых, вокруг прав связанных с материальными привилегиями, что наиболее яркое выражение нашло в борьбе за право погребения, во-вторых, прав, касающихся духовного авторитета: право на проповедь и исповедь.

Решение проблемы было связано с именем папы Бонифация VIII. Для устранения серьезных ссор, которые возникли между духовенством и миноритами относительно проповеди, исповеди и права погребения, в 1300 г. Бонифаций VIII издал буллу «Super cathedram». Булла закрепляла за миноритами право проповеди перед духовенством и народом в собственных церквях и в общественных местах. В приходских храмах братья ордена не должны были проповедовать кроме как по приглашению священника или разрешения епископа. Это положение лишь подтвердило данные ранее привилегии.

Вопрос относительно исповеди был сложнее. Буллой устанавливался порядок выборов и назначения исповедников из числа монахов ордена. Минориты должны были выбирать из членов ордена подходящих лиц для проведения исповеди. Провинциальные министры утверждали кандидатов, испрашивая такого же решения у епископа той епархии, где должны были нести свою службу исповедники. Если епископ отказывался утвердить кандидатов, то решение выносил папа.

Наконец, минориты получили право хоронить в своих церквях тех, кто желал этого, но четверть всех пожертвований они должны были отдавать приходским священникам.

Несмотря на то что булла Бонифация VIII была аннулирована Бенедиктом IX на том основании, что она поощряла споры, вместо того чтобы их предотвращать, Климент V включил ее в канонический закон. Развитие взаимоотношений между миноритами и духовенством в последующие столетия доказали справедливость компромисса,

достигнутого благодаря этой булле. В течение следующих двух столетий рецидивов борьбы между миноритами и духовенством стало меньше [8, Р. 114]. И во многом возникновение конфликтов между ними в XIV и XV вв. происходило на почве уже новых проблем.

Итак, на основе анализа конфликтов между миноритами и духовенством Англии XIII в. можно сделать следующие выводы. Прежде всего, история конфликтов между миноритами и духовенством Англии дает иллюстрацию не только предмета споров — в частности, материальных и духовных привилегий, но и сил, регулировавших борьбу между ними.

В первую очередь, минориты и духовенство отстаивали свои права посредством обращения за помощью к апостольскому престолу. Впрочем, борьба миноритов и духовенства в Скарборо, Бери-Сент-Эдмундсе показала, что папская власть часто была не в состоянии установить мир между ними.

Апостольский престол лишь отчасти регулировал взаимоотношения между миноритами и духовенством, отвечая на апелляции к нему, исходившие от обеих враждующих сторон. Издаваемые буллы, служили для обоснования легитимности притязаний на права и привилегии, как для миноритов, так и для духовенства Англии. Однако с избранием каждого нового понтифика происходило изменение папской политики в отношении ордена. К тому же, противоречивые решения пап часто становились причиной нового спора.

Другой силой в регулировании взаимоотношений между миноритами и духовенством Англии была светская власть. Король и его сторонники оказывали поддержку миноритам при основании их конвентов. Важно отметить, что усилия королевской власти достигали положительного результата даже в монастырских городах. Наиболее ярким примером этого служит история борьбы между миноритами и монахами аббатства Св. Эдмунда.

Однако на расстановку сил вокруг миноритов и духовенства Англии в XIII в. оказывала влияние социально-политическая ситуация в стране и западноевропейском регионе. Политика папской и королевской властей зависела от внутри- и внешнеполитических обстоятельств.

В то же время заметным фактором влияния на регулирование конфликтов между миноритами и духовенством Англии стало рождающееся общественное мнение. Поддержка, которую минориты получили со стороны горожан и влиятельных семей Англии, была более устойчива к политическим изменениям.

В Англии рассматриваемого периода происходит созревание общественных механизмов, способных противостоять светской и церковной

властям. Это обстоятельство приобретает особую важность в развитии взаимоотношений между миноритами и духовенством. Права и привилегии миноритов в XIII в., связанные с религиозной практикой, способствовали росту числа покровителей ордена среди горожан. В результате горожане стали надежной силой в регулировании конфликтов между миноритами и духовенством и, как следствие, процесса интеграции ордена в общественную жизнь Англии в целом.

Список источников и литературы

1. *Kingsford C. L.* The Grey Friars of London. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1915. 257 p.
2. *Moorman J. R. H.* A History of the Franciscan Order. Oxford: Clarendon, 1968. 656 p.
3. *Moorman J. R. H.* The Foreign Element among the English Franciscans // English History Review. 1947. P. 289–303.
4. *Moorman J. R. H.* The Grey Friars in Cambridge. 1225–1538. Cambridge: Cambridge University Press, 1952. 280 p.
5. *Hope A.* Franciscan martyrs in England. London: Burns and Oates, 1878. 250 p.
6. *Little A. G.* The Grey Friars in Oxford. Oxford: Oxford Historical Society, 1892. 369 p.
7. *Little A. G.* Franciscan papers, lists and documents. Manchester: Manchester University Press, 1943. 262 p.
8. *Little A. G.* Studies in English Franciscan History. Manchester: Manchester University Press, 1917. 248 p.
9. Конфликты между братьями ордена миноритов и духовенством Англии в XIII в.: being a translation of Thomas of Eccleston's «De adventu F.F. minorum in Angliam». St. Louis: B. Herder, 1903. 252 p.
10. *Thomas de Eccleston.* De Adventu Fratrum Minorum in Angliam // Monumenta Franciscana. Vol. 1 / Ed. J. S. Brewer. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. P. 3–73.
11. *Салимбене де Адам.* Хроника / Пер. с лат. И. С. Култышева, С. С. Прокопович, В. Д. Савукова, М. А. Таривердиева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 984 с.
12. *Chronicon de Lanercost* / Ed. J. Stevenson. Edinburgh: Edinburgh Printing Company, 1839. 594 p.
13. *Annales Monastici* / Ed. H. R. Luard. Vol. III. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1866. 598 p.
14. *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani, a Thoma Walsingham, regnante Ricardo Secundo, ejus dem ecclesie præcentore, compilata* / Ed. H. T. Riley. London: Longmans, Green, 1867. Vol. 1. 579 p.
15. *Chronicon Angliae Petriburgense* / J. A. Giles. London: D. Nutt, 1845. 180 p.

16. Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / Под ред. А. Вичини, Я. Ан; вступ. ст. С. Аверинцев. М.: Духовная библиотека, 1996. 1060 с.

17. *Котляревский С.А.* Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 389 с.

18. Bullarium Franciscanum, Romanorum Pontificum, Constitutiones, Epistolae, ac Diplomata continens, Tribus Ordinis Minorum, Clarissarum, et Penitentium a seraphico patriarcha Sancto Francisco. Vol. I / Ed. H. Sbaralea. Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1759. 858 p.

19. Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office. Henry III. A. D. 1237–1242 / Ed. H. B. Lee. Nendeln / Liechtenstein: Kraus Reprint, 1970. 729 p.

20. Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office. Henry III. A. D. 1227–1231 / Eds. H. C. Maxwell Lyte, A. E. Stamp. London: H. M. Stationery Office, 1902. 725 p.

21. Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office. Henry III. A. D. 1234–1237 / Eds. H.C. Maxwell Lyte, A. E. Stamp. London: H. M. Stationery Office, 1908. 743 p.

22. Calendar of Close Rolls preserved in the Public Record Office. Henry III. A. D. 1242–1247 / Eds. H. C. Maxwell Lyte, A. E. Stamp. London: H. M. Stationery Office, 1916. 685 p.

23. Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Henry III. A. D. 1232–1247 / Ed. H. B. Lee. Nendeln / Liechtenstein: Kraus Reprint, 1971. 660 p.

24. A short history of the ancient diocese of Exeter / Ed. H. E. Reynolds. Exeter: Printed by H. Besley and son, 1895. 512 p.

25. Calendar of the Liberale Rolls preserved in the Public Record Office. Henry III. A. D. 1226–1240 / Eds. W.H. Stevenson, C.T. Flower. London: printed under the authority of His Majesty's Stationery Office by the Hereford Times Limited, 1916. 643 p.

26. Roberti Grosseteste episcopi quondam lincolniensis Epistolae / Ed. H. R. Luard. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1861. 623 p.

27. A History of the Abbey of Bury St Edmunds, 1182–1256: Samson of Tottington to Edmund of Walpole / Ed. A. Gransden. Suffolk: The Boydell Press, 2007. 354 p.

28. Annales Monastici / Ed. H. R. Luard. Vol. IV. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1869. 704 p.

29. Registrum Epistolarum Fratris Johannis Peckham, Archiepiscopi Cantuariensis / Ed. C. T. Martin. London: Longman, Brown, Green, Longman and Roberts, 1885. Vol. 3. 850 p.

30. Memorials of St. Edmund's Abbey / Ed. A. Thomas. London: Printed for H. M. Stationery Office by Eyre and Spottiswoode, 1890. Vol. 2. 500 p.

Терешкова Л. В.

Смоленский государственный университет

**«ПРАВО НА ВОССТАНИЕ»: ДВОРЯНСКИЙ МЯТЕЖ
КАК ФОРМА ОППОЗИЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ
(во Франции XVII века)**

История Франции первой половины XVII века представляет собой череду народных бунтов, перемежающихся восстаниями и интригами аристократии, стремящейся удержаться у кормила власти. Традиционные вассально-ленные отношения с королем теряют свою значимость, уступая место эпохе фаворитизма. Стоит отметить, что феномен фаворитизма выражался не только в общепринятом влиянии определенного лица на монарха, но и включал в себя многочисленные клиентелы французской аристократии. Благодаря подобной ситуации, даже находясь вне окружения монарха, знать имела возможность влияния на политические решения посредством своих ставленников.

Однако с постепенным усилением власти монарха, начинают усиливаться административные органы управления, в которых нет места многочисленному родовитому дворянству. В связи с чем большой контингент знати оказывается в положении несправедливо ущемленных, учитывая то, что с их точки зрения они были равны королю.

Вполне вероятно, что многочисленная верхушка знати стремилась не столько к власти, которой она все еще обладала в определенных значениях, но ощущению причастности к власти, позволявшей ей материально обогащаться, а также осознанию своего влияния, на принимаемые решения. Этим можно объяснить тот факт, что никто из дворян никогда не выступал против короля, но выступали против их фаворитов/кардиналов; восстания подкреплялись лозунгами «за короля и против Д'Анкра/ Люиня/Ришелье», или «за короля и против Мазарини», чем подчеркивался факт солидарности с королем. Подобная формулировка говорит и о том, что фрондирующая знать не видела ничего предосудительного в вооруженных выступлениях, видя в этом свое естественное право.

Развитие данного мировоззрения ляжет в основу идеологии «права на восстание» философов раннего Нового времени, которое получит

юридическое подкрепление в Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Так, одним из идеологов данного вопроса станет Джон Локк, который писал, что в случае, если человек или группа людей, находящихся у власти, превышает свои полномочия, люди могут выступить против этого режима [1, С. 361]. Безусловно, английский философ не подразумевал под этим правом постоянные антиправительственные выступления, но, в целом, к моменту своего письменного формулирования, идея была не нова.

Возвращаясь к причинам дворянских выступлений, помимо политических оснований, следует отметить экономические, социальные и «психологические» причины дворянских мятежей.

Произошедшая в XVI веке революция цен привела к ухудшению экономического положения дворянства. Фьефы, служившие основой статуса и благосостояния дворян, перестали приносить доход, так как денежная рента, взимавшаяся с крестьян — цензитариев, была фиксированной [2, С. 80].

В большей мере разорение коснулось дворянства шпаги. Продавая свои фамильные замки, они уступали новым сеньорам свое место в социальной иерархии, сохраняя свои позиции лишь в армии.

Однако высшую аристократию разорение не коснулось. Их спасали огромные размеры землевладения. В первой половине XVII века «аграрии» извлекала выгоду из своих состояний путем производства и продажи продукции или же земельной ренты. К началу XVII в. наиболее старыми “дворянскими” герцогствами считались Монморанси, Юзес, Эпернон и др. [3].

Стоит отметить, что существует несколько точек зрения на последствия революции цен в XVI веке. Так известный французский историк Пьер Шоню отмечает, что «революция цен в первое время разорила сеньора» [4, С. 350]. Однако исследование Аманды Юрич показало, что хотя традиционные методы хозяйствования дворянства и оказались в кризисном состоянии, разорились в основном лишь мелкопоместные дворяне. Крупные же аристократы сумели не только сохранить свое состояние, но и использовать кризис для сохранения и увеличения доходов [5, С. 242].

Однако сеньория не была единственным источником дохода знати. Для французской аристократии было характерно сочетание доходов от состояния и придворной должности. Они занимали руководящие места в центре и в провинциях; были членами королевского совета, губернаторами провинций, послами, маршалами. В частности, во французских парламентах занимали должности дворяне и чаще всего это были представители самых древних родов [6].

Дворянство доминировало не только в официальной системе управления. Легкий доступ ко двору, которым пользовались «французские гранды», позволял им сохранять свое влияние на местах [7, С. 112]. Такое положение дел способствовало дворянскому сепаратизму и большим политическим амбициям. Огромные жалования, пенсии и денежные подарки со стороны королевской власти возмещали им тот материальный ущерб, которое наносило им оскудение феодальной ренты.

Стоит также отметить, что бедневшее родовитое дворянство отличало пристрастие к самосуду, дуэлям, вендеттам, а при случае и к разбою на большой дороге [2, С. 84]. Доказательством такой характеристики могут быть мемуары Шарля де Баатца, где описывается его вооруженная «стычка» с более богатым дворянином, причиной которой стал презрительный взгляд [8, С. 8]. Обладая подобным темпераментом, естественно, что уменьшение политического влияния знати воспринималось ей, как оскорбление.

В целом, все выступления против власти можно разделить на две группы: заговоры и вооруженные мятежи. Первой реакцией на ущемление своих привилегий стал заговор герцога де Бирона в 1602 году, который закончился казнью последнего, что происходило довольно редко [9, С. 210].

После казни маршала Бирона феодально-католическая оппозиция, хотя и была ослаблена, не прекратила попыток «вновь ввергнуть страну в смуту гражданской войны». С 1602 по 1606 год помимо процесса Бирона произошел заговор д'Антрагов и процесс Бульона. С 1608 года молодой принц Конде начал подготовку свержения Генриха IV, налаживая связи с провинциальным дворянством и гугенотской аристократией [10, С. 50].

Гражданская смута принцев 1614 года, чуть не переросшая в новую гражданскую войну, характерна тем, что имела свой собственный манифест, созданный Конде, в котором он жалуется на беспорядки в административном аппарате, на тяжесть налогов, отстранение знати и чрезмерную милость, оказываемую супругам Кончини, а также требует созыва Генеральных штатов [11, С. 161]. Благодаря Генеральным штатам и поддержке аристократии парламентом, принцы крови и гранды получили доступ в Королевский совет, а также денежные субсидии. Однако данное решение не удовлетворило в полной мере ни грандов, ни правительство Марии Медичи, и осенью 1615 года началась новая гражданская война. Несмотря на то что крупных военных столкновений не происходило, королевская армия показала свою бесполезность в сравнении с войсками мятежной знати, возглавляе-

мой Конде, на стороне которого выступили герцог Бульон, губернатор Пикардии герцог Лонгвиль и губернатор Иль-де-Франса Мэн, а также граф Сен-Поль — один из крупнейших сеньоров юга Франции, что обеспечивало поддержку дворян Гиени и Лангедока. Кроме того, в отличие от 1614 года к Конде присоединилась гугенотская аристократия, что обеспечивало поддержку мятежной знати во всех гугенотских провинциях [10, С. 142,172].

В результате Луденского мира принц Конде вошел в Королевский совет, гугеноты получили подтверждение всех эдиктов и восстановление культа там, где он существовал до 1615 года, полета оставалась в силе. Кроме того, принцам было уплачено около 3 млн ливров. Таким образом, события 1615 года показали, что дворянская солидарность стояла выше религиозных чувств.

Основными причинами выступлений можно назвать политическую и экономическую, но для дворян — гугенотов решающим являлся религиозный фактор, влекущий за собой сепаратистские настроения. Однако причина вооруженного столкновения королевской власти и гугенотов заключалась не просто в сепаратизме: гугеноты сохраняли республиканскую организацию внутри французского королевства, являясь «государством в государстве», тем самым угрожая самому монархическому строю. Это было своеобразное и абсурдное сосуществование республики и абсолютной монархии. Французы-ларошельцы фактически отвергали доктрину божественного права монарха и преданности королю его подданных. Именно это привело к тому, что «осажденные гугеноты станут самыми яркими показателями того, что божественное право монархии абсурдно» [12, Р. 95].

Пользуясь слабостью центрального правительства, феодальная аристократия в союзе с провинциальными дворянами, осуществила свои политические амбиции, тем самым показав огромную роль провинций как плацдармов мятежа. Вплоть до 1620 года, знать успешно боролась с королевскими ставленниками — Д'Анкром и Люином, подкрепляя свои восстания лозунгами «за короля и против Д'Анкра/ Люиня», принося в свои выступления формальную причину защиты государства, однако, несмотря на полученную власть, аристократы не смогли провести какой-либо политический курс, удовлетворяясь личным обогащением [10, С. 174–221, 264].

В 20-е годы XVII века гражданские войны сменяются придворными заговорами, задачей которых было противодействие политике кардинала Ришелье. Наиболее показательным является заговор Шале в мае 1626 года, целью которого было не только избавление от кардинала,

но и замена короля на более молодого и легкомысленного монарха (Гастон — брат короля).

Значимость столичных заговоров определялась тем, что они практически всегда подкреплялись провинциальными мятежами. Мятеж в провинции вспыхивал всякий раз, когда придворные заговорщики терпели поражение при дворе. Английский историк Роберт Хардинг называл систему губернаторств «способом кооптации личной власти и ресурсов аристократии в рамках государства» [13, Р. 144]. Под этим подразумевается развитие системы патронажа, которая способствовала провинциальному сепаратизму аристократии. Используя свое влияние в правительстве, губернаторы обеспечивали карьеру при дворе, в армии, влияли на распределение пенсий и титулов и т. д., тем самым они как бы привязывали к себе провинциальное общество узами личной верности.

Можно выделить несколько проявлений дворянской оппозиции за время правления Людовика XIII: 1632, 1636 и 1641 годы. Провинция предоставляла такое широкое поле действий из-за поддержки среди провинциальных клиентов, и возможности пополнять свои финансовые ресурсы [14, С. 111].

Провинции в своем экономическом и политическом развитии были неоднородны. Несмотря на обилие лесов, часть земель была заболочена, например в Пуату, Провансе, Солени, что вынуждало их развиваться как торговые центры. Помимо природно-климатических факторов, оказывала свое влияние внешняя угроза (вторжения испанских войск) и последствия Религиозных войн, разоривших многие провинции. Ввиду того, что многие провинции сохраняли автономию и другие привилегии за счет своего положения, они имели непосредственный интерес в антиправительственных выступлениях — сохранение независимости от центра.

В 1630 году вспыхнуло восстание в Эксе (Прованс) в результате попытки распространения на окраинные провинции системы податных округов. В восстании приняли участие не только дворяне, но и городские массы. Губернатор Прованса герцог Гиз не только не принял мер к усмирению восстания, но и использовал сложившуюся ситуацию, чтобы противодействовать кардиналу Ришелье. Если в гугенотских провинциях социальную рознь стирала вера, то в католических — стремление избавиться от королевского фиска.

Главным инициатором провинциальных мятежей можно назвать брата Людовика XIII герцога Гастона Орлеанского. Летом 1632 года вместе с губернатором Лангедока герцогом де Монморанси, первым бароном Франции, он поднял открытый мятеж на юге Франции. При-

чины участия герцога в мятеже неоднозначны. Наиболее вероятно, что причиной послужил отказ Людовика XIII произвести его в коннетабли Франции, так как эта должность считалась наследственной.

Мятеж закончился поражением и главной причиной этого можно назвать уничтожение короной традиционных привилегий Лангедока, а также упразднение провинциальных штатов и «наполнение» провинции в 1629–1632 годах людьми, преданными Ришелье [15, С. 106–112]. Герцог де Монморанси был казнен, подавление мятежа продемонстрировало силу королевской власти и потерю грандами широкой социальной опоры в среде провинциального дворянства.

Заговор осени 1636 года Гастона Орлеанского и Луи Суассонского условно можно отнести к провинциальным. Месье и граф Суассонский, находясь вместе с кардиналом в Пикардии, решили физически устранить министра, но из-за робости и нерешительности заговорщиков возможность была упущена [16].

Летом 1641 г. произошел мятеж графа Суассонского, герцога Буйонского и присоединившегося к ним нового герцога де Гиза. В манифесте мятежников были стандартные требования: они касались положения как провинциальных дворян, так и придворных короля, хотя в целом восставшие аристократы провозглашали свой манифест от лица всех французов, видя свою особенную роль освободителей страны от репрессивного правления кардинала. Мятежники видели главным препятствием справедливому правлению Людовика XIII только влияние на короля кардинала Ришелье, поэтому восстание 1641 года проходило под «антиришельеистскими» лозунгами [14, С. 116–118].

Вторая треть XVII века проходит для французской знати под эгидой поражений от королевской власти. К причинам вооруженных выступлений добавляются личные амбиции. Поражение в провинции фрондирующей знати связано с рядом моментов: недостаточной поддержкой оппозиционных сил двора, частой несогласованностью действий лидеров оппозиции, характерными различиями позиций придворной и провинциальной знати, усугубляющимися со временем, растущими противоречиями между губернаторами и провинциальной знатью, усилением давления со стороны королевской власти и расширением партии «кардиналистов» в провинции.

Таким образом, к середине XVII века крупные гранды, обладавшие властью и реальной независимостью, были либо физически, либо политически уничтожены. Постепенно формировались отношения «монарх—подданный», однако борьба за участие в управлении государством сохранялась. Ситуацию обострял и тот факт, что на смену

Ришелье, который хотя был и ненавистным, но французом, пришел кардинал Мазарини, который в глазах аристократии не имел никакого права на вмешательство в дела государства и ограничение привилегий знати. Данный факт послужит веским доводом в копилку причин начала фронды. Ее отличительной чертой можно назвать тот факт, что изначально в расчет брались и низы общества, городской плебс. Как говорил Гастон Орлеанский, дядя юного короля, постоянный участник антиправительственных заговоров, «неплохо, если народ пробуждается время от времени».

В то же время городские низы были настроены слишком радикально для прочного союза с дворянством, настроение которого выражает фраза великого Конде: «Меня зовут Луи де Бурбон, и я не хочу потрясать корону», что еще раз свидетельствует о заинтересованности грандов в относительно сильной королевской власти. Исходя из этого, на начало фронды причинами дворянских выступлений можно назвать стремление «испугать» королеву-мать, отстранить от власти Мазарини, прийти к власти и закончить мятеж. Однако данные пункты сложно назвать программой или перечнем требований восставших, так как принцы крови еще не демонстрируют личной заинтересованности и принц Конде легко переходит на сторону двора. Фрондеры не могут удержать толпу, а парламент договориться и с теми и другими.

Сформированный лишь к 1650 году блок аристократической оппозиции, состоящий из группировки Конде и герцога Орлеанского, был более продуман. Несмотря на наличие больших амбиций у лидеров Фронды и традиционной жажды власти, была создана вполне конкретная программа фрондеров, учитывающая интересы различных групп дворянства, в том числе и провинциального. В отличие от первой трети XVII века, гранды действительно выступали представителями интересов всего сословия.

Можно выделить несколько основных пунктов, отражающих интересы знати:

1. «Уничтожение» Мазарини. Выступив продолжателем политики кардинала Ришелье, он стал помехой политическим амбициям аристократии, а также консолидации дворянства, так как продолжался процесс переманивания среднего (и наиболее многочисленного) дворянства на свою сторону.

2. Урегулирование системы откупов и ограничение дворянства мантии. Существующая система продажи должностей, в условиях разорения дворянства, приводила к тому, что руководящие должности покупали выходцы из третьего сословия.

3. Уменьшение налогов в провинции, что в свою очередь позволяло поднять доход провинциального дворянства, и увеличение налогов на промышленность.

4. Уменьшение влияния парламентов, в которых заседали отнюдь не дворяне.

Значимость данных требований заключается в том, что, несмотря на поражение Фронды — последнего выступления аристократии против абсолютизма, многие требования принцев крови были удовлетворены. Однако это является не уступкой знати, а показателем мощи абсолютной власти монарха. Людовик XIV более не нуждался в первом министре, так как был способен управлять государством сам. Права парламентов были уменьшены, они потеряли свои властные функции, государственное обложение коснулось торговли и промышленности.

Дворянские мятежи были частым явлением в первой половине XVII в., помимо политических и экономических причин, этому способствовало мировоззрение знати: ее благополучие и привилегии составляют благополучие всей Франции. Исходя из чего, подразумевалось неотъемлемое право дворян на управление государством совместно с королем [17].

Восстания принцев крови и аристократов против абсолютизма увлекали за собой массу людей, вплоть до крестьян. Гранды имели в армии и в провинциях обширные клиентелы, состоявшие из дворян и чиновников, а те, в свою очередь, были очень влиятельны в среде местного мелкого дворянства, мелкой буржуазии, крестьянства. Все сеньоры оказывали на своих крестьян огромное влияние, в основе которого лежали вассальные отношения крестьян с землевладельцами. Кроме того, у дворян и крестьян были общие интересы, объединявшие их против короля и фиска.

Однако отсутствие политического прагматизма приводило к тому, что даже добиваясь успеха, аристократия не могла его закрепить, удовлетворяя скорее свою гордость и алчность, чем политические притязания. В подобной ситуации поражение фрондирующей знати было неизбежно. Кроме того, отсутствие консолидации внутри самого дворянства, их непостоянство, не способствовало усилению власти принцев крови и их союзников. Кроме того, верхушка знати плохо представляла, чего хочет: в требованиях первой трети XVII века звучит недовольство тем, что они потеряли, но не конкретные шаги по восстановлению своего положения. Лишь в период Фронды появляется более-менее четкая программа, выполнение требований которой не могло восстановить прежнее положение аристократии, но стабилизировало его. Провинци-

альная аристократия была готова поддерживать столичные выступления ради собственной выгоды, однако в итоге они потеряли все свои привилегии. Ко второй половине XVII века, дворяне, обладавшие властью, независимостью и богатством потеряли все — все отобрала королевская власть» [19]. Второе сословие Франции окончательно стало подданным монарха, а не равным ему.

Список источников и использованной литературы

1. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
2. Шишкин В. В. Дворянское окружение Людовика XIII [Электронный ресурс] // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Shishkine-2001.html>
3. Шюно П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
4. Ивонин Ю. Е. рец. на кн. А. Юрич. Экономика власти // Новая и новейшая история. 1998. С. 242.
5. Губер П. Общие проблемы французского дворянства. М.: Наука, 1970.
6. Хеншелл Н. Миф Абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
7. Люблинская А. Д. Очерки истории Франции. Л., 1957. 355 с.
8. Д'Артаньян. Мемуары / Под ред. Э. Глиссана. Т. 1. М.: Антанга, 1995. 464 с.
9. Французские короли и императоры / Под ред. П. К. Хартманна. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.
10. Люблинская А. Д. Франция в начале XVII в. Л.: Наука, 1959. 295 с.
11. Альзон К. Французские генеральные штаты 1614–1615 гг. и их значение // Средние века. 1961. Вып. 19. С. 160–184.
12. Armstrong B. *Semper Reformanda: The Case of the French Reformed Church, 1559–1620* // *Later calvinism international perspectives*. Kirksville, 1994. P. 119–140.
13. Vonpey R. Рец. *Anatomy of a Power Elite: The Provincial Governors of Early Modern France* (Harding R.) // *The English Historical Review* Vol. 95. No. 374 (Jan., 1980). P. 283–285.
14. Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. М.: Евразия, 2004. 288 с.
15. Veik W. *Absolutism and Society in Seventeenth-Century France. State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc*, Cambridge University Press, 1985. 375 с.
16. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. М.: Наука, 1993. 282 с.
17. Разушевская М. В. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко [Электронный ресурс] М.: Наука, 1993. Режим доступа: http://www.lib.ru/INOOLD/LAROSHFUKO/larosh0_1.txt
18. Avenel G. *La Noblesse française sous Richelieu* [Электронный ресурс] Paris, 1901. Режим доступа: http://www.mediterranee-antique.fr/Auteurs/Fichiers/ABC/Avenel/Noblesse/Nob_00.htm

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ИДЕИ,
ЦЕННОСТИ**

Бурина О. А.

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ПРЕПОДАВАНИЕ ХИРУРГИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ МОНПЕЛЬЕ XVI ВЕКА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ФЕЛИКСА ПЛАТТЕРА¹

Со времен Античности хирургия стояла на ступень ниже по отношению к медицине. Больные обращались к «цирюльникам» в крайних случаях, когда конечность следовало не излечить и привести в состояние нормы, а удалить, во избежание поражения других органов. «Кроме того, историки медицины подчеркивают, что хирурги зачастую были безграмотны, их возможности ограничивались ампутациями, вправлением вывихов, кровопусканиями, вскрытием нарывов и удалением больных зубов» [1, С. 113]. В эпоху Средневековья, с появлением университетов хирургия не получила научного статуса, кроме того, она даже не считалась частью медицины. Во времена чумы XIV века врачи начали посещать зараженных больных, которым нужно было вскрывать бубоны и именно в это время медикам пришлось отказаться от теоретической медицины и обратиться к практике. Так появляется учебник Ги де Шолиака (1298–1368 гг.) — *Chirurgia Magna*². В нем подробно описывались не только хирургические инструменты, но также инструкция по их применению, виды хирургических операций и способы решения множества медицинских проблем средствами хирургии (что касается лечения чумы, то здесь особенно важны инструкции по производству кровопускания, а также вскрытия и очистки бубонов — поверхностных лимфатических узлов, воспалившихся в результате действия инфекции, советы по проведению различных операций — например, кровопускания или вскрытия и очистки бубонов). Сам Ги де Шолиак пережил чуму 1348 года и подробно описал ее, но несмотря на всю строгость и «научность» жанра, трактат представляет собой эмоциональное

¹ Статья написана в рамках научного проекта № 15-05-0042, «Историческая саморефлексия медицины: от *ars medica* раннего Нового времени к позитивистскому “онаучиванию”», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г.

² Великая хирургия.

повествование о знаменитой «декамероновской» эпидемии. Например, медицинское предписание избегать любого контакта с умершим от чумы родственником, невозможность проститься с ним описывается так: «люди умирали без слуг и погребались без священников: отец не видел сына, а сын отца; умерла любовь, разбита надежда»¹. Поэтично также описание распространения чумы: «началась на Востоке и через нас направилась на Запад, путив свои стрелы по всему миру»². Тем не менее работа прекрасно иллюстрирована и хирурги XVI века опирались на работу Шолиака при составлении новых учебников [2].

До эпохи Возрождения хирургия не считалась профессиональной специальностью, не преподавалась в университетах и была уделом цирюльников и банщиков. После нескольких крупных эпидемий чумы XIV–XV вв., медики эпохи Возрождения наконец ставят под сомнение преподавание медицины только по античным и арабским авторитетным трудам. Студенты начинают бунтовать против преподавателей-мракобесов, которые не только цитируют, но и заставляют заучивать отрывки из Гиппократов, Аристотеля и Галена и не дают практических медицинских знаний. Вместе с тем юноши сами ищут способы освоить навыки практической медицины.

Один из самых авторитетных факультетов медицины находился в университете Монпелье. Этот город стал важным торговым портом в VIII веке и его процветание в первую очередь связано с торговлей специями и травами, некоторые из которых были признаны лечебными. Это открытие привело к началу изучения медицинских свойств трав и непосредственному применению их в медицине. По началу более взрослые и опытные сборщики трав устно передавали эти знания юношам, а затем начали открываться медицинские школы. К XII веку школа медицины Монпелье стала настолько известна, что учиться туда приезжали студенты со всей Европы. В 1220 году в Монпелье появляется первый в Европе медицинский факультет, а в 1289-м был учрежден нынешний университет Монпелье на базе основанных ранее школы медицины, права, философии, теологии и изящных искусств. Образование в университете Монпелье получил известный французский писатель Франсуа Рабле (1494–1553 гг.). Во времена гугенотов (французские протестанты XVI–XVII вв.) было принято решение на время закрыть

¹ «Itaque homines moriebantur sine servis, et sepeliebantur sine sacerdotibus: pater non visitabat filium, nec filius patrem; charitas erat mortua, spes prostrata».

² «Incepit enim in oriente: et ita sagittas suas mittendo in mundum, transivit per nos versus occidentem».

факультет теологии, поэтому в это время университет фактически имел только медицинскую направленность.

В 1552 году, сын ученого-самоучки, преподавателя иврита, древнегреческого и латинского языков Томаса Платтера (1499–1582 гг.) Феликс Платтер (1536–1614 гг.) отправляется по обмену в университет Монпелье, для обучения на медицинском факультете. В своей автобиографии — «Tagebuch» — Феликс посвятил три главы подробному рассказу об учебе на медицинском факультете с 1552 по 1557 год — это главы «Путешествие из Базеля в Монпелье», «Студент в Монпелье» и «Возвращение домой в Базель». В них он и рассказывает о том, как проходили хирургические практики на факультете медицины в XVI веке.

В данном случае все цитаты будут приведены по английскому изданию дневника 1961 г. [3]. Предыдущие переводы дневника Феликса Платтера (ранее переводился на немецкий и французский языки) можно разделить на две категории — тех, кто переводят весь дневник, от детства до преклонных лет, но при этом опуская подробности о повседневной жизни или факты не влияющие на логику повествования. Немецкие переводчики XIX века часто прибегали к такой практике — переводить только то, что нравится переводчику или перекладывать основную суть, не переводя при этом текст целиком. В нашем случае речь идет о немецком переводе 1840 года [4] и французском переводе 1866-го. В 1866 году предыдущее немецкое издание было весьма вольно переведено на французский и издано в Женеве [5]. Также нужно отметить, что в немецком издании совмещены дневники Томаса Платтера Старшего и Феликса Платтера, во французском издании — только дневник Феликса.

Вторая группа переводов — это полный перевод либо полного текста, либо нескольких глав. Полный перевод дневников Томаса (отца) и Феликса выходит в 1878 году в Лейпциге [6]. Это критическое, в данном случае научное, сделанное по более строгим археографическим правилам издание. На этот текст ориентировались переводчики из Монпелье, которые соединили в своем издании 1892 г. [7] уже записи Феликса и Томаса Платтера Младшего, переводя только те главы, где читатель может узнать все подробности повседневной жизни Южной Франции в XVI веке. Они переводят те же три главы из дневника Феликса Платтера, что и наш английский переводчик, а также часть записей Томаса Младшего, который побывал в Монпелье через сорок лет после своего брата (1595–1599 гг.). Они сделали интегральный, то есть полный перевод, но только тех разделов, которые относились к истории «края», не только к истории университета, но, шире — исто-

рии Юга. Перевод принадлежит обществу библиофилов Монпелье и книга вышла небольшим тиражом, всего 190 экземпляров. Консультировал переводческую работу профессор М. Л. Кьеффер [3, Р. 13], который хорошо знал базельский диалект немецкого языка, а копию текста обществу любезно предоставил главный библиотекарь базельского архива Людвиг Зибер [3, Р. 15], снабдив издание комментариями. Итак, опираясь на предысторию перевода, мы можем полностью довериться изданию дневника 1892 г., сделанному обществом библиофилов. Английский перевод 1961 г. — это дословный перевод издания 1892 г., выполненный профессиональным переводчиком Шоном Дженнетом, поэтому в данном случае мы используем релевантный с нашей точки зрения перевод.

Из текста дневника 1552–1554 гг. мы можем сделать первый вывод о том, что в университете проводились анатомические вскрытия, но крайне редко. Первое упоминание об анатомической сессии относится к самому началу обучения: «С 14-го числа (речь идет о ноябре 1552 г.) проходило вскрытие в старом театре, оно проводилось на теле мальчика, который умер от абсцесса в желудке (плеврит). Внутри его груди «in succingente membrane» была только синюшность, ни припухлости, ни абсцесса. Легкое было присоединено к организму связками, которые должны были быть вырезаны перед удалением. Доктор Guichardus председательствовал на вскрытии трупа, а цирюльник делал операцию. Кроме студентов, в аудитории было много людей из знати и вельмож и даже молодые девушки, несмотря на то, что препарировали юношу, также присутствовало несколько монахов»¹ [3, Р. 47]. Далее, спустя два года, упоминается совсем коротко: «14 ноября (уже 1554 года) было занятие по анатомии. Объектом был старый мужчина, чьи легкие были в очень плохом состоянии. Мэтр Guichardus осуществлял руководство»² [3, Р. 70]. Как мы видим, перерыв между сессиями мог быть достаточно большим, однако примечательно, что в этот раз сессию проводил сам врач, а не приглашенный цирюльник. Однако скорее всего это была частная практика, потому что дальнейшие дневниковые записи либо умалчивают о том, кто проводил сессию, либо

¹ «From the 14th a dissection was conducted in the old theatre on the corpse of a boy who had died of an abscess in the stomach. Inside his chest, there was only a blue stain, with neither swelling nor abscess. The lung was attached by ligaments that had to be cut before it could be taken out. Doctor Guidhard presided at this autopsy, and a barber did the operation. Besides the students, the audience contained many people of the nobility and the bourgeoisie, and even young girls, notwithstanding that the subject was a male.»

² «On the 14th of November there was an anatomy session. The subject was an old man, whose lungs were in a very bad state. Maitre Guichardus presided.»

это был все же цирюльник. Еще одну анатомическую сессию 2 февраля 1554 года мы связываем с большим количеством городских казней, о которых рассказывает Феликс, кроме того, в этом случае он не упоминает болезни субъекта и обходится коротким замечанием: «2 февраля была еще одна анатомическая сессия, субъектом был мужчина»¹ [3, Р. 74]. Никаких подробностей более мы не узнаем. По всей видимости, студенты, как и пришедшие «зрители», впрочем, как и сам мэтр были лишь наблюдателями, а вся практическая часть по-прежнему предоставлялась непрофессиональным хирургам. Накануне Дня Всех Святых того же года препарировали обезьяну, ее печень и селезенка были покрыты водяными гнойничками, которые лопались от малейшего прикосновения. Феликс предположил, что она умерла от водянки. Интересно, что в данном случае Феликс скорее всего говорит о собственном опыте, то есть когда вскрытие проходило на животных студенты могли находиться очень близко к объекту исследования и даже собственноручно его исследовать. Еще через несколько дней происходило вскрытие «прекрасной куртизанки», которая умерла при родах. Феликса удивляет факт, что ее утроба была все еще распухшей, ведь тело доставили давно [3, Р. 88]. Здесь видно, что медицинские пособия и анатомические занятия шли рука об руку, не так, как это было во времена Средневековья. Вряд ли юноша каждый день имел дело с роженицами, видимо, факты о беременности он почерпнул из учебных пособий.

Анатомия — это то, что увлекало Феликса больше всего и, по его словам, он не пропустил ни одну сессию, на нашей памяти их было всего пять за три года. Однако все эти пассажи посвящены официальным собраниям. В 1554 году наш герой присоединился к французским студентам и собственноручно вскрывал трупы на тайных собраниях [3, Р. 89]. Конечно, речь идет о тех знаменитых историях, о которых повествуют и такие известные естествоиспытатели как Андреас Везалий (1514–1564 гг.) и Джордж Бьюкенен (1506–1582 гг.), о том, как студенты под покровом ночи пробирались на монастырские кладбища, чтобы выкопать свежие трупы, перенести их в секретное место и препарировать [3, Р. 89]. В данном случае свой дом студентам предоставил бакалавр медицины Gallotus, он же пригласил Феликса «в ночную загородную экспедицию». «Первая экскурсия подобного рода имела место быть 11 ноября 1554 года. Ночью Gallotus привел нашу компанию в монастырь августинцев, где нас ждал брат Бернард, решительный парень, готовый помочь. Когда мы пришли в монастырь, мы спокойно

¹ «On the 2nd of February there was another anatomy session, the subject being a man».

пропили все время до полуночи. Затем, в тишине, с мечами в руках мы пришли на кладбище и выкопали труп руками, потому что земля была еще легкая — покойника закопали сегодня... это была женщина с врожденной деформацией ног, обе ступни были повернуты внутрь»¹ [3, Р. 89]. В этот раз студенты напрасно вооружились, хотя это и было предусмотрено: кладбище охранялось служителями монастыря, которые были вооружены. Несмотря на удачу, следующий выход на кладбище студенты предприняли только через месяц, хотя по словам самого Феликса — поход планировался через два дня после первого. 16 декабря 1554 г. студенты снова повторяют свои похождения, и в этот раз они подверглись большой опасности. Следует отдать должное Феликсу и его подробным отчетам, с толикой юношеской наивности, которая превращает рассказ о варварских занятиях в юмореску. Сначала юноша рассказывает о том, какую вкусную курицу с капустой приготовил брат Бернард, восхищается кулинарными способностями монаха и тем, как хорошо питаются клирики. Затем юноши отправились на кладбище, чтобы вырыть два новых трупа, в это время к ним почти вплотную приблизились монахи, вооруженные рапирами, которых студенты сразу не заметили, поэтому трупы пришлось спешно завернуть в одеяла, пробежать с ними до города и пролезть под городскими воротами, чтобы не будить швейцара, и протолкнуть туда же трупы. Стоит отметить, что до этого студенты придумывали легенду для сторожа, о том, что и зачем они перетаскивают в город в столь поздний час и спокойно проходили через городские ворота. По итогам ночного приключения, Феликс отметил для себя два главных события: во-первых, он поцарапал нос, во-вторых — как все-таки славно живут монахи и какая у них вкусная курица на ужин.

Итак, в тот день их добыча состояла из мертвого студента, которого они знали, его легкие разлагались, воняли, а наши студенты обнаружили камни в его легких. Второе тело принадлежало маленькому ребенку, из него студенты сделали скелетик [3, Р. 90]. Хотя ни студенты, ни монах не были уличены или наказаны за подобное варварство, кладбище с тех пор стали охранять и не подпускали студентов на пушечный выстрел.

¹ «Our first excursion of this kind took place on the 11th of November 1554. As night fell Gallotus led us out of the town to the monastery of the Augustins, where we met a monk, called Brother Bernhard, a determined fellow, who had disguised himself in order to help us. When we came to the monastery, we stayed to drink, quietly, until midnight. Then, in complete silence, and with swords in hand, we made our way to the cemetery of the monastery of Saint-Denis. There we dug up a corpse with our hands, the earth being still loose, because the burial had taken place only that day... we found a woman with a congenital deformity of the legs, the two feet turned inwards».

В следующие два года обучения (1555–1556 гг.) анатомические занятия шли своим чередом — теперь они проходили чаще, в данном случае Феликс упоминает их два раза за год, но это все равно не заменяло личного опыта, который получал будущий медик в кружке французов. Тем временем с кануна Дня Всех Святых в университете снова проводилось официальное вскрытие. 17 января 1555 г. Феликс в одну строчку упоминает о том, что вскрывали молодого работягу [3, Р. 92], а 31 января юноши вскрывали старую женщину и ребенка в стенах монастыря, потому что унести тела с кладбища было невозможно. Возвращение юношей на кладбище состоялось спустя всего полтора месяца после инцидента с вооруженными монахами. Никаких подробностей о том, насколько было опасно вскрывать тело в монастыре автор не дает, но в их случае все прошло гладко. Последний ноябрь учебного цикла (речь идет о 1555 году, весной 1556 года Феликс отправляется домой) также пополнил коллекцию анатомических сессий: Negroard — хирург, делал операцию на варикозных венах бедра живого каноника, для предотвращения формирования абсцесса. Это первое и единственное упоминание об операции на живом человеке, хотя Феликс и не говорит ничего об исходе операции. За несколько дней до этого, компания французов и Феликс препарировали очередную кладбищенскую находку: это была старая женщина, которая умерла от апоплексического удара. «Когда ее череп и оболочка мозга были вскрыты — мозг взорвался и потек по лицу как густой крахмал»¹ [3, Р. 110]. На этом обучение Феликса в Монпелье заканчивается.

Текст дневника Феликса Платтера богат деталями, перед нами буквально репортаж из университета. Благодаря этому мы можем сделать большое количество выводов. Итак, в университете XVI века практическая хирургия все еще представлена в виде «театрализованного представления». Вскрытия происходят редко, чаще на телах убийц или убитых, а также животных. Единожды Феликс упоминает об операции на живом человеке, которую выполнял хирург. Операции по-прежнему выполняют цирюльники, однако некоторые преподаватели все-таки берутся за руководство процессом. Студенты были полны решимости самостоятельно познать основы анатомии, однако религиозные конфликты не проходили и мимо них. Феликс Платтер был единственным немецким студентом, которого позвали в свое тайное сообщество французские студенты, и только потому, что он к тому времени уже

¹ When the cranium and the envelope of the brain were opened, the brains burst out and ran over the face like thick starch.

довольно долго работал фармацевтом. Среди клира были сообщники студентов, которые не только провожали их на кладбище и указывали на свежие трупы, но и помогали проводить операции на территории самого монастыря.

В данном случае сложно говорить о глобальных выводах, ведь речь идет не только об одном персонаже XVI века, но и о старейшем медицинском факультете, однако сохранились воспоминания и других известных медиков, таких как Везалий и Паре. Они также рассказывали о противоборстве разных поколений — преподавателей и студентов и о расхождении взглядов на преподавание практической медицины. Например, Андреас Везалий и его современник Джордж Бьюкенен [8, Р. 133] рассказывают о своем учителе Жаке Дюбуа, который был мракобесом и говорил, что медицина — это знание наизусть Гиппократа и Галена. Студентам задавали на дом заучивать несколько страниц из античных авторитетов. Тогда Везалий с друзьями также отправлялся в ночные похождения на кладбище.

Таким образом, данное исследование только открывает перед нами вопрос о том, как произошел этот переход от поколения теоретиков, к поколению практиков. Однако остается много пробелов, для заполнения которых следует обратиться к другим знаменитым медикам и естествоиспытателям XVI века из разных стран и университетов.

Список источников и использованной литературы

1. Бергер Е. Е. Особенности хирургического образования в средневековой Европе // История медицины. М.: Изд-во Первого МГМУ им. И. М. Сеченова, 2014. № 3. С. 112–118.
2. Бергер Е. Е. Античное наследие в медицине Возрождения // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2014. № 2. С. 274–288.
3. Jennett S. Beloved Son Felix: the Journal of Felix Platter, a Medical Student in Montpellier in the Sixteenth Century. London, F. Muller, 1961. 158 p.
4. Fechter D. A. Thomas Platter Und Felix Platter Zwei Autobiographien: Ein Beitrag Zur Sittengeschichte Des XVI Jahrhunderts. Basel, 1840. 208 p.
5. Fick E. Mémoires de Félix Platter, médecin bâlois. Genève, 1866. 147 p.
6. Boos H. Thomas und Felix Platter (Thomas Platter's Selbstbiographie, 1499–1552. Das Tagebuch des Felix Platters). Leipzig, 1879. 372 p.
7. Félix et Platter à Montpellier (1552–1557, 1595–1599). Notes de voyage de deux étudiants bâlois publiées d'après les manuscrits originaux appartenant à la bibliothèque de l'Université de Bâle, avec deux portraits / Société des Bibliophiles de Montpellier, Montpellier, 1892. 502 p.
8. Irving D. Memoirs of the life and writings of George Buchanan Edinburgh. 1807. 354 p.

Крылова Д. Д.

*Национальный Исследовательский
Томский государственный университет*

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОДЕРЖИМОСТИ В АНГЛИИ XVI–XVII ВЕКОВ

На протяжении XVI–XVII веков внимание европейской общественности было сосредоточено на явлении демонической одержимости, всплеск проявлений которой в это время переживала вся Западная Европа. Одержимость, или представление о возможности проникновения в тело человека некой враждебной ему сущности — демона или беса, уверено завладела умами и телами позднесредневековых европейцев. Количество зафиксированных в это время случаев одержимости позволило У. Монтеру назвать это время — «золотым веком бесноватых» [1, С. 60].

Данное явление обсуждалось на разных уровнях: от королей до крестьян, в научных и богословских кругах, в государственных и локальных масштабах. Одержимость обростала множеством новых смыслов и концептов, росло количество печатных работ, посвященных этому феномену, относительно него велись многочисленные научные и теологические дискуссии [2, Р. 231]. Но нигде в Европе тема одержимости не стала предметом столь серьезных дискуссий в интеллектуальной среде и в широких слоях общества, как в Англии раннего нового времени, где на протяжении более чем полутора столетий относительно нее велись ожесточенные споры между теологами, демонологами, медиками и юристами [3, С. 270–285].

Жаркие споры и дискуссии, как и сообщения о новых случаях одержимости в Англии, приобретали печатную форму и расходились большими тиражами по всей Европе в виде памфлетов, брошюр, отчетов и трактатов [4, Р. 179–182]. Эта печатная продукция, будучи крайне популярной и востребованной в обществе, делала одержимых и их семьи знаменитыми, а города, в которых они жили — центрами притяжения огромных масс людей: паломников, путешественников, зевак и т. д. [5, Р. 127–144]. Вместе с тем, громкие случаи одержимости влекли за собой масштабные судебные разбирательства и массовые

казни ведьм и колдунов, так как именно одержимые довольно часто становились обвинителями на этих судебных процессах [6, С. 295–299].

Однако, несмотря на явное влияние феномена одержимости на культурную и общественную жизнь эпохи, явление одержимости в истории Западной Европы остается одним из мало изученных и спорных предметов современной исторической науки. Социальное значение этого явления остается неопределенным, относительно его природы так и не сложилось единого понимания.

Справедливо будет отметить, что попытки определения социального значения одержимости уже предпринимались рядом исследователей, например М. Серто [7], К. Д. Воробек [8], Б. П. Леваком [9] и др. В большинстве случаев социальное значение одержимости сводится к механизму снятия социальной и психологической напряженности путем выявления одержимыми колдунов и ведьм, внимание исследователей также часто сосредотачивается на значении ритуала экзорцизма, тесно связанного с феноменом одержимости, тогда как само явление одержимости нередко ускользает от исследователей. В связи с этим существует потребность в более детальном определении социального значения этого явления в жизни английского общества в эпоху позднего Средневековья.

С целью восполнить данный пробел в историографии, был произведен анализ одного из известных случаев массовой одержимости в истории Англии XVI–XVII вв. дела «Ланкаширской семерки» 1594–1597 гг. [10, Р. 197–239], «эпидемии одержимости», произошедшей в две волны: малую (началась в феврале 1594 и закончилась в 1596 году), и большую (началась в январе и закончилась в мае 1597 года).

Детальный рассказ об одержимости, случившейся в фамильном имении землевладельца Николаса Старки в графстве Ланкашир, составил Джордж Мор, один из экзорцистов, освободивших бесноватых от демонов [10. Р. 192]. Фабула повествования заключается в разоблачении знахаря Эдмунда Хартли, приглашенного для лечения детей четы Старки, как колдуна, и признания его лечебных практик вредоносным колдовством. Сюжет о колдуне Хартли интересен в меньшей степени, нежели история «пострадавшей» стороны — одержимых, поэтому внимание будет сосредоточено именно на них.

В памфлете упоминается семеро одержимых — двое детей Старки: девятилетняя Анна и десятилетний Джон; три девочки — воспитанницы четы Старки: сестры Маргарет и Элионор Хердмен, четырнадцати и десяти лет, и двенадцатилетняя Элен Холленд; тридцатитрехлетняя

родственница миссис Старки: Маргарет Байром; служанка в имении Старки тридцатилетняя Джейн Эштон [10, Р. 201].

Одержимость в имении Старки началась в феврале 1594 года с двух детей четы — Анны и Джона. После приглашения знахаря-заклинателя Эдмунда Хартли для лечения детей, наступил период выздоровления, но после серьезного конфликта знахаря с отцом детей Николасом Старки в январе 1597 года, одержимость вновь вернулась в имение с большим размахом. Одержимыми стали не только двое детей Старки, но и три девочки воспитанницы, гостившая в доме родственница семейства и их служанка. Виновником беды в доме Старки был объявлен Хартли, по обвинению в колдовстве его казнили в марте 1597 года. Однако одержимость в имении Старки продолжилась вплоть до мая того же года, пока в Ланкашир не прибыл известный экзорцист Джон Даррелл и его помощник Джордж Мор. Проведя несколько удачных экзорцизмов, они освободили одержимых от демонов. Всех, кроме Джейн Эштон, одержимость которой продолжалась еще три года, пока она не приняла католицизм и не была освобождена католическими священниками.

Выбор Ланкаширского казуса неслучаен, поскольку среди одержимых Ланкашира представлен весь спектр типов одержимых Англии указанного периода [11, Р. 22–23]. Половозрастной состав совпадает с половозрастным составом общего количества одержимых Англии XVI–XVII вв., и включает в себя детей, подростков обоих полов и взрослых женщин. Общее количество бесноватых Ланкашира делится на две группы — детскую и взрослую. Первую группу составляют дети, чья одержимость началась в первую волну, вторую группу составляют женщины, чья одержимость началась во вторую волну эпидемии и закончилась гораздо позже. Несмотря на групповой характер данной одержимости, у каждого из семерых бесноватых прослеживается своя индивидуальная поведенческая стратегия. В связи с этим появляется возможность рассмотреть несколько сценариев одержимости в рамках анализа одного дела, и получить более достоверные выводы, основываясь на более широком материале. Для этого рассмотрим, какую роль выполняло явление одержимости в рамках Ланкаширского казуса, определим — каким образом понимал и интерпретировал это явление позднесредневековый житель Англии.

Как было сказано, на сегодняшний день большинство исследователей сходятся на том, что основным социальным значением феномена одержимости было снятие при ее помощи социально-психологической напряженности в общине. Данный тезис основывается на том факте, что одержимость чаще всего возникала в условиях кризиса или крайне

напряженной психологической атмосферы, трудных жизненных обстоятельствах, например в условиях голода, войны или эпидемии, и была реакцией на неразрешимую в обычных реалиях проблему, как для самого одержимого, так и для окружающего его сообщества. Хотя в последнее время данный тезис и пытаются оспорить, он все же заслуживает доверия, если понимать под кризисом не только глобальные вызовы, как, например война, но и невзгоды местного и личностного уровня, как например, любовная драма, внутрисемейная ссора или конфликт местных элит.

Это утверждение в полной мере относится и к Ланкаширскому делу. Действительно, на момент возникновения эпидемии в графстве Ланкашир наблюдалась крайне сложная религиозная, политическая и социальная ситуация. «Графство было бедным, малонаселенным, с точки зрения сельского хозяйства — неплодородным, и политически консервативным» [5, Р. 145]. Территории графства были столь обширны, что сделали его административно неуправляемым. Это привело к провалу правительственной борьбы в графстве против католицизма, который сохранился в виде тайных обществ священников и подпольных католических общин. Большинство официальных должностей в периферийном графстве несменяемо занимали протестанты, остальные посты, за неимением протестантов, занимали те же тайные католики, не желавшие предавать суду своих религиозных братьев, что не могло не вызывать столкновения между ними. На протяжении правления Елизаветы и первых Стюартов Ланкашир оставался самым католическим графством в Англии. Вместе с тем за Ланкаширом закрепилась репутация графства, в котором проживало больше ведьм и их сторонников, чем в любом другом графстве Британии.

Кризисная ситуация на уровне графства усложнялась кризисной ситуацией в семействе Старки, где одержимость началась на фоне серьезного внутрисемейного конфликта. На протяжении долгого времени чета Старки враждовала с родственниками жены из-за наследства и земли, которая перешла к ней в обход наследников мужского пола. К этому конфликту прибавился и религиозный конфликт, родственники Старки были убежденными католиками, а сами Старки приняли протестантизм. Семью Старки мучило и то, что все дети, рожденные за это время, умирали, не достигнув и десятилетнего возраста, лишь двое младших родились здоровыми. Соседи говорили, что Старки прокляты за нечестную сделку с землей, и расплачиваются за это здоровьем детей [10, Р. 202–203]. На фоне серьезных страхов за жизнь и здоровье детей и излишней опеки над ними, на базе суеверий и сказок, сложившихся

вокруг семьи, ссор и скандалов между взрослыми у детей Старки возникло то состояние, которое в последующем положило начало первой волне одержимости.

Вторая волна эпидемии, очевидно, была связана с личностью приглашенного знахаря-заклинателя Эдмунда Хартли, поведение которого вызвало всеобщее недовольство своей аморальностью. Хартли изменил лечебную практику с трав и заклинаний на поцелуи, вмешивался в дела семейства, обещал сразу нескольким женщинам в имении жениться на них, настраивал детей против родителей и т. д. При этом услуги Хартли стоили недешево: он получал содержание в сорок шиллингов годовых и жил в поместье Старки. Постоянные ссоры между Старки и Хартли приводили к ухудшению здоровья детей, в услугах Хартли вновь возникала острая необходимость, и семейство шло ему на уступки. В конце 1596 года Хартли стал угрожать Николасу Старки своим отъездом за границу, если ему не предоставят землю и дом, на это Старки пойти не могли и по совету знаменитого ученого и алхимика Джона Ди решили отказаться от его услуг [10, Р. 204]. Ситуация в имении Старки накалилась до предела, на этом фоне и началась вторая волна эпидемии. Помощь Хартли была столь же необходима, как и неприемлема. В сложившейся ситуации одним из действенных механизмов избавления от общего раздражителя стала казнь Хартли за колдовство и намеренное нанесение вреда членам семейства Старки.

Однако не только сложные отношения между отцом семейства и знахарем послужили основой для возникновения второй волны эпидемии одержимости, отдельное место в этом процессе внутри взрослой группы одержимых Ланкашира занимает тема любовной драмы. Разочарование в любви часто приводится исследователями как источник формирования одержимости в среде женщин, наряду с подавляемым сексуальным влечением, безответной любовью или изменой [12, Р. 247]. Данный психологический механизм еще И. М. Льюис облек в формулу «депривация — фрустрация — трансгрессия — одержимость» [13, Р. 63–71]. Интересно и то, что для позднесредневекового человека одержимость как таковая была не только маркером несчастной любви, но и могла быть решением сложных межличностных отношений. Так, М. Слуховский приводит в своей работе несколько примеров использования женщинами одержимости во избежание замужества с нелюбимым человеком, или, наоборот, в целях выйти замуж за любимого в обход воли родителей, одержимость также служила маскировкой нежелательной беременности и т. д. [14, Р. 39].

Относительно женщин-одержимых в Ланкашире известно, что причиной их состояния стал Хартли, который, по их словам, при помощи поцелуев поместил в их тела демонов. В опасности оказались те, кого когда-либо целовал знахарь Хартли. Их оказалось двое — служанка Джейн Эштон, на которой Хартли пообещал жениться, и родственница семейства Маргарет Байром, за которой Хартли начал ухаживать с января 1597 года. Была и третья девушка, служанка Джоанна Смит, но она смогла вырваться из объятий Хартли прежде, чем он ее поцеловал, поэтому одержимость у нее не наблюдалась. Сами Маргарет и Джейн говорили именно о «любобной привязанности» знахаря, которую он проявлял к каждой из них, а Джейн заявила об обещании ей Хартли скорой свадьбы [10, Р. 205]. Интересно, что одержимость у нее проявилась только после приезда в имение Маргарет Байром, когда внимание Хартли полностью сконцентрировалось на ней. У Маргарет же одержимость проявилась раньше, когда о поцелуях Хартли заговорили и три девочки воспитанницы, и дети Старки. Подобное развратное и лживое поведение служило спусковым механизмом для возникновения одержимости не только в Ланкашире, но и во многих других местах по всей Европе, например, в Лудене в 1634 г. [7], и во всех этих случаях предполагаемый виновник одержимости предавался суду и был казнен.

Довольно часто роль снятия социальной напряженности при помощи одержимости сводится исследователями только к механизму поиска ведьм [6, С. 295–299]. Согласно традиционным представлениям, одержимость была следствием вредоносного колдовства, поэтому между ведьмой или колдуном — причиной одержимости, и одержимым — жертвой ведьмы или колдуна, существовала связь посредством демона, который мог назвать имя своей хозяйки или хозяина, пославшего его в тело одержимого. Таким образом, обвинение со стороны одержимого воспринималось как неоспоримое доказательство виновности предполагаемой ведьмы или колдуна, личности которых были раздражителями для членов того сообщества, в котором жил одержимый. Действительно, между «охотой на ведьм» и эпидемиями одержимости существует серьезная взаимосвязь, однако сводить роль феномена одержимости только к выявлению ведьм неверно, так как существовали и другие варианты снятия психологической и социальной напряженности при помощи одержимости. Это также видно на примере Ланкаширского случая.

В первую очередь механизм социально-психологической разрядки связан с фигурой самого одержимого, которой было позволено говорить и делать все, что ей вздумается. Большинство исследователей отмечают

деструктивный характер одержимости, проявляющийся в полном нарушении привычного порядка вещей принятых внутри данного сообщества — дома, монастыря, деревни или города [12, Р. 245]. То, что было запрещено, становилось доступно, те, кого не замечали, становились главными героями. Дж. Шарп пишет о том, что у одержимых была некая «лицензия на плохое поведение» [15, Р. 198–199], т. е. одержимость была легальным способом обойти или прямо нарушить запреты и нормы, принятые в обществе. Поведение бесноватого исследователи также называют анти-поведением, зеркально отражающим благочестивое поведение рядовых членов общины [11, Р. 26].

Некоторые авторы указывают на прямую зависимость проявлений одержимости от психологического климата эпохи. Так Ж. Делюмо описывает крайнюю невротизацию средневекового общественного сознания на почве самоанализа, боязни совершить проступок и впасть во грех [16, С. 416–448], а Б. Левак отмечает, что одержимость приобрела наибольшее распространение в среде протестантов, особенно среди кальвинистов и англикан, где концепт одержимости приобрел новое определение, и стал означать греховность души одержимого [9, Р. 56–80]. Исходя из протестантского определения одержимости, данное состояние человека было следствием его греховного поведения. Реакцией на данный концепт одержимости стала особая форма протестантского благочестия, заключающаяся в наборе морально-нравственных установок, жестко регламентирующих частную жизнь человека, в особенности женщин и детей. Главной задачей мужчин-протестантов, особенно отцов и мужей, становился надзор за женами и детьми, за их мыслями и словами, действиями и занятиями.

Поэтому поведение одержимых детей в Ланкашире, как в первую эпидемию, так и во вторую может быть расценено как вариант протеста против родительского давления. Согласно гендерным исследованиям одержимости, одним из вариантов реализации социально-психологической разрядки было восстание против властных структур — глав семейств, отцов и мужей, настоятелей монастырей и т. д., со стороны тех, кто в обычных условиях был лишен права голоса и свободы действия [12, Р. 241].

Так одержимость детей в Ланкашире сопровождалась отсутствием аппетита, апатией, криками, припадками и богохульствами. Дети демонстрировали чудеса силы, выносливости, проповедовали и говорили от лица демонов и ангелов. Довольно часто они беспричинно пели и танцевали, смеялись и веселились, также они играли, например, в карточные игры, но при этом не могли вынести молитв взрослых, чтения и вида

Священного Писания, не могли находиться в церкви и ходить в школу [10, P. 217].

Пятеро детей проводили много времени вместе, создав что-то вроде своего круга, куда взрослым не было доступа. Припадки и видения начинались в одно и то же время у всех и сразу, все они избегали внимания и опеки взрослых. Любое вмешательство взрослых в их дела сталкивалось с активным сопротивлением со стороны детей. Так, во время одного из припадков одержимых детей Джон Даррелл и Джордж Мор пытались успокоить их, увещевая и призывая их обратиться к Богу и Библии, но в ответ получили лишь насмешки и издевательства. Каждое благое слово экзорцистов передразнивалось, дети корчили рожи, плакали, кричали, а когда взрослые обратились к Библии, дети громко рассмеялись, подняли на смех не только экзорцистов, но и саму Библию, начав менять слово Библия «Bible» на разные лады — «Reach them the Bibble bable, bibble babbell» [10, P. 224]. Эта фраза была многократно повторена каждым из них, а за ней последовали настолько грязные и богохульные речи, что экзорцисты не осмелились продолжить ритуал [10, P. 224–225].

В представленном поведении прослеживается еще один вариант проявления снятия социально-психологической напряженности — механизм смеховой разрядки. Данный механизм реализовывался посредством высмеивания одержимыми тех ценностей и представлений, что налагали наиболее жесткие ограничения на членов общины или вызывали у них негативные эмоции, например чувство страха. Как пишет М. М. Бахтин: «Особенно остро ощущал средневековый человек в смехе именно победу над страхом. И ощущалась она не только как победа над мистически страхом («страхом божьим») и над страхом перед силами природы, — но и, прежде всего, как победа над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека: страхом перед освященным и запретным, перед властью божеской и человеческой, перед авторитарными заповедями и запретами, перед смертью и загробными воздаяниями, перед адом, перед всем, что страшнее земли» [17, С. 44]. Согласно М. М. Бахтину, главным инструментом освобождения человека от страха посредством смеха в средневековой культуре был карнавал, выводящий человека за пределы серьезного мира, в котором он был жертвой социальных и религиозных запретов.

Здесь также прослеживается момент некой карнавализации — слома привычного образа жизни, смены ролей. Но в отличие от карнавала, место и время проведения которого были строго определены, припадок одержимого носил внезапный характер, и выполнял сиюминутные

задачи стабилизации общественных настроений. В этом отношении интересно, что проявления одержимости усиливались в преддверии и после больших церковных праздников, дней памяти наиболее почитаемых святых, постов и т. д., а также во время затяжных погодных периодов, связанных со сменой сезонов года, особенно в конце осени, зимой, в начале весны. В Ланкашире же эпидемии усиливались накануне и после Рождества и Пасхи, в период с ноября по декабрь, с февраля по январь, с марта по май. В данном случае одержимость — реакция на ужесточение бытовой жизни во время постов и больших религиозных праздников, налагающих ряд серьезных запретов на проявления эмоций и действий, или же реакция на монотонность и рутинность жизни. В то же время одержимость в ключе карнавализации не только способ спасения от скуки, но и форма победы над страхом перед властью имущими, Богом, смертью.

Еще один способ победы над страхом осуществлялся посредством механизма коммуникации одержимого со сверхъестественным миром, где одержимый исполнял роль связного между миром реальным и потусторонним. Во время своих припадков одержимый пророчествовал, раскрывал тайны и секреты, демонстрировал чудеса исцеления, общался с покойными, отвечал на насущные вопросы зрителей. Благоговейный страх перед неизвестным и очевидные чудеса одержимых не только поддерживали религиозное рвение среди населения, но и помогали сделать окружающий мир более понятным, предсказуемым. Так как во время припадков сущность демона подавляла личность человека и выступала на первый план, говорила и действовала практически самостоятельно, и одержимый не помнил, что он делал и говорил во время этих приступов, у зрителей этого действия возникало ощущение непосредственного контакта с потусторонними силами.

Совмещение в одном теле двух совершенно разных личностей — человека и демона, делало одержимого объектом пристального внимания со стороны окружающих его людей. Согласно распространенным поверьям, человек, в тело которого вселился демон, получал доступ к навыкам и способностям захватчика — например, к таким как ясновидение, сверхчеловеческая сила, целительство, способность говорить на ранее неизвестных языках, левитация и т. д. Благодаря этому одержимый представлялся общиной как уникальный источник знания обо всем на свете [11, Р. 26–34].

Пророчества одержимых были непосредственным и самым ожидаемым сообществом свойством их состояния. Пророчества и предсказания касались как частной жизни семьи и общины, например предсказания

о том, кто из жителей станет следующим одержимым, или что в поселение придет гость, так и носили глобальный характер — нередко были предсказания о конце времен или судьбе страны или правителя. Одержимые Ланкашира делали предсказания точного времени начала, длительности и количества приступов друг друга [10, Р. 215]. Джон Старки предсказал приезд одного из арендаторов отца, которого никогда до этого не видел, и он же предвещал скорый конец света и приближающейся кары божьей [10, Р. 209].

Стоит отметить, что нередко глава общины или экзорцист для демонстрации правдивости состояния одержимости проводили испытания одержимого. Так, Николас Старки во время одного из сеансов в имении провел следующий эксперимент. Пока его сын находился в трансе, он спрашивал его о присутствующих в доме людях, число которых превышало двадцать человек, просил назвать их имена, определить, откуда они приехали. Мальчик ни разу не ошибся, правильно обозначив каждого из посетителей, при том что его глаза были плотно закрыты [10, Р. 209].

Кроме пророчеств и предсказаний, одержимые отвечали на живо-трепещущие вопросы своих сограждан. Задаваемые людьми вопросы были разного толка: кто-то спрашивал о пропавшем человеке, кого-то интересовало будущее, кто-то просил совета в сложной ситуации. Одержимые даже оказывали помощь в розыскных мероприятиях по поиску и поимке преступников, поиску кладов и потерянных вещей. Согласно традиционным представлениям, тот, кто находился в тесном контакте с нечистым, становился способен к поиску золота, зарытого в земле, и мог без труда указать на место нахождения потерянной или украденной вещи [5, Р. 150]. Через одержимого могли связаться с живыми усопшие родные и близкие, одержимые открывали сердечные тайны и т. д. Большинство из предсказаний одержимых сбывались, что приводило публику в восторг, вызывало в них благоговейные чувства.

Одержимые демонстрировали не только богохульства, но и чудеса благочестия в диалогах с демонами и в длительных монологах-проповедях. Например, Джон Старки в своих видениях увидел «страшные грехи всей земли и всех людей», и призвал «бояться Божественного суда». Более того, он обращался к родителям и всем тем, кто мог его услышать, и просил раскаяться во всех грехах, дабы они могли избежать Божьей кары, и очень сожалел, что не может предупредить и спасти всех остальных жителей земли [10, Р. 209]. Ему также принадлежала и «самая превосходная молитва» о «процветании церкви, о долгой жизни Ее Величества Королевы, и о скорейшем падении врагов короны,

о благополучии миролюбивого правительства и всех истинных последователей Христа, о своих родителях и о всех Божьих людях», которую ко всеобщему восхищению он прочитал, так как не прочитал бы и самый хороший проповедник [10, Р. 209]. В то же время Маргарет Байром в одном из диалогов со своим демоном по имени «Гордыня», в ответ на предложенные им богатства и украшения, сказала: «Я бросаю вызов Вам, Сатане и вашей гордыне, поскольку все это иллюзия и обман. Я не приму ничего из этого. Да благословит меня Христос!» [10, Р. 211].

Таким образом, одержимость для Ланкаширских одержимых в каком-то смысле стала способом привлечения положительного внимания со стороны окружающих, и даже послужила источником для восхищения ими. Многие из позднесредневековых одержимых во время своих припадков демонстрировали сопротивление искушениям Сатаны и демонов, например Томас Дарлинг [18, Р. 155–190] или Маргарет Мушамп [19, Р. 363–390], также многие из них изобличали грехи окружающих людей, требуя раскаяния и прощения. В этом контексте одержимость может прочитываться как способ привлечения внимания к собственной персоне, или механизм повышения личного социального статуса, путем игры в святость и благочестие. Прежде малозаметный член сообщества, тот, кого считали наиболее уязвимым ко злу и греху, ребенок или женщина, показывали свою искреннюю приверженность христианству, становясь знаменитыми, повышая свой авторитет, увеличивая свое значение и роль в жизни общины. Тем самым одержимость была способом самопрезентации и самовыражения угнетенных и подавляемых членов общества, в первую очередь женщин и детей.

Другим аспектом «игры в святость и благочестие» было избавление от чувства неуверенности в ситуации межрелигиозной борьбы у представителей той или иной общины при выборе между католицизмом и протестантизмом. Сначала протестантизм отвергал экзорцизм, как и саму идею одержимости демоном, как суеверие и невежество, так как католический церемониал с использованием реликвий — четок, облаток, трав, святой воды и распятий, молитв и особых заклинательных формул — воспринимался протестантами как подражание колдунам и ведьмам в их магических практиках [9, Р. 81–112]. Однако в скором времени протестанты разработали свой ритуал экзорцизма, основываясь только на молитве, посте и покаянии. При этом ритуал могли проводить не только специально обученные священнослужители, но и рядовые представители протестантской общины. С этого времени наблюдается острейшая конкуренция за проведение ритуала экзорцизма, как между двумя ответвлениями христианской традиции, так и между монаше-

скими орденами и духовными группировками внутри каждого из них. Данное противостояние основывалось на вере, что только истинной церкви Христа было подвластно изгонять демонов, в зависимости от поведения одержимого, его реакции на лечение и проводимые ритуала экзорцизма. В зависимости от того, представитель какого религиозного течения одерживал победу над демоном на экзорцизме, тем увереннее становились приверженцы данного течения в собственных силах и правоте. Значение одержимости заключалось и в том, что зритель страданий одержимого становился участником битвы между темным и светлым началом, между бесом и священником, где полем битвы было тело одержимого. Кульминацией действия была безоговорочная победа добра над злом, что символизировало торжество надежды человечества на спасение.

Таким образом, исходя из представленного материала видно, что механизм социально-психологической разрядки помогал позднесредневековому англичанину найти решение конфликтных ситуаций разного уровня: 1) семейных, на уровне взрослый/ребенок; 2) любовных взаимоотношений; 3) внутренних личностных конфликтов, на базе религиозной, психологической неуверенности, к тому же он был способом избавления от затянувшихся периодов скуки и рутины, навязчивого состояния страха перед лицом неизвестности, перемен и т. д. Реализовывался этот механизм путем временного снятия режима психологической напряженности, например, в варианте временного неподчинения воли родителей, либо полного избавления от социального раздражителя, как в случае казни колдуна или ведьм.

Однако социальное значение одержимости не ограничивается только механизмом социально-психологической разрядки, другой важной миссией одержимости была передача одержимыми зрителям, в первую очередь молодежи и детям, культурных символов и образов эпохи, и эта миссия также прослеживается на примере Ланкаширского дела. Сама одержимость может пониматься как символ или образ греха, наказания за него, спасения человека в лоне христианства и т. д. Именно благодаря данному значению одержимости становилось возможным само воспроизводство феномена в поколениях. Ведь одержимость — это повторение заранее известных и усвоенных человеком представленных выше стандартов антиповедения, прочитываемых обществом как одержимость. В зависимости от степени усвоения символов и образов находилась судьба данного явления. На примере английских позднесредневековых одержимых, большинство из которых именно дети от 10–18 лет, видно, что одержимость воспроизводилась путем подража-

ния примерам и образам, почерпнутых из памфлетов или увиденных воочию [11, Р. 38–42].

Одержимость в числе прочего была формой передачи представлений о мироздании, о том, что есть реальность, каковы ее законы. Ярким примером этому может служить дальнейшая судьба главного героя Ланкаширской истории — Джона Старки. Спустя сорок лет после окончания одержимости, в 1634 году, уже пятидесятилетний представительный мужчина, мировой судья Джон Старки слушал дело по иску одержимого десятилетнего мальчика против шестнадцати ведьм, которых Старки признал виновными [5, Р. 160]. Будучи уже взрослым человеком, господин Старки продолжал воссоздавать те же культурные образы, что усвоил в возрасте десяти лет, одержимость, ведьмы и демоны были для него столь же реальны, как любое другое явление, например погодное. Усвоенный посредством одержимости Джоном Старки в раннем детстве культурный код эпохи в каком-то смысле помог ему построить карьеру, так как сформировал у него те представления о жизни, что разделяла вся позднесредневековая эпоха.

Другим аспектом социального значения одержимости была морально-ценностная направленность ее проявлений. Одержимый собственным поведением очерчивал границы добра и зла, нормы и нарушения нормы, задавая морально-ценностные ориентиры зрителям припадка одержимого. Страдания одержимого также воспитывали в зрителе сострадание и милосердие. Известны случаи, когда присутствующая на экзорцизме публика не раз проливала слезы горя, счастья, умиления и т. д. [11, Р. 24–25]. Судьба одержимого и его страдания должны были донести до рядового человека важность соблюдения правил и приличий и указать на уязвимость каждого члена общины, на хрупкость человеческого счастья.

В одном из своих исследований молодой британский исследователь К. Джонс определяет социальное значение феномена одержимости как зависимое от ожиданий и убеждений эпохи и видит в ней «вариант улучшения религиозного и нравственного положения в благочестивой общине, способ предложения человеку понятного ему объяснения социальных недугов, форму защиты от сил Тьмы» [20]. Действительно, на примере Ланкаширского казуса видно, что одержимость была способом решения социальных проблем, способом избавления от социальной и психологической напряженности в соответствии с ожиданиями, установками и представлениями позднесредневекового английского общества. Также благодаря рассмотрению Ланкаширского казуса был обнаружен другой важный аспект социального значения явления одер-

жимости — воспитательный, морально-ценностной аспект этого феномена. Социальное значение феномена одержимости реализовывалось как на уровне общины, так и на уровне личности самого одержимого, охватывая при этом практически все сферы жизни позднесредневекового человека, от религиозной до политической. Феномен одержимости была отражением социальных процессов происходивших в обществе того времени, поэтому и окончательную точку в определении социального значения одержимости ставить еще рано.

Список источников и использованной литературы

1. *Монтер У.* Ритуал, миф и магия в Европе раннего нового времени. М., 2003.
2. *Levack B.* The Witchcraft Sourcebook. 2003.
3. *Игина Ю. Ф.* Водовство и ведьмы в Англии: антропология зла. СПб., 2009.
4. *Gibson M.* Reading witchcraft. London, New York, 1999.
5. *Sands Kathleen R.* Demon Possession in Elizabethan England. Westport, 2004.
6. *Роббинс Р. Х.* Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996.
7. *Certeau Michel de.* The Possession at Loudun. Chicago, 2000.
8. *Worobec C. D.* Possessed: Women, witches and demons in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001.
9. *Levack B.* The Devil within. Possession and Exorcism in the Christian West. Yale University, 2014.
10. *More G.* A True Discourse concerning the Certain Possession and Disposition of 7 Persons in one familie in Lancashire. London, 1600 // *Almond Philip C.* Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context. 2004. P. 197–239 // [Электронный ресурс] URL: <http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1600/01/a-true-discourse-concerning-the-certain-possession-and-dispossession-of-7-persons/> (последнее обращение: 14.09.2016)
11. *Almond Philip C.* Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context. Cambridge, 2004.
12. *Purkiss D.* The Witch in History. London, New York, 2003.
13. *Lewis I. M.* Ecstatic religion: an anthropological study of spirit possession and shamanism. London, Harmondsworth, Eng.: Penguin Book, 1989.
14. *Sluchovsky M.* Believe not every spirit: possession, mysticism, and discernment in early modern Catholicism. Chicago, The University of Chicago Press, 2007.
15. *Sharpe, J. A.* Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750. London: Hamish Hamilton, 1996.
16. *Делюмо Ж.* Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). Екатеринбург, 2003.
17. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1990.
18. *I. D.* A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirten years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible

apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance. London, 1597 // *Almond Philip C. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context.* Cambridge, 2004. P. 155–190.

19. *Moore, Mary.* Wonderfull Newes from the North. Or, a true relation of the sad and grievous torments, Inflicted on the Bodies of three Children of Mr George Muschamp, late of the County of Northumberland, by Witchcraft: and how miraculously it pleased God to strengthen them, and to deliver them. Printed by Smithfield, 1650 // *Almond Philip C. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context.* Cambridge, 2004. P. 363–390.

20. *Jones C.* The Social Significance of the Belief in Demons in Early Modern Europe. University of Oxford, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.researchgate.net/publication/282186513> (последнее обращение: 14.09.2016)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ГУМАНИСТОВ

Уже не первое десятилетие проблема византийского гуманизма и тесно связанного с ним «Палеологовского возрождения» поднимается византинистами со всего мира. Сам вопрос наличия периодов возрождения в византийской истории, так же как и их количества, вызвал немало споров в научной среде. И все же, существование как минимум последнего, Палеологовского, обосновал видный отечественный византист И. П. Медведев. Именно к этому периоду культурного взлета уже угасающей империи относится сложное явление византийского гуманизма. Следуя за И. П. Медведевым, я подразумеваю под этим термином духовно-интеллектуальный, психологический и этический комплекс воззрений, в котором ясно обнаруживается гуманистический окрас, имевший место в XIII–XV веках и не существовавший ранее [1, С. 147]. Слово «окрас» здесь следует подчеркнуть, поскольку настоящий гуманизм, равный по размаху итальянскому, в Византии развиться так и не успел. В этой статье я хотел бы акцентировать внимание именно на политико-философской составляющей идее византийских гуманистов. Однако сначала я дам краткую характеристику особенностей гуманистической мысли Византии в целом.

Основы византийского гуманизма были заложены в XIII веке, в Никейской империи [1, С. 147]. Гуманизм прослеживается в целом ряде явлений ее общественной жизни: возрождении эллинского самосознания на фоне борьбы с латинянами, типичном для гуманистов энциклопедизме никейских мыслителей, сходных с итальянскими литературно-философских кружках интеллектуалов, а также стремлении ученых выделить науку и творчество в отдельную сферу деятельности. Объединения никейских интеллектуалов вызывали интерес у императоров, поощрялись ими. Феодор II Ласкарис сам был одним из образованнейших людей в стране, а его переписка с членами придворного интеллектуального кружка пронизана новым мышлением: необычайно живая, склонная к философствованию, мыслям о красоте

и величии памятников античного прошлого [1, С. 151]. Немаловажно, что роль Никейского государства в возрождении византийской культуры позднее подметил Феодор Метохит, сам бывший выдающимся ученым-гуманистом, сказав, что «Никея посеяла семена будущего возрождения» [2, С. 225]. Таким образом, деятельность никейских интеллектуалов заложила основу для дальнейшего развития гуманизма в уже восстановленной Византийской империи последующих двух столетий.

Философской основой византийского гуманизма был платонизм, возрожденный и переосмысленный мыслителями того времени [3, С. 67]. Разумно будет вспомнить о том, что учение Платона, как и античное наследие в целом, никогда не выпадало из интеллектуальной жизни империи. Однако гуманисты не просто обратились к нему, а начали искать и выделять в нем моменты, оппонирующие христианскому мировоззрению [3, С. 70]. Но это не значит, что они разрывали с христианством — большинство оставалось его приверженцами.

И все же, эти светские, даже секулярные наклонности византийских гуманистов стали причиной их противостояния с мистическим религиозным движением исихастов, идеологом которых был известный поздневизантийский богослов Григорий Палама. И. П. Медведев рассматривает исихазм, как ортодоксальную реакцию на гуманистические взгляды, по терпимости и методам борьбы с инакомыслящими сходную с католической инквизицией [3, С. 40]. Получение же исихазмом официального признания и поддержки на Пятом Константинопольском соборе, прошедшем в шесть совещаний с 1341 по 1351 год, дало ему большое преимущество перед рационалистическими оппонентами, фактически подавив их.

Сложная политическая ситуация в Византии эпохи Палеологов и особенно в ее конце наложила свой отпечаток на интеллектуальную жизнь того времени. Видный представитель гуманистической мысли, Димитрий Кидонис, еще в юности сокрушался о «потопе, затопившем все вокруг», о людях, которые беспомощны перед ним [4, С. 209]. Впоследствии он обвинял в упадке страны как распри при дворе, так и вносящие разлад восстания народа [2, С. 267]. Но тогда же началось и «Палеологовское возрождение». Контраст между ростом культуры и упадком государства подмечали сами современники: видный поздневизантийский ученый-гуманист, Никифор Григора, в сочинении «Флорентий, или О мудрости» рассказывает устами одного из участников диалога о спонтанном росте интеллектуальной жизни в Константинополе, начавшемся вопреки переживаемым империей бедствиям [2, С. 224].

Наконец, важной чертой византийского гуманизма была его взаимосвязь с гуманизмом итальянским [5, С. 81]. Они взаимно влияли друг на друга, интеллектуалы двух народов поддерживали общение друг с другом, обменивались знаниями об античности, философии и богословии. Например, Георгий Гемист Плифон, ученый-гуманист, который еще будет упомянут ниже, общался с флорентийскими гуманистами, установив связи с ними на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 годов. Он написал для них, тянувшихся к малоизвестной в Италии того времени философии Платона, трактат о различиях между его взглядами и учением Аристотеля, которое поддерживалось церковью и на которое Плифон обрушился с яростной критикой. С его же именем связано создание Платоновской академии Козимо Медичи [6, С. 387]. Общался он и с ранним немецким гуманистом Николаем Кузанским, также поведав тому, во время его поездки в Константинополь, об учении Платона [7, С. 8]. Однако ни связи между интеллектуалами, ни внешние сходства этих двух течений не делали их одинаковыми. В отличие от гуманизма итальянского, византийский гуманизм не имел возможности опереться на зарождающуюся буржуазию, а потому не смог преодолеть традиционалистское сопротивление исихастов и превратиться в масштабное явление уровня Ренессанса в Италии. Кроме того, он и сам находился под влиянием традиционализма. Турецкое же завоевание Византийской империи окончательно поставило точку в развитии местного гуманизма, рассеяв выживших его представителей по Европе.

На этом я перейду к собственно политическим взглядам, которые можно выделить в воззрениях византийских гуманистов.

Одной из важнейших особенностей политической философии того времени было уже упомянутое выше возрождение эллинского национального самосознания. Оно отнюдь не вытеснило имперского универсализма, бывшего всю историю Византии основой ее политической мысли. Однако сам факт возрождения эллинской идентичности в обществе, в котором само слово «эллин» веками имело архаичный и даже языческий, а потому и негативный окрас, крайне примечателен [8, С. 13]. Возрождение эллинизма было обусловлено не только борьбой с латинскими завоевателями, продолжавшейся и после отвоевания Константинополя, но и общим ослаблением государства, которое привело к обособлению местных центров, в первую очередь Мистры, и заставило некоторых мыслителей осознать неуместность универсалистских идей в то время. Ярчайшее выражение неозеллинизм находит во взглядах Плифона, которого современная греческая историография считает одним из предвестников греческого национального сознания [9, С. 89].

И все же идея всемирной христианской империи с центром в Константинополе доминировала в общественном политическом сознании Византии до самого ее конца. Приверженность ей не была отторгнута и гуманистами — Никифор Григора и Димитрий Кидонис неоднократно высказывались в духе универсализма [2, С. 268]. Однако гуманисты же и привнесли критический, рациональный взгляд на эту концепцию. Особенно знаменателен в этом контексте Кидонис, который наперекор великодержавному настрою двора, порицал происходящее в стране, указывал на пропасть между мнением византийцев о себе и реальным положением дел в мире. Считая родину самым святым, что есть у человека, он утверждал, что любовь к ней должна быть разумна, что ради ее же блага нужно порой не соглашаться с ней, если она идет по неверному пути [2, С. 274]. Также Кидонис стал основателям партии латинофилов, убеждая соотечественников в необходимости забыть религиозные распри с Западом, в надежде на то, что он поможет Византии отстоять свою независимость.

Другой важной политической темой, волновавшей византийских гуманистов, были отношения человека и государства. Феодор Метохит, например, полагал, человек может быть одинаково счастлив в государстве как больших, так и маленьких размеров, как с монархическим, так и с олигархическим или демократическим строем. Нужно лишь, чтобы это государство не воздействовало на него деспотическими методами, но использовало убеждение [10, С. 420]. Стоит заметить, что вопрос о личности как таковой, ее идеале был одним из важнейших противоречий между взглядами гуманистов и исихастов-паламитов. Если гуманисты считали, что человек должен постоянно и всесторонне развиваться, стремиться к максимальной самореализации, то мистики-исихасты видели идеал в человеке-аскете, стремящемся к трансцендентному единению с Богом [3, С. 113]. Между тем с индивидуалистическими тенденциями, характерными для гуманистической мысли, можно связать увеличение количества дошедших до нас автобиографий в поздне-византийский период [1, С. 150]. Ярко они проявились и в стремлении авторов того времени, известном нам по их письмам, увековечить свое имя путем написания выдающихся работ, которые запомнятся потомкам [2, 230].

Византийские гуманисты вернулись к популярной в античной мысли идее о естественном законе. Феодор Метохит именно его действием объяснял упадок и грозящую гибель империи, утверждая, что все в этом мире подвержено рождению и гибели. Этим он, между прочим, поставил под сомнение традиционное для византийцев убеждение

в бессмертии их государства. Плифон рассматривал естественный закон, как некий единый космический порядок, частью которого являются и люди [11, С. 71]. Им же он обосновывал свое неприятие частной собственности на землю, объявляя ее законным владением того, кто ее возделывает [6, С. 494]. О естественном законе писал и идейный противник гуманистов, Григорий Палама, но он трактовал его, как источник свободы воли.

В работах Никифора Григоры, Димитрия Кидониса, Георгия Гемиста Плифона и некоторых других гуманистов можно увидеть признание возможности прогноза каких-либо событий или тенденций [11, С. 82]. Такой подход необычен для византийской мысли, поскольку он отходит от традиционной концепции неисповедимого божественного провидения. Прогноз событий представлялся им возможным из-за работы человеческого фактора [11, С. 83]. Поскольку люди обладают свободой воли, но руководствуются одинаковыми желаниями, они регулярно, из века в век повторяют одни и те же ошибки. Это значит, что основываясь на изучении исторического опыта, можно предугадать некоторые будущие события. Стоит заметить, что здесь гуманисты перекликаются уже с Аристотелем, который считал провидение одним из главных качеств хорошего правителя.

Как я уже отметил ранее, византийскому гуманизму были свойственны светские, секулярные черты. Наиболее радикален в этом плане был Плифон, который совершал резкие нападки на церковь в своих работах. В частности, он отказывал ей в праве на какую-либо долю государственных доходов [6, С. 396], обвинял ее в паразитизме на обществе [11, С. 94]. Также он поддерживал десакрализацию власти [2, С. 260]. Впрочем, другие гуманисты — Феодор Метохит и Димитрий Кидонис не спорили с ее божественной природой [2, С. 256].

Поднимался и традиционный для политической философии вопрос об идеальном правителе. Ранее не вызывавший особых споров в византийском обществе, он стал еще одной причиной разногласий между исихастами и гуманистами [2, С. 256]. И те, и другие признавали римские добродетели (справедливость, благоразумие, мудрость и мужество), но мистики добавляли к ним добродетели христианские и делали акцент на них, в то время как гуманисты, такие как Димитрий Кидонис, считали наиболее важной просвещенность правителя [2, С. 257]. Но преимущества монархии как таковой сомнению не подвергались. Феодор Метохит, говоря о существовании демократического, аристократического и монархического строя, отдает предпочтение последнему. Демократию он считает вредной, поскольку равноправие толпы

мешает истинно талантливым людям принести пользу государству, зато позволяет раскрыться в людях всем порокам, ведя к нескончаемым распрям. Обосновывая последнее утверждение, Метохит обращается к современной ему Генуэзской республике, раздираемой гражданскими разногласиями. Аристократия же склонна к вырождению в олигархию. Поэтому он и считает наилучшей формой правления монархию, утверждая, что она устанавливает порядок и гармонию в государстве и позволяет одарённым людям возвыситься, монарх же играет роль разума державы [2, С. 258]. При этом худшим из зол для государства Метохит считает тиранию, поскольку тиран может в полной мере проявлять наглость и высокомерие благодаря своей безграничной власти [2, С. 263]. Димитрий Кидонис также считал монархию лучшей формой правления, поскольку только монарх может обеспечить счастье своим подданным. Интересна позиция Мануила Мосхопула, который, подобно Платону, считая причиной возникновения государства потребность людей в сотрудничестве для удовлетворения собственных нужд, отводил монарху роль арбитра. Аристократия не может выполнять такую функцию, поскольку разногласие в ее среде приведет к раздору в государстве. При этом монарх получает присягу от подданных, которые признают его право на применение силы. Таким образом, мы можем видеть одновременно концепции общественного договора, поскольку монарх оказывается ставленником народа, и гражданственности, которая выражается в подразумеваемой здесь преданности статусу монарха, а не его личности [2, С. 260].

Несколько особняком стоит идея просвещенной монархии у Плифона, который был не только ярким критиком христианства, но и убежденным неоплатоником, а потому его концепция целиком опирается на учение Платона [7, С. 14]. Будучи посланником Мануила II Палеолога на Пелопоннесе, он пишет ему и его наследнику о состоянии этих владений. Считая хорошо составленные и выполняющиеся законы залогом процветания государства и, в частности, причиной былого величия Спарты и Рима, он предлагает императору программу реформ [6, С. 393]. Из этих писем мы и можем подчерпнуть информацию о его взглядах. Как и Метохит, монархию Плифон считает лучшей формой правления, нежели олигархию и особенно демократию, которая плоха из-за невежества значительной части народа. Монархия идеальна, если правитель опирается на образованных советников. Интересно, что эти советники, по мысли Плифона, должны быть из среднего класса, поскольку выходцы из бедных будут желать поправить свое положение, а выходцы из богатых проявят жадность к дальнейшим приобретениям

[7, С. 15]. Эта концепция дополняется платоновскими принципами автаркии государства и протекционизма в экономике. Вводимое троичное деление общества несколько отличается от описываемого Платоном и включает наиболее полезных для государства производителей (земледельцы, пастухи и ремесленники), собственников (землевладельцы, целиком подвластные монарху) и хранителей порядка (армия, чиновники и император) со строгим разделением людей по видам деятельности. Последнее касается и монарха, который должен заниматься только правлением и не может иметь каких-либо экономических интересов [6, С. 392]. Предложенная программа подразумевает, что проведение таких реформ по силам просвещенному государю. Поэтому, несмотря на то, что Плифон ориентировался на реальное положение на Пелопоннесе и старался приспособить идеи Платона к своему времени, его часто обвиняют в утопичности. То, что письма адресованы императору с надеждой на реализацию им предложенного государственного строя, также сближает Плифона с Платоном. Как известно, последний приложил немало усилий, чтобы найти того самого просвещенного монарха, который реформирует свой полис по образу, данному философом в «Государстве», но так и не достиг успеха.

Плифон высказывает еще одну интересную идею. Он считает, что государство должно опираться не на наемников, а на восстановленную сухопутную армию [6, С. 390], в чем перекликается с Никколо Макиавелли, говорящем ровно о том же в своем «Государе». Однако главной цели своих изысканий, спасения страны, Плифон достичь не смог. Вскоре после его смерти пал Константинополь, а еще через несколько лет туркам-османам отошел и Пелопоннес.

После падения Византии многие ее жители, в том числе и носители гуманистических взглядов, бежали в Италию. Несмотря на гибель родины, в их среде сохранялся патриотизм, до последнего бывший важнейшей чертой политического сознания византийцев [2, С. 272]. Особенно ярко тогда проявил себя ученик Плифона, Виссарион Никейский. Ради спасения Византии он защищал идею унии еще на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 годов и получил за это ранг кардинала от папы Евгения IV. Виссарион использовал свое влияние для помощи соотечественникам и покровительства местным гуманистам, основал в Риме академию, ставшую центром распространения платонизма [5, С. 82]. В отличие от своего резкого учителя, Виссарион уважал Аристотеля и старался примирить христианство и враждебно воспринимаемое Католической церковью учение Платона [5, С. 76]. Наконец, руководствуясь патриотизмом, он стал ярким пропагандистом

антитурецкого крестового похода. На этой почве он нашел общий язык с одним из виднейших итальянских гуманистов — поэтом Энеа Сильвио Пикколомини, который к тому времени стал папой римским под именем Пия II и тоже стремился собрать такой поход. Из этих же соображений Виссарион перевел на латынь знаменитого афинского оратора Демосфена, известного своими речами против Филиппа II Македонского, некогда угрожавшего независимости греческих полисов [5, С. 85].

Подытоживая, следует сказать, что основным политико-философским вкладом представителей византийского гуманизма в итальянское возрождение является, разумеется, возвращение в Италию идей Платона, к тому времени имевших там крайне малое распространение из-за политики церкви. Важнейшую роль в этом сыграли уже упомянутые Платоновская школа Козимо Медичи во Флоренции и академия Виссариона Никейского в Риме. Но не стоит забывать и о влиянии византийской иммиграции в целом.

Проблема, поднятая в этой статье, важна как для византистики, так и для истории политических учений, а потому заслуживает дальнейшего развития и куда более глубокой проработки. Хотя византийский гуманизм не смог или не успел раскрыться в полной мере, реализовать весь свой потенциал, он интересен не только как явление, но и как фактор, оказавший прямое влияние на развитие гуманистической мысли в Италии, в том числе и мысли политической. Особенно важным в деле его исследования представляется продолжение изучения и перевода первоисточников. В этой же статье, не претендуя на исчерпывающий анализ политико-философских взглядов византийских гуманистов, я постарался выделить наиболее существенные политические идеи, которые можно обнаружить в мировоззрении представителей гуманистической мысли поздней Византии и, по возможности, рассказать об их происхождении и вкладе в мировую культуру.

Список источников и использованной литературы

1. *Жворонков П. И.* Гуманистические мотивы в культуре Никейской империи // *Византийский временник.* 1989. Т. 50 (75). С. 147–153.
2. *Культура Византии: XIII — первая половина XV в. / Г. Г. Литаврин.* М.: Наука, 1991. — 640 с.
3. *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV веков. СПб: Алетейя, 1997. — 341 с.
4. *Поляковская М. А.* Фракийский дневник молодого интеллектуала (август–сентябрь 1346 г.)//*Византийский временник.* 1998. Т. 55 (80). Ч. 2. С. 206–211.

5. *Удальцова З. В.* Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // *Византийский временник*. 1973. Т. 35 (60). С. 75–88.

6. *Георгий Гемист Плифон*. Речи о реформах / Пер. и предисл. Б. Т. Горянова // *Византийский временник*. 1953. Т. 6 (31). С. 386–414.

7. *Николай Кузанский*. Сочинения в двух томах. Т. 1: Перевод / Общ. ред. и вступит. статья З. А. Тажуризиной. М.: Мысль, 1979. 488 с.

8. *Ирмишер И.* Трансформация идеи государственности в последний период истории Византии // *Византийский временник*. 1976. Т. 37 (62). С. 13–16.

9. *Медведев И. П.* Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона // *Византийский временник*. 1973. Т. 34 (59). С. 88–96.

10. *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / Подгот. изд. В. И. Земсковой; науч. консультант И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.

11. *Хвостова К. В.* Понимание общественных явлений прошлого и настоящего в Византии XIV–XV вв. // *Византийский временник*. 1991. Т. 52 (77). С. 70–83.

Тян Е. К.
СПбГУ

«ДЕМОНОЛОГИЯ» В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ КОРОЛЯ ЯКОВА I СТЮАРТА

Обращаясь к многообразию увлекательных сюжетов прошлого, историк часто рискует обнаружить их изученными, интерпретированными, не раз упомянутыми в тех или иных работах и сочинениях. Тем не менее сюжеты интеллектуальной истории Средневековья и раннего Нового времени в современной историографии получают новое прочтение, прежде всего в контексте эволюции монархии и верховной власти. Так называемая «демонология», в раннее Новое время считавшаяся едва ли не научной дисциплиной, на данный момент является ярким примером подобного переосмысления и плодотворного рассмотрения в рамках отечественной и зарубежной историографии.

Но представленная статья посвящена не определению демонологии как области знания в средневековой культуре, объектом исследования стал одноименный трактат короля Англии и Шотландии Якова I Стюарта, труд, сочетающий в себе и особое мастерство языка, и грубые невежественные суеверия. Опираясь на текст «Демонологии», следует обратиться к некоторым отдельным сюжетам, рассматриваемым автором в трактате. Сопоставив их с культурными реалиями эпохи, надлежит выявить расхождения, общие черты и определить универсальные закономерности Великой охоты, мракобесия и научного изучения феномена Средневековья. Наконец, необходимо попытаться установить, какова внутренняя заинтересованность самого автора — короля: чем обусловлено его личное участие в массовом противостоянии силам зла?

Однако, концентрируясь на рассмотрении источника, исследователь и его «возлюбленный читатель» («beloved reader» — обращение, позаимствованное у самого Якова) прежде всего обязаны вникнуть в историю написания сочинения.

Интерес молодого короля к колдовству вспыхнул в период его пребывания в Дании, где проходил медовый месяц Якова и новоявленной шотландской королевы Анны, дочери Фридерика II. В «Демонологии» Яков озвучивает занимательные «факты» о близлежащих к Дании

территориях — Лапландии и Финляндии. По словам автора, они являются наиболее крупными очагами распространения врагов рода человеческого. Король называет эти земли «дикими уголками мира сего» [1, Р. 165], кроме того, дополняя список северными архипелагами из группы Британских островов — Оркнейским и Шетлендским. Неудивительно, что народу Дании не была чужда охота на ведьм. Контакты между соседствующими культурами обеспечивают широкое распространение той или иной традиции, в данном случае — традиции практической магии.

В попытках выяснить, какую роль во всеобщей истерии раннего Нового времени занимал трактат авторства короля, важно понимать, что на тот момент Яков вовсе не являлся первооткрывателем злободневной темы в литературе. По сути, он лишь продолжил бесконечную череду горьких заблуждений — именно такого определения стоят подобные сочинения. А высокий статус автора, чье слово значило для народа гораздо больше, нежели мы можем представить сейчас, только усугубил эффект, явившись причиной увеличения числа жертв мракобесия.

Однако следует отметить, что «Демонология в форме диалога» не только стала своеобразным «манифестом» (призывом) молодого короля — труд занимает важное место в истории охоты на ведьм в Европе, содержит захватывающие сведения, порой непристойные, но истинные для типичного представителя эпохи. Попробуем разобраться, почему затронутые Яковом темы возбудили столь бурный интерес и какие особенности сделали сочинение крайне популярным чтением в среде демонологов.

Во-первых, в своем роде как научный труд по демонологии трактат Якова I является примером беспрецедентным: небывалый случай в истории — король пишет о дьявольщине. Особо примечателен способ изложения информации в произведении. Яков Стюарт не был обделен литературным талантом и воображением, а также должной теоретической подготовкой. Трактат стал исключительным, своеобразным «диалогом» между двумя церковными иерархами. Но, несмотря на всеми признанную самобытность Якова как литературного автора и поэта, следует отметить, что некогда жанр диалога был весьма популярен — в этом свете Яков первооткрывателем, конечно же, не является. К примеру, диалог в качестве способа повествования был широко распространен в античной литературе (используется в ряде трудов Сократа, считавшегося мастером этого жанра, «Диалогах» Платона, а также в некоторых сочинениях Аристотеля, Ксенофонта, Цицерона), в индийской и даже древнекитайской изящной словесности. Но с нача-

лом Средневековья, под влиянием сочинений Бонавентуры и Фомы Аквинского, жанр диалога отходит на второй план, уступая господствующее место сумме как формату философских и иных рассуждений. Не будет лишним предположить, что именно под влиянием античных классиков Яков Стюарт задумал сделать трактат именно таким, каким он вышел из-под его пера. Также, не последнее место в формировании писательского дара Якова занимает опыт воспитания маленького наследника шотландского трона — Джорджа Бьюкенена, любимым жанром которого являлся именно диалог.

Имитация разговора — отличительная черта этого жанра, вернувшая диалогу его былую колоссальную популярность. Ведь, по сути своей, этот «разговор» односторонен, что помогает наладить прямой контакт между читателем и автором. Так Яков выражает свои мысли, внушает их и мастерски влияет на мировоззрение человека «по ту сторону бумажного листа». Реплики Эпистемона король обращает к народу, заявляя о своих твердых убеждениях относительно слуг Дьявола, магии, ее существования и способов проявления. Филоматес предстает в трактате гласом сомнения, так ненавистным Якову.

В трактате подробно рассматриваются различные стороны демонологических изысканий: Яков дает определение понятию магии, разъясняет отличия ведовства от некромантии, описывает их как особые дьявольские искусства. Важным пунктом рассуждений короля является аргументация всех его выводов с опорой на Священное Писание.

Отдельные главы посвящены рассказам об элементарных знаниях и учениях, необходимых для осуществления запрещенных практик. Яков описывает, как Дьявол завлекает жертв в свои сети и принуждает к служению, чему Сатана может научить и какую помощь способен оказать начинающим грешникам.

В последней, третьей книге сочинения, автор уделяет внимание так называемым «духам», мучающим мужчин и женщин. Яков описывает формы, какие эти духи способны принять, а также их разновидности, определяющими признаками которых служат способы влияния духов на обычных людей и принимаемые облики.

Король также устанавливает спектр возможностей папистов при осуществлении экзорцистских обрядов. К людям, нуждающимся в проведении таких процедур, автор причисляет одержимых бесами и помешанных безумных.

В завершение, Яков Стюарт приводит в пример собственное видение, как следует проводить судебный процесс над обвиненными в магических действиях узниками. Исходя из рассуждений о преступлениях,

король находит обоснование применяемым против деятельности ведьм и магов санкциям. Яков объясняет, в силу каких причин люди обязаны бороться с Дьяволом и какими методами должна осуществляться эта борьба. Он уделил особое внимание экзекуционным средствам и мерам пресечения. Эта сторона рассуждений Якова затрагивает проблему правового статуса демонологии.

Современному человеку ни в малейшей степени не может быть понятна позиция средневекового общества относительно магии. Каждый из нас, размышляя над озвученной проблемой, в первую очередь задается вопросом: откуда берется столь глубокое невежество и заблуждение? Говоря о менталитете средневекового человека, прежде всего следует помнить об общеизвестном факте: центральное место в человеческой жизни занимала религия. Повседневные реалии конца XVI — начала XVII вв. были столь же прозаичными, какими являлись они и в Средневековье: голод, пожары, неизлечимые болезни. Выражения и темы из Святого Писания вошли в обиход каждого, став неотъемлемой частью быта. Христианство — руководящая идея, наполнявшая жизнь средневекового человека смыслом. Религия была без малого единственным источником мудрости и стала опорой всех суждений, всех мнений. «Только в XVII веке стали придавать значение законам природы; тем не менее ученые больше всех старались показать, что наука доказывает существование Бога и совместима с Библией» [2, С. 35].

Демонология пребывала в весьма определенном статусе науки, только средневековой и своеобразной. Поэтому многие ее постулаты были обоснованы при помощи Библии. Яков, верный сложившимся традициям, в трактате не раз упомянул библейские сюжеты, аргументируя свою позицию. Король начинает рассуждение именно с этого пункта, ставя повседневную жизнь на второе по важности место.

«С христианской точки зрения возможность злых духов овладевать человеческим телом не подвергается сомнению» [3, С. 65]. Человек, хотя бы отдаленно знакомый с ветхозаветными сюжетами, несомненно, способен разобраться, каким образом они могут быть использованы для аргументации позиции демологов. Дело в том, что в Библии мы встречаем описания процедур экзорцизма, а также предписания наказывать людей, занимающихся магией. Чудеса неприродного происхождения часто фигурируют в Священном Писании. Произшедшие по воле божественной являются именно таковыми и имеют определение — «чудо». Однако, чудеса, произведенные рукой волшебницы, некроманта, мага, как отмечают демонологи, являются всего лишь дьявольскими просками. Интерпретируя противоречивые библейские

цитаты в соответствии с собственными идеями, демонологи находили оправдания жестоким расправам над ведьмами. Важное место в осуществлении ужасающих экзекуций занимает субъективное толкование Ветхого Завета. Он «...намного суровее и более жесток, чем Новый, он более озабочен коллективным уничтожением врагов Божиих без разбору и спасением еврейского народа, нежели отдельных личностей. Только Откровение в Новом Завете с ветхозаветным удовольствием повествует об избииении неправедных. У. К. Джордан давно уже отметил, что аргументы кальвинистов в пользу преследования инакомыслящих основывались на Ветхом Завете» [2, С. 94].

В качестве примера стоит привести выдержки из труда Якова, ярко иллюстрирующие типичное для демологов обоснование их точки зрения.

Английский король пишет: «Писание ясно доказывает, что колдуньи и колдовство существуют» [1, Р. 56]. По его мнению, библейские сюжеты являются сильным аргументом в пользу существования колдовства. Собеседник Эпистемона настроен скептически: опередив товарища, Филоматес приводит пример Аэндорской волшебницы, героини из Ветхого Завета (I книга Царств), и называет это доказательство с помощью библейских сюжетов малоубедительным. Следует отметить: названный сюжет активно использовался в качестве довода многими сторонниками веры в магию, поэтому он приобрел статус банальной иллюстрации-пояснения. Мы помним, как поступил Бог с обратившимся к волшебнице Саулом: он отступил от царя и передал власть Давиду. Англиканская церковь рассматривала образ Аэндорской волшебницы как женщины, имеющей домашнего духа и особые связи с ним — личным демоном. Такое толкование сформировалось благодаря канонам новомодных интерпретаций колдуний и магии, хотя первоначально образ имел несколько другие характеристики: Аэндорская волшебница в Ветхом Завете именуется «пифией» — прорицательницей, вдохновленной духом Пифона [4, С. 43–44].

Теперь стоит остановиться на рассмотрении действий, совершенных волшебницей по просьбе Саула. Яков приводит в тексте аргументы против веры в способности прорицательницы, их озвучивает Филоматес — олицетворение всех противников демонологии: «Саул, будучи беспокойным душой и долгое время голодающим, придя к женщине, которая, как повелось, обладала даром видения важных сведений, чувствовал, что его совесть запятнана гнусными пороками, и особенно, этим преступным любопытством». Волшебница резкими выходками поразила царя, разоблачила его, маскирующегося, и тем самым про-

извела на Саула неизгладимое впечатление. В результате, он, находясь в другой комнате, поверил во все «чудеса», совершенные ею. Филоматес не верит, что явился дух Самуила или Дьявол в его облике. «Бог не позволил бы Дьяволу принять облик какого-либо святого... Пророчества могут быть лишь божественными, а Дьявол не обладает их знанием» [1, Р. 56–57].

Чтобы сформулировать аргументы для обоснования любой небылицы, необходимо лишь подстроить здравый смысл под свои желания и собственную субъективность. Так поступил и Яков. В момент написания трактата король был слепо уверен в правоте сторонников демонологии, поэтому, приведя не самые выигрышные доводы скептиков, он без труда подбирает нужные сюжеты, а Эпистемон, в свою очередь, опровергает пассаж Филоматеса.

Яков заявляет, что маловерие исходит из незнания и поверхностного знакомства с текстом Священного Писания. «Если бы Вы отнеслись внимательнее к рассмотрению текста, то Вам стало бы ясно, что Саул видел того призрака и не мог быть в другой комнате, чертя круги и читая заклинания, ведь это мастерство ни для кого не было допустимо в те времена... Вовсе не требуется настаивать на том, что предстал тогда именно дух Самуила, ведь в том уверены все праведники, а сомневаются лишь невежды, некроманты и колдуньи. А что Дьяволу дозволено принимать облик святых, растолковано в Писании, где сказано, что Сатана может оборотиться в ангела света» [1, Р. 57]. Дьявол, по приведенным в «Демонологии» утверждениям, способен пророчествовать, но его умение не подкреплено помощью всевышнего Творца, поэтому волшебница и не предсказала трагические последствия порочных действий Саула. Сатане открыто лишь предречение будущего, основанного на прошлом и жизненном опыте, с опорой на естественный ход вещей, Бог закрыл перед Дьяволом многие возможности.

Подводя итог рассуждению о существующей в нашем мире магии, Яков озвучивает следующую мысль: Божьи законы не стали бы препятствовать тому, чего не существует в реальности. Долгий список из подходящих сюжетов автор мог бы составить, «но это бесчисленное множество было бы утомительно озвучивать» [1, Р. 58]. Яков ставит акцент на том, что сила дьявола вовсе не является безграничной, ее рамки были определены до сотворения мира. Более того, дьявол некоторым образом поддается контролю хозяина (мага, некроманта), иначе он действительно имел бы способность сокрушить всех и вся.

Интересен следующий момент: король находит нежелание признаваться в «содеянном» до применения пыток явным доказательством

вины. Это оправдание действий инквизиторов было весьма распространенным — Яков далеко не единственный был уверен в правильности использования насильственных методов. Яков отмечает: «...ни в коем случае не должны свершаться вновь некогда произошедшие ненавистные преступления». К таким преступлениям шотландский король относит магию в качестве главного, которое, по его мнению, сопровождается ужасными грехами «убийства, инцеста, содомии, отравления и фальшивомонетчества» [5, Р. 109]. Тем временем притворщики и им подобные, по мнению короля, выдают себя при первой же возможности признаться: они громко кричат, превращая все действие в спектакль. Однако, насколько известно ученым в настоящий момент, таких людей наказывали столь же рьяно, как и их более стойких товарищей.

В заключение Яков поддерживает факт существования ведьм множеством случаев их дьявольских происков. Вред, наносимый людям и окружающему миру, — доступный человеческому зрению результат злодейского колдовства. Настоящий аргумент основан на повседневном опыте и является субъективной интерпретацией происходящего, в чем может быть уличен каждый демонолог. Исключением не стал и Яков.

Исходя из собственного впечатления от прочтения исследуемого трактата, можно заключить, что для Якова Стюарта было крайне важно открыть народу глаза и во всеуслышание заявить, что колдуньи, некроманты, духи существуют — с ними необходимо бороться, не щадя их плоти и собственных сил. По его мнению, они представляют реальную опасность для родной Якову Шотландии, и именно эта мысль, в которой он в тот момент был непоколебимо уверен, побудила короля к публикации трактата.

Вера в магию и дьявольские происки тесно связана с религиозным мировоззрением. Чтобы окончательно выявить концептуальные представления короля о ведовстве, необходимо выяснить, как сформировались религиозные взгляды Якова Стюарта.

Король, увлекаясь разного рода науками и знаниями, не обходил стороной и богословские штудии. В трактате «Базиликон Дорон» (1598 г.), освещающем различные стороны шотландской повседневности XVI в., король также затрагивает проблему взаимоотношений между монархом и церковью. «Церковь должна находиться вне политического влияния, а также — под королевским контролем» [5, Р. 109]. Однако, эти утверждения напрямую сталкивались с убеждениями своенравной шотландской знати и амбициозной пресвитерианской церкви, из которых ни те, ни другие не предполагали отказа от своего политического веса. Нобилитету Яков дает следующие определения: «безответствен-

ные, высокомерные, самовлюбленные, мнящие себя таковыми из-за их знатности и силы». У молодого короля были причины не жаловать и шотландских кальвинистов. Именно они стали инициаторами изгнания любимого Яковом Эсме Стюарта. Помимо прочего, интересен следующий случай: однажды «один пуританский священник взял его (Якова) за рукав и, публично обращаясь к нему, назвал его «неразумным вассалом Божиим» [6, С. 15]. В некоторой степени фамильярное обращение не могло прийти самолюбивому королю по вкусу.

Яков не принимал чересчур «вольнодумной» идеологии шотландских пресвитериан и английских пуритан. «При Якове I праведность монарха подверглась еще большей критике, поскольку этому королю явно не удалось возглавить европейских протестантов в час испытаний. Но люди могли быть по крайней мере уверены в протестантизме Якова: он осудил папу как антихриста» [2, С. 68]. Как мы можем заметить, утверждение о приверженности Якова католической вере было бы абсолютно неверным суждением. Король, только вступивший на английский престол, на мировой политической арене расценивался как лидер протестантской Европы, наследник Елизаветы. Протестанты возлагали на него надежды. Однако, для нас важно проследить, что явилось причинами неприятия королем идеологии радикальных протестантов.

В качестве поясняющего мотивы Якова примера можно привести следующую иллюстрацию: пресвитериане допускали вольное просторечное произнесение общих молитв, а приоритет в проповедовании и объяснениях религиозных доктрин отдавался трактатам и брошюрам, предоставляющим упрощенное изложение Евхаристии [7, Р. 203]. Эти меры, как полагали радикальные протестанты, позволили бы простолюдинам непосредственно знакомиться с библейскими сюжетами. Известно, что ересь рождается из «неправильного» толкования текста Священного Писания. Протестанты боролись за правую, как они полагали, миссию — сделать Библию доступной широкому кругу читателей, не обладающих знанием латинского языка. Они издали перевод — так называемую Женевскую Библию. Только впоследствии эта «свобода» в самостоятельной интерпретации, которую европейский человек обрел благодаря протестантам, показала и свою темную сторону. Новая Библия вызвала недоверие у короля. По словам Якова, некоторые из женевских «примечаний на полях» являются «очень пристрастными, неверными, мятежными и содержащими привкус слишком опасных и предательских смыслов», как доктринально, так и политически нездоровых» [2, С. 83].

Из вышеупомянутых моментов, подобных которым имеется огромное множество, четко прослеживается позиция короля, характеризующаяся крайне отрицательным отношением к любым попыткам воспрепятствовать королевской воле. Яков «был склонен оскорблять тех, которые не соглашались смотреть на вещи так, как смотрел на них он сам» [6, С. 15].

В связи с этим, следует попытаться дать оценку действиям Якова. Брать на себя роль «отца народа» и покровителя — самоочевидная обязанность любого монарха. Однако каждый из них исполняет эту роль по-своему. Яков Стюарт в контексте этого обязательства явился государем, отличным от остальных. Одним из проявлений заботы о народе стала до того момента небывалая практика написания трактата на столь спорную тему, вызывающую общественный резонанс. Один лишь факт того, что Яков осмелился опубликовать подобный труд, говорит не только об уверенности в своей правоте, отраженной в сочинении, но и о понимании необходимости осуществления задуманных планов. С этого момента мы задаемся вопросом: в чем состояла эта необходимость? Над всеми объяснениями довлеет следующее наблюдение: Яков во всем был прогиворечив. Опуская уже отмеченные в работе тезисы о несколько самолюбивом нраве Якова и его желании отстаивать личные взгляды, хочется обратить внимание читателя на взаимоотношения короля с народом. Яков Стюарт был требователен к окружающим, он не любил женщин, критиковал подчиненных, поэтому для нас вовсе не станет сюрпризом его отношение к простолюдинам-невеждам. Но в то же время король очень хорошо обращался со своей женой, а подчиненных делал фаворитами. Яков любил и народ, за судьбу которого был ответственен. Используя великое оружие — слово, Джеймс Стюарт, пусть и заблуждающийся в своих суждениях, напрямую обратился к соотечественникам, пожелав осветить их дорогу своей мудростью. Вероятно, именно желание оградить подданных от зла стало мотивом, подтолкнувшим к написанию трактата.

Подводя читателя к финалу, необходимо справедливости ради добавить: Яков Стюарт вовсе не был беспощадным. Нам известно, что после 1603 г. его позиция относительно ведовства начали приобретать оттенок здравого смысла. Король обладал тонкой натурой и чувствительной душой. Ярko проиллюстрирует это отношение Якова к своей семье, главное место в которой занимала королева Анна. Он несомненно ее любил, и в 1603 г., направляясь в Англию, король обратился к жене с трогательными словами. Именно этой фразой хочется завершить

повествование: «Молю Бога, душа моя, сохранить Вас и наших с Вами детей, и снизойдет воля Христа встретиться всем нам в жизнерадостном пребывании» [8, Р. 34].

Список источников и использованной литературы

1. The Demonology of King James I: Includes the Original Text of Daemonologie and News from Scotland/ ed. by Donald Tyson. Woodbury, Minnesota, 2011. 329 p.
2. *Кристофер Хилл*. Английская Библия и революция XVII века / Пер. с англ. Т. Павловой. М., 1998. 490 с.
3. *Паиковский В. Э.* Психические расстройства с религиозно-мистическими переживаниями. СПб., 2006. 144 с.
4. *Роббинс Р. Х.* Энциклопедия колдовства и демонологии/ Пер. с англ. Т. М. Колядич, Ф. С. Капицы. М., 2001. 560 с.
5. *Peter Somerset Fry, Rosalind Mitchison.* A History of Scotland. New York: Taylor & Francis e-Library, 2005. 367 p.
6. *Гардинер С. Р.* Пуритане и Стюарты. 1603–1660 гг./ Пер. с англ. и предисл. А. В. Каменского. М., 2008. 192 с.
7. *Jane E. A. Dawson.* Scotland Re-formed (1488–1587) / edited by Roger Mason. Edinburgh, 2007. 382 p.
8. *Pauline Croft.* King James. Great Britain, 2003. 223 p.

Хазова М. П.

*Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

КОСМОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ ШАРТРСКОЙ ШКОЛЫ

Средние века традиционно многими поколениями исследователей противопоставлялись пришедшей им на смену эпохе Возрождения, однако и в более чем тысячелетнем средневековом периоде историками выделялся ряд «ренессансов» — каролингский, оттоновский, вестготский, «двенадцатого века», тесно связанный с деятельностью круга ученых Шартрской школы.

Надо понимать, что такое обилие «возрождений», разбивающее период, и, по сути, почти не оставляющее места для собственно Средневековья, во многом условно. Точно так же не вполне точно применять термин «школы» к сообществу во многом различных в своих взглядах интеллектуалов, сложившемуся при кафедральном соборе Шартра. В числе членов сообщества принято выделять следующих мыслителей: Гильома Коншского, Теодориха, Бернарда и Иво Шартрских, Бернарда Сильвестра, Кларембальда Аррасского, Гильберта Порретанского. Несомненно, влияние «шартрцев» на выдающихся интеллектуалов, живших на поколение позже — Алана Лилльского и Иоанна Солсберийского. Объединяло всех этих разбросанных по разным городам и странам людей вовсе не институциональное единство, далеко не все из них состояли в приятельских отношениях или даже были знакомы. Но основным фактором, связывающим их, была любовь к античным текстам. Поэтому в данной работе термин «школа» будет употребляться в максимально обобщенном смысле. Несмотря на принятие условности историографических терминов «Ренессанс XII века» и «Шартрская школа», невозможно отрицать факта того, что именно в этой среде в XII в. сложился определенный круг идей, образ мысли, оказавший сильное влияние на интеллектуальную жизнь Европы высокого и позднего Средневековья.

Уникальность идей интеллектуалов из Шартра заключается в синтезе античных представлений о возникновении мира и космоса

с традиционно христианской историей творения, изложенной в Книге Бытия. Мифологические образы органично вплетаются в библейский сюжет особенно в «Космографии» Бернарда Сильвестра. При этом, как у Бернарда, так и у других авторов, античные образы воспринимаются метафорически. Да и сам текст Библии интеллектуалы Шартра, в особенности Гильом Коншский, предлагают понимать как метафору, под которой скрывается, в частности в рассказе о шести днях творения, сугубо физический, материальный смысл, доступный эмпирическому познанию. Новаторство шартрских философов еще и в том, что они первыми вновь обратили пристальный взгляд на философию Платона. Так, отсылки к диалогу «Тимей», посвященному сотворению мира, явственны у Теодориха и в особенности — у Гильома и Бернарда Сильвестра. Свои идеи интеллектуалы в равной степени черпают как из христианских источников, так и из языческих трудов, соединяя в своих сочинениях античные мифологемы, богословские традиции и нацеленность на рациональное объяснение и опытное познание. Этот синкретизм представляет большой интерес; основными темами, затронутыми мыслителями Шартрской школы, становится космогонический процесс и сотворение человека — микрокосма. Эти два ключевых сюжета будут рассмотрены далее.

В качестве источников выступают три текста XII в.: комментарий на первую главу Книги Бытия «Трактат о шести днях творения» Теодориха Шартрского; труд, представляющий собой свод знаний о мире и природе «Философия» Гильома Коншского и поэтико-прозаическая поэма Бернарда Сильвестра «Космография», где в аллегорической форме раскрывается вся история сотворения мира. В каждом из текстов ключевым вопросом становится механика творения, но при этом не стоит видеть в тех, кто называет себя физиками, борцов против традиционной экзегезы, противопоставляющих разум — вере. «Если кто со вниманием рассмотрит устройство мира, он узнает, что действующая причина — Бог, формальная — Премудрость Божья...» — писал Теодорих [1, С. 327].

Дата рождения Теодориха точно неизвестна; будучи родом из Бретани, он получил образование в Париже, где и начал преподавательскую деятельность. Литературное наследие его не велико в сравнении с тем, что оставили другие шартрцы, но, тем не менее, основное произведение — Шестоднев — предоставляет широкое поле для исследования. Трактат, написанный после 1048 г. (либо в 1030–1040 гг.), является плодом долгих трудов Теодориха. Натурфилософия Платона оказали на сочинение Тьеры не меньшее влияние, чем святоотеческая традиция

толкования Шестоднева, вполне живая и в его время. Сочинение призвано к тому, чтобы «буквально и согласно физике» прокомментировать текст книги Бытия. Впрочем, сочинение Теодориха представляет собой куда более значительное по объему и глубине идей произведение, чем просто сумма глосс.

Гильом из Конша, сверстник Теодориха (ок. 1080—ок.1154) был родом из Нормандии, обучался в Париже искусствам Квадриума и Тривиума. Его известнейший ученик, Иоанн Солсберийский называл своего учителя «Первым после Бернарда Шартрского знатоком наук».

Сочинение «Философия», написанное Гильомом ок. 1130 г. и содержащее немало выпадов против традиционалистов, излагает сначала диалектику божественных начал, затем космологические и астрономические сведения, говорит о метеорологии и географии, потом обращается к анатомии живых существ, рассказывает о человеческом теле, мозге и мыслительной деятельности, возвращаясь, таким образом, к познавательной способности.

Бернард из Тура получил свое прозвище Сильвестр, возможно, из-за того, что *Silva* — материя — является важнейшим действующим лицом, вокруг которого строится сюжет написанной прозиметром поэмы. О биографии автора известно еще меньше, чем о Теодорихе, которому Космография посвящена. Единственным достоверным фактом можно считать лишь место рождения Бернарда — город Тур. Осложняется изучение его биографии еще и тем, что долгое время его фигуру отождествляли с фигурой Бернарда Шартрского.

Наиболее значительное сочинение Бернарда — «Космография». Поэма носит во многом дидактический характер и содержит огромное количество аллегорий, в основном, вызванных к жизни влиянием платоновских идей, главным образом из диалога «Тимей».

* * *

Космогония сама по себе невозможна у шартрцев без Божественного замысла, в своих трудах они уделяли особое внимание созданию Вселенной [2, Р. 24]. Следуя святоотеческой традиции, шартрцы используют термин «*artifex*», тождественный греческому «*δημιουργός*» и русским — творец, создатель, зиждитель.

Отцам свойственно считать в первую очередь Творцом Сына. Шартрская школа дает иную трактовку разделения функций Троицы. Гильом делает акцент на чувственных аспектах, присущих каждому из лиц Троицы. Согласно его «Философии», Отец есть могущество, Сын — мудрость, и Святой Дух — благодать [3, II:8]. Теодорих наделяет

каждую из божественных ипостасей каузальностью: Отец является действующей причиной (*causa efficiens*), Сын, тождественный Логосу, — формальной (*causa formalis*), и Святой Дух представляет собой *virtus artifex* — силу творящую, согласно Книге Бытия (1:2) — «И Дух Божий носился над водою». Вместе с тем — Святой Дух у Теодориха — причина целевая (*causa finalis*). Он тождественен платоновской Мировой Душе — *Anima Mundi*, оживляющей весь тварный мир. Гильом же призывает разделять Святой Дух и Мировую Душу.

В «Космографии» Творец выступает персонажем на первый взгляд пассивным, к нему редко напрямую обращаются другие герои, а деятельными участниками космогонического процесса являются и вовсе мифические существа — Нус — Разум (греч. νοῦς), Фюсис с ее двумя дочерьми — Теорией и Практикой, Урания — богиня звезд [4, Р. 5]. Тем не менее все эти сущности боговдохновенны и действуют по Высшему замыслу, являясь персонификациями функций Бога-Творца. Особая роль в Космографии отведена Нус, Разуму Бога, отражению абсолютной идеи творения. В этом смысле Нус Бернарда Сильвестра, женская сущность, на что указывает ее имя, заимствованное из греческого, практически тождественна *virtus artifex*. Во всей драматично разворачивающейся истории создания мира несложно заметить прямые отсылки к «Тимею», ставшему парадигмой для шартрцев [1, С. 320–325].

Несмотря на различия в трактовке образа Демиурга, общим для Теодориха, Гильома и Бернарда остается то, что Бог как Творец выступает безначальным началом всего сущего и он немислим без объекта творения — мира.

Мир (*Mundus*) у шартрцев с одной стороны — Вселенная, *Megacosmus*. И именно она творится из царившего до этого хаоса, в котором пребывала первоматерия — *Silva* (*Hyle*). Постепенно, по мере формирования Вселенной из четырех основных элементов, возникает Земля со всеми населяющими ее созданиями, появляется тварный мир. Земля как ойкумена и весь космос в целом тождественны друг другу; для средневекового сознания Вселенная — не пространство, вмещающее в себя небесные тела, она действительно населена. Кроме этого, космос в текстах шартрских философов — живое, действующее, разумное и одухотворенное существо, в особенности — в «Космографии». Это представление явно заимствовано из Тимея: «следует признать, что наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения».

Многообразный мир возникает и формируется на основе четырех первоначальных элементов — огня, воды, воздуха и земли¹. Эти самые четыре элемента, согласно Теодориху, суть четвертая, материальная, причина сотворения мира. В Книге Бытия нет прямых указаний на то, что именно эти четыре составляющих в первую очередь «сотворил Бог из ничего», тем самым понятие сотворения мира из первооснов у Теодориха выходит за пределы ортодоксально христианских трактовок.

Писание не говорит и о том, что было до сотворения. С логической точки зрения об этом и нельзя сказать, ведь нельзя помыслить того, чего нет. Античный миф, с которым в некотором роде соотносится Шестоднев, говорит о животворном хаосе, в котором и произошло зарождение мира. В Шестодневе Теодориха мы читаем: «Поскольку всякое упорядочивание прилагается к неупорядоченным вещам, надлежит, чтобы нечто неупорядоченное предшествовало порядку, который затем был придан этому неупорядоченному по Премудрости <Творца>» [1, С. 327]. В этих строках мыслитель намекает на предшествовавший Творению хаос, а сам процесс создания мира воспринимается как упорядочивание, в первую очередь — четырех основ, обретающих собственное место. Этот самый хаос, *hyle*, несмотря на его дисгармонию, в некотором роде можно понимать как один из модусов Бога, так как именно в хаосе вместилище четырех оснований, материальной причины сотворения мира [5, Р. 36–42]. Хотя конечно не стоит забывать, что даже у Бернарда Сильвестра, дальше всех ушедшего от традиций христианства, Природа не самостоятельный творец, она всегда действует в союзе с Нус — эманией Бога.

Еще сильнее развивает идею о «предлежащей материи» Бернард Сильвестр, делая ее помощницей Создателя. Первоматерия, *Silva*, ставшая источником возникновения всего живого под воздействием Провиденции, описывается у него как «*dissona massa, vertigine circumferri est*», «*informe chaos*». Но хаос этот весьма необычен. Несмотря на бурление Сильвы, «не согласной самой с собою», в ней уже присутствуют зачатки вещей, какое-то потомство (*prole*), порожденное ею в вечном мраке. Уже существует, как бы до собственного сотворения,

¹ Сама идея о четырех первоосновах широко распространена в античной натурфилософии. В тексты первой половины XII века она попадает все из того же «Тимея» Платона: «...бог, приступая к составлению тела Вселенной, сотворил его из огня и земли. Однако два члена сами по себе не могут быть хорошо сопряжены без третьего, ибо необходимо, чтобы между одним и другим родилась некая объединяющая их связь. <...> бог поместил между огнем и землей воду и воздух, после чего установил между ними возможно более точные соотношения, дабы воздух относился к воде, как огонь к воздуху, и вода относилась к земле, как воздух к воде».

и «Мир-младенец» (*infantia Mundi*), вопиющий о прекращении беспорядка, преображении и украшении [5, Р. 72–75].

Можно предположить, что в образе этого «младенца» воплощен еще не реализованный замысел Создателя. Значит, для Бернарда само сотворение представляется не столько актом создания некоего объекта там, где ничего не было, сколько процессом упорядочивания, создания гармонии. В то же время здесь нетрудно увидеть очередную отсылку к Платону: в диалоге с Сократом Тимей говорит, что для создания чего бы то ни было демиургу необходимо иметь перед собой некий не возникший, вечный образ. Вероятно, таким предвечным образом и является *infantia Mundi*.

Хаотичность для Бернарда Сильвестра — свойство лишь одной первоматерии, которая, будучи грубой, и враждебной массой едва ли не вступает в конфликт с самим Божественным замыслом [4, Р. 98]. Согласно Бернарду выходит, что весь тварный мир априори в какой-то степени наделен злобой, противоречием. В то же время, не стоит забывать, что вместе с этим материя в «Космографии» выступает помощником и необходимым материалом творения [5, Р. 29–31].

Гильом Коншский, напротив, отрицает дотварный хаос, ведь в нем нет закономерности, а закон, т. е. замысел Божий, был всегда [3, XI:36–40]. Об элементах же он говорит следующее: «Итак, элементы суть простые и мельчайшие частицы: та, что холодна и суха, есть земля, холодная и влажная — вода, горячая и влажная — воздух, горячая и сухая — огонь. Поскольку четыре видимых состоят из них, то, в чем преобладают холодные и сухие частицы, по имени элемента называется землей, где холодные и влажные — водой, а где горячие и сухие — огнем» [3, VII:22]. Четырехчастную систему мироустройства Гильом накладывает не только на природные явления, соотнося времена года с теми или иными элементами, но и на все живое; так, согласно его Философии, в каждом живом существе преобладает тот или иной элемент (а вернее — сок, образованный от него), от этого, в свою очередь, зависят свойства всякого существа [3, XIII:42].

И Шестоднев, и Философия, и поэтический текст Космографии подробно говорят о том, как именно все многообразие тварного мира обрело форму и сущность из четырех первоэлементов.

Согласно Теодориху, огонь освещает воздух, через свечение которого нагревается и начинает обращаться в пар вода, освобождая участки суши, т. е. земли. (Воздух или эфир выполняет роль посредника для взаимодействия высшего элемента — огня — со всеми остальными.) Так, часть воды испарилась в небеса в виде пара, «несомненно достигнув

сферы луны», а часть осталась на обнажившейся суше [1, С. 329]. Воздух, оказавшийся зажатый между этими водами, Тьери называет «тврьдью», имея в виду следующее место из писания: «И поместил тврьдь между водами» (Быт. 1:6)¹. Объясняет «физик» это следующим образом: «...воздух как бы тврьдо держит верхние воды, содержит в себе нижние и надежно отделяет их друг от друга», а также «удерживает землю в ее пределах, способствуя ее отвердению» [1, С. 329–330]. В этой трактовке сущности и функций элементов Теодорих не оригинален, в том же порядке элементы распределял и Бернард Сильвестр.

Гильом Коншский, чье стремление к рациональному богословию ничуть не меньше, несколько иначе говорит о распределении элементов. До сотворения элементы находились в смешении, по воле Божьей же были разъединены, но могут соединяться в разных комбинациях, создавая разные объекты материального мира. Двумя основными элементами он считает огонь и землю: первый активен, вторая пассивна; посредниками между ними служат вода и воздух [1, X:35]. Располагаются все четыре основы, согласно Философии, в том же порядке, что и в Шестодневе или Космографии, кроме того автор объясняет такое размещение исходя из физических свойств элементов (главным образом тяжести и плотности).

Несмотря на некоторые различия, сходства в текстах всех трех рассматриваемых очевидны, и они не случайны: всем им был знаком «Комментарий на Сон Сципиона» Макробия, и идея о расположении элементов была воспринята от него.

Наиболее явственно эмпиризм философов-шартрцев проявляется в их объяснении функционирования законов природы. Здесь они становятся в большей степени физиками, чем богословами. Законы, по которым живет мир, гармоничны и прекрасны, а потому служат миру украшением. Это самое украшение (*exornatio, ornatus*) есть итог многочисленных действий Натуры, осуществленных в мире за счет различных органических связей. Вспомним «Космографию» Бернарда Сильвестра — именно об этом вопиет Мир-младенец. Мольбы его услышаны: у Бернарда процесс украшения мира расписан более подробно, так как является одним из ключевых моментов всей сюжетной линии поэмы. Показать превращение «бесформенной массы» в гармоничную материю для Бернарда куда важнее, чем для Тьери и Гильома, затрагивающих эту тему лишь по касательной. В «Космографии» упорядочивание и украшение мира связано с деятельностью Нус. Являясь

¹ В синодальном переводе: «да будет тврьдь меж водами, и да отделит она воду от воды».

эманацией Божьего Разума, она создает Мировую Душу и Энтелехию, собственные эманации, которые, руководствуясь правилами Урании, творят небо, от которого происходят звезды, а от них — земля. Далее описывается устройство земли, приводится список известных Бернарду растений, животных, гор и рек. Космос, вместивший в себя мир, над которым носятся бесчисленные духи (ангелы и мифологические существа, покровительствующие природным силам), предстает по завершении творения, совечным Создателю, ведь причины создания мира — божественны, а значит, вечны.

Более прозаично, эмпирически, говорит о начале упорядочивания Гильом: «вода поднималась до высшей части воздуха, воздух был плотный и таков же был огонь, в этой толще присутствовали частицы земной и водянистой субстанции, которая из огненного жара и уплотнившейся и затвердевшей суши сотворила видимые и светящиеся тела звезд» [3, XII:40–41].

У Теодориха же таким моментом прекращения хаоса становится зарождение «живоносного жара», и случилось это в первый день творения. Воспринятое у античных мыслителей, в частности, из трактата Цицерона «О природе богов», представление о «живоносном жаре» у Теодориха наделено космогоническим смыслом, ведь, зародившись в эфире, через влагу и ее соединение с воздухом, жар проник к земным телам, дав жизнь земнородным животным, в том числе человеку [1, С. 328]. Так, Теодорих первым вписывает человека в общий процесс создания, не отделяя его принципиально от прочих живых существ [6, Р. 363].

В целом, космологию шартрцев можно охарактеризовать как натуралистическую, и натурализм этот коренится в их интерпретации античных текстов, трансляции платоновских идей в современную им схоластическую традицию.

Вслед за античными мыслителями, шартрцы перенимают идею о том, что человек является отражением космоса — микрокосмосом. Ставшая основой средневекового аллегоризма, эта идея породила массу интерпретаций, главной целью которых было решить вопрос о соотношении и взаимодействии макро- и микрокосма [6, Р. 22–25]. Шартрцы не стали исключением. Яркий пример тому — текст Космографии, разделенный на две смысловые части — *Megacosmus* и *Microcosmus*. Человек мыслитсяатурой как венец всего уже созданного. Сотворенный тремя божествами, Нюс,атурой и Фюсис, человек предстает как логическое завершение колоссального труда по созданию мира. В нем, в соответствие с представлениями о *Homo quadratus*, «человеке

квадратном» оформленными, в первую очередь, во Сне Сципиона и без сомнения известными Бернаруду, сочетаются, так же, как и во всем мире, четыре элемента.

Интеллектуальное возрождение XII века принесло новые антропологические взгляды; Средневековье как бы заново раскрывает человека, причину его создания. По-новому неоплатоники Шартра взглянули на сынов Адама, стремясь проникнуть в замысел его сотворения и объяснить физически принципы функционирования человеческого организма. Созданный из тех же элементов, что и весь космос, человек для шартрцев — творение не только Бога, но и всей природы; изучать ее — значит изучать человека. Поэтому не чужда философской мысли шартрцев и физиологическая сторона вопроса; не даром они — физики, а потому открыто говорят как о частях, составляющих космос, так и о частях, из которых состоит человеческое тело. Последние строки Космографии рассказывают об анатомии тела, прославляя его, заканчивается же поэма гимном гениталиям, которые «непокорно сражаются со смертью, продлевая человеческий род и увековечивая его» [4, Р. 79].

Гильом раскрывает в «Философии» отношения полов. В последней книге сочинения он переходит к описанию «Земных животных», где подробно описывает, «как человек обычно зачинается, формируется, рождается, о его возрастах, членах, их функциях и полезности» [3, VII:15]. Рассказ этот предваряет собой разговор о человеческой душе, ибо тело в первую очередь подвластно изучению и исследованию. Новая жизнь, согласно Гильому, зарождается вследствие правильного смешения горячей и влажной субстанций, и это правило действует как для макро-, так и для микрокосма. Гильом, как и Теодорих, убежден, основываясь на античных медицинских теориях, что история создания должна быть истолкована буквально (*ad literam*); комбинация «жаркого» и «горячего» для него — основа жизни, потому что в ней единственно сохраняется баланс, утерянный Адамом [6, Р. 325–326].

Так, грехопадение, равно как и сотворение человека, толкуется не только в теологическом ключе, но и с точки зрения физики, и эти физические представления, заимствованные у Аристотеля — Платона и его последователей — Макробия, Марциана Капеллы, Халкидия — обогащают религиозно-философскую мысль Средних веков.

Синтез античного и христианского опыта в постижении мира и природы на заресхолостики, долгое время определявшей научную методологию средневековой Европы, открывает в сознании новый взгляд на человека как на элемент всего мироздания. Совечный в идее создания Богу, венец природы, созданный как конечный результат

космогонии из тех же четырех элементов, человек становится важным объектом изучения не только с теологической, но и с физической точки зрения. Некоторая «вседозволенность», едва ли не граничащая с фривольностью, свойственная некоторым текстам шартрцев, в первую очередь, заключительным строкам Космографии, становится не только в одном из источников средневековой куртуазности, но и создает новый космографический принцип и научный аргумент. Так, Ренессансу XII столетия не чужды представления, традиционно относимые лишь к более поздней эпохе высокого Возрождения.

Мыслителям раннего Средневековья были практически не известны тексты Платона, и шартрцы становятся одними из первых, кто возвращает его наследие как бы из небытия. Платоновская космогония накладывается на библейскую историю создания мира, не вступая с нею в конфликт, но давая возможность толковать Библию с позиций натурфилософии, *secundum physicam*, и возможность эту активно используют представители Шартрской школы, по-новому раскрывая Мир в Человеке и Человека в Мире.

Список источников и использованной литературы

1. *Теодорих*. Трактат о Шести днях творения / Пер. с лат. О. С. Воскобойникова и П. В. Соколова // Космос и Душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и Средние века (исследования и переводы) / Под ред. А. В. Серегина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 326–345.
2. *Ch. H. Haskins*. The Renaissance of Twelfth century. Cambridge, 1927. — 395 p.
3. *Гильом Кониский*. Философия / пер. с лат. О. С. Воскобойникова. (готовится к публикации).
4. *Bernardus Silvestris*. *Cosmographia*/Ed. P.Dronke, Leiden, 1978. P. 92–155.
5. *B. Stock*. *Myth and science in the Twelfth century. A study of Bernard Silvester*. Princeton, 1972. 308 p.
6. *A History of Twelfth-Century Philosophy* / ed. P. Dronke. Cambridge, 1988. 495 p.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ

Время Реставрации в Англии является уникальным временем не только для Великобритании, но и для Европейской истории в целом. Вторая половина XVII в. определяется изменениями, происходившими в мировоззренческом плане. Своеобразие этого периода обусловлено, прежде всего, переменами в английском обществе. Переход от республиканской формы правления к реставрации монархии способствовал новым изменениям во всех сферах жизни [1, С. 112].

Революция развенчивает идеалы пуританизма и в 1660 году англичане приветствуют возвращение старой англиканской церкви. Но идея свободы вероисповедания не теряла своей популярности. В религиозной сфере происходят изменения. В эпоху раннего Нового времени важность религиозной политики все больше проявляется в Европе.

Внутреннюю политику эпохи Реставрации изучали известные зарубежные и отечественные историки. Отечественная историография представлена рядом статей, монографий и диссертаций по пограничным темам. Достаточного внимания данному периоду в истории Англии попросту не уделяли. Хотя, в общих работах встречается краткое описание событий эпохи и дается оценка этому периоду. Говоря о современных работах, необходимо отметить труды Е. С. Волковой [2, С. 114]. Именно благодаря ее трудам, мы узнаем об дискуссиях, существовавших в пуританизме. Рядом статей представлены и темы, посвященные религиозному вопросу. Это и статья М. Р. Гатиной, посвященная анализу тезиса Мертон и развитию религиозных идей в контексте науки Нового времени [3, С. 40]. С. М. Морозов в своей статье рассматривает импичмент против Кларендона и его значение для жизни Англии периода Реставрации [4, С. 42].

Отношениям правительства к католикам этого же периода занимается Т. В. Мосолкина [5, С. 140]. В своей статье она рассматривает положение католиков Англии при поздних Стюартах. Используя днев-

ники современников того времени, автор пытается выяснить изменилось ли положение католиков Англии с возвращением на престол Карла II и Якова II.

Характеристика реставрационного периода содержится в трудах Н. И. Кареева. Он отмечал, что именно при Карле II Стюарте окончательно оформились партии тори и вигов. Они, по его мнению, были идентичны партиям революции, изменились лишь их наименования [6, С. 230].

Анализ социально-экономических и политических причин, которые привели к реставрации монархии Стюартов, даны в монографии Т. А. Павловой «Вторая английская республика. 1659–1660» [7, С. 109].

В советской историографии широкий спектр проблем периода Реставрации и раннего Просвещения отразился в работах Т. Л. Лабутиной. В монографии «Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов. 1660–1681 гг.» автор характеризует социально-экономическое положение в стране, раскрывает процесс формирования и парламентской борьбы партий тори и вигов и освещает их взгляды на важнейшие вопросы государственного устройства. Исследователь анализирует не только работы главных теоретиков партий, но и рассматривает также взгляды рядовых членов партий [1, С. 188].

Изучению значимых для нашего исследования проблем реставрационного периода также посвящены статьи Т. Л. Лабутиной «Идейно-политические воззрения вигов и тори в период реставрации» [8, С. 160]; «Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов. 1660–1714» [9, С. 33].

Говоря о религиозной политике предшествующей эпохи, невозможно не отметить исследования А. Ю. Серёгиной, освещающей период XVI — первой половины XVII в. Сферой ее интересов являются взаимоотношения духовной и светской властей, положения католиков [10, С. 150]

Нельзя не упомянуть так же и работы В. Н. Ерохина, он анализировал положение католиков в Англии в XVI — начале XVII века в оценке современной британской историографии [11, С. 105].

Изучением положения религиозных меньшинств во второй половине XVII в. занимались так же и зарубежные историки. Эти исследования представлены монографиями Д. Миллера и Д. Босса [12, Р. 134], а также некоторыми статьями К. Хейли [13, Р. 102]. В этих работах анализируется положение английского католического сообщества 1570–1850 гг., взаимоотношения папства и политических институтов 1660–1688 гг.

В 1970–1980 гг. историками исследовались различные аспекты истории церкви Англии. Э. Милтон исследует вопрос внутрицерковных споров о природе церкви Англии и обращает внимание на то, что огромное количество литературы по религиозному вопросу, опубликованной в 1600–1640 гг. в Англии до сих пор остается не изученным. Исследователь П. Уайт в своей работе «Предопределение, политика и полемика: конфликт и согласие в церкви Англии от Реформации до гражданской войны» [14, Р. 102] представляет пример нового понимания доктрины церкви Англии. В целом в современной британской историографии по теме изучения религиозной истории десятилетий XVII века продолжается исследовательская работа.

Возращение Карла II было встречено в Великобритании с радостью. Это не удивительно, ведь многие из католиков и пресвитериан надеялись на большие перемены, которые связывались с началом царствования нового монарха.

Хотя Карл II и взшел на престол, но тем не менее парламент по-прежнему был нацелен на всемерное ограничение прав короля. Парламент мог бы пойти на уступки, но предпочтительнее для него был путь дальнейшего раскола с христианами пуританского толка. Возможно, это нежелание искать компромисс объяснялось тем, что большинство членов парламента принадлежали к англиканской церкви.

Имя Эдварда Хайда, герцога Кларендона, ставшего лордом-канцлером и главным министром, столь же прочно и безосновательно ассоциируется с целым рядом законов, восстановивших доминирующее положение англиканской церкви и надолго поставивших пуритан, пресвитериан, анабаптистов, квакеров и всех остальных в оппозицию. Парламент признал существование религиозных организаций, стоящих вне национальной церкви, и твердо вознамерился если не искоренить их, то хотя бы серьезно осложнить их положение. Действуя таким образом, он способствовал тому, что диссентеры консолидировались как политическая сила. Этот кодекс, несомненно, был направлен на упрочение позиций англиканской церкви и ущемление религиозных меньшинств, таких как католиков и пресвитериан [15, С. 43]. «Кодекс Кларендона» должен был укрепить позиции англиканской церкви, а в результате еще резче обозначил раздел между «придворной» и «сельской» партией (тори и вигами). В 1670-х гг. страну захлестнула истерия под названием «Папистский заговор», которую никто из английских историков почему-то не окрестил кровавой, хотя в результате фальсификаций Титуса Оутса и тех, кто за ним стоял, приняли мученическую смерть множество католиков.

В 1662 г. из-за принятия кодекса Кларендона были разрушены все шансы на создание единой национальной церкви. Епископат становится руководящим лишь одним из течений, но не занимает позицию лидера общенациональной церкви [16, С. 26].

Пути официальной церкви и диссентеров разошлись. В основу развития государственной церкви были положены не национальные, а партийные принципы. Сельские джентльмены и землевладельцы должны были иметь собственную церковь и епископов, как уже имели свою милицию и мировых судей.

Кавалерский Парламент принял акт «О корпорациях» в 1661 г. Этот акт был разработан, чтобы укрепить власть Карла II и был частью политики реставрации. Закон был разработан, чтобы удалить из городских корпораций любых лиц, подозреваемых в нелояльности. Согласно этому акту назначили людей, комиссаров, которые могли бы удалить кого-либо из корпорации, если те отказались от клятвы верности. Даже сам владелец корпорации мог пройти через это, он также мог быть отстранен от должности, если комиссар считал, что он не был верен правительству. Этот закон позволил всех подозреваемых в нелояльности к новому королю, исключить и заменить на лояльных. В результате принятия этого закона, роялисты стали контролировать деятельность корпораций в городах, расширяя тем самым свое влияние по всей Англии. Закон оказался весьма эффективным законодательным актом.

В акте 1661 г. «О корпорациях» говорилось, что лица занимающие официальные должности в органах самоуправления должны были публично осудить Ковенант (это было неприемлемо для пресвитериан) и минимум раз в год принимать причастие по англиканскому обряду (на это не могли пойти католики) [17, Р. 769]. Основной целью данного акта являлось обеспечение мест в корпорациях муниципалитетов, ведь именно оттуда, в дальнейшем, направлялись в парламент представители от городов.

В эпоху гражданской войны середины XVII в. и свержения монархии акты о единообразии были отменены, но после реставрации и восстановления официальной Англиканской церкви Карл II принял очередной акт (1662), уничтоживший надежды умеренного крыла пуритан на возможную реформу богослужения [18, Р. 774]. Королевский парламент потребовал новой ординации священников, не получивших ее от епископов в период гражданской войны и республиканского правления, а также подписки о безусловном признании акта о супрематии и книги общих молитв. Акт 1662 г. открыл период «великого гонения» на пуританских священников. В день Св. Варфоломея 24 августа 1662 г.

около 2 тысяч пресвитерианских священников были лишены своих должностей. Их смещение положило начало нонконформистскому движению в Англии.

Акт 1662 г. был подкреплён рядом дополнительных статутов. В частности, в 1662 г. был принят «Акт о предотвращении опасностей, которые могут возникнуть из-за лиц, называемыми квакерами» [19, Р. 783]. Первый пункт данного закона был направлен на обоснование целесообразности его принятия. В частности, в нём указывается следующее: «В последнее время лица, называющиеся квакерами и прочие взяли и поддерживают опасные мнения и взгляды, перед законным магистратом и вопреки слову Божьему указанные лица ежедневно отказываются принимать клятву, указанные лица под предлогом религиозного культа часто собираются в больших количествах рассказывая о своих идеях, подвергая угрозе порядок. Лучше предотвратить многие происшествия и опасности, которые могут возникнуть из-за таких опасных устремлений и незаконных собраний» [19, Р. 784].

Особое внимание уделялось в пункте о клятве верности церкви. Лицо, отказавшееся давать данную клятву должно было понести соответствующее наказание. Строго в данном акте регламентировалось и проведение самих квакерских собраний, а именно определялось количество участников встречи, а также и видов наказаний за превышение численности собравшихся: «Если так называемые квакеры будут собираться числом от 5 или 16 человек под предлогом религиозного культа, признанным незаконным, тогда данная персона или персоны облагаются штрафом не более пяти фунтов, в случае доказательств вины. Если такое повторяется во второй раз, то штраф составляет не более 10 фунтов» [19, Р. 784]. Необходимо отметить, что отказ и невыплата штрафов приводила к тюремному заключению, а если правонарушение совершалось в третий раз, то в этом случае преступники лишались Английского подданства и депортировались из страны в любую колонию Англии. Таким образом, основным видом наказания становились денежные штрафы и изгнание из страны.

Актом регламентировался порядок проведения судебных заседаний в отношении квакеров: «Мировые судьи и присяжные должны иметь все полномочия, сделать сессии слушаний открытыми и общими, чтобы узнать все о каждом совершенном преступлении. Необходимо оказывать всяческое содействие сотрудникам юстиции и правопорядка» [19, Р. 785]. Данный фрагмент иллюстрирует, что заседания должны были проходить открытыми и общими. Это свидетельствует о наличии демократичности и гласности в процессе судопроизводства.

Однако это же говорит и о желании властей придать широкой огласке судебные заседания против квакеров, чтобы дискредитировать данное религиозное течение.

Целью этих статутов являлась чистка рядов духовенства от «инакомыслия». Естественно, за этими законами последовали и другие.

В акте 1664 г. «О тайных молельнях» пресекалась проповедническая деятельность священников, не принадлежащих к англиканской церкви. В частности, в статуте описываются меры, применяемые к диссидентам. За первое нарушение закона преступник облагался штрафом размером 10 фунтов, за второе мог быть заключен под стражу и выплатить штраф свыше 10 фунтов, за третье — 40 фунтов, при чем нарушитель заключался под стражу до выездного судебного слушания с участием присяжных заседателей. Более того, если уголовное обвинение было доказуемо, то преступник депортировался в одну из колоний Его Величества, а расходы, связанные с депортацией выплачивались путем продажи собственности преступника, если таковая имелась [19, Р. 780]. Стоит обозначить, что с любым владельцем корабля заключался контракт по перевозке правонарушителя, если же выплата транспортных расходов была невозможна, то преступник становился чернорабочим сроком на пять лет, пока своим трудом не компенсирует эти расходы. Возможно было отменить депортацию и заключение, для этого необходимо было заплатить 100 фунтов. В случае помещения под стражу и депортации преступника, его родственники не лишались своей собственности. Хозяин той местности, где проводилось тайное моление облагался таким же штрафом как и другие преступники, участвовавшие в молении, против него так же заводилось уголовное дело. Не признавшие акт о единообразии священники, вынуждены были соблюдать «Пятимильный акт» 1665 г., в котором указывалось, что им запрещалось приближаться «к малому или любому другому городу, где они проповедовали или жили ближе, чем на пять миль» [19, Р. 790]. В этом акте также находился пункт, согласно которому священник или учитель не должен был «совершать попыток к религиозным и политическим изменениям». Этот акт еще раз подтверждал ранее принятые статуты, закрепляя за собой невозможность неприятия клятвы верности церкви.

Особое внимание в религиозной политике этих лет уделялось клятве верности церкви и в статуте от 1672 г. «Акт о предотвращении опасностей, происходящих от папских рекузантов» [19, Р. 782]. Там говорится о том, что люди, занимающие должности государственной службы с отказом принесения клятвы верности церкви лишались своего поста. Отдельный пункт повествует нам о «лицах, проповедовавших

папскую религию», им запрещалось посещать церковные службы, а их отказ от принесения клятвы, так же, как и в случаях с квакерами, грозил штрафом в размере 500 фунтов.

Необходимо отметить, что в данном статуте появляется новый пункт, согласно которому принесение клятвы должно было сопровождаться уплатой пошлины размером 20 пенсов и получением сертификата, в котором было прописано когда и кем клятвы была принята. Сертификат заверялся подписью двух лиц, гарантировавших проведение принесения клятвы данным человеком, под присягой.

Все эти статуты были направлены против диссидентов, на всех тех, кто не поддерживал Англиканскую церковь. После принятия кодекса ее позиции укрепились. Но инакомыслие все равно не было искоренено до конца. Методы, использовавшиеся парламентом для борьбы с религиозными меньшинствами были разнообразными. Все зависело от степени нарушения статуты. Широко применялась система штрафов, отличающаяся по своим размерам. За повторные правонарушения некоторых законов применялась депортация из страны. Все эти методы являлись свидетельством того, что парламент всеми силами пытался упрочить положение церкви Англии, уничтожив всевозможные религиозные течения, ей противоречащие.

Список источников и использованной литературы

1. *Лабутина Т. Л.* Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660–1681 гг. М.: Наука, 1982. 202 с.
2. *Волкова Е. С.* Идеиные дискуссии в пуританизме Новой Англии в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: дис. ... к.и.н: защищена 15.11. 2013. МГУ им. М. В Ломоносова. М., 2013. — 219 с.
3. *Гатина М. Р.* Религия и возникновение науки в Англии XVII века // Вестник Саратовского государственного технического университета. № 1. Т. 2. 2010. — 226 с.
4. *Морозов С. М.* Импичмент против Кларендона и его значение для политической жизни Англии периода Реставрации // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2013. № 4. — 43 с.
5. *Мосолкина Т. В.* Отношение к католикам в Англии в период Реставрации // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2013. № 3. — 150 с.
6. *Кареев Н. И.* Две английские революции XVII века. Спб., 1924. — 271 с.
7. *Павлова Т. А.* Вторая английская республика 1659–1660. М., 1974. С. 210; *Павлова Т. А., Чибисенкова В. С.* Общество друзей // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 100–110.
8. *Лабутина Т. Л.* Идеино-политические воззрения вигов и тори в период реставрации // Проблемы британской истории. М., 1978. С. 159–168.

9. *Лабутина Т. Л.* Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов. 1660–1714 // Религиозная политика в Европе в XVI–XX вв. Смоленск, 1998. С. 33–34.
10. *Серегина А. Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII вв. СПб., 2006. 170 с.
11. *Ерохин В. Н.* Становление англиканской церкви в XVI — первые десятилетия VII века в освещении современной британской историографии. Нижневартовск.: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 110 с.
12. *Bossey J.* The English Catholic Community, 1570–1850. L., 1975.
13. *Haley K.* No Popery in the Reign of Charles II // Britain and the Netherlands. The Hague, 1975. Vol. 5. P. 102–119.
14. *White P.* Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. Cambridge, 1992.
15. *Штокмар В. В.* Пуритане и церковная политика английской монархии в конце XVI — нач. XVII вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. Л., 1974. С. 42–47.
16. Черчилль, Уинстон Спенсер. Британия в новое время. XVI–XVII века. Смоленск: Русич, 2005. С. 26.
17. The Corporation Act of 1661 is an Act of the Parliament of England // Statutes of the Realm. 1628–1680. L., 1819. V. 5. P. 769–770.
18. An Act for the Uniformity // Statutes of the Realm. 1628–1680. L., 1819. V. 5. P. 773–775.
19. An Act for preventing Dangers which may happen from quakers // Statutes of the Realm. 1628–1680. L., 1819. V. 5. P. 782–785.

АННОТАЦИИ SUMMARIES

ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ — ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

АЛЕКСАНДРОВА М. А. Т. Грэшем на страже финансовой репутации английских монархов в середине XVI в.

На примере деятельности Т. Грэшема по поиску займов для английской короны на антверпенской бирже в середине XVI в. в статье рассматривается проблема усвоения монархами купеческих практик, а именно, заботы о благонадежной репутации правителя, как заемщика, своевременно возвращающего долги. В статье показано, как от финансовой репутации английских монархов зависел их доступ к кредитным ресурсам.

Ключевые слова: Томас Грэшем, Англия в середине XVI в., финансовая репутация, королевские займы.

Aleksandrova M. A. Thomas Gresham and the Queen's credit in mid-XVI c. England.

The article deals with the question of rulers' adoption of merchant practices in the middle of XVI c. It focuses mainly on English financial agent Thomas Gresham's efforts to maintain the Queen's credit, or financial reputation, which implied timely paying debts. The article shows that English monarchs' access to financial resources depended on their financial reputation at that time already.

Keywords: Thomas Gresham, XVI c. England, financial reputation, royal borrowing.

АСТАХОВ М. А. Мирные договоры в истории дипломатических отношений Арагонской Короны и Гранадского эмирата во 2-й половине XIV — 1-й половине XV в.

В статье рассматриваются особенности мирных договоров (*treguas, treves*) — важнейших источников по истории дипломатических связей Арагонской Короны и Гранадского эмирата. Автор обращает особое внимание на различные противоречивые положения в текстах документов, отражавшие все сложность системы взаимоотношений между пиренейскими государствами, сложившейся в позднее Средневековье.

Ключевые слова: Арагонская Корона, Гранадский эмират, международные отношения, средневековая дипломатия.

Astakhov M. A. The truces in the history of diplomatic relations between the Crown of Aragon and the Reign of Granada in the 2nd half of XIV — the 1st half of XV centuries.

The article is concerned with the features of the truces (*treguas, treves*) — the most important sources for the study of diplomatic relationship between the Crown of Aragon and the Reign of Granada. The author dwell upon the contradictions in the

texts of documents, which reflected the complicated system of relations between the Iberian countries, developed in the late Middle Ages.

Keywords: Crown of Aragon, Reign of Granada, international relations, medieval diplomacy.

БЕЛЕНЬКИЙ С. Б. Борьба Альфонсо X Мудрого за престол Священной Римской Империи. Историографический аспект.

В статье рассматриваются исследования о борьбе Альфонсо X Мудрого за престол Священной Римской империи (1256–1273), осуществленные немецкими, английскими, испанскими и американскими историками, начиная с XVIII в. На примере историографии конкретного периода и конкретной проблемы показаны различия в подходах к интерпретации и даже датировке событий, и выявлены причины этих различий. В их числе — конкретное состояние национальных исторических школ, к которым принадлежали исследователи, господствующие в их странах национальные и культурные стереотипы, конкретные факты биографии ученых, их политические симпатии и антипатии, особенности системы образования, которое они получили, вероисповедание и некоторые другие факторы. *Ключевые слова:* историография, национальная история, Священная Римская империя, *Interregnum*, Альфонсо X, *fecho del imperio*, Королевство Кастилия и Леон.

Belenkij S. B. The struggle of Alfonso X the Learned for the throne of the Holy Roman Empire. The historiographical aspect.

In this article are studied the surveys on the struggle of Alfonso X the Learned for the imperial throne (1256–1273) written by German, English, Spanish and American specialists in the period from the XVIII century. Using an example of a concrete process and a scientific problem are shown the differences of methods and interpretations and are found out the reasons why those visions on the same question distinguish. Among these are a concrete state of national historical schools which the historians belonged to, the dominating national and cultural stereotypes in their countries, their biography, political views, education system, religion and other factors.

Keywords: historiography, national history, Holy Roman Empire, *Interregnum*, Alfonso X, *fecho del imperio*, Kingdom of Castile and Leon.

БЕЛУРУССОВА Т. Е. Внешняя политика сеньоров Монпелье в первой половине XII в.

В конце XI в. сеньоры Монпелье придерживались внешнеполитического курса, направленного на активное участие в крестовых походах. Однако после кампании 1114 г. на Балеарские острова началась переориентация внешней политики Монпелье на Пиренейское направление. В XII в. оно стало преобладающим для многих феодальных династий Южной Франции. Сеньоры Монпелье одни из первых взяли курс на сближение с королями Кастилии и итальянскими городскими коммунами.

Ключевые слова: Средневековая Франция, Монпелье, средневековый город, крестовые походы, Реконкиста.

Belorussova T. E. The foreign policy of the lords of Montpellier in the first half of the XII century.

At the end of XI century the lords of Montpellier held foreign policy, aimed at the active participation in the Crusades. However, since the participation in the campaign in 1114 to the Balearic Islands Guillem began reorienting their foreign policy to the Iberian Peninsula. In the XII century this trend became dominant for the Southern France, while the lords of Montpellier, one of the first, headed for rapprochement with the kings of Castile and Italian urban communes.

Keywords: France in the *Middle Ages*, Montpellier, medieval town, Crusades, Reconquista.

ВОЛКОВА Ю. А. Забытый вклад в развитие гуманизма: наследие Джона Фишера.

В данной статье автор рассматривает аспекты, указывающие на вклад Джона Фишера в гуманизм. Выделяются следующие составляющие: роль Джона Фишера в Кембриджском университете; сотрудничество с Эразмом Роттердамским; изучении редких в то время языков — греческого и иврита; участие в полемике с Жаком Лефевром, как одной из составляющей истории христианского гуманизма.

Ключевые слова: Джон Фишер, Эразм Роттердамский, христианский гуманизм, кабалла.

Volkova Y. A. Forgotten contribution in the development of humanism: a heritage of John Fisher.

In this article, the author considers the aspects, it indicates on the contribution in humanism by John Fisher. It is emphasized a following elements: a role of John Fisher in Cambridge University; a collaboration with Erasmus; a study of rare languages at that date — Greek and Hebrew; participation in the polemic with Jacques Lefever as one of the elements of the history of Christian humanism.

Keywords: John Fisher, Erasmus, a Christian humanism.

ГОЛОВЧЕНКО Н. В. Заморское путешествие Фридриха III Мудрого в Иерусалим.

Статья посвящена исследованию паломничества Фридриха III Мудрого в Святую Землю, характера самого путешествия и мотивов его участников. В центре внимания обзор основного источника — описания Георга Буркардта Спалатина, а также изучение родственных документов: «Расчетной книги» Ганса Хундта, письма Андреаса Слудера и «Книги пилигрима» герцога Христофора Баварского.

Ключевые слова: Германия, Саксония, Фридрих III Мудрый (1463–1525) – курфюрст, конфессиональная эпоха, немецкое паломничество в эпоху позднего Средневековья.

Golovchenko N. V. Frederick the Wise's pilgrimage to the Holy Land.

The article is devoted to the description of Frederick the Wise's pilgrimage to the Holy Land, the motives of the travelers and the underlying concept of the journey

itself. The focus is on the main primary source «Die Wallfahrt oder Meerfahrt Friedrichs des Weisen nach Jerusalem» by Georg Burkhardt Spalatin and on the related documents: Hans Hundt's «Rechnungsbuch», Andreas Sluder's letter and the «Pilgramsbuch» by the Duke Christoph von Bayern.

Keywords: Germany, Saxony, Frederick III the Wise (1463–1525) — Elector of Saxony, the Confessional era, pilgrimage in late medieval Germany.

ДАНИЛОВ И. А. Практика имянаречения у саксонской рыцарской знати в Конфессиональную эпоху (на примере родов Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг).

Статья посвящена практике имянаречения у саксонской рыцарской знати в Конфессиональную эпоху на примере «четырёх столпов» Мейсенской марки — родов Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг, которые играли ключевую роль в региональной политике. Анализ их фамильного ономастикона позволяет проследить, как формировался репертуар личных имен у этого сословия и как повлияла на него зарождающаяся протестантская традиция.

Ключевые слова: ономастика, рыцарская знать, Саксония, история Германии.

Danilov I. A. The practice of naming of the Saxon knightly nobility in the confessional era (for example, kinship Schoenberg, Shlyaynits, Byunau and Pflug).

The article is devoted to the practice of naming at the Saxon knightly nobility in the confessional era on the example of the «four pillars» of the Meissen mark — families Schoenberg, Shlyaynits, Byunau and Pflug, who played a key role in regional politics. Analysis of their family onomasticon allows us to trace how formed the repertoire of personal names from this class and how it influenced the nascent Protestant tradition.

Keywords: onomastics, knightly nobility, Saxony, History of Germany.

ДОЛЖЕНКОВ А. А. Норвежская знать и королевская власть в правление Олава Святого (1015–1029 гг.).

Статья освещает вопрос о взаимоотношении знати и королевской власти. Анализируются источники могущества знати: родовитость, харизма и богатство. Сконструированы биографии представителей знати. Исследованы методы привлечения представителей знати на королевскую службу. Сделаны выводы о причинах конфликтов представителей знати с королевской властью.

Ключевые слова: Норвегия, знать, королевская власть, Круг Земной.

Dolzhenkov A. A. The Norwegian nobility and royal power in the reign of St. Olav (1015–1029).

The article highlights the questions such as relationship of the nobility and the crown. Analyzed the sources of nobility power such as gentility, charisma and wealth. Constructed biographies of representatives the nobility. Investigated the methods of attraction of the nobility for the crown service. Made conclusions of the conflict causes of the aristocracy representatives with the crown.

Keywords: Norway, nobility, royal power, Heimskringla.

КАУНОВ Д. А. Условия и механизмы конструирования и распространения протестантской религиозной идентичности в Европе в периоды позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В данной статье при помощи методов исторической культурной географии автором осуществляется анализ условий возникновения и принципов функционирования протестантского религиозного мировоззрения в европейских регионах традиционного влияния Римско-католической церкви в позднем Средневековье и раннем Новом времени.

Ключевые слова: Реформация, протестантизм, историко-географические условия.

Kaunov D. A. Conditions and work principles of becoming and spread of Protestant religious identity in Europe in the late Middle Ages and early modern period.

In this article, using the methods of historical cultural geography, the author analyzes conditions of origin and principles of functioning of Protestant religious worldview in the European regions of traditional dominance of the Roman Catholic Church in the late Middle Ages and early modern period.

Keywords: Reformation, Protestantism, historical and geographical conditions.

КУБЬЯ Е. В. Болонский университет в конце XII — середине XIII в. по данным «CHARTULARIUM STUDIII BONONENSIS».

Объектом исследования в статье является «Chartularium studii Bononensis», который рассматривается как источник по истории университета в период с конца XII до середины XIII в. В документах, составивших картулярий, университет выступает в прочной связи с коммуной Болоньи и городом в целом. Поэтому в исследовании уделяется много внимания именно проблемам роли университета в жизни города и города в жизни университета (предоставление городом стипендий, участие профессоров в заключении различных договоров, проблема академической мобильности).

Ключевые слова: средневековый университет, студенческая жизнь, *ius commune*, городская республика, *alma mater studiorum*, Болонья.

Kubya E. V. University of Bologna at the end of XII and in the first half of the XIII century according to «CHARTULARIUM STUDIII BONONENSIS».

In this article «Chartularium studii Bononensis» is studied as a historical source of the history of the university of Bologna at the end of XII and in the first half of the XIII century. The specifics of the source lies in the fact that here the university is shown within a strong bond with the commune of Bologna and the city itself. That is why much attention in this article is paid to the role of the university in the city and the role of the city in the university (scholarships offered by the city, professors' part in the conclusion of various contracts, academic mobility).

Keywords: medieval university, student life, *ius commune*, city-republic, *alma mater studiorum*, Bologna.

ЛУРЬЕ З. А. Теренций в гуманистической традиции.

В статье рассматривается восприятие Теренция в гуманистической традиции с особенным вниманием к периоду Реформации. Один из самых выдающихся драматургов поздней античности Теренций не был забыт на протяжении Средневековья, однако и востребован весьма ограниченно. С конца XV в. все возрастающее число публикаций драматурга поставили перед многими современниками вопрос о допустимости для христианина чтения пошлых комедий. Популярности Теренция во многом способствовало распространение комментариев Элия Доната, позднеантичного ратора, на его комедии, главной идеей которых было примирение языческой и христианской дидактики. Последовательную методологию прочтения текстов Теренция развил Филипп Меланхтон, чьи взгляды сыграли принципиально важную роль в формировании положительного отношения к комедиографу.

Ключевые слова: Реформация, Филипп Меланхтон, Элий Донат, Конрад Цельтис, школьная реформа, драма, спектакль, театр.

Lurie Z. A. Terence in the humanistic tradition.

The article deals with the perception of Terence in the humanist tradition with special attention to the period of the Reformation. One of the most distinguished playwrights of late antiquity Terence was not forgotten during the Middle Age, but in the same time the demand was very limited. A growing number of publications of playwright having been started since the end of the 15th century set for many contemporaries the question of admissibility of reading such vulgar comedies for Christian. Spread of comments of Aelius Donatus, an early Christian rhetorician largely contributed to the popularity of Terence. The main idea was to reconcile pagan and Christian didactics. Consistent methodology of perception was developed by Philip Melanchthon, whose views played a crucial role in developing positive attitude toward Terence.

Keywords: Reformation, Philip Melanchthon, Aelius Donatus, Conrad Celtis, school reform, drama, play, theater.

МЕДВЕДЬ А. О. Фабиан фон Дона: Французские религиозные войны в представлении немецкого дворянина.

Доклад посвящен обзору отношений немецкой протестантской элиты и французских гугенотов во время религиозных войн во Франции через призму автобиографии Фабиана фон Доны — дипломата, военного представителя пфальцграфа Иоганна-Казимира. Особое внимание в тексте доклада уделяется описанию истории отношений между сторонами конфликта, хода боевых действий и итогах процесса коммуникации коллег по конфессии.

Ключевые слова: Религиозные войны, гугеноты, Дона, автобиография, мемуары, Священная Римская империя.

Medved' A. O. Fabian von Dohna: the French Wars of Religion in the representation of the German nobleman.

The report mainly focuses on the relationship between the German Protestant elite and the French Huguenots during the French Wars of Religion through the prism

of Fabian von Dohna's autobiography who was the palgrave Johann Casimir's diplomat and military representative. In this report the particular attention is given to the description of the history of relations between the parties of the conflict, the progress and outcome of the fighting and the results of the communication process between the denomination colleagues.

Keywords: Religious Wars, the Huguenots, Dohna, autobiography, memoirs, Holy Roman Empire.

МИГУНОВА А. В. Обретение «нового дома»: дворянская эмиграция и Тридцатилетняя война

Раннее Новое время ознаменовалось мощнейшими социальными коллизиями в истории Европы. Тридцатилетняя война бесспорно стала одной из них. Протестанские князья, сражавшиеся на стороне противников короны, подвергшиеся опале, вынуждены были искать прибежище и «новый дом» для себя, своей семьи и двора за пределами империи. В центре внимания статьи поиски этого самого «нового дома» и нелегкий путь к нему в разгар военных действий. Особая роль отводится географическим, социальным и религиозным векторам эмиграции трех протестанских семей: пфальцских Виттельсбахов, герцога Вюртембергского и маркграфа Баден-Дурлахского.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война; миграция; дворянство.

Migunova A.V. Finding of “a new home”: the emigration of the nobility and the Thirty years war.

Early modern historical period was marked by strong social conflicts in European history. The Thirty year's war become one of them undoubtedly. The Protestant princes, who fought on the side of the opponents of the crown exposed to the disgrace, were forced to seek refuge and “new house” for himself, his family and his court outside the empire. The focus of the article to the search for this “new home” and difficult way in the midst of hostilities. A special role is given to geographical, social and religious vectors of Protestant emigration of three families: the Palatinate Wittelsbach, Duke of Württemberg and the Margrave of Baden-Dorfschule.

Keywords: Thirty Years' War; migration; nobility.

СИЛИНА О. С. Конфликты между братьями ордена миноритов и духовенством Англии в XIII в.

Становление и развитие ордена миноритов в Англии происходило в условиях сложных взаимоотношений между нищенствующими монахами и местным духовенством. Королевские пожалования, щедрые пожертвования горожан, папские привилегии давали почву для возникновения конфликтов между ними. В то же время проводимая в отношении миноритов политика светской и духовной властей способствовала укреплению позиций ордена в данном регионе.

Ключевые слова: орден миноритов, Англия, приходские священники, монахи.

Silina O. S. The conflicts between the Order of Friars Minor and the clergy of England in the XIII century.

During the foundation of the Order of Friars Minor in England there were many conflicts between the friars and parish priests and monks. The Royal grants, the generous donations of citizens, papal privileges were the basis for the emergence of conflicts between them. At the same time, the policy of secular and spiritual authorities contributed to strengthening the position of the Order in England.

Keywords: the Order of Friars Minor, England, parish priest, monks.

ТЕРЕШКОВА Л. В. «Право на восстание»: дворянский мятеж как форма оппозиции королевской власти (во Франции XVII века).

В данной статье предпринята попытка проанализировать дворянские выступления во Франции в первой половине XVII века, выявить их специфику, а также причины успеха фрондирующей знати и ее конечного поражения.

Ключевые слова: Людовик XIII, провинция, фрондирующая знать, восстание.

Tereshkova L.V. "The right of insurrection": noble rebellion as a form of opposition to the monarchy (in France of the XVII century).

This article attempts to analyze the performances of the nobility in France in the first half of the XVII century to reveal their specific character as well as the reasons for the success rebellious aristocracy and its final destruction.

Keywords: Louis XIII, province, rebellious aristocracy, the rebellion

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ИДЕИ, ЦЕННОСТИ

БУРИНА О. А. Преподавание хирургии в университете Монпелье XVI века по воспоминаниям Феликса Платтера.

Рассмотрены проблемы изучения хирургии в эпоху Ренессанса на медицинском факультете в университете Монпелье по воспоминаниям Феликса Платтера. Если в эпоху Средневековья к хирургии относились посредственно, это был удел цирюльников и банщиков, а изучение медицины сводилось к цитированию античных авторитетов (Гиппократ, Аристотель, Гален), то теперь сами студенты, как и некоторые преподаватели, выступали за присвоение хирургии статуса науки.

Ключевые слова: хирургия, автобиография, Монпелье, Феликс Платтер.

Burina O.A. Surgery teaching in the University of Montpellier in XVI century by Felix Platter's memories.

This article reviews the problems of the surgery teaching in the Renaissance at the Faculty of Medicine at the University of Montpellier, according to the memories of Felix Platter. While in the Middle Ages, scientists from the universities concerned to surgery indifferent, it was the destiny of barbers and surgeons, and medical studies was reduced to quoting the ancient authorities (Hippocrates, Aristotle, Galen), but

now the students themselves, as well as some teachers, are in favor of assigning the status of science of surgery.

Keywords: surgery, autobiography, Montpellier, Felix Platter.

КРЫЛОВА Д. Д. Социальное значение феномена одержимости в Англии XVI–XVII веков.

В статье одержимость представлена как культурно-исторический феномен, отражающий эпоху позднего Средневековья. В ходе анализа дела «Ланкаширской семерки» 1597 г. определяется социальное значение явления и степень его влияния на жизнь Англии XIV–XVII вв. В частности, определяется роль одержимости в снятии социально-психологической напряженности, формировании морально-ценностных образцов поведения.

Ключевые слова: феномен одержимости, социальное значение одержимости, история Англии XIV–XVII веков.

Krylova D. D. Social significance of the phenomenon of possession in the England of the XVI–XVII centuries.

In the article, the possession is presented as a cultural-historical phenomenon, reflecting the late middle ages. In the analysis of the case “the Lancashire seven” 1597 was determined social value of the phenomenon and the extent of its impact on the life of England of XIV–XVII centuries. In particular it defines the role of possession in the removal of socio-psychological tension, the formation of moral-valuable behavior patterns.

Keyword: phenomenon of possession, social significance of possession, history of the England XIV–XVII centuries.

ЛАПШАКОВ Г. С. Политическая философия византийских гуманистов.

Приведенная статья посвящена политико-философским взглядам представителей гуманистического течения, существовавшего в Византийской империи в XIII–XV вв. Автор дает краткую характеристику явления византийского гуманизма и выделяет важнейшие политические идеи, которые высказывались его представителями.

Ключевые слова: Политическая философия, Византия, гуманизм.

Lapshakov G. S. The political philosophy of the Byzantine humanists.

This article focuses on the political views of representatives of humanism, which existed in the Byzantine Empire from the 13th to the 15th century. The author gives a brief description of the phenomenon of Byzantine humanism and highlights the most important political ideas that they had.

Keywords: Political philosophy, Byzantium, humanism.

ТЯН Е. К. «Демонология» в контексте религиозных воззрений Якова I Стюарта.

Средневековому культурному феномену «охоты на ведьм» посвящено множество трудов. Однако трактат, написанный одним из ярчайших властителей в мировой истории, известен лишь узкому кругу современных читателей.

В статье проводится анализ «Демонологии», исходя из которого автор пытается осмыслить мотивы Якова Стюарта и выявить цели, ставшие для короля отправной точкой при написании сочинения на столь резонансную тему.

Ключевые слова: Демонология, Яков I Стюарт, ведовство, колдовство, охота на ведьм в Западной Европе.

Tyan E. K. «Demonology» in the religious views of the king James I Stuart.

Such cultural medieval phenomenon as a «witch-hunt» is widely represented in various scientific works, though the treatise, which was written by one of the most outstanding rulers in the world's history, is not, unfortunately, well recognised with modern readers. In this article there is an attempt of analysing «Demonology» in the context of personal aims of the king James I in writing this discourse on a such a theme.

Keywords: Demonology, James I Stuart, witchcraft, sorcery, witch-hunt in Western Europe.

ХАЗОВА М. П. Космология и антропология в текстах Шартрской школы.

Статья посвящена рассмотрению соотношения неоплатонизма и традиционной католической экзегезы в текстах философов Шартрской школы, их идеям в отношении возникновения человека и Вселенной.

Ключевые слова: Шартрская школа, неоплатонизм, Бернард Сильвестр, Гильом Коншский, Теодорих Шартрский, космология, эмпиризм, Ренессанс XII в.

Khazova M. P. Cosmology and anthropology in Chartres School texts.

This article is about Neoplatonism and a traditional Catholic exegesis in texts written by School of Chartres philosophers.

Keywords: School of Chartres, Neoplatonism, Bernard Silvestris, William of Conches, Thierry of Chartres, cosmology, empiricism, renaissance of the XII century.

ШМЕЛЕВА О. Е. Законодательство английского парламента эпохи Реставрации по отношению к религиозным меньшинствам.

В данной статье рассматривается отношение королевской власти к религиозным меньшинствам, на основании анализа законодательных актов 1661–1672 гг.

Ключевые слова: Пятимильный акт; Акт о «Тайных молельнях» религиозная политика; Англиканская церковь, религиозные меньшинства.

Shmeleva O. E. The Legislation of the English Parliament in the Restoration in Relation to Religious Minorities.

The article presents the results of research religious minorities, on the basis of the analysis of acts of 1661–1672 is considered.

Keywords. Five-mile act (An Act for restraining Non-Conformists from inhabiting in Corporations); An Act to prevent and suppress seditious Conventicles 1664; religious politics; Church of England; religious minorities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

AUTHORS

ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ — ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Александрова Мария Александровна. Кафедра истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова/Лаборатории медиевистических исследований Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, аспирант/менеджер, alexandrova.m.a@gmail.com

Aleksandrova Maria. Department of Medieval and Early Modern History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University/Centre for Medieval Studies of the School of History of the Faculty of Humanities of the Higher School of Economics, PhD student/manager, alexandrova.m.a@gmail.com

Астахов Марат Андреевич (род. 1989). Аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: история международных отношений на Пиренейском полуострове в позднем средневековье. e-mail: marat1089@mail.ru

Astakhov Marat (b. 1989). Postgraduate student of medieval history. Department of History of the Middle Ages, Faculty of History, Moscow State University. Research interests: history of international relations in the Iberian Peninsula in the late Middle Ages. e-mail: marat1089@mail.ru

Беленький Станислав Борисович. Аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). E-mail: sbelenky.92@mail.ru

Belenkiy Stanislav. Postgraduate of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). E-mail: sbelenky.92@mail.ru

Белоруссова Татьяна Евгеньевна. Студентка 4-го курса, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. belorussovaaa@gmail.com

Belorussova Tatiana. 4th year student, Ural Federal University. belorussovaaa@gmail.com

Волкова Юлия Алексеевна. Студентка 5-го курса факультета гуманитарных наук НГПУ им. К. Минина. yulyavokova1395@mail.ru

Volkova Yulya. Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); a student of the faculty of humanities, fifth year. yulyavokova1395@mail.ru

Головченко Наталия Вячеславовна. Студентка третьего курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. blackmoriarte@gmail.com.

Golovchenko Natalia. Third-year student of Saint Petersburg State University (History Institute). blackmoriarte@gmail.com.

Данилов Игорь Алексеевич. Аспирант кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, младший научный сотрудник Отдела редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. igordanilov1990@gmail.com

Danilov Igor. Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Institute of History, Chair of medieval history, junior researcher at the Department of Rare Books Library of the Academy of Sciences. igordanilov1990@gmail.com

Долженков Александр Андреевич. Выпускник магистратуры Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2013 г. Учитель истории МАОУ СОШ № 9 г. Первоуральска. hist.dolzhenkov@gmail.com

Dolzhenkov Alexander. Graduate of magistracy Ural Federal University. hist.dolzhenkov@gmail.com

Каунов Дмитрий Александрович. Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра философии религии и религиоведения, магистрант. dkaunov93@gmail.com

Kaunov Dmitrii. Saint-Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Master's student. dkaunov93@gmail.com

Кубья Елизавета Владимировна. Магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). kubyaliza@mail.ru

Kuby Elizabeth. Undergraduate of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА). kubyaliza@mail.ru

Лурье Зинаида Андреевна. Аспирант. Кафедра истории Средних веков. Институт Истории СПбГУ. z.lurie@spbu.ru

Lurie Zinaida. PhD-student, Department of History of the Middle Ages, St. Petersburg State University, Institute of History. z.lurie@spbu.ru

Медведь Алексей Олегович. Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории. Аспирант. alexmedved1993@gmail.com

Medved Aleksey. Saint Petersburg State University, Institute of History. Postgraduate student. alexmedved1993@gmail.com

Мигунова Анастасия Викторовна. Магистр. СПбГУ. rose78561@rambler.ru
Migunova Anastasiia. Master. St. Petersburg State University. rose78561@rambler.ru

Силина Ольга Сергеевна. Аспирант кафедры всеобщей истории РГГУ,
silina.o.c@gmail.com

Silina Olga. Postgraduate student, Russian State University for the Humanities,
silina.o.c@gmail.com

Терешкова Лина Васильевна, Смоленский государственный университет,
Факультет истории и права. 2-й курс. Магистратура. lina_tereshkova@rambler.ru

Tereshkova Lina Vasil'evna, Smolensk State University, Faculty of History and Law,
2nd year Masters. lina_tereshkova@rambler.ru

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ИДЕИ, ЦЕННОСТИ

Бурина Ольга Алексеевна. Студентка 4-го курса. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». olburina@yandex.ru

Burina Olga. 4th year student. The National Research University “Higher School of Economics”. olburina@yandex.ru

Крылова Диана Дмитриевна. Аспирант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории, исторического факультета, Национального исследовательского Томского государственного университета. diana.krylova90@mail.ru

Krylova Diana. Postgraduate student of the Ancient and Medieval history and methodology of history of Historical faculty of National Research Tomsk State University. diana.krylova90@mail.ru

Лапшаков Глеб Сергеевич. Студент 2-го курса факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Palaiologos97@mail.ru

Lapshakov Gleb. Student of the 2nd course of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (SPSU). E-mail: Palaiologos97@mail.ru

Тян Екатерина Константиновна, Санкт-Петербургский государственный университет. Студент. III курс. katyatyansk@gmail.com

Tyan Ekaterina. Saint Petersburg State University. Student. Bachelor. katyatyansk@gmail.com

Хазова Мария Павловна. Школа исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. 3-й курс. khazovamasha@mail.ru

AUTHORS

Khazova Maria Pavlovna. School of History of Faculty of Humanities NRU HSE,
3rd year student. khazovamasha@mail.ru

Шмелева Оксана Евгеньевна. Аспирант Ивановского государственного уни-
верситета. shmelevaое@gmail.com

Shmeleva Oksana. Ivanovo State University, postgraduate student. shmelevaое@
gmail.com

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы XXXVI Всероссийской межвузовской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(12–14 декабря 2016 г.)

Часть II

ООО «ИД «ПРАВО»
197022, Санкт-Петербург, Большой пр. П.С., 100
тел. (812) 635-83-60

Корректор *Л. В. Орлова*
Верстка *Л. А. Шитовой*

Подписано в печать 22.11.2016
Формат 60×84/16. Печ. л. 18,00.
Тираж 120 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного составителями,
в Издательско-полиграфическом центре
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.